

Добро и
зло
зависят
от того...

Слабые

...с какой
стороны
смотреть

Annotation

История о людях, которые потеряли самих себя на тернистом пути. Сердце жестокого следопыта, чьи руки по локоть в крови, пылает ненавистью. Проклятие день ото дня терзает душу некогда отважного и решительного юноши, превращая его в послушного слугу высших сил.

Молодая колдунья, утратившая родной дом и семью, ищет способ возродить древнее королевство, но ее отчаянное стремление обмануть судьбу приводит к еще большим потерям.

Двое гордых офицеров Ферксийской империи, двое закадычных друзей становятся непримиримыми врагами из-за собственных эгоистичных желаний.

Беспринципность и пренебрежение жизнями людей и нелюдей темной мглой застилают взор ферксийского наемника. Сможет ли он сохранить рассудок и принять самого себя или навечно свяжет жизнь с идеалами империи?

Предисловие

Добрый день, уважаемые читатели. Перед вами первая попытка простого работяги написать что-то интересное. Не знаю, насколько мне удалось передать все те чувства, что меня переполняли в моменты просветления, но в эту работу я вложил частичку своей души.

Стоит сказать, что книга находится в стадии бесконечного редактирования и корректирования. У меня нет ни редактора, ни корректора, ни карманного преподавателя по русскому языку и литературе. Потасканное пособие и куча вкладок в Интернете — вот мои лучшие помощники. Поэтому я буду крайне признателен, если Ваш эльфийский взор поможет мне находить мерзкие ляпусы и логические дыры. Быть может, кто-то захочет поддержать рублем, чтобы книгу проверили специалисты (номер кошелька в профиле. До тех пор, пока моя заявка на награды рассматривается). Авось и на бумаге появится (но я считаю, что мое произведение пока этого не достойно). **ВАЖНО:** я ни к чему не призываю, не принуждаю, не потираю жадно ладошки, не вымогаю, не занимаюсь непотребством, не состою в секте свидетели иеговы, не продвигаю саентологию, не пью, не курю, не имею претензий к попаданцам и аниме. Все пожертвования на **ДОБРОВОЛЬНОЙ** основе! Самое главное — **ВАШИ** замечания, комментарии, опыт, чувства и мысли.

Ах да, чуть не забыл написать о самой книге. Большинство авторов предпочитают творить миры, где великие герои спасают королевства, влюбляются в прекрасных дам, находят новых друзей, с которыми проходят долгий и сложный путь становления...Бла-бла-бла. Не замечали, что у героев всегда все получается, а добро всегда одерживает вверх? Немного скучновато, не находите?

А как насчет того, чтобы главными героями были не безгранично преданные долгу паладины, которые скованны моральными принципами? Почему бы не увидеть настоящих мерзавцев с такими тараканами в голове, что позавидует самый буйный пациент дома для умалишенных? И что такие герои могут предложить? Книга же должна доносить правильные мысли и давать пищу для размышлений! — скажете вы.

А я отвечу: в этой небольшой книге (по сути большом прологе) начало истории о людях, мечтающих сделать мир лучше, мечтающих любить, мечтающих творить, но в один день их мечты рассыпаются. И что же побудило каждого из них пойти по дороге саморазрушения? Есть ли надежда для убийцы спасти душу или искупит ли грехи мать, бросившая ребенка на произвол судьбы из-за страха перед собственным естеством? Кто знает, кто знает...

Вам предстоит провести время с крайне неприятными людьми, которые с первого взгляда могут показаться безумцами и беспринципными негодьями. Это так. Но каждый из них скрывает нечто светлое в своих сердцах, нечто такое, чем они не готовы делиться с первым встречным. Даже с Вами.

Это история не про любовь вампиров и оборотней, не рассказ о попаданце, не про спасение мира, а о разочаровавшихся в себе людях, о внутренней борьбе и боли. Не буду лукавить: в книге есть пафос, героика, эпик, корявый язык, чрезмерное насилие и банальный (местами примитивный) сюжет, а художественная ценность работы пока под вопросом. Безусловно, герои круты, но их умения и таланты не делают их бессмертными (есть одно исключение). Предлагаю вашему вниманию первый том приключений о ненормальных отщепенцах, которые скоро соберутся «во благо» всего континента, чтобы всю «геройствовать» и творить всякую дичь.

P.S. Предисловие я написал уже после основного текста. Его никто не проверял на ошибки. Специально. Я просто хотел искреннее передать послание без всяких правок.

P.P.S. Сейчас осознал, сколько же много всего нужно будет исправить, если над книгой поработает редактор. Это ж целые куски переписывать! А может и всю книгу...

Часть I
Бойся демонов, дары
приносящих

Тысячелетия назад человечество оказалось на краю гибели. Постоянные склоки привели к расколу, многолетние войны едва не сгубили род людской, и никто не протянул руки помощи младшему народу...

Пресвятой Создатель, выглядит чересчур претенциозно. С этими книгами всегда так: завязку придумать сложнее всего. Признаю, моим трудам недостает яркого начала. Из-за этого во всех больших городах я подвергаюсь немислимым нападкам! Докучливые зануды из академий, именующие себя «учеными» и «творцами», считают меня скудоумным и лишенным воображения уличным писакой! Меня, Йона Странника, историка, который написал величайшую книгу по географии континента (безусловно, так оно и есть, а если вы так не считаете, у вас просто нет вкуса)!

А однажды прошел слушок, мол, Йон выдохся. Выдохся? Как бы не так! Эти простофили не удосужились прочесть мои недавние работы, такие как «Сто лет одиночества в эльфийском царстве», «1489» и «Пролетая над гнездом дракона» (между прочим, полет вышел не совсем удачным. Одно из моих товарищей дракон принял за обед, но я смог унести ноги. Свои, кстати, тоже). Кхе-кхе, так о чем это я? Ах да, о моем якобы творческом застое. Думается, тут дело в зависти. Ну еще бы, раз я первый человек, который не только проник в подземное королевство темных эльфов, но и умудрился не быть съеденным, повешенным и растерзанным омерзительной тварью. Стоит отдельно отметить, что я едва не оказался на жертвенном алтаре! (хотя до сих пор мороз по коже от воспоминаний о кровавом обряде. Темные те еще педанты в разрезании живых существ. Не дай Создатель жрец небрежно извлечет орган, так вся паства будет ругаться до утра!).

Собственно, такие несправедливые гонения и сальные сплетни подвигли меня написать нечто новое. Однако я столкнулся с трудностью: мне просто не о чем написать! Я исходил все страны, посетил запретные острова, видел далекие земли соседнего континента (жаль, что капитан, болван суеверный, не захотел меня туда везти), изучил древние языки и написал десятки книг о самых необыкновенных существах. Не осталось загадок и тайн, которые я еще не разгадал. Все грандиозные события... Хм-м, минуточку. А что, если поведаю вам историю, где нет ничего необычного, а герои бесконечно далеки от «героических идеалов». Как вам история про месть? Ну да, ну да, взыскательный читатель припомнит мне о ферксийских графах Немонте и Кристо, но тут все гораздо интереснее (ага, свежо предание, да верится с трудом скажут многие. Однако у меня нет причин не доверять остроухому прохоже Тилю).

Ну так вот, давайте перенесемся на некоторое время назад. Точно не знаю, когда все так закрутилось, но со слов хорошего друга Тиля головная боль для всего континента родилась еще во времена начала завоеваний Ферксийской империи. А то и раньше. М-м, как же Тиль начал рассказ? Что-то про жреца, богов и... Вспомнил! Пожалуй, так и напишу, а заодно нарисую-ка я карту. Я не Создатель есть какой художник, но моим читателям карта лишней не будет.

— *Из заметок Йона Странника.*

ILLARIA

Athos

Lycea

Loutraki

Dragon Spires

The Meuse River

Midlands

Drydof

Temple of Three Pines

Outpost on the swamp

Graveyard of ships

Tsevedes

Temple of Fervus

Foust

Last Hope

Western Ocean

Southern Border

Ledros

Eastern Forest

Eastern Ridge

The Meuse River

Lake of Sorrow

Emerald Forest

Limor House

Pollox Camps

Feretis

Zaharia

Broker's House

Elven Village

Pearl

Eric's Hideout

Abbet Village

Asha Temple

Dael Herin

Pearl Sea

Tol Kator

Paradise

The Sanctuary of Alekanon

Sentinel Line

Глава 1

«Мир — это непроходимый лес, где один охотится за головой другого, а жизнь — вечная борьба в нем. Каждый мечтает покинуть чащу, но выходит далеко не у всех».

2171 год Новой эры. Жемчужина. Нижний город.

— Славься Фервус — создатель всего сущего! Не отвергай любовь нашу, не позволяй страху покинуть души рабов твоих! Славься Крипта — владычица смерти! Обрати взор свой на грешников и отврати его от праведников! — вещал старый жрец, воздев иссохшие руки к сводам древнего храма.

— Славься! — вторила ему небольшая кучка прихожан, простых жителей бедных Кварталов, опустившись на колени. Взгляд их затуманен и прикован к седобородому старцу. Тот, стоя за деревянной кафедрой, возвышался над ними, подобно богам, которых славил.

— Славься Дорос — владыка Солнца! Не дай заблудиться нам во тьме безверия! — жрец распялся всё больше и больше, — Славься Гелия! Подари нам надежду и согрей нас любовью своею!

— Славься!

— Славься Лунорд — хранитель мудрости и знаний! Укажи нам путь истинный во мраке невежества! — кричал, почти визжал, старик, потрясая кулаками. — Славься Агрелла — воительница! Защити нас мечом своим и обагри его кровью врагов наших!

— Славься! Славься!

«Вот же мерзость».

Человек в потрепанном плаще с капюшоном прятался в тени и следил за происходящим.

«Великие боги, спасите маму, спасите папу, братьев и сестер от ферксийцев», — повторяла про себя Найя.

— Боги любят вас, — ревел жрец. Глаза старика горели от обуйшего его фанатизма. — Они слышат вас, чувствуют вашу боль и переживания, и их переполняет печаль, когда они видят ваши слезы!..

— Премудрый Лука! — Взволнованный голос прервал речь жреца. — Мы молимся, но империя не уходит.

Прихожане осуждающе посмотрели в сторону собрата. — Святотатство, — зашептали голоса в зале.

— Боги испытывают вас! — решительно ответил Лука, ударив кулаками по деревянным перилам. — Они желают убедиться в вашей преданности! Продолжайте верить, и узурпаторы будут наказаны, как и все грешники, что посмели ступить на землю Иллари. Ваши семьи спасутся! Так сказал мне Фервус, — спокойно добавил жрец.

«Снова слезы», — корила себя девушка, но не могла остановиться.

— Молитвы, — Лука не спеша спустился к своей пастве, — делают богов сильнее. Чем усерднее вы благодарите создателей, тем крепче их вера в вас!

«Великие боги! — взмолилась Найя. Она крепко сжала тонкие ладони и прикрыла блестящие от слез глаза. — Спасибо вам за ваш свет, спасибо вам за богатый урожай, спасибо вам за вашу любовь. Умоляю вас, прогоните ферксийцев из Иллари, уберегите родных!».

— Найя. — Рука Луки коснулась юного лица девушки. — Я вижу, насколько сильна твоя любовь к семье.

Найя робко подняла взгляд. Она увидела перед собой доброго старца, его окружало золотистое сияние, словно сам Фервус спустился с небес, чтобы благословить неразумную Найю. Большим пальцем жрец стер слезу со щеки девушки.

— Боги тоже это видят. — Лука улыбнулся. — Твои молитвы будут услышаны.

— Спасибо, спасибо вам! — рыдая, произнесла Найя.

Незнакомец крепко стиснул зубы, желваки на лице напряглись.

«Только тронь ее еще раз».

«Он любит нас, — радовалась Найя. — И мы не подведем его».

Девушка бережно прикоснулась к щеке. Лука одарил ее своим вниманием, и она поверила, что это знак. Знак скорых перемен.

— Стоит ли спасение близких нескольких монет? Хотите ли вы сохранить чистоту вашей души? — повторял Лука, блуждая между рядами сектантов.

Кто-то колеблется, но жрец присаживается рядом и успокаивающе произносит:

— Спасение в вере. Деньги лишь терзают душу. Не поддавайся искушению. — Лука указал на небольшой ящик

для пожертвований. — Докажи богам свою любовь.

К концу проповеди утроба железного ящика сполна насытилась монетами, камнями, украшениями, и вскоре просторный зал почти опустел. Одна Найя осталась стоять на коленях, обращаясь к великим силам. Лука подошел к девушке, накрыв ее своей тенью, и протянул руку. Найя с восторгом глядела старцу в глаза, когда он мягко обхватил ее ладонь и помог подняться. Лука продолжал по-отчески улыбаться, проводя пальцами по телу Найи. Все ниже и ниже опускалась рука, а девушка, будто одурманенная, продолжала смиренно стоять на месте. Блаженство расплылось по ее лицу.

«Вот выродок...».

— Отойди от нее! — рявкнул грубый голос из темноты.

Жрец повернул голову, уставившись во мрак. Внимательный взгляд забегал по залу в поисках голоса. Тридцать лет в армии Ферксийской Империи научили Луку быть хозяином положения, а не трясущейся жертвой.

— Кто здесь? — резко спросил он в пустоту.

Пелена мрака у восточной стены зашевелилась. Перед Лукой появился рослый мужчина. Одежда на нем была грязной и пыльной, голову покрывал капюшон.

«Иллариийский разведчик», — подумал Лука.

— Отойди. От. Нее, — медленно с расстановкой повторил незванный гость. Не больше десяти шагов отделяли его от Луки.

— А то что? — с хитрым прищуром спросил Лука. — Убьешь меня?

— Прочь, — обратился незнакомец к Найе. Его цепкий взгляд прикован к жрецу.

Найя продолжала недоуменно стоять на месте.

— Прочь, — ледяным голосом повторил он.

Лука издевательски расхохотался противным старческим смехом:

— Ах-ха-ха, ты знаешь, где находишься? Это *мой* храм, и я тут главный! — уже без смеха добавил жрец, взяв Найю за волосы. — Эти отбросы уже не люди, а живые куклы, которые исполняют любую мою прихоть. Да, Найя?

— Да, премудрый Лука, — ответила она, стоически терпя боль.

— Видишь, — Лука довольно ухмыльнулся, — здесь я бог.

— Посмотрим, — сквозь зубы произнес незнакомец и сделал шаг навстречу.

Жрец мгновенно схватил Найю за шею и прикрылся ей как щитом. Она даже не понимала, что происходит, покорно подчинившись Луке. Старик укоризненно зацокал.

— Дернешься — она труп, попытаешься достать оружие — она труп. Кто ты и зачем ты здесь? Отвечай, иначе сверну девчонке шею!

Незнакомец остановился.

Лука попытался взглянуть в его лицо, но видел только тонкие обветренные губы на заросшем щетиной лице.

— Отвечай! — потребовал Лука. Его рука произвольно душила девушку. — Кто ты такой, Асмодей*(см. глоссарий) тебя дери?

Тот не стал утруждать себя ответом. В мгновение ока он сорвал с бедра миниатюрный арбалет и выстрелил. Раздался душераздирающий крик.

— А-а-а! — Лука наконец-то отпустил Найю и схватился за простреленную руку.

Девушка опустилась на четвереньки. Вся красная от удушья, она пыталась прийти в себя.

Послышался щелчок механизма в арбалете.

— Чтоб тебя дьяволы драли! Что тебе от меня надо? — продолжал вопить Лука, пятясь назад. Страх просачивался в сознание, словно паразит, который вгрызается в плоть и постепенно съедает носителя.

Второй болт врезался в бедро жреца.

— А-а-а! — завыл Лука и грохнулся на пол. — Мать твою! — Дрожащая ладонь сжала древко болта. Кровь вытекала из дряхлого тела, заливая площадку. Лука чувствовал: голова наливается свинцом, тело немеет. Яд.

В миг, когда Найя окинула взглядом мужчину, ледяная дрожь пробежала по ее телу. Она заметила силуэт за спиной незнакомца. Черная дымка с горящими глазами глумливо наблюдала за происходящим. Найя медленно отползала, продолжая тарашиться на тень.

— Не слушай его! — сквозь боль кричал Лука. — Помоги мне! Боги хотят этого!

Найя застыла в нерешительности. Страх боролся с верностью.

Незнакомец сделал несколько шагов и склонился над испуганной девчушкой. Следом за ним двигалась и жуткая тень. Найя почувствовала сильный запах костра и прелых листьев.

— Вон отсюда, — тихо, с нажимом повторил он.

Найя осознала истину: перед ней стояло само воплощение кошмаров. Асмодей — владыка тьмы явился в храм света!

— Я...я не боюсь тебя! — выпалила Найя. — Боги защищают!

Выстрел. Увесистый болт из дворфийской стали угодил в плечо старика. Новые крики боли смешались с плачем.

— А-а-а!...

— Боги никого не защищают, — равнодушно ответил он. — А теперь вон отсюда! — Изумрудный глаз вспыхнул огнем.

Найя резво вскочила и побежала, спотыкаясь о камни и деревяшки.

Пока Найя растерянная и напуганная бежала прочь, жрец пытался бороться, ползти, но лишь скользил по влажному от крови полу.

«Куда бежит этот глупец?».

Незнакомец свирепо оскалился: *его* жертва не уйдет. Он поставил ногу на грудь хрипящему старику.

Лука беспомощно смотрел на то, как убийца не спеша перезаряжает арбалет. О, чертовы боги, он не хочет подыхать! Столько лет отдать Ферксии, чтобы закончить вот так — убитым вшивым разведчиком из убогой страны!

— Что? — всхлипнув, спросил жрец. — Что тебе нужно?

— Эрик.

Лука закашлял, пытаясь изобразить смех. Тело не слушалось, по лицу, покрытому красными пятнами, заструился пот. Токсин почти захватил все тело. Да, Лука хорошо его знал, потому что сам частенько им пользовался.

— Он убьет меня, — простонал жрец.

Арбалет уткнулся в лицо Луке.

— Я убью тебя быстрее. Говори!

— Пошел ты! — слабеющим голосом огрызнулся Лука. Сознание начинало его покидать — Я все равно уже труп.

Незнакомец достал из набедренной сумки небольшой флакон и показал Луке.

— Я могу тебя спасти.

Жрец ничего не ответил, его глаза закатились, алая кровь с новой силой заструилась по рясе.

В могильной тишине, сквозь разбитые витражи, слышался звук несмолкающего ветра. Незнакомец опустил оружие и досадливо поморщился.

«Проклятье!».

Лука не без труда открыл покрасневшие глаза. Во рту стоял сладковато-кислый запах, словно ему в глотку вылили бочку забродившего вина. Лука неосознанно попытался пошевелить руками. Бесплезно: они крепко стянуты веревкой у него за спиной, а сам он привязан к колонне храма. Раны на руке и ноге аккуратно обработали и перебинтовали.

— Проснулся? — спросил усталый голос.

Напротив Луки на скамье сидел человек и куском ткани вытирал кровь с пальцев. Плащ висел рядом. Лука разглядывал необычного илларийца. Отрешенное лицо, испещренное морщинами, давным-давно выглядело привлекательным, но сейчас левую сторону уродовал страшный шрам; волосы, скатанные в тонкие косички и слегка затронутые сединой, на затылке туго обхватывала позолоченная скоба.

— На что уставился? — Медленный, тяжелый взгляд исподлобья впился в жреца.

— Просто любопытно: насколько легко жить с одним глазом? — съехидничал Лука.

Тряпка упала на пол.

— Маркус, — вставая, тихо произнес незнакомец. — Тебе говорили, что ты слишком много болтаешь?

Жрец вздрогнул от упоминания прежнего имени. Не больше дюжины людей во всей империи знали, кто он такой и чем раньше занимался. Видимо, с остальными покончено.

— Кто ты такой? — вновь спросил Маркус. Веревка вгрызалась в потные от волнения ладони. Маркус старался подавить страх — первое, чему учат в военной академии в Ферксии. «Делай, что хочешь, — говорил старый сержант, — но враг должен видеть перед собой непробиваемую стену».

— Кто я такой — не так важно, Маркус. — Незнакомец сел на корточки рядом со жрецом. — Ты ответишь, где Эрик.

— А если нет? — отважился спросить Маркус.

Незнакомец пожал плечами и пальцем надавил на рану в ноге.

— А-а-а! Сукин сын! — Затрясся жрец. — Ты вообще не понимаешь, во что ввязываешься! — Палец глубже погрузился в рану. — А-а-а! Ничего я тебе не скажу!

Мучения прекратились.

Взмокший Маркус уронил голову на грудь, его трясло. От раздражающего сладкого запаха, который витал в воздухе, туманилось сознание; свежая повязка пропиталась кровью. А затем жрец почувствовал мощный удар по лицу. Кровь вперемешку со слюнями забрызгала пол. Незнакомец схватил Маркуса за воротник рясы.

— Слушай сюда, — рычал он, теряя остатки самообладания, — тебя убить мало, но я закрою глаза на эту мерзость, если ты мне все расскажешь!

У Маркуса кружилась голова, он никак не мог сосредоточить взгляд на человеке перед ним.

— Я не могу, я не могу, — твердил он, вяло вертя головой в разные стороны.

Раз за разом удары обрушивались на разбитое лицо Маркуса, пока оно не превратилось в кровавую пузыряющуюся массу. Маркус не хотел умирать, но если он все расскажет, его ждет участь хуже смерти: Эрик с вонючими ведьмами* отправят его душу в самое пекло преисподней*, а тело, в лучшем случае, отдадут на растерзание собак. Но скорее всего, все будет в обратном порядке.

Незнакомец бил долго; в его глазах жрец не замечал и тени раскаяния или сожаления.

— Прошу, хватит, — слабо вымолвил Маркус. На его лице не осталось ни одного живого места, с подбородка стекала слюна, левый глаз полностью заплыл. — Я скажу. Все скажу. — Жрец запрокинул голову.

— Говори, — хладнокровно произнес незнакомец. Он смотрел на обессиленного и связанного старика, которому и жить-то оставалось не так долго.

— Он под Жемчужиной, — Маркус выплюнул сломанный зуб. — В городе есть проход к его логову у Восточного побережья.

— Это все?

— А-а-а! Клянусь! — Маркус заверещал, глядя на то, как палец сквозь повязку вдавливается в рану. — Посредник, — уже плача, выдавил из себя Маркус. — Найди его и узнаешь больше.

Незнакомец нахмурился. Посредник? Поллукс ничего не говорил об этом человеке. Новые вопросы появлялись быстрее, чем он успевал находить ответы. Он молча поднялся, набросил на плечи плащ и встал напротив огромного символа, аккуратно нарисованного на стене. Сияющее око в кольце из клинков — символ великих богов.

«Какие боги, такие и слуги».

Он плюнул на пол и направился к выходу.

— Ты обещал, что отпустишь, — пробубнил Маркус. Жрец почувствовал сковывающий озноб.

— Я отпускаю тебе все грехи, — прозвучало в ответ. — Незабываемый вкус белладонны скрасит твои последние минуты.

Маркус весь побелел. Он уже ощущал неприятную сухость и жжение во рту, язык опух, появилась тяжесть груди. Жрец задыхался.

— Б..будь ты п. роклят, — прохрипел старик, тщетно борясь со смертью.

— Уже, — закончил незнакомец и захлопнул за собой тяжелые двери.

Как только двери хлопнулись, он оперся о них руками, голова бессильно упала на грудь.

«Сколько еще это будет продолжаться?».

— С премудрым Лукой все хорошо? — раздалось за спиной.

Незнакомец развернулся лицом к Найе. Перед ним стояла запуганная девчужка с искусанными до крови губами, с расцарапанными от переживаний ладонями и надеждой в глазах. Он не нашел сил ответить, поэтому покачал головой и двинулся дальше — вглубь Жемчужины, а Найя, утерев слезы, побежала обратно в храм к умирающему в муках жрецу.

Возможно, Маркус прав: люди тут простые безвольные куклы, но чувства не подделать, ведь самое непростительное в фанатизме — его искренность.

Высоко в небесах, на фоне синего безоблачного неба пролетал белоснежный сокол и любовался природной красотой Илларию. Кристально чистые озера украшают густые зеленые леса, высокие горы — Драконы Шпили — защищают страну с севера от варварских набегов, непересыхающие реки плавными изгибами текут через всю Илларию, подпитывая драгоценной влагой широкие золотые поля. Тракты, по которым двигались вереницы повозок и колонны солдат, с высоты напоминали паутину, где в центре уселся огромный паук — Феретис, столица зеленого края. Но всему приходит конец.

Ученые и маги уважаемых университетов называли Илларию дикой страной. Жители, чья неукротимость и незабываемость вошли в легенды, встретили подступившего врага с доблестью и достоинством, но сил разбить армию империи не хватило. Волной стали и огня ферксийцы прокатились по Илларию и превратили уцелевшие поселения в укрепленные крепости, откуда набирали подкрепления для бесчисленных легионов.

Величественный сокол лениво взмахивал крыльями и задумчиво разглядывал один такой городок. Убогие домишки с дырявыми крышами нестройными рядами шли вдоль узких улочек, по грязной дороге брела дюжина истощавших людей. На телах несчастных через истертую одежду проглядывались следы побоев и болезней. Несколько стражников следовали за кучкой иллариюцев, не забывая подстегивать тех кнутами. Почерневшие от копоти стены, за которыми звук кузнечных молотов не смолкает ни на миг, ограждают пленников от свободы, жар огня в кузнях плавит воздух, и тени густых угольно-черных клубов дыма ползут по полям и равнинам словно морок. Из-под рук ремесленников каждый день выходили сотни орудий смерти, крепкая броня и снаряжение для штурма городов.

Посреди этого ужаса, на центральной площади, возвышалось дерево. Дуб на широкой площади неведомым чудом выдержал огненный прилив ферксийцев. Дерево задыхалось от смрада и отчаянно тянуло вверх ломкие ветви — навстречу белой птице, словно просило о помощи. Сокол не в силах ответить на призыв. Он наблюдатель, окно для тех, кто повелевает законами мироздания.

Илларию — начало грандиозного завоевания. Скоро континент запыхает, и придет время нового владыки — Императора Оттона.

Неас открыл глаза после тревожного сна. Одежда на нем промокла, а ладони крепко сжимали одеяло. Снова жуткая сцена убийства. На сей раз все казалось иначе: он сам стал незнакомцем. Кровь на коже по-настоящему ощущалась, как и боль на костяшках пальцев. Но лицо жестокого человека укрывала пелена, через которую не пробиться.

Похожие на пытки сны преследовали мальчика долгое время. Ни отец, ни Вэл не смогли сказать, почему они повторяются из раза в раз. Неас хотел было недолго подремать, однако знакомый запах ударил в нос: аромат древесной трухи и мха смешался с костром. Мальчик понял, что до вечера отдыха ему не видать.

— Ты рано.

Напротив кровати, прислонившись к стене, стоял Вэл в зеленоватом пыльном плаще и с громоздким мешком в руках. Грубое щетинистое лицо с приплюснутым носом вдоль и поперек избородили шрамы. Тяжелая челюсть и покатый лоб делали его похожим на дикаря.

— Дурной сон?

Неас обречено вздохнул.

— Других снов я не вижу.

— Тогда я знаю, что тебе поможет! — Вэл кинул мешок на кровать.

Увесистый тюк упал прямо на живот Неаса. Тот ахнул от неожиданности.

— Чтоб тебя! Обязательно каждый раз швырять в меня дрянной мешок? — спросил он, сев на кровать.

При взгляде на полусонного возмущенного мальчишку с взъерошенными волосами, Вэлу хотелось засмеяться, но он решил, что немного суровости не повредит.

— Ох, сейчас расплачусь, — без тени сочувствия ответил Вэл. — Собирайся, сегодня у нас особое занятие.

Неас потянулся и широко зевнул.

— Особое... занятие? Мы же вчера стреляли из лука.

Вэл хитро подмигнул.

— Я и не говорил про стрельбу.

Мальчик недоверчиво поглядел на закрытый мешок. Через секунду его осенило.

— Только не говори... — он притянул к себе тюк и заглянул внутрь. Из груди Неаса вырвала громкий стон,

будто Асмодей утаскивает в преисподнюю обреченного на муки грешника. — Не-е-ет! — Он упал на кровать. — Ты же знаешь, я терпеть не могу эти железяки. Почему меч, а не лук?

Веко Вэла произвольно дернулось.

— Затем, чтобы ты спросил. А ну вставай!

С жалоб и стонов начиналось каждое утро. Не сказать, что Неасу не нравились занятия с Вэлом, но он никак не понимал, зачем старый воин хотел обучить его сражаться на мечах. Утруждать себя махать железной палкой, хоть и острой, виделось Неасу пустой тратой времени, если в руках есть лук или арбалет. Впрочем, охотник обязан знать, с какого конца хвататься за клинок.

После легкого завтрака и умывания в ледяной воде Неас в тренировочной броне с мечом наперевес стоял в песчаном круге позади дома и ожидал наставника. Вэл явился на занятие со своим оружием — полуторным мечом. Старый воин ни разу не изменил себе в выборе оружия: простое и действенное, без украшений, без глупых надписей на лезвии. Вэл считал клинок воплощением души бойца. Изысканность и пестрота — удел обманщиков, в то время как неброские клинки, наоборот, таят в себе силу. Разбойник, мастер меча, стражник, обычный путник — оружие делает тебя незаметным для чужих глаз, оно скрывает силу и, если битва неминуема, противник дважды подумает перед атакой.

Вэл пораженно, почти восхищенно посмотрел на Неаса.

— Не могу поверить! Пришел раньше меня, и уже готов. Вспомнил последнюю взбучку от отца?

Тот закатил глаза.

В ответ Вэл направил кончик меча на ученика. Из голоса исчезло все веселье.

— Слушай отца, парень. Он не просто так беспокоится за тебя.

Неас сердито взмахнул оружием.

— Да знаю я! А теперь покажи, зачем мне эта штука в руке.

Вэл крутанул мечом.

— Раз ты настаиваешь. Для начала подними клинок вверх на вытянутой руке, оцени вес. Слишком массивный меч выпадет из рук, но ты, — Вэл хлопнул себя по предплечью, — должен постоянно ощущать тяжесть. Почувствуешь легкость — сразу меняй на более тяжелое. Уяснил?

Неас кивнул. Он проделал все в точности как и говорил учитель, и все же мысли не покидало ощущение тревожности.

Вэл воткнул конец меча в землю и положил обе руки на рукоять. Внимательный взгляд воина оценивал силу и возможности ученика.

— Попробуй поворачивать мечом, парень, — предложил Вэл. — Посмотрим, на что способны твои никудышные мышцы.

Неас пропустил укол мимо ушей и уверенно раскрутил меч, вырисовывая цифру восемь.

— Ускорься, — велел Вэл. Он не сводил глаз с Неаса.

«А у мальчишки неплохие задатки бойца. Быть может, из него выйдет толк».

Клинок в руках мальчика крутился с впечатляющей скоростью, но Вэл заметил: движениям не хватает плавности, изящности, легкости, будто Неас не разминается перед занятием, а пытается свалить дерево.

— В чем дело?

Неас находился в трансе, продолжая иступлено резать воздух. Чем быстрее вращался клинок, тем яснее он понимал, что становится одним целым с человеком из кошмаров.

— Неас!

Голос Вэла вывел Неаса из воспоминаний. Он резко замер, меч в руке опустился. Весь взмокший Неас переводил дух и дрожал всем телом. Ему впервые стало страшно, приступ слепой паники охватил его. Он попятился назад, отбросив оружие в сторону, остутился и упал.

Вэл бросился к ученику.

— Неас! — Следопыт опустился на колено перед мальчиком, — Неас, что с тобой? — взволновано спросил Вэл.

— Я...я испугался. Он в моей голове.

— Вот оно как... — Лицо Вэла омрачилось. — Вставай! — сурово велел он, однако Неас опять ушел в себя. — Вставай! — громче повторил Вэл. — Так и будешь жалеть себя или станешь сильнее?

Слова наставника подействовали на Неаса как вылитое на голову ведро холодной воды. Он стиснул кулаки.

— Я буду сильным! — прозвучал решительный ответ.

Уголки губ Вэла дрогнули.

— Ответ настоящего воина. — Он протянул ученику руку. — Вставай и подними клинок, парень. Не смей выпускать его из рук, понял? Это твой первый урок на пути следопыта, а сейчас...

— ...расскажи мне о Ферксии. — Арип расхаживал по комнате, сцепив ладони за спиной. В комнате, заставленной книжными полками, сундуками, колбами и приборами для изучения смесей и отваров, Неас постигал основы наук и частенько оставался в ней на ночь: историю он любил больше сна.

Мальчик сидел за дубовым столом и смотрел на отца, пока тот с умным видом готовился засыпать его мудренными вопросами. Высокий, больше шести футов, суровый и крепкий мужчина под стать воинам с далекого севера. По шрамам на руках отца Неас догадывался о его нелегкой судьбе, но не решался спросить напрямую. Вэл однажды обмолвился, что для Арипа это большая тема.

— В Империи считают, что Ферксия — главная сила на континенте и верят, будто все жители воплощают собой идеальную расу, которой надлежит править миром, — без запинки ответил Неас.

— Назови мне основные принципы империи. Как ты знаешь, — Арипу наскучило ходить взад-вперед, поэтому он привалился к стенке, — их довольно много.

Неас скрестил руки на груди и небрежно развалился на стуле.

— К чему такие вопросы? Зачем мне знать правила убийц и завоевателей?

Арип покачал головой.

— В твоих словах есть правда, и вместе с тем ты должен понять: чтобы победить врага, нужно знать, как он мыслит. В принципах — их сила и слабость.

Неас задумался.

— Развитие? — неуверенно спросил он.

— Один есть. — Арип загнул палец. — Чтобы кормить легионы, империя должна расти. Из-за расширения появляются бреши. В такие места и нужно бить. — Он хлопнул кулаком о ладонь. — Дальше.

Неас уже знал ответ. За ростом всегда следует разорение. Он мрачно посмотрел на отца.

— Уничтожение.

Арип загнул второй палец.

— Они убивают других, чтобы не осталось соперников. Ферксии чуждо иметь друзей. Но вот фэй... — глаза Арипа сузились, — фэй и нелюдей* они презирают. Эльфы, гномы, дворфы, хафлинги, гиганты — все они несовершенные порочные существа с тягой к власти...

— Но это же чушь! — перебил Неас. — Как можно в такое поверить?

Арип укоризненно покачал пальцем.

— Ты, верно, уже забыл, как Ферксия существовала до прихода императорской семьи. Люди в стране, окруженной эльфами, служили рабами: они строили города и крепости, растили урожай, следили за скотом и служили домашними питомцами для высокомерных эльфийских лордов.

— Но ведь Ферксия развязала войну! Они устроили настоящую бойню, поэтому их и наказали.

— А вот об этом строители империи умолчали. Люди с малых лет растут в полной уверенности, что это они жертвы сотни лет рабства. Ты никогда не убедишь ферксийца в обратном. Дальше, — потребовал Арип. — Осталось три.

— Единство.

— Верно! — Арип шагнул вперед, потрясая перед собой кулаками. — Чтобы так быстро расти, ферксийцам важно сплотиться. А что бы сплотиться...

— Нужен общий враг, — закончил Неас. Принципы империи приводили его в растерянность. — Но если врага не будет? Ферксия развалится?

— Поверь, враг всегда найдется. Так держится власть в империи. И Оттону это известно. Он как пастух ведет людей нужным ему путем. Сплоти противников, и Ферксии придется туго.

Неас нахмурился.

— Почему люди так доверяют Оттону?

— Империя не скована религией, но человечеству всегда нужно верить во что-то, иначе оно перестанет чувствовать себя защищенным. — Арип подошел к полке, взял старую книгу и открыл на нужной странице. — Вот, девятьсот сорок пятый год Старой эры. Ферксийцы отвергли богов, разрушили храмы. «Религия — для слабых духом невежественных глупцов, — цитировал Арип слова первого императора. — Отныне ферксийцы будут верить лишь в силу оружия. Нельзя властвовать над миром, если веришь, что есть кто-то выше тебя». — Арип громко захлопнул книгу, создав в воздухе серое облачко пыли.

— Оттон знает, как заставить людей делать то, чего он хочет. Он воплощает собой идеалы империи, — продолжил вещать Арип. — А теперь назови пятый принцип.

— Абсолютная власть императора, — ответил Неас.

Арип встал напротив стола и оперся на него руками. Суровый взгляд не сходил с лица сына. Он чуть наклонился.

— Но знаешь ли ты, в чем истинные причины появления империи?

Неас пытался отыскать ответ в голове, но находил одни противоречия. Казалось, у Ферксии причины вовсе отсутствовали.

Отец заметил непонимание в глазах Неаса.

— Не торопись с ответом.

— Почему?

— Чтобы дать ответ, нужно понимать людей. Ты еще слишком мал. Сейчас меня заботят твой сон и тренировка. Вэл сказал, что ты испугался.

Как ответить? То, что он стал другим, звучало нелепо, но он так же понимал — ему не победить без знаний. Отец мог их дать.

Запинаясь, Неас рассказал все о сне, и что с ним произошло на занятиях с Вэлом.

После рассказа Арип погрузился в глубокие раздумья. Он потер гладкий подбородок.

— Хм-м, прообраз будущего или блики прошлого?

Неас обеспокоенно посмотрел на отца.

— Я...не понимаю. Что значит *прообраз будущего*?

Арип взял лист бумаги и карандаш. Одним ровным движением он нарисовал прямую линию и несколько точек на ней.

— На главной линии времени есть поворотные события, от которых отходят варианты будущего. — От каждой точки Арип провел десяток дуг. — Возможно, ты видишь одну из вероятностей.

Неас беспокойно заерзал на стуле.

— Почему возможно?

— Это может быть и прошлое и настоящее. Но я убежден: тот человек и ты — связаны.

Неас нервно сглотнул. Связан с этим сумасшедшим?

— Я...я не хочу, пап. Ты можешь прогнать его, можешь разорвать связь? Ну хоть что-нибудь?!

Арип помедлил с ответом.

— Не могу. Незнакомец — послание. Кто-то или что-то хочет показать тебе нечто важное.

Летний вечер, закат. Рядом с городской площадью Фоуста возвышалось здание. Каменная двухэтажная постройка служила ферксийским командирам домом, где полдюжины человек решали, в какую сторону двинутся войска. В одной из комнат второго этажа за широким круглым столом, заставленном стопками книг, в богатых креслах сидели трое мужчин. Двое из них в алых плащах. Ферксийцы, словно совершенные статуи: без шрамов на бледных лицах, без морщин и увечий, черные длинные волосы бережно убраны в хвост и перевязаны красной лентой, равнодушные взгляды устремлены на Арипа.

— Что тебе нужно, Арип? — спросил один из них — со знаком пылающего солнца с каплей крови на горжете. Символ Верховного полководца Оттона.

— Реймонд, отпусти меня и Неаса. Я уже отдал все записи, книги и дневники — все! Больше ничего нет.

Скрип кресла. Второй ферксиец положил ноги на стол. Арип заметил на его лице притворную улыбку. Тот скрестил руки на груди, гадко провел языком по ровным зубам.

— Твой хлам нас не интересует, — льстивым голосом сказал он. — Хранилище, Арип. Мы ищем оружие для войны.

Арип расхохотался.

— Реймонд, кто этот птенец? Он понимает, что несет? Нет никакого оружия!

Реймонд медленно поднялся.

— Тогда и от тебя нет проку. Оттон велел сжечь тут все, если ты не отдашь нам то, чего он требует. Эта писанина, — ферксиец взял со стола дневник Арипа. Реймонд мельком пролистал страницы и разорвал книгу пополам, — и гроша не стоит.

Арип сжал кулаки. В душе он понимал — безумцы не отступятся.

— Мы торчим в этой дыре из-за тебя, старик, — обвиняющим тоном произнес второй ферксиец. — Ты...

Реймонд молниеносно подскочил к говорливому юнцу и со всего размаха вдарил ногой по креслу. Тот вылетел с насеста и шлепнулся на пыльный пол.

— А-а! — ферксиец схватился за ушибленный зад, — Реймонд, какого дьявола?

Боевой офицер презрительно окинул глазами товарища.

— Ты безмозглый мальчишка, Конрад. Перед тобой сидит не *старик*. Благодаря ему империя существует. Еще одна вольность, и я устрою для тебя коридор позора!

Конрад тотчас затих; пылающий злобой взгляд не сходил с лица Арипа.

— Но он прав, — продолжил Реймонд, — мы тут из-за тебя. Память о былой дружбе удерживала меня от необдуманных действий.

— Я отдал все...

Реймонд зарычал, выдернул кинжал из ножен и воткнул в стол.

— Два года! — выкрикнул ферксиец. — Столько мы разоряем Илларию за твой отказ подчиниться. Оттон развязал войну из-за тебя, Арип. У тебя в голове, — Реймонд надавил на висок, — скрыта правда.

— Он просто забыл, что случилось с Хельгой, — подал голос Конрад. Его лицо скривилось в гнусной ухмылке. — Возможно, Неас что-нибудь знает.

Комната наполнилась холодом. Конрад выдохнул столб горячего пара.

— Еще слово, — сквозь зубы прошипел Арип, — и я снесу тебе башку, сопляк. Посмеешь тронуть моего сына и узнаешь, что бывает с теми, кто поднял руку на мою семью.

Реймонд успокаивающе выставил ладонь.

— Стой, Арип! А ты, — офицер посмотрел на Конрада, — выметайся.

Серые глаза Конрада расширились от изумления.

— Я капитан! — возмутился ферксиец.

— Ты бельмо на глазу и заноза в моей заднице! Вон!

Конрад, стиснув челюсти, подчинился приказу.

— Арип, не вынуждай меня трогать Неаса. Твое упрямство уже стоило жизни Хельги...

Волна энергии отбросила Реймонда в конец комнаты. Ферксиец с громким треском влетел в стену, оставив в ней внушительную вмятину. Мощный удар бывшего друга чуть не раздавил ему легкие. Он с усилием поднялся.

— Не смей упоминать ее имя, Реймонд! — угрожающе произнес Арип.

— Арип, ты же знаешь — бежать некуда. Оттон не оставит тебя, а я буду вечно волочиться за тобой, пока ты не свернешь мне шею. Открой Хранилище.

Арип готовился ударить вновь, но горькие воспоминания о смерти жены остановили руку. Он устало развалился в кресле.

— Я просто не могу, — ответил маг. — Ты даже не представляешь, чего просишь.

Реймонд стряхнул грязь с плаща и поковылял к выходу. Злость переполняла его до краев. Ферксиец сжал дверную ручку так, что костяшки пальцев побелели.

— Человечество заслужило свободу, а ты просто позоришь нас. Даю тебе пять дней.

Реймонд ушел и захлопнул за собой дверь, оставляя Арипа наедине со своими мыслями.

— Кто ты такой?

— Кто я такой — не так важно, Маркус. — Неас сел на корточки рядом со жрецом. — Ты ответишь, где Эрик.

— А если нет?

Иллариец пожал плечами и пальцем надавил на рану в ноге.

— А-а-ай! Сукин сын! — Затрясся жрец. — Ты вообще не понимаешь, во что ввязываешься! — Неас не чувствовал ничего, кроме желания причинить боль. Он продолжал давить. — А-а-а! Не скажу!

Он ударил старика. Один раз, второй, третий... Кулак пропитался кровью и болью жреца.

— Тогда ты умрешь.

Неас проснулся с воплями.

— Нет! — выкрикнул он и сел с протянутой рукой. Сердце неистово колотилось, лоб покрылся испариной.

Мальчик посмотрел вверх. Грозные тучи захватили небо и отрезали жителей Илларики от света. Вот-вот грянет ливень. На лицо Неаса упала крупная капля, он растер ее по щеке и попытался подняться, но тело будто одеревенело. Все же спать на сырой земле, когда в спину упирается корень дерева, не лучшая мысль.

— Как спалось?

Вэл сидел на пеньке возле костра, над которым висел котелок. От ароматного запаха у Неаса потекли слюнки. Он потянулся, раздался громкий хруст.

— Могло быть и лучше, — ответил Неас, разминая плечи и шею. — Кролик?

Вэл плавно помешивал аппетитное варево.

— Не поедем сейчас — останемся голодными до вечера. Дождь будет сильным и долгим.

Неас сел поближе к костру, чтобы немного согреться. Он протянул руки к огню.

— Откуда ты знаешь? — Его снедало любопытство. Как же Вэлу удастся понимать погоду?

Вэл зачерпнул ложкой немного жижи из котелка и поднес к губам. Слегка подув, он отправил ложку в рот и довольно закивал.

— М-м-м, вкусно. Давай сюда свою миску. — Вэл поманил рукой. — Проведя всю жизнь под открытым небом, начинаешь понимать природу: направление ветра, поведение животных и птиц, дым от костра. — Он указал на серые спирали, которые опускались к земле. — Даже небольшая мелочь скажет больше, чем опытный чародей.

— А я могу такому научиться? — спросил Неас, забрав из рук наставника полную миску похлебки.

Вэл по-доброму усмехнулся.

— Хех, само собой, если научишься вовремя вылезать из теплой кровати.

Неас недовольно выпятил нижнюю губу.

— Зато, — он отпил из миски, — я уже неплохо стреляю из лука.

— Ну да, — скептически отметил Вэл, доедая завтрак. — Одно попадание из пяти — хороший результат для заносчивого мальчишки.

Слова учителя пристыдили Неаса. Он расстроено пнул камешек под ногами.

— Почему у меня не выходит? Я же стараюсь!

Вэл отложил в сторону миску и ободряюще потрепал ученика по голове.

— За три дня нашего похода, ты многому научился.

Неас поник.

— Определять направление и собирать траву? Такое себе, — ответил мальчик.

— Слушай, — следопыт сердито взглянул на ученика, — ум и знания — оружие куда мощнее, чем меч или лук. Даже в бою важно то, что тут, — Вэл ткнул пальцем в лоб Неаса.

— Так и быть, — ответил тот с улыбкой, — поверю тебе в этот раз.

— Вот и славно. Соберешь немного хвороста, пока не грянул дождь?

Мальчик послушно кивнул и направился вглубь леса, пока Вэл сворачивал лагерь.

Продираясь сквозь густую листву, Неас заметил неподалеку человека. Девушка в белом платье бродила меж тенистых деревьев, над ней кружили птицы, а в руках она держала длинный посох, от верхушки которого исходило тусклое голубоватое сияние. Неас не сводил очарованного взгляда с незнакомки. Ее золотистые волосы развевались на ветру, на выразительном лице сверкала обаятельная улыбка, когда редкие капли дождя попадали на ее бледную кожу. Девушка остановилась, прикрыла глаза. Она глубоко дышала, словно пробовала лесной воздух на вкус. А затем незнакомка резко обернулась и удивленно воззрилась на мальчишку.

Неас не знал, что делать. Он хлопал глазами, пока тяжелая рука Вэла не опустилась на его плечо.

— Что встал как вкопанный? Уже двадцать минут тебя ищут.

Неас снова посмотрел в сторону, где гуляла незнакомка. Среди деревьев никого не было. Он изумленно уставился на учителя.

— Разве ты ее не видел?

— Кого?

— Ну девушку, Вэл! — Неас в красках описал увиденное. — Ее нельзя было не заметить!

Вэл расхохотался, хлопнув ученика по спине.

— Ах-ха-ха, да у тебя, дружище, начинает закипать кровь!

— Что...нет! — Неас замахал руками. — Да и не надо меня искать. Я не маленький.

— Не забывай, где мы, — ответил Вэл. — Один неверный шаг, и блуждать тебе до конца своих дней в фэйском лесу. Тебе повезло, что сейчас конец лета. Пошли уже, дождь не станет ждать.

Неас еще раз окинул взглядом округу; незнакомки и след простыл. Мальчик покачал головой и двинулся следом за наставником.

— *Он видел тебя, Лисандра,* — раздался старческий шепот в голове девушки.

Лисандра прикусила ноготь. Она пряталась в густых зарослях, неподалеку от опушки, где остановились илларийцы. Уже два дня она наблюдала за ними. Эта парочка как-то сумела выбраться из запертого города. Лисандра и понятия не имела, что кто-то будет ходить в глухой чаще Восточного леса. Ферксийские патрули в очередной раз облажались, а им всего-то и надо стоять у ворот да не выпускать людей. Угораздило же связаться с этими болванами!

— Мальчишка не знает, кто я, — ответила она незримому собеседнику.

— *Но он видел тебя!* — возразил голос. — *Не попадайся на глаза этому мальцу. Помни: судьба Леадора в твоих руках.*

Бормотания в голове стихли. Лисандра выдохнула с облегчением. Она с интересом продолжала смотреть на двух непохожих друг на друга людей. Старший выглядел опасным, а мальчишка станет еще опаснее через

несколько лет. Его душа сияет как маяк в тумане.

«Люди — самый непонятный народ на континенте».

— Я дома! — выкрикнул Неас, закрыв за собой дверь.

Ответа он не услышал.

— Отец? — вновь повторил мальчик. Тяжелый мешок сильно натирал плечо, поэтому он бросил его прямо в прихожей. — Ты дома?

Неаса встретил свист ветра через открытое окно и шуршащая дробь дождевых капель. Он прошелся по всем комнатам первого этажа от кухни до гостиной. «Снова засиделся в мастерской». Неасу частенько приходилось вытаскивать протестующего отца из его личной комнаты, где он любил устраивать опыты и заниматься Асмодей его знает чем.

Неас поднялся по скрипучей лестнице на второй этаж. Темным-темно. Он подошел к подсвечнику и понял, что к свечам уже пару дней не прикасались. Мальчик насторожился: не очень-то похоже на отца. Лишь в самой дальней комнате из-за закрытой двери проглядывал тусклый свет.

Костяшкой пальца он несколько раз стукнул по дереву. Никто не ответил. Неас припал ухом к двери и уловил неясное бормотание.

«Да неужели!».

Неас ворвался в мастерскую. Он уже успел придумать гневную тираду, пока проворачивал ручку.

— Да сколько...можно, — уже полупшепотом произнес Неас, ворвавшись к отцу.

Арип сидел за столом перед кучей книг и свитков. Взъерошенный, уставший, с трехдневной щетиной он судорожно листал страницу за страницей одной рукописи и не обращал внимания на сына, пока тот громко не произнес:

— Па-а-п?

Арип повернул голову. Неаса охватило беспокойство, когда они встретились взглядам. Ясно, как день, что отец не спал уже больше двух дней! Арип натянуто улыбнулся.

— Неас, ты уже вернулся. Не слышал, как ты вошел.

— Да это не удивительно. Что ты делаешь? — Неас подошел к стопке пожелтевших книг. Проведя рукой по пыльной обложке, он увидел название: «Kaiei an Skynum». — Война в Небесах, — перевел он.

— Возникли... — Арип пытался подобрать слово, — трудности. Тебе не стоит беспокоиться.

— Ложь от правды я уже могу отличить, — возразил Неас, заметив в руках отца свиток с эльфийскими рунами. Название удивило не меньше, чем удручающий вид человека перед ним. — Построение порталов, серьезно? С каких пор мы хотим убежать?

Арип вернулся к работе, будто Неас спрашивал о пустяках.

— Вэл совершенно точно сказал, что докучать мне после вашей бездумной вылазки не нужно. — Его полностью поглотили древние тексты. — Особенно сейчас.

Неас нахмурился. Он еще ни разу не видел отца таким напуганным и суетливым. Что же случилось, пока он отсутствовал?

Размышления мальчика прервал стук в дверь. Громкий, тяжелый, яростный, словно удар тарана о крепостные ворота. Так стучат те, кто хочет показать силу и превосходство. Так ломаются в дом ферксийцы.

Арип затрясся, как в лихорадке, растерянность и паника отразились на замученном лице.

— Нет, — прошептал он. — Почему? Почему так рано? Неас! — Арип вскочил с кресла и бросился к сыну. — Что бы ни случилось, — он обхватил голову сына руками, — я тебя не брошу.

Неас пребывал в замешательстве. Мысли смешивались в голове, превращаясь в кашу. Он и глазом моргнуть не успел, как оказался в прихожей, где на пороге стояли трое ферксийцев. Самый молодой из них — воин, лет двадцати пяти, в парадных черных доспехах с гербом империи на груди — бесцеремонно вошел в дом. Полный презрения взгляд плавно скользил по небогатой обстановке, пока не остановился на Арипе и его сыне. Офицер шелкнул, и двое стражников мигом оказались возле него. Вода стекала с их волос и доспехов.

— Конрад, — процедил Арип

Офицер сардонически улыбнулся.

— Арип. — Он надменно окинул взглядом мальчика. — А ты, видимо, Неас.

Кроваво-красный плащ, по всей видимости, должен вселять ужас. Неас же почувствовал жгучую ненависть.

Арип встал между сыном и Конрадом.

— Что тебе нужно? Реймонд же дал мне время.

Конрад сложил руки за спиной и вплотную подошел к Арипу. Ферксийцу пришлось задрать голову, чтобы видеть глаза собеседника.

— Видишь ли, — на Арипа взирали две узкие щелочки, — командира Реймонда вызвали в столицу. Теперь я

тут главный. — Конрад снял латную перчатку с руки и похлопал гладкой ладонью Арипа по груди.

Арип не захотел увидеть намека и схватил ферксийца за тонкую кисть. Лицо Конрада скривилось от боли, но он продолжил говорить:

— Ты ничего мне не сделаешь. Сломаешь руку, отправишься на плаху. Хотя нет, — Конрад перевел взгляд на Неаса, — твой сын отправится, а ты будешь смотреть, как он в муках корчится от боли.

Ноздри Арипа раздувались от бушующей внутри ярости, брови сурово сошлись на переносице, рука, словно тиски сдавливала кисть Конрад, пока тот не испугался. Гнев Арипа стал осязаемым — даже ферксийцы прочувствовали холодок на спине. Но маг взял в себя в руки и оттолкнул офицера в сторону.

Конрад держался за онемевшую кисть, а стражники уже готовились броситься в драку.

— Вот так теперь относятся к жителям империи? — выплюнул Арип. — Чего бы ты ни хотел, убирайся из моего дома. — А затем добавил: — Возвращайся, когда подрастешь.

Тут-то Неас и понял — отец совершил ошибку. Ферксиец побудил его перейти черту.

— Вы не часть империи, вы — животные, исполняющие наши прихоти, — прошипел Конрад. — Вы — скот, вы — мусор, а ты, Арип, — слова наполнились желчью и обидой, — жалкое посмешище, променявшее власть на дворовую шлюху...

Сознание Неаса пребывало в тумане; руки уже не принадлежали ему, как впрочем, и все остальное тело. На кратчайший миг время замедлилось. Мальчик рванул вперед. Он слегка пригнулся, мышцы правой руки напряглись до предела. Теперь кулак стал оружием, как у незнакомца из кошмаров. Вся яростная мощь расвирепевшего Неаса обрушилась на лицо Конрада. От силы удара офицера перекосило. Он уже падал, однако гвардейцы успели его подхватить.

— О Фервус... — только и смог выдохнуть Арип.

Конрад выпрямился. Тыльной стороной ладони он стер кровь с подбородка.

— Яблоко от яблони недалеко упало, — прохрипел он. — Десять ударов плетью за нападение на офицера!

Тем временем Неас уже пришел в себя. Поступок обескуражил его, мальчик взглянул на отца в поисках защиты и поддержки.

— Стой! — прокричал Арип, делая шаг вперед. Один из солдат вовремя вытащил меч и ткнул им в грудь мужчины. — Он еще совсем ребенок!

— Нет, Арип, — ответил Конрад, поправив плащ. — Теперь он преступник, а преступники должны быть наказаны. — Свяжите мальчишку и поместите в клетку, — приказал он. — Завтра мы проверим, как много он унаследовал от тебя, предатель.

Воздух наполнился магической энергией. Глаза Арипа превратились в два сияющих шара.

— Не тронь его, щенок!

Конрад даже не шелохнулся. Он выдержал удар психической атаки, в отличие от бойцов, которые рухнули на колени.

— И не подумаю. Ударишь меня — умрут все. А вы что расселись?! — ферксиец носком сапога ткнул в бок одного из стражников. — Вставайте и делайте, что я велю!

Буйный поток энергии возрос.

— Я сказал...

Арип ошеломленно уставился на гвардейцев, колени подогнулись и он упал лицом в грязь.

— Очень вовремя. — Конрад махнул рукой. — Пошли уже, пока ублюдок не очухался.

— Пап! — Неас дергался и вертелся. — Пап, вставай! Папа! Мальчик до последнего смотрел на отца. Тот не шелохнулся.

— От-е-ец!

Вэл по привычке проводил Неаса до дома, но сегодня решил задержаться. Чутье подсказывало неладное. Следопыт затаился за соседним домом и стал ждать. Через несколько минут к дому подошли три человека. Одного Вэл сразу узнал. Конрад собственной персоной.

После короткого стука дверь открылась, и троица зашла внутрь. Вэлу оставалось гадать, какие дела могут быть у Конрада к Арипу. Долго ждать не пришлось: из дома донесся крик и ругань. Он уже готов был ринуться на подмогу, когда ферксийцы покинули дом.

Вэл пораженно смотрел, как рядом с Конрадом идет связанный Неас. «Эгон тебя раздери!». Воин вышел из укрытия, чтобы успеть перехватить юнца, вот только Арип его опередил. «Что ты творишь?», — подумал Вэл, завидев, что вокруг друга появляется ореол света.

Арип не успел закончить заклинание и рухнул как подкошенный. Вэл тотчас понял, где скрывается еще один

враг — тонкая нить магии вела на восток. Он подбежал к Арипу, когда Конрад с солдатами скрылись за поворотом.

— Арип! — Вэл упал на колено перед магом. — Что случилось? Куда увели Неаса?

— Останови... — слабым голосом произнес Арип. — Кто-то еще знает о ключе...

Вэл понял, о чем сказал друг, и что есть мочи погнался за таинственным чародеем.

Следопыт вдыхал едва уловимый запах противника. Чарующая смесь гвоздики и... сандала? «Что здесь делает захариский аромат?», — удивился Вэл, мельком увидев быструю тень. Чародей двигался стремительно как умелый боец, петляя по узким улицам города, что еще больше насторожило воина. Он старался не отставать. То и дело на пути попадались либо зеваки, либо патрули ферксийцев, внимание которых ни коем образом нельзя привлекать. Если бы не пьянящий аромат южной страны, Вэл бы уже давно потерял след, однако природа наградила его не только чутким обонянием, а еще и острым зрением. Меж домами промелькнул незнакомец в капюшоне. Он стремглав мчался прочь из Фоуста.

Долгая погоня привела Вэла на рыночную площадь, где за кучей людей запросто мог спрятаться кто угодно. Он внимательно глядывался в лица прохожих, смешавшись с толпой. Чародей, по всей видимости, поступил так же. Преследование превратилось в игру, где один неверный шаг приведет к проигрышу.

Вэл кружил среди жителей, пока его кто-то сильно не толкнул в спину. Толчок оказался чересчур сильным для худосочного мага. Следопыт полетел в лавку с фруктами, но успел оторвать кусок ткани от плаща незнакомца в попытке схватить его. Вэл врзался в торговца и снес собой все, что тот с таким усердием расставлял. Он распластался на земли среди обломков и раздавленных фруктов.

«Проклятье!», — выругался Вэл, смахивая со лба сладкую жижу. Он еще раз вдохнул запах и убедился: чародей — женщина.

Прогулка до имперских казематов выдалась не из простых. Дождь лил, как из ведра, гвардейцы так и норовили лишний раз пнуть или задеть Неаса. Теперь он понимал бедняг в кандалах.

Неас плелся за ферксийцем, не замечая луж и грязевого месива под ногами. Да и кто бы разрешил ему обойти слякоть. Солдаты улыбались от того, как пленник спотыкается, как подошвы мнут слякоть и ледяная вода просачивается в ботинки. Неас продрог до костей.

Конрад выглядел так, словно вернулся с охоты, а мальчишка — ценный трофей, намек, что от чудовищного правосудия империи не защитит ни возраст, ни положение. Люди, в чьих глазах читалось сочувствие и тревога, глядывали из окон, чтобы пожелать Неасу удачи. Жители украдкой молились богам, прижимая к груди деревянное око Фервуса. Таков обычай.

Доковыляв до площади, взору Неаса открылось два здания: дом совета, где засели ферксийцы и «Мучильня» — тюрьма для смертников. Из нее редко выпускали, а еще реже оставляли в живых после пыток и допросов.

Неас впервые проходил сквозь ворота имперской тюрьмы: массивные чугунные створки украшал символ империи — когти хищной птицы с зажатым сердцем. Высокие стены из черного как агат камня не давали ни малейшей возможности сбежать: толщина — не меньше дворцовых укреплений, на верхушке ряд острых стальных игл. Сам внутренний двор казался огромной казармой с сотней воинов, готовых подавить любой мятеж. Конрада и его охрану встречали вооруженные до зубов охранники.

— Скоро увидимся, Неас, — промурлыкал офицер.

По приказу капитана, стражники сопроводили пленника до самой камеры и бесцеремонно втолкнули внутрь, где ему предстояло провести целую ночь. У него отобрали все, кроме штанов. Уже через час Неас свернулся калачиком, дрожа от ледяного ветра, который пронизывал камеру сквозь щели между камнями. Голые ступни успели посинеть, ресницы заиндевели, посиневшие губы шептали слова Вэла:

— В-ветер т-твой друг, з-земля т-воя подруга, небо т-твои глаза...

Неас сражался с холодом много часов, пока громкий голос не произнес: «Встать!». Скорее всего, утро уже успело наступить, а он этого и не заметил из-за постоянно мрака в ферксийских казематах. Толстый надзиратель открыл ржавую дверцу камеры и жестом приказал выметаться. Парочка знакомых стражников прижали Неаса к стенке и крепко связали запястья. От солдат разлило потом. Щетина и прыщи покрывали красные озлобленные лица.

— А теперь двигай, — сказал стражник. — И без шуток.

Неас зашаркал по мрачным коридорам тюрьмы, которая для многих жителей стала вторым домом или могилой. Тусклый свет факелов едва-едва освещал широкие проходы каменного лабиринта.

— Стойте! Нет-нет-нет! Не надо! А-а-а-а! — услышал Неас из-за закрытой двери. Хоть и замерз, но слышать вопли умирающих людей — хуже любой пытки.

— Я все скажу! Хватит!... — рыдал мужчина справа.

— Ненавижу! Ненавижу вас, ублюдки! Горите в преисподней! — раздались приглушенные крики слева.

— Это все она, проклятая стерва! — рычал старик.

— Не убивайте, умоляю, — стонала женщина.

Люди вопили со всех сторон как в пристанище для умалишенных.

«Остановитесь, хватит! Хватит!». Неас успел позабыть о жутком холоде, проходя мимо камер с пленниками. В голове звучал хор из криков и воплей, зубы мальчика выбивали дробь от страха. Его затрясло от ужаса, когда на стенах замелькали алые разводы. «О, Создатель*, меня не должно здесь быть!». По неосторожности Неас наступил в темно-красную лужу и обомлел. Ему показалось, что он постарел на добрый десяток лет за одну ночь в ледяной камере.

— Пошевеливайся. — Наконечник копья прыщавого стражника уколол мальчика в спину. — У нас обед скоро, — добавил второй. — И постарайся не откинуться. Не хочу возиться с трупами.

Вскоре стражники довели Неаса до длинной лестницы. Мальчик глядел в темноту. Вдруг на самом верху понемногу начали отворяться стальные двери. Яркий дневной свет ударил ему в глаза. На секунду Неас зажмурился.

— Двигай наверх, — рыкнул ферксиец.

Мальчик поднялся по мерзлым ступеням и оторопел. Перед ним открылся вид на широкую арену. Стражники сняли с него путы и вытолкнули с прохода. Двери за Неасом со скрежетом закрылись. Глаза тотчас лихорадочно забегали по зрителям и ферксийским офицерам. Те удобно расселись в роскошной ложе. В ложе Неас заметил Конрада с гроздью винограда. Остальных он не знал, однако все находились в приподнятом настроении: что-то обсуждали, смеялись, пили.

Посреди арены возвышались два столба, около них стоял амбал в черном колпаке. Палач поманил Неаса к себе. Под свист ветра мальчик нерешительно подошел ближе, ему было страшно: сердце выпрыгивало из груди, синие губы пересохли от волнения, колени едва не подогнулись от одной мысли, что его сейчас привяжут к высоким столбам.

Неас послушно встал между ними и поднял руки; палач закрепил цепи на запястьях. «Ветер твой друг, земля твоя подруга, небо твои глаза», — из раза в раз повторял он мантру.

Закончив приготовления, палач кивнул офицерам. Он вытащил из кармана деревяшку, обтянутую кожей, и поднес ее к губам Неаса.

— Открой рот, мальчик, и крепко сожми в зубах.

Неас сглотнул большой комок в горле и крепко стиснул странный предмет. Деревяшка жутко воняла тухлятиной.

Он дрожал и слушал, как палач разматывает плеть, как свинцовые шарики пугающе громко бьются друг об друга.

— Начинай! — прозвучал громкий голос Конрада. Капитан опустил в рот крупную ягоду и равнодушно махнул рукой.

Палач замахнулся и нанес первый удар по голой спине. Резкая боль скрутила все внутренности, удар, казалось, разрезал всю спину, словно клинок. Шарики врезались в гладкую кожу и оставили десятки синяков. Кости затрещали от поцелуя с металлом. Неас выгнулся, но деревяшку изо рта не выпустил. Он все еще стоял на своих двоих.

— Один! — прохрипел палач и снова нанес удар.

Второй взмах оставил еще одну кровавую полосу.

«О Фервус,...»

Слезы скопились в уголках глаз Неаса; он вгрызся в кожаную прокладку кляпа, с трудом сдержав стон. Ноги предательски подкосились.

— Два!

Третий удар слегка задел ребра, разрезав нежную кожу.

«Ветер мой друг...».

Кровь потоком полилась на землю под громкие крики жестоких ферксийцев. Кляп понемногу выпадал изо рта. Сквозь боль Неас посмотрел на трибуны. Жители отводили безучастные взгляды, а солдаты ухмылялись.

— Три!

Четвертый и пятый удары терзали плоть, прогрызая ее до мяса.

«Земля моя подруга...».

Кляп окончательно выпал, тягучая слюна медленно поползла по подбородку. После пятого удара Неас повис на цепях. Он не закричит, не закричит!

А потом пришла настоящая боль: плеть прошлась по открытым ранам. Неас до крови прикусил нижнюю губу,

чтобы не заорать.

«Небо мои глаза!».

— Шесть!

Семь. На спине не осталось живого места; Неас висел на цепях, прожёвывая губу и силясь поднять голову на офицерскую свору. Грязные ногти уже сняли всю кожу с потных ладоней.

Восемь. Мальчик заметил Вэла. Наставник и друг жалостливо смотрит на него; он не в силах что-либо сделать.

Девять. Тонкий писк вырвался из груди, но ветер вовремя успел проглотить секундную слабость. Слезы превратились в кусочки льда и застыли на покрасневших щеках. Длинные черные пряди налипли на лицо, земля под ногами превратилась в кровавое болото.

Слышится последний взмах проклятой плетки, звон металла в ушах становится нестерпимым. Неас принимает последнюю каплю боли; чувства исчезли, словно тело лишилось мышц и костей.

— Десять! — кричит палач и срывает с головы колпак. Его лицо заливают горячий пот, он пытается отдышаться от проделанной работы.

Ферксиец подошел к Неасу и расстегнул оковы. Истерзанный мальчик рухнул на живот. Последнее, что он увидел — силуэт женщины. Она склонилась перед ним, прошептав несколько слов.

— Мама... — простонал Неас и провалился в забытие

Он справился и не закричал, так и не закричал.

— Выбор определяет нас. — Вэл сидел на камне возле речки и точил лезвие ножа. — Думай, прежде чем делать.

Неас по колено в воде. В руках мальчик держал нечто похожее на гарпун. Сегодня он учился ловить рыбу.

— Значит, есть плохой и хороший выбор? — Неас резко опустил гарпун — конец уткнулся в песчаное дно. Мальчик раздосадовано выдохнул. — Тогда почему люди вечно принимают не те решения?

Вэл усмехнулся. Он покрутил нож перед собой, чтобы убедиться в совершенстве работы.

— Не бывает правильного и неправильного выбора, юнец. — Вэл задумчиво взгляделся в воду, где проплывали стайки плотвы. — Бывают последствия. Однажды я спас человека. Я не знал, кто он и откуда. Это не важно, просто, все внутри тебя закипает, если кто-то в беде. И вот с облегчением вытаскиваешь его из пасти чудовища. Он кланяется, благодарит судьбу и все в таком духе, а через неделю ты узнаешь: сотню хороших солдат повесили вдоль дороги, потому что они не подоспели вовремя. — Вэл поднялся, скинул с себя сапоги и, прихватив второй гарпун, вошел в воду.

У Неаса не нашлось ответа. Он бы ни за что не хотел столкнуться с таким выбором.

— А что случилось с тем мужчиной, ты убил его? — неожиданно для себя спросил мальчик.

Вэл в мгновение ока опустил гарпун в воду и вытащил уже с крупной рыбиной на конце.

— Нет, — ответил он, бросив рыбу на берег. — Должен был, потому что многие из тех солдат не один год оберегали город от чужаков и монстров. Хорошие люди, верные воины. Они погибли по прихоти ненормального, но я не стал никого убивать.

— Потому что этим ты докажешь, что ты не лучший? — предположил Неас и взмахнул гарпуном. Мимо. Рыба целая и невредимая поплыла дальше.

— Разумеется, нет. Этот человек родился в семье влиятельного лорда, которого с королем связывала тесная дружба. Убей я его, развязал бы гражданскую войну или еще чего хуже. — Вэл ударил. Очередная рыба полетела на берег.

Неас недоуменно уставился на учителя.

— Так в чем же смысл всего?

Вэл уже опускал гарпун, как вдруг рука резко остановилась. Его взгляд упал на рыбу с круглым брюшком. Он жизнерадостно улыбнулся и позволил ей проплыть дальше.

— А в том, — Вэл потянулся, — чтобы уметь сдерживать свои желания, подавлять эмоции в те секунды, когда они наиболее разрушительны. Это сложно, иногда больно, иногда противно, но так ты обретешь себя. Плохое, хорошее, — Вэл направился к берегу, — все это выдумки. Мир намного сложнее, парень.

Неас проснулся с ноющей болью в спине. Он лежал на животе, перебинтованный с головы до ног. Все стояло на местах: старинный стол у окна, стойки с оружием, резные фигурки элементарей да ветхий шкафчик с горой книг.

Он повернул голову и увидел сидящего в углу Вэла. Следопыт укутался в теплое дырявое одеяло и громко

сопел. В голове ненароком представилась забавная картинка, как могучий Вэл в ночи своим храпом отгоняет орду неприятелей. Неас попытался заговорить, однако вырвался мучительный стон.

— У-у-у...

От его бесплодных попыток подняться проснулся Вэл и тотчас вскочил на ноги:

— Арип, Неас открыл глаза!

В комнату влетел Арип с бритвой в руках. Лицо покрывала мыльная пена и виднелся свежий порез.

— Сынок, — хлопотал Арип, присев рядом с кроватью, — ты, главное, не шевелись, а то швы разойдутся.

Лицо мальчика сморщилось от боли, когда он слегка подвигал головой.

— И сколько я провалялся в таком виде?

— Четыре дня, — ответил Вэл. — Знахарка предупредила, что ты можешь не очнуться. Ты крепче, чем стена

Аргуса, приятель, — добавил воин.

«Знахарка?».

— Отдыхай, сынок, — сказал Арип. — Раны скоро затянутся, и я разрешу выйти из дома, а пока спи. Учеба и мечи подождут...

— Пап, — прервал отца Неас.

Арип настороженно посмотрел на сына.

— Да?

— Что тогда случилось?

В комнатке воцарилось молчание. Вэл хмуро покосился на Арипа.

— Я... — Арип осекся. — Кто-то очень не хотел, чтобы я вмешался.

Горячие слезы стекали по щекам Неаса.

— Я не закричал, пап, не закричал.

— Знаю. — Арип поцеловал сына в лоб. — Знаю...

Оба мужчины так и остались сидеть возле кровати, пока всхлипы не утихли и Неас не заснул.

Уже третий месяц кряду Неас проводил в кровати. Каждое движение отдавало непрестанной болью, но даже она не шла ни в какое сравнение с дурно пахнущими отварами, которые ежедневно вливал в него Вэл. Всякий раз, как горький напиток попадал в рот, желудок скручивало тугим узлом, хотя кошмары и жжение временно отступали.

Неас еще ни разу не чувствовал себя настолько жалким и беспомощным. Но несмотря на незавидное положение, мальчика окружали любящие его люди. Вэл с отцом по очереди меняли повязки, рассказывали истории, кормили, разминали затекшие ноги. Они стали тонкой нитью, что связывала Неаса с внешним миром.

Иногда следопыт уходил на неделю или две, но всегда возвращался с вестями из соседних стран. Воин не забывал оставлять для раненого Неаса фрукт или сладость из Грекалии или Ликеи. Каким способом Вэл умудрялся доставать еду, оставалось загадкой, ведь Ферксийская Империя с его слов перешла в масштабное наступление. Ликея под предводительством Леоса храбро отбивалась от неприятеля, сражаясь за каждую пядь земли. Но ферксийцы медленно и неуклонно теснили малочисленные армии, пока не загнали остатки войска великого царя в Ущелье смертников у побережья Северного моря. Ферксия рассчитывала на легкую победу, а застряла в узком проходе — единственном безопасном пути к столице Ликеи. Несколько сотен воинов три дня и три ночи сдерживали натиск врага. Леос пал, и как поведал Вэл — царь забрал с собой к Асмодею больше дюжины противников, в одиночку схватившись со всей империей.

— Ты знал его? — спросил Неас в тот раз.

Вэл сидел на краю кровати и чистил ножом большое спелое яблоко.

— Лучше, чем ты можешь себе представить. Мы странствовали вместе с ним и его сестрой — Еленой. Между прочим, — он срезал дольку и поднес ко рту Неаса. — боевая женщина. А яблоко, кстати, вкусное.

— Очень шладкое, — подтвердил Неас.

Вэл тепло улыбнулся.

— Тебя бы с его детьми познакомить. Поллукс и Кастор одного возраста с тобой...

Но бывали и скверные дни. В одночасье, столица Ликеи — Коринфус сдалась под напором империи. Страну ожидала участь Иллари, однако Поллукс с братом создали Союз. Славная Грекалия — главный соперник Ликеи за богатства и землю, протянула Поллуксу руку помощи. Из-за такого вмешательства Ферксия разрушила городские крепости грекалийцев, превратив половину страны в выжженную пустошь.

Ферксийская зараза расползлась по всему континенту. Щупальца войны обвили пограничные заставы дворфов и эльфов. Пока дышит хоть один нелюдь, Ферксия продолжит изуверский поход по миру. Рано или поздно ее горячая ненависть к фэй поглотит последние свободные оплоты. И даже когда континент падет перед мощью империи, Оттон не остановится. По легенде существует вторая часть суши, разделенная с собратом Бесконечным океаном. Но вряд ли императора беспокоит такой пустяк. «Враг всегда найдется» однажды сказал отец.

Время шло; приближались первые холода. Через грязное окно Вэл с разочарованным видом наблюдал за марширующими отрядами ферксийцев по улицам Фоуста. Шестое чувство подсказывало, что надвигается нечто страшное.

— Весь запад в распоряжении Оттона, — произнес он. — Скоро уже никто не сможет победить этого сумасшедшего.

— А как же Поллукс и его Союз? — спросил Неас, снимая короткий меч со стойки. Тело мальчика день ото дня крепчало: вернулся здоровый цвет кожи, прежний аппетит и вновь появилась тяга к разговорам. Неас уже сам садился и вставал, если требовалось, а также по наставлению Вэла, он целое утро посвящал упражнениям с клинком. — Разве он не хотел отвоевать Ликею? Надеюсь, он отправит империю в преисподнюю!

Вэл повернулся к ученику.

— Ферксия не достойна, чтобы ее ненавидели. По-твоему, это хват? Я зря втолковывал тебе, как нужно держать меч?

— В доме слишком тесно, — буркнул Неас.

Следопыт отошел от окна.

— Арип велел тебя не выпускать, пока ты полностью не оправившись. Да и лес сейчас небезопасен.

— Я уже здоров, — Неас сделал резкий выпад. — Отец слишком обо мне печется. Может быть, я просто уйду на прогулку? — Он заговорщически подмигнул.

Вэл не одобрял задумки Неаса. По его мнению, тот поступает слишком опрометчиво и безрассудно, в одиночку отправляясь в лес, однако, это неплохая возможность проверить, на что он способен.

— М-м-м, — воин потер щетинистый подбородок. — Тогда тебе понадобится кое-какое снаряжение. — Вэл

снял с пояса кинжал и протянул ученику. — Возьми. Фэй еще не ушли, поэтому клинок пригодится.

Неас принял оружие с нескрываемым восхищением.

— Ого! Ты и правда доверишь мне «Защитника»?

Вэл ответил не сразу. Он оценивающе оглядел мальчишку, прежде чем отправить его упражняться.

— Всегда помни: лес не причинит вреда, если ты не вынудишь его убить тебя. И ради всех богов, — следопыт снял со спины небольшой арбалет, — не пытайся лезть в драку с фэй. Но если что, это оружие задержит не очень сильного противника.

Неас надел тренировочный доспех и пристегнул арбалет к бедру.

— И даже не проводишь?

Вэл криво усмехнулся.

— Кто-то же должен отвлекать Арипа. Будь его воля, сидел бы он тут с утра до вечера. Беги и не забывай про тропы, которые я тебе показывал.

«Свобода!». Неас вихрем пролетел через весь город, минуя патрули и посты охраны. Вэл хорошо его обучил умению прятаться и быть невидимым даже в свете солнца. Никто так и не заметил, как ловкий паренек проскользнул через главные ворота, смешавшись с группой бродячих торговцев.

Когда караван отошел на безопасное расстояние, Неас покинул главный тракт и устремился к сводам Восточного леса. Нет ничего более упоительного, чем мягкая земля и шелест травы под ногами.

Древний лес встретил старого знакомого приятным ароматом мокрой коры. Неас на мгновение прикрыл глаза, глубоко вдохнул. Насладившись запахом, он побрел по золотому ковру из опавших листьев. И так тихо вокруг... поразительно тихо: ни пения птиц, ни писка животных. Казалось, они вместе с фэй покинули эти края. Лишь холодный северный ветер раскачивал лысые деревья, предупреждая о скорых морозах. Неас успел поймать себя на мысли, что зря он не оделся теплее. Мальчик дыханием согревал покрасневшие ладони, как услышал шорох и приглушенный женский смех.

— *Ах-ха-ха...*

Неас остановился, осторожно огляделся по сторонам — ни души вокруг. Тем временем смех раздался за спиной.

— *Ах-ха-ха...*

Неас приготовил арбалет и поводит оружием в разные стороны.

«Спокойнее. Тут никого нет, кроме тебя».

Следуя наставлениям учителя, Неас шаг за шагом продвигался по тропе и прислушивался к каждому звуку. Без паники, без суеты. Он впервые ощутил себя охотником, тем, кто бродит по лесам и пустошам в поисках опасных тварей. Неас мечтал о такой жизни после удивительных баек Вэла про свои странствия. Правда вот, на деле встретиться лицом к лицу с чудищем или призраком — не так-то уж и весело.

Поляна для занятий, которую годом ранее он вместе с Вэлом обустроили для тренировок, уже рядом. В открытом поле больше возможностей победить в схватке. Смех становился громче.

«Одним смехом меня не напугать, — храбрился Неас. — Хотя кого я обманываю?»

Неас сошел с тропы и бросился бежать на юг. Назойливый смех за спиной не утихал. Спустя какое-то время вспотевший Неас кувырком вылетел из кустов — напрямик на песчаную арену. Затем он резко развернулся и нацелил арбалет в кусты. Так он и стоял около пары минут, пока что-то не потянуло его за ногу и не подняло над землей. Мальчик висел верх тормашками, а арбалет остался лежать на мокром песке. Неас испуганно повертел головой и обнаружил, что за лодыжку его схватил корень. Самый настоящий живой корень!

Первым делом, Неас попытался вытащить нож, но вдруг из-под земли вырвались вторые путы. Длинный отросток сорвал клинок с пояса вместе с ножнами.

«Да чтоб тебя!», — выругался он, беспомощно вращаясь вокруг своей оси.

— Так-так, кто это тут у нас? — прозвучал мелодичный женский голос.

Не больше трех шагов разделяло Неаса и девушку в начищенном кожаном дублете. Куртка плотно облегла фигуру незнакомки, подчеркивая стройность.

— Кто ты? — выпалил Неас.

Незнакомка шелкнула пальцами, и корень с клинком плавно опустился перед хозяйкой. Интерес в ее глазах не затухал все то время, что она рассматривала оружие. Тонкими пальцами девушка провела по лезвию, и оно засветилось.

— Любопытно, — прошептала она. — Не каждый день встречаешь мифриловое оружие. Сплав редких металлов с магической гравировкой, вдобавок еще и светится в присутствии фэй. — Колдунья озадачено

посмотрела на висящего Неаса. — Что такой нож делает в руках мальчишки?

— Не твое дело! Отпусти меня! — потребовал Неас.

Лисандра снисходительно улыбнулась. Как она раньше не узнала мальчишку с ферксийской арены? Храбрец и слова не проронил, когда плеть хлестала его по голой спине.

— Слушай... — попыталась начать разговор Лисандра, однако Неас и слышать ничего не хотел. Он достал второй нож из сапога, одним махом перерезал корень и плюхнулся на землю. Схватив арбалет, Неас прицелился и нажал на крючок. Тишина.

— Он не заряжен, — заметила Лисандра, сдерживая смех.

Неас отбросил бесполезное оружие в сторону и бросился в атаку с одним ножом.

Нельзя позволить ей и дальше вызывать корни. Вэл говорил, что волшебники слабы в ближнем бою. Он сделал быстрый выпад — противница легко увернулась и коленом врезала в живот Неаса.

— Уф-ф... — Он согнулся пополам и ударил наотмашь. Незнакомка подпрыгнула; длинное лезвие пронеслось под ней. Неас не успел удивиться очередному корню, который обвился вокруг руки и ноги, прижав к земле.

— Ох-х... — глухой стон боли вырвался из груди Неаса. Он не сдастся! Удар — свободна рука; еще взмах — корень у ног разрублен пополам.

Вскочив, Неас огляделся. Колдунья будто испарилась в воздухе.

— Покажись! — выкрикнул мальчик.

Неожиданный удар с ноги в бок откинул Неаса в сторону. Нож оказался у девушки, и вместо того, чтобы зарезать врага, просто выкинула клинок подальше.

«Она же девчонка!».

Неас стукнул по земле кулаком от негодования. Сейчас-то он ей покажет! Мальчик остервенело кинулся на противницу. Первые несколько ударов закончилась ничем: девушка спокойно уходила от каждого выпада, словно знала, куда направлен кулак, а затем отвечала. Неасу еще не приходилось получать от женщины, к тому же, такой сильной.

— И это все? — насмешливо бросала незнакомка. — Серьезно собрался биться с Ферксийей?

Вторая атака стала еще яростнее. Град ударов обрушился на колдунью со всех сторон. Но будь то рука или нога, она с легкостью блокировала или уклонялась.

— Наивный юнец, — произнесла Лисандра, зажав кулак Неаса в своей ладони. — Ты слишком предсказуем. — Очередной удар ногой отправил мальчика в полет.

Неас грохнулся на землю с разбитой губой и синяком под глазом.

— Сдаешься? — спросила она. — Иначе отец тебя не узнает.

— Сейчас... только... дух... переведу, — раздалось в ответ. — Пощады... не жди.

Таких настырных мальчишек Лисандра давно не видела. Не мудрено, что он не сломался. Теперь она заужала Неаса еще больше. Оставалось привести паренька в чувства.

— Ну попробуй, — Лисандра приняла боевую стойку.

Неас поднялся на дрожащих руках и гордо выпрямился. Размяв плечи и шею, он ринулся в бой. Неас изумился и восхитился одновременно, когда девушка перехватила руку, и затем ребром ладони ударила в грудь. Остатки воздуха не успели выйти из избитого тела, как следующий кулак угодил под подбородок.

Лисандра завершила бой броском Неаса через себя.

— Успокоился? Моргни, если да.

Мальчик моргнул. Теперь он вспомнил. Над ним стояла та самая незнакомка, которая босиком и в платье бродила по лесу.

— Поговорим? — Лисандра протянула руку.

Красочный закат воцарился над Илларией. Неас сидел на упавшем стволе дерева у скалистого утеса и размышлял о встрече с Лисандрой. Кто бы мог подумать — маленькая, а такая боевитая. Он легонько прикоснулся к огромному синяку под глазом и дернулся от боли.

— Уф-ф, жжется...

Лисандра вылечила раны и ушибы на всем теле, кроме лица. Видимо, чтобы Неас навсегда запомнил: не все маги беспомощны без хваленых заклинаний.

Как же приятно осознавать, что за столько лет появится еще один друг. «Поединок связывает людей крепче цепи, — повторял Вэл во время занятий. — Ваши мысли и чувства сливаются. Для воина нет большей радости, чем достойный противник». Неас несказанно радовался встрече с лесной девой, и будь у него время, разговор с Лисандрой не закончился бы до утра.

Во время дружеской беседы открылась правда: Лисандра спасла его, когда он весь в крови рухнул на землю на глазах у десятка ферксийских офицеров. С помощью древней магии она вернула душу обратно в тело, а потом еще три дня боролась за жизнь Неаса. В Иллариин подобные поступки навеки связывали людей клятвой крови. Какова бы не оказалась просьба, долг превыше любых правил. А затем они расстались. Неас пообещал себе, что вскоре отыщет Лисандру в Восточном лесу.

Неас вздохнул полной грудью прохладный воздух. Под вечер он становился особенно свежим и нес множество удивительных ароматов. Ветер доносил запахи влажной земли, терпкого можжевельника, грибов и сладких ягод. Неподалеку с гоготаньем и чириканьем ввысь устремились стаи птиц, чтобы успеть долететь до теплых берегов Захарии или волшебных садов Астории.

Неас любил этот опасный и дикий край, и никогда не променял бы лес на жизнь в столице. «Быть в должниках не так уж и плохо, если я научусь чему-то новому, — размышлял Неас, любуясь горной грядой у границ леса.

Неас заранее выбрал место. Поиски приведут Вэла или отца в первую очередь именно сюда. Тут впервые встретились Арип и Хельга — его мама. На высоком утесе, под которым протекала буйная река с множеством порогов и валунов, торчащих на поверхности, он всегда ощущал близость с матерью, хоть толком-то и не помнил ее. Обрывочные воспоминания тут и там всплывают в сознании: голос, цвет волос, даже одежда, лицо — ни разу.

Раньше Неас часто спрашивал, какой она была, но в ответ получал лишь молчание. Боль потери так сильно ударила по отцу, что тот за долгие годы не проронил ни слова о маме. «Что же тогда произошло?». Вопрос мучил Неаса уже очень давно, однако Вэл мудро предостерег не пытаться залезть в душу человеку, если он сам не готов поделиться прошлым.

— Неас! — Послышался вдалеке суровый голос. — Неас!

Отец. Ферксийцы не без причины боялись Арипа. Один рык, и они уже на коленях молят о пощаде.

— Неас! — продолжил кричать Арип до тех пор, пока массивная фигура не показалась из кустов.

Неас обернулся на шум.

Облаченный в тунику и мешковатую робу, отец мальчика держал в руках длинный клинок. На табарде виднелись символы ордена магов, где в былые времена состоял Арип.

— Создатель! — изумился он. — Что с твоим лицом?

— Упал, — солгал Неас. — А ты что тут делаешь?

— Воздухом пришел подышать. — Клинок скользнул в ножны. — Я присяду?

Неас подвинулся и Арип уселся рядом. Несколько минут они оба молчали, не зная с чего начать.

— Помнишь, — заговорил Арип, погрузившись в воспоминания, — как ты впервые прочел книгу «Справедливость и равенство»? Ксайфенус, кажется.

— Клисфенус, — поправил Неас. Отец умышленно искажил фамилию асторийского ученого. Старый лис знает, что труды Клисфенуса более всех запали ему в душу.

— Да-да, вечно путаю его с другим умником, — отшутился Арип. — С тех пор ты мечтал увидеть Илларию во всем ее великолепии. Новые законы, новые союзы, счастливые люди...

— Это невозможно, — расстроено ответил Неас. — Теперь я это понимаю.

Арип удивился.

— Почему?

— Люди. — Мальчик сдвинул брови. — Они не хотят мира. Вэл многое рассказал, пока заживали раны.

Арип печально вздохнул.

— Ох, Неас, ты спешишь с выводами. Людей так много, и они все разные. Нельзя судить по Ферксии и Иллариин, кто достоин помощи, а кто нет.

Неас опустил голову. Он почувствовал, как гнев выплескивается наружу.

— Я бы хотел, чтобы Ферксии не существовало. Чтобы она сгинула вместе с Оттоном, — последовал ожидаемый ответ.

— Не говори ерунды! — Арип соскочил с бревна и встал на колени перед сыном, положив руки ему на плечи. — Сейчас ты видишь боль и отчаяние, жестокость и ненависть, но человек может измениться. Ферксией не всегда правили тираны.

— Откуда ты знаешь? — не унимался Неас. — Ты же сам мне рассказывал о зверствах империи.

— Не Ферксия зло, а тот, кто стоит за ней. В империи немало хороших людей, которые хотят мира. Не суди всех по Конраду и Оттону.

Неас укоризненно посмотрел на отца.

— Они убили маму, искалечили меня, сожгли много иллариинских городов. Желать ферксийцам смерти — плохо?

Арип коснулся щеки сына.

— Не говори так, если ты не в силах возвращать к жизни. Погаси ненависть в сердце. Она делает человека слепым. Он не видит света вокруг, не чувствует теплоты от любимых, не осознает ценность жизни. Незнакомец из твоих снов потерян. Он принял неверное решение, сделавшее из него убийцу. Не становись его тенью.

Неас поник. Отец как всегда прав, хотя сердце горит от неукротимой злобы.

— Пап, — хрипло произнес Неас. — Я не хочу такого выбора.

Арип крепко прижал сына к себе. В эту минуту он понял, что должно сделать, дабы уберечь его от псов Оттона.

Знойное лето. Восточный лес в это время года превращается в опасный лабиринт, где обитают существа древнее самой Иллариин. После дня солнцестояния, фэй превращают лес в непролазные дебри благодаря своим тайным знаниям. Магическая сеть ковром опускается на зеленый край. Для непосвященных каждый шаг может стать последним. Немногие решаются ступить на землю капризного и непредсказуемого народа, но мир полон смельчаков...и глупцов.

Лисандра с закрытыми глазами стояла в осиновой роще и пыталась прислушиваться к звукам природы. Из-за угнетающей жары ей не удавалось собраться: солнце кипятило кровь, а духота туманила голову. И тем не менее Лисандра стойчески не обращала внимания на липкий пот, беспрерывно стекающий по лицу. Такие пустяки не заботили ее во время тренировок с Неасом.

С каждым годом он становился все сильнее и выносливее. За четыре года он прошел путь от вспыльчивого мальчишки до терпеливого охотника. Движения Неаса стали бесшумными. Почти. Лишь легкий шелест травы выдает присутствие иллариинца.

Как только редкий теплый ветерок прошелся вдоль изнывающих от жары деревьев, Неас напал. Он резко выскочил из кустов по правую руку от Лисандры. Будь противник более опытным, ее бы застали врасплох. Мальчишка слишком самонадеян.

Ребро ладони летело в шею Лисандре, однако она оказалась готова к такому. Лисандра открыла глаза в тот миг, когда удар чуть было не настиг ее. Она подняла правую руку, чтобы защититься, и украдкой заметила ликование. Второй рукой Неас уже метил в подмышку.

«Рано радуешься!».

Лисандра не просто ушла от выпада в шею — она перехватила увесистый кулак. Миниатюрная ладошка с удивительной легкостью остановила атаку.

— Не сегодня! — Неас попытался сделать подсечку; Лисандра подпрыгнула и со всего размаха врезала ногой по лицу нерадивому ученику. Тот сделал несколько шагов назад в попытке сохранить устойчивость. Тряхнув головой, он свирепо покосился на противницу.

— Шлабовато, — дерзко произнес Неас и быстро вправил челюсть.

Лисандра встала в стойку, лицо сияло от счастья. Как же давно она мечтала сразиться с кем-то равным.

— Могу повторить. — Она прокрутилась и носком прочертила идеальный круг. — Готова поспорить — ты не выбьешь меня за черту.

Неас обрушил на Лисандру град ударов. Та играючи отбивалась ото всех атак, не забывая осыпать противника колкостями, чем еще сильнее раздражала его. Лисандре даже удалось отвесить Неасу пару оплеух, когда он позволил ей зайти за спину.

— О, кулачки-то подросли, а вот ума не прибавилось!

Лисандра не могла нарадоваться успехам Неаса в рукопашном бою. Поставленный удар вкупе со скоростью и грубой силой делал из него бойца, не уступавшего по мастерству молодым воинам фэй. И всего за каких-то пять лет.

Натиск Неаса не ослабевал. Лисандра не успевала переводить дух, иначе сильно рисковала проиграть в схватке. Несмотря на жесточенность битвы, глаза Неаса оставались спокойны. Он неплохо научился держать в узде свой горячий нрав. Однако...

Неас чувствовал, что силы начинают покидать его. Опыт есть, а вот выносливости Вэла ему не хватает. Старый друг и наставник часами колотил чучело на поляне и даже не потел. Очередной удар скользнул по лицу Неаса и он зажмурился. Роковая ошибка в бою. Колено тотчас прилетело в живот.

— Уф-ф...

«Как в первый раз», — мелькнуло в сознании Неаса, когда он опустился на четвереньки. Он через силу приподнял голову и разочарованно выдохнул. Лисандра не сдвинулась из круга ни на дюйм.

— Не-е-ет, — устало протянул Неас. — Ты не человек.

Сев на корточки, Лисандра нежно прикоснулась к лицу возлюбленного. Ее всегда привлекали люди готовые прыгнуть выше головы. Придет день, и Неас не просто победит ее — он сам станет превосходным учителем.

Лисандра провела пальцем по ушибленной челюсти юноши. После мимолетного свечения, ссадины и раны исчезли, будто их и не было. Неас еще слишком молод, чтобы щеголять с россыпью шрамов на лице.

— Готово, — сказала Лисандра, отряхивая ладони. — Все остальное само заживет.

Неас недовольно поднимался и ворчал себе под нос.

— Даже не знаю, кто страшнее — ты или Вэл.

Лисандра удивленно приподняла бровь.

— Мне подраться с Вэлом?

— Нет-нет! — опомнился он. — Просто...сколько надо заниматься...Ну в смысле ломать деревья пополам и все такое.

Лисандра поспешно отвела глаза. Никому не нужно знать, что она прожила уже не одну человеческую жизнь. И все же этот Вэл и правда опасный противник. Бой с ним будет не из легких.

Девушка беззаботно махнула рукой.

— Да у тебя вся жизнь впереди. Глядишь, и через десяток лет сможешь и не такое. — Она кивнула в сторону узкой тропки. — Пойдем, а то твой отец еще раз решит испытать удачу в лесу. Сам потом побежишь вытаскивать его из корневой ловушки.

Неас закатил глаза.

— Пф-ф, это же была твоя ловушка.

Лисандра показала язык в ответ.

— Очень по-взрослому, — пробурчал Неас. Он шагнул вперед, но нога предательски зацепилась за один из живых корней, который так удачно появился под ногами Неаса. Как некстати, на пути оказалась Лисандра, и они вместе повалились на землю.

— А ты не теряешь времени даром. — По лицу Лисандры скользнула игривая улыбка. — Так это и есть твой план?

Неас зарделся, как мак.

— Скорее твой.

Лисандра звонко засмеялась и невинно спросила:

— И что ты предлагаешь?

Неас потянулся к колдунье. Та приложила палец к его губам.

— Ловушку?

Юноша задумался, расстегивая ремешки доспеха.

— Лучше две.

— Слишком подозрительно. — Арип сидел за столом у себя в мастерской вместе с Вэлом. — Прошло столько лет, а от Реймонда ни слуху, ни духу. Не похоже на ферксийцев.

— Согласен, — ответил следопыт, сделав плоток воды. Жара выводила его из себя, хоть он и обошел все пустыни мира. — Даже тот заносчивый болван, Конрад, не появлялся у двери.

Арип недоверчиво посмотрел на старого друга.

— Продолжаешь следить за ним? Я же предупреждал тебя, что это опасно.

— Не опаснее той девчонки, с которой Неас проводит слишком много времени! — Вэл с силой воткнул излюбленный нож в столешницу.

Ни один мускул на лице Арипа не дрогнул. Он спокойно выдержал вспышку гнева следопыта.

— Девчонка исцелила Неаса. Думаешь, она опасна? — спросил маг, потирая кулон на шее.

При взгляде на кулон, Вэл еще больше разозлился.

— Не просто так ферксийцы не высовывают нос из своей коморки. Эта...знахарка вызывает опасение. Я ни разу не смог за ней проследить. Она... — Вэл выдернул нож, — она словно растворяется в воздухе.

— Снова твое чутье? — скептически заметил Арип.

— Оно меня не подводило. Я уверен: запах не отличается от того, что я почувствовал пять лет назад.

Арип задумчиво уставился в потолок, перебирая в голове все доводы друга. Его тоже беспокоило безвылазное пребывание сыны в фэйском лесу. Но что еще больше настораживает, так это полное бездействие хозяев. С наступлением лета даже Вэл редко забирается в самую глубь, потому что это крайне опасно. «Неужто Реймонд резко поумнел? Сомнительно, — Арип крепко сжал алый камень. — Вести такую тонкую игру может один Оттон».

— Они хотят заполучить эту безделушку. — Вэл кивком указал на камень. — Откуда они вообще узнали про нее?

Арип обратил взгляд на друга. Его мысли вернулись в настоящее.

— Мой просчет. Больше я рассказать не могу.

Вэл встал из-за стола и подошел к пыльному окну.

— За все годы я не задавал вопросов, но сейчас на кону жизнь Неаса. — Воин посмотрел на покрытую паутиной шрамов ладонь. — Каждую ночь мне снятся кошмары, предостерегая от опасности, и каждый раз я просыпаюсь с ножом в руке. Что-то приближается.

— С Неасом все будет в порядке, — пообещал Арип. Мне просто надо еще немного времени.

Вэл вспыхнул от негодования.

— Времени?! — следопыт ударил кулаком об стену. — По твоей вине Неаса исполосовали плетью, по твоей вине Иллария стала сухой равниной! По твоей вине... — Вэл осекся. — По твоей вине погибла Хельга, — глухо добавил он.

— Вэл...

— Хватит, Арип. — Воин отмахнулся. — Ты не уничтожишь ту мерзость из Хранилища — никому это не под силу. Прощу, подумай о сыне. Неас не заслуживает смерти.

— Поэтому я все подготовил, — прозвучал уверенный ответ. — Вскоре враг явит себя, и ловушка захлопнется. А пока мне кое-что нужно от тебя.

Вэл мрачно покосился на Арипа.

— Я слушаю.

— Узнай, что происходит в лесу. Кем бы ни была та девушка, — Арип сложил ладони в замок, — ты должен разузнать о ее намерениях.

Вэл кивнул и пошел к выходу. У самого порога он неожиданно остановился.

— Ты еще разговариваешь с ней?

— Всегда, друг мой, всегда.

Следопыт покинул мастерскую. Арип тяжело откинулся в кресле с размышлениями о грядущем. «А если Вэл прав, и та девчонка опасна? Как не разбить сыну сердце и отгородить от смерти?».

Арип прикоснулся к кулону на груди. В алом камне заключена душа Хельги, что добровольно согласилась стать ключом к древней темнице. Он источал древнюю магию, которую Арип сдерживал уже многие годы, чтобы никто из ферксийских магов не обнаружил реликвию.

— Скоро все кончится, — прошептал он, глядя в потолок. — Я спасу сына. Обещаю, любовь моя.

День близился к закату, последние лучи горячего, безжалостного солнца, освещали тихую рощу, где под сенью дерева безмятежно отдыхали Неас и Лисандра. Полуобнаженная колдунья кончиком пальца проводила по узловатым мускулистым рукам юноши. Тот задумчиво смотрел, как ветер непрерывной сухой струей, не разгоняя душный зной, ворошит густую траву и цветы. Хоть с виду жизнь Неаса и казалась яркой и насыщенной, в глубине души его тяготило смутное чувство тревоги.

Лисандра оперлась локтем о землю.

— Тебя что-то гложет, Неас? В последнее время ты сам не свой.

Неас нахмурил брови. Он не знал, как объяснить возлюбленной, что сам не до конца понимает причину беспокойства.

— Можешь назвать это внутренним чутьем, — ответил он. — Мои сны прекратились, но по ночам я слышу голос. Он что-то настойчиво шепчет, смысл всегда теряется в неразборчивом бормотании.

Лисандра по привычке начала грызть ноготь.

— Это все твое воображение. Ты стал слишком подозрительным из-за ферксийцев.

Неас недоуменно посмотрел на подругу.

— Seriously? Илларию наводнили шпионы и предатели.

— Не преувеличивай, — возмутилась Лисандра. — Тут много хороших людей. Иногда я даже завидую. — Она встала и широко потянулась.

Ответ Лисандры заинтересовал Неаса.

— Почему? — спросил он, откинувшись на толстый ствол дерева.

Лисандра провела ладонью, и живые корни мигом собрали разбросанную по роще одежду.

— Хотя бы потому, — она накинула на себя тунику, — твой город не сровняли с землей.

Неас потерял дар речи от удивления.

— Что?... — Слова Лисандры ошеломляли. Он и представить себе не мог, что кто-то способен уничтожит целый город. — Что значит «сровняли с землей»?

— У меня нет дома! — Ответ прозвучал более резко, чем того хотела Лисандра. — Я завидую тебе, Неас. Да, завидую, что у тебя есть семья. — Она стиснула кулаки. — Мои родители погибли в бессмысленной войне, которая ничего не значила! Они погибли из-за предательства. Я помню всадника. — Воспоминания в голове Лисандры выползли из темных уголков памяти. Вновь она наблюдала пламя, пожирающее город, вновь слышала крики и мольбы о пощаде. На нее мчался ферксиец в черных блестящих от крови доспехах. Меч в латной перчатке сверкал, переливаясь всеми цветами от переизбытка магической энергии. В его глазах она видела полное равнодушие: ни

ненависти, ни злости, ни жалости, ни печали, ни тоски, ничего, кроме холодного безразличия. — Он пронзил клинком отца, испепелил маму и приготовился убить и меня. — Девушка обернулась. — Как видишь, я еще жива.

Одинокая слеза скатилась по ее щеке.

Неас вдруг осознал, что впервые Лисандра рассказала что-то из прошлой жизни.

— Ты не представляешь, — девушка сняла с живого корня кожаный доспех, — что значит потерять все.

Неас поднялся, отряхивая с себя пыль и листву. Он молча подошел к возлюбленной и взял у нее из рук свое снаряжение.

— Ты ошибаешься, — ответил Неас, надев доспех. — Я живу с человеком, который лишился своей души. Вечерами, когда отец думает, что я не вижу, он сидит за домом и разговаривает с мамой. — Неас с упреком посмотрел на Лисандру. — Не говори мне, будто я не понимаю.

— Прости, я...

— Не извиняйся. — Неас покачал головой. — Каждый из нас чего-то лишился, но в наших силах построить свое будущее. — Он поднял взор на небо. — Мне надо быть дома до захода солнца.

Лисандра крепко обняла Неаса и поцеловала в щеку.

— Береги себя. Надеюсь, скоро увидимся. — Она достала из сумки браслет из ткани и протянула Неасу. — Это тебе на память. Я сама сделала.

Тот благодарно принял подарок и побежал домой.

— Слушай, Неас, — окликнула Лисандра, — а твой отец видит духов?

Вопрос озадачил Неаса.

— Вряд ли. Он болтает с камнем у себя на шее, — упомянул он, почесывая затылок. — Последний подарок от мамы.

— Вот как, — задумчиво произнесла девушка. — Спасибо за ответ.

Неас помахал рукой на прощание и побежал прочь из фэйских владений.

Едва Неас скрылся из виду, в голове Лисандры прозвучал до боли знакомый старческий голос.

— *Превосходная игра, девочка моя. Несмотря на мои просьбы не сближаться с этим мальчишкой, ты добилась успехов.*

— Это еще не все, — ответила Лисандра. Ее глаза налились тьмой. — Одно дело знать, где ключ, а другое — одолеть Арипа.

Голос захихикал.

— *Неужели за пять лет, ты так и не нашла слабое место зазнавшегося человечки? Мы с сестрами гадаем: не забыла ли ты про свой долг?*

Лисандра недовольно насупила тонкие брови.

— Неас слишком подозрителен. Ваше колдовство ненадолго усыпило его бдительность: разум чересчур крепок. Времени осталось мало, а Арип сильнее даже тебя, старуха. Мне нужна помощь.

— *О-о-о,* — ехидно протянул голос. — *Нужна помощь?*

Лисандра рухнула на колени и схватилась за голову. Могучее заклинание разрывало ее изнутри. Девушка закричала от боли.

— А-а-а, хватит! Хватит, во имя природы!

Голос наполнился силой. Лисандра перестала слышать в нем притворную теплоту.

— *Знай свое место, мерзавка! Еще раз выкажешь мне неуважение, отправишься к Асмодею!*

Лицо Лисандры исказилось от мук.

— Да-да, я...я поняла!

— *То-то же! А теперь сделай, что тебе велено. Без книги Леадор так и останется грудой камней и пепла. А с мальчишке мы позаботимся...Ха-ха-ха.*

Голос умолк. Лисандра упала на четвереньки. Ее всю трясло от невообразимой мощи старой ведьмы. Невидимый знак на плече потух, но страх быть услышанной одной из них никуда не делся. Видящая не прощает провалов.

Солнце зашло, и серые сумерки окутали Фоуст, а вскоре и ночь поглотила низкие, приземистые дома. С приходом ферксийцев город нередко оставался во мраке. Лишь имперским патрулям разрешалось зажигать фонари во время ночных обходов. Город более всего напоминал склеп, где среди могил десятки ярких точек бродили по узким и грязным улицам, выискивая смутьянов.

В окне высокого здания у самой площади отражался тусклый свет. Одинокaя свеча стояла на покрытом пылью столе, за которым сидел утомленный Конрад. Он откинулся в широком кресле и лениво вращал позолоченный бокал. Иллариийское красное вино то и дело выплескивалось — ферксиец уже изрядно выпил. Пара лишних пятен на полу хуже не сделают.

Император Оттон великодушно отдал городок в распоряжение Конрада, но, видимо, забыл, что время от времени воинам необходимо сражаться. Четыре долгих томительных года Конрад прозябал в этой глуши, вынужденный приглядывать за Арипом и его сыном.

До сих пор он не понимал до конца план Реймонда. Что значит «ждать сигнала»? Когда, когда произойдет хоть что-нибудь?

Ферксиец залпом допил вино и швырнул бокал в стену.

«Будь ты проклят, Реймонд!».

Последнее время Конрад только и делал, что пил да причитал. Из высокого статного капитана, он превратился в развалину с мешками под глазами. Он давно забросил занятия с мечом и скинул основную работу по руководству городом младшим офицерам.

Конрад неторопливо поднялся, разминая затекшую спину. Он надеялся на крепкий сон. После небольшой разминки Конрад поплелся к кровати через груды пустых бутылок. Он уже не удивлялся глубине своего падения. Деревянная койка с грязным бельем ожидала в углу.

Конрад плюхнулся на мягкий матрас прямо в сапогах и распластался на нем. Капитан прикрыл глаза и уже готовился погрузиться в сон, как вдруг услышал скрежет. Он просунул руку под подушку, где лежал кинжал.

Ферксиец выждал еще мгновение и вскочил, выхватывая оружие из ножен.

— Кто здесь? — грозно выкрикнул он. Кинжал в руке плавно двигался из стороны в сторону.

Из темноты показалась невысокая девушка с посохом в руке. Она изумилась при виде полупьяного Конрада.

— О, Мать-Природа, на кого ты стал похож?

Ферксиец недоверчиво уставился на незваную гостью. Кинжал в руке по-прежнему смотрел в сторону фэй.

— Лисандра? — через секунду выдавил он. — Во имя проклятых богов, что ты тут делаешь?

Колдунья брезгливо перешагнула через кучу мусора и направилась к столу. Конрад настороженно наблюдал за тем, как Лисандра усаживается в его любимое кресло и вытягивает ноги.

— О да-а-а, — протянула она. — Давненько я не сидела в таком роскошном кресле.

Конрад все же спрятал клинок. Вряд ли эта железяка убьет фэй. Разумнее просто поговорить.

— Так что ты тут забыла, девчонка?

Лисандра смерила Конрада высокомерным взглядом.

— А сам-то как думаешь, болван обрюзгший? Все еще мечтаешь искупаться в лучах славы и доказать императору, что ты не пустое место из знатной семьи?

Конрад не обратил ни малейшего внимания на оскорбление. Слова Лисандры звучали как призыв.

— Неужели... — тихо с придыханием вымолвил ферксиец. — Скажи, что пора, — добавил Конрад с надеждой глядя в глаза Лисандре.

Колдунья лукаво улыбнулась, достала из заплечного мешка небольшую светящуюся сферу и бросила в руки Конраду. Зеленые лучи нарисовали в воздухе лицо, вернее маску. За маской шута скрывалось лицо императора Оттона.

Повелитель Ферксии оглядел мрачную комнатушку, а затем и Конрада.

— Теперь ты больше походишь на иллариийца, — громко произнес император. — Такой же грязный, — Оттон сделал глубокий вдох, — и вонючий, — закончил он. — Надеюсь, ты еще помнишь, зачем ты в этом городе?

Конрад склонил голову, стукнув себя кулаком по груди.

— Да, мой повелитель!

— Сколько солдат в городе?

— Две сотни бойцов! — не поднимая головы, отчеканил ферксиец.

— Прикажи им окружить город. Никто не должен покинуть Фоуст, это ясно?

— Да, владыка!

Маска повернулось к Лисандре.

— Твоя хозяйка попросила о помощи, хек*. Два отряда Стражей Креста* придут в город завтра. Помните, — император угрожающе повысил голос, — провал — смерть для вас обоих.

Сфера потухла и стала обычным стеклянным шаром.

— Слушаюсь и повинуюсь, — прошептал Конрад.

Лисандра ухмыльнулась при виде растерянного ферксийца. Ее забавляло то, что стоит появиться лику императора, и эти чванливые солдатики уже гадят под себя.

— Раз уж ты закончил лизать зад своему драгоценному императору, — сказала она, изящно положив ногу на ногу. — То пора выбираться из этой выгребной ямы.

Конрад мерзко оскалился, точно кабан.

— Согласен.

С первыми лучами солнца в самых глубинах леса Вэл искал следы женщины, которая некогда спасла Неаса от смерти. Он то и дело находил мертвых птиц и животных. Их тела снедала непонятная зараза, превращая в гниющие останки. Восточный лес поразила болезнь, но Вэл не понимал, где источник зла. Он уже исходил все долины и рощи, побывал в потаенных залах архимагов, изучил склепы и руины крепостей неподалеку от Фоуста — все тщетно. Коварный противник умело водил Вэла за нос. Поиски привели к речному броду.

Вэл по колено зашел в воду и опустил руку в прохладную речку. Он нахмурился, почувствовав нечто вязкое. Чистейший горный поток нес в себе яд. Следопыт решил убедиться в выводах и направился к глубоководью, где перед ним предстала ужасающая картина: водную гладь покрывал маслянистый слой, распухшие от болезни рыбы плавали брюхом вверх, а на обоих берегах стояли сухие, покрытые слизью деревья. Вэл подозревал, что его намеренно водят по лесу. Он еще не сталкивался с настолько могущественными силами в диких лесах Иллари.

— Что же это? — размышлял он. — Немногие существа в этом мире способны свободно изменять природу.

Вэл решительно зашагал вглубь гниющего леса. По пути он подобрал длинную палку и принялся ворошить сухие листья под ногами. Через какое-то время конец палки угодил во что-то мягкое. Вэл присел и ладонью стер грязь со своей находки. Глаза расширились от омерзения. Гнилой мягкий корень, словно гнойник, который еще не прорвался, но истончился. Внутри корня по направлению к реке быстро текла темная жижа.

Вэл не решался дотронуться до оскверненного растения. Как он и предполагал — в этих землях обитает ведьма. Давно ли миазмы проклятия появились в этих краях? Вэл точно бы знал, появились корни неделю или месяц назад.

Внезапно, до Вэла донеслись громкие голоса на ферксийском языке, он принялся. Ветер принес запах костра и пота. Подойдя ближе к воде, он понял что неподалеку, на соседнем берегу, кто-то обустроил лагерь. Гости как раз устроили привал в роще, куда болезнь еще не добралась. Следопыт оставил размышления о ведьмах и поспешил к еще одному броду. Он, как никто другой, знал, что друзья не прячутся в лесах.

Добравшись до лагеря незнакомцев, Вэл затаился в тени. Он тайком наблюдал, как довольно крупный отряд ферксийцев готовится к сражению. Воины натачивали клинки, подгоняли и подкрашивали доспехи, кто-то грузил ящики со стрелами в повозки, некоторые упражнялись в стрельбе. У каждого ферксийца на броне сверкал символ.

«Стражи Креста?», — не веря глазам, удивился Вэл. По слухам, такие воины редко покидают столицу. Видимо, поручение Оттона настолько важно.

Зоркий глаз Вэла разглядел в толпе бойцов офицера. Высокий, бледный молодой офицер с копной черных длинных волос, облаченный в пластичный доспех, расхаживал по лагерю и спокойно раздавал приказы. Вид заклятого врага вызывал сдержанный трепет. Давно Вэл не ощущал непреодолимое желание пустить кровь.

«Гордись, пока можешь, падаль. Я всех вас вырежу рано или поздно».

Но давать волю гневу еще рано, Вэл хотел узнать, для чего прибыла личная гвардия Императора. И тот офицер приведет к ответам.

Скрываясь в тени деревьев, Вэл не спускал глаз с ферксийца, который с задумчивым видом не спеша шел вдоль лесного массива. Вэл следовал по пятам. Вскоре слежка привела к шатру. Ферксиец что-то рывкнул двум стражам у входа, и те сию секунду покинули пост. Когда офицер зашел внутрь, Вэл тихонько вылез из укрытия. Присмотревшись к шатру, он сразу же нырнул за них. К счастью, Вэл отлично слышал, о чем говорили ферксийцы.

— Гидеон, зачем ты отозвал стражу? — спросил незнакомый хриплый голос. — Оттон вряд ли тебя услышит.

— Нас отправили на убой.

— С чего ты взял? — свирепо зарычал грозный бас. Вэл не видел говорившего, лишь представлял, что за великан стоит в паре шагов. — Оттон никогда бы...

— Он приказал убить Арипа! — вспыхнул Гидеон. — Да вы хоть знаете, кто это?

Вэл позволил себе улыбнуться. Даже у Стражей ноги трясутся при упоминании имени друга.

— Очередной колдун? — предположил старик.

— Намного хуже. В городе все силы бросаем на Арипа. Плевать на все остальное. На Конрада в том числе.

— А Неас? — прорычал великан. — Его тоже убить?

— Если только будет путаться под ногами, — немного погодя ответил Гидеон. — Хек поможет.

Вэл помрачнел.

«Ведьма в союзе с Ферксией?».

— Осторожнее, Гидеон, — предостерег старик. — А то давненько висельницы простаивают.

— В отличие от тебя, Маркус, я не хочу отправить сотню солдат в могилу! — последовал гневный ответ. —

Прикажи своим людям сворачиваться. К закату мы уже должны быть в городе.

История принимала опасный оборот, и Вэл решил убраться из лагеря. Ему следовало предупредить Арипа и Неаса. Следопыт бросился бежать по знакомой тропе. Он знал что успеет, он знал...

Хлесткий удар в живот выбил из Вэла весь дух. Он отлетел назад и врезался спиной в дерево. В глазах воина все потемнело, он сполз на землю, пытаясь прийти в себя.

— Кто это у нас тут? — послышался бархатистый женский голос. Незнакомка присела на корточки. — Шпион?

Вэл смотрел на тоненькую зеленокожую девушку с ветвистыми рогами. Черные глаза с багровым вертикальным зрачком как у кошки с интересом наблюдали за ним. Рука следопыта метнулась к ножу, как ни странно ведьма оказалась не просто сильной: она схватила Вэла за руку и перекинула через себя. Ошарашенный следопыт только и успевал считать ушибы, когда существо швыряло его в разные стороны, словно детскую игрушку.

В конечном счете, ей наскучило играть с добычей. Она откинула Вэла в сторону и топнула ногой по земле. На поверхность вылезло множество черных щупалец.

— Не стоило совать нос в чужие дела, человек, — равнодушно произнесла ведьма. — Поэтому ты умрешь...

Раздался тихий смех.

— Хе-хе-хе, — прокашлял Вэл, вставая на ноги. — Ты еще так молода.

Ведьма прищурилась.

— Что ты там пролаял? — сквозь зубы прошипела она.

— То, — плащ упал на землю, — что будь ты постарше. — Вэл расправил плечи и выдернул «Защитника» из ножен. — Сразу бы убила меня!

Клинок полетел в голову фэй.

Целое утро Неас потратил на отработку выстрелов. Болты раз за разом поражали деревянные стрелковые щиты, застревая точно в центре. Вэл бы пришел в восторг от скорости и точности. Странно...его до сих пор нет, а уже почти полдень. Неас тренировался в одиночестве. Впервые за долгое время.

Он зарядил снаряд и прижал ложе к плечу. Стрелять по деревяшкам Неасу уже наскучило, и он обратил внимание на крупную еловую шишку. Ему понадобилось не более пары мгновений, чтобы прицелиться и поразить цель. Болт раскрошил «мишень» и засел в дереве.

«Делов-то!».

Порыв ветра сорвал мишень с дерева; эхо знакомого голоса донеслось из глуши. «Вэл?». Неас беспокойно огляделся. Смутное ощущение опасности преследовало его весь путь от дома до лесной поляны.

«Что-то не так».

Закинув на плечо оружие, Неас быстрым шагом направился обратно к дому. Стоило ему шагнуть за границу стрельбища, по спине пробежал холодок.

«Лес фэй ожил, — тревожно отметил Неас. — Раньше такого не случалось».

Он обернулся; знакомую тропку за ним заволокла листва. Гибкие ветви образовали непроходимую стену, а дневной свет с трудом проникал сквозь густые кроны деревьев. «Что происходит?». Неас захотел прикоснуться к зеленой преграде, но из ветвей вылезли длинные шипы.

Неас отпрянул. Шипастая стена медленно двигалась в его сторону. Юноша примирительно вытянул руку. Вэл рассказывал, что сущности иных планов не причинят вреда хорошим людям.

— Стойте, — обратился он к фэй, — что вы делаете? Я же ничего не нарушил!

Со всех сторон раздался потусторонний смех.

— *Беги-и-и*, — протянул голос.

— Куда бежать? — выкрикнул Неас, пятясь назад.

— *Беги-и-и*, — повторилось вновь.

Фэй не оставляли выбора. Неас сломя голову рванул по тропе, которая по волшебству все время меняла направление. Он не смел с нее сойти: почва вокруг превращалась в зловонное болото. Времени на передышку нет; путь позади Неаса исчезал, заставляя шевелить ногами.

Перегонки со смертью продолжались долго. Ничего похожего на первую прогулку, когда Лисандра немного поигралась с Неасом. Сейчас чья-то злая воля желала смерти человеку. То и дело на пути возникали преграды в виде корешков, камней, гигантской паутины и роя жужжащих насекомых. Несмотря на усталость, Неас преодолел завесу трудностей под смех неведомого существа. Но паника возрастала по мере того, как силы уходили из быстрых ног.

«Что делать? — крутилось в голове Неаса. — Что делать, Асмодей тебя дерь?!».

И вот одна из ветвей режет лоб. Кровь сочится из глубокого пореза, заливая лицо. Затем еще одна задевает ухо. Болезненные уколы сыпались один за другим и оставляли множество ран на теле Неаса.

«Быстрее!».

Арбалет сковывает движения, но Вэл строго-настрого запретил выпускать оружие из рук. Никто не знает, какой враг ждет впереди.

Твари разных форм и размеров присоединялись к дикой охоте. Неас чувял их гнилое дыхание, слышал яростный рев, от которого хотелось забиться в угол. На его глазах, прямо на тропе, из-под земли выбрался ужас в дырявом балахоне и с короной из ветвей. Существо угрожающе замахнулось когтистой рукой, чтобы одним ударом прихлопнуть мальчишку.

«К черту все!».

Неас зарычал. Больше от бессилия, нежели от злости.

— А-а-а! — Он резко метнулся вправо, уходя от удара твари, угодил в пышные кусты и выкатился на знакомую поляну.

Неас лежал на спине, неподвижно, как раненый зверь. В лесной тишине слышалось лишь его тяжелое дыхание. Спину, руки и лицо покрывали порезы, ноги сводила судорога. Вместе с тем, Неас испытал облегчение. Нежные лучи заходящего за горизонт солнца еще грели кожу, а ласковый прохладный ветерок приятно обдувал вымокшее до нитки тело.

Но радость от спасения оказалась недолгой. Неас стер кровь со лба и недоверчиво взгляделся в серое небо. Он испугался своего хриплого стога, когда понял, что уже вечер.

— Что?...Как такое возможно?

— *Наивный мальчишка*. — Донес ветер злобный шепот. — *Смерть идет за тобой по пятам*.

Неас ощутил дрожь. Земля заходила ходуном перед появлением зловещего кошмара. На песчаной арене, где Вэл показывал излюбленные приемы, воплотился ужас с короной.

Неас в страхе стал медленно отползать от чудища, прощупывая землю в поисках оружия. Леший* — так называли эту тварь в книгах. Вэл же обозвал ее перевертышем. Когда монстр полностью проявился, его глаза — две темно-зеленые точки, жадно уставились на Неаса. Леший разразился утробным смехом и начал меняться: исчезли скрюченные пальцы, растаяла корона, ноги под балахоном неестественно выгнулись, голова удлинилась и стала похожа на волчью пасть.

Неас наблюдал, как чудище из Царства Теней* становится гигантским волком. Угольно-черный зверь оскалился, густая слюна закапала на мягкий песок.

Очень голодный и очень злой леший сперва хотел насладиться моментом перед жестоким убийством. Волк кружил вокруг добычи, поглощая страх и ужас смертного.

«Черт, черт, черт! — паниковал Неас. — Мне конец, если он меня схватит».

Леший понимал, в каком безвыходном положении пребывала жертва. Мальчишка чудом не лишился чувств при виде короля леса. Глупый юнец думает, будто простое оружие смертных способно нанести хоть одну рану тому, кто прожил не одну тысячу лет. Да, ни к чему спешить. Пусть человечек цепляется за глупую надежду.

Пока леший затягивал игру, Неас пытался вспомнить, как одолеть чудовище.

«Вспоминай, вспоминай, — Неас продолжал отползать в сторону леса. Он неотрывно наблюдал за монстром. — Глаза? Нет-нет. Сердце? Вряд ли. Это же чертов дух леса...».

Неас неожиданно вспомнил способ убить перевертыша. Лес — дерево, а дерево хорошо горит. «Точно! Остается добыть огонь», — обрадовался юноша. Тем не менее противник не будет терпеливо дожидаться, пока он высекает искру.

Человечек уткнулся спиной в дерево. Бежать некуда. Зверь почуял отчаяние Неаса и бросился разрывать жертву на части. Не тут-то было: за один удар сердца добыча ловко ушла в сторону, а массивная туша волка врезалась в дерево, сломав его пополам.

— *Prrrhg*, — зарычал леший. — *P-p-разорву тебя, червяк!*

— На себя посмотри, образина, лохматая! — крикнул в ответ Неас, перебирая вещи в заплечном мешке. Он точно брал с собой все для розжига костра. Дело за малым — найти все до того как чудище отгрызет ему голову.

Волк заревел от ярости и жажды крови, и помчался в новую атаку. Неас быстро вытащил небольшой шарик и бросил в морду кровожадному монстру. Густой дым окутал волка. Вертя головой из стороны в сторону, леший пытался не вдыхать едкую смесь, которую придумал Вэл для отпугивания хищников.

— *Пор-рву!* — продолжал рычать перевертыш.

Неас уже успел отбежать от буйного врага, когда тот выбрался из белой дымки. К счастью, он отрыл и огниво. Теперь осталось поджечь запас хвороста и...

Когти волка едва не распотрошили Неаса, разрезав броню как пергамент. Удача и чутье спасли ему жизнь. Вэл бы неодобрительно заворчал при виде такой безобразной ошибки. Не своди глаз с противника!

«Надо бы заткнуть ему глотку».

Неас снова засунул руку в мешок. Зверь тем временем бросился вперед с широко раскрытой пастью.

«Ближе, волчара, ближе!».

Леший уже готовился перекусить добычу, однако Неасу все же удалось воткнуть кусок дубовой ветви, из которой он вырезал фигурки, между челюстей волка, прежде чем отлететь в сторону от удара.

— *Вставай...* — прозвучал знакомый голос.

Темнота застилала Неасу глаза, но постепенно зрение вернулось. Он тряхнул головой.

— Лисандра?

Никто не ответил.

«И дьявол с ней!».

Неас поднялся, подобрал огниво и с первой попытки поджег хворост. Огромный волк все еще силился перекусить ветвь, рыча и забрызгивая округу слюной от бешенства.

— *Р-р-рх, рафрфрру!*

С жуткими царапинами на груди Неас доковылял до арбалета. Из последних сил он натянул тетиву, обернул болт тканью, а затем поднес к костру.

— Умри. — Неас прицелился и выстрелил.

Пылающий факел устремился навстречу духу природы. Пламя охватило тело лешего и неумолимо пожирало монстра, пока от волка не осталась горстка пепла.

Арбалет выпал из ослабевших рук. Неас прикрыл глаза от усталости, и в ту же секунду чудовищной силы взрыв сотряс воздух. Неаса подбросило вверх. Он пролетел несколько футов и грохнулся на песок.

Столб дыма возвышался на месте, где находился Фоуст.

— Нет, нет, нет, — простонал Неас, поднявшись на ноги. — Ах! — Он схватился за живот. Из него торчал длинный сук. — Проклятие!

Неас снова упал. Кровь не останавливалась, один глаз заплыл, с каждым вздохом из легких вырывался булькающий звук. Смерть пришла за ним.

Арип с увлечением дорабатывал новое устройство в подарок для сына — первый в своем роде многозарядный арбалет.

— Еще один винт и...

Бах!

Оглушительная ударная волна выбила окна в доме и сорвала часть крыши. Осколки стекла расцарапали лицо Арипа, но телесная боль не шла ни в какое сравнение с яростью, обуявшей мага при виде отряда Стражей Креста на улицах города. Ровным строем они шли через пробитые городские ворота; на их фоне бушевало пламя, словно ферксийцы вышли из преисподней.

«Ублюдки, да как вы посмели?!». — Арип одной силой мысли отшвырнул стол в стенку.

Закованная в тяжелую броню, личная гвардия императора маршировала к его дому. Час решающего сражения пробил.

Арип презирал насилие. Его воротило от одной мысли использовать дар на ферксийцах. Но что больше волновало мага, так это Неас. Он еще рано утром куда-то ушел и не вернулся. Арип покачал головой. Как ни крути, его сын не младенец: безрассудный юнец откусит нос любому врагу! Да, напасть на него — сущее безумие. И все же пусть лучше мальчик не показывается, пока отец разбирается с одержимыми глупцами.

Смирившись с ролью палача, Арип спустился на первый этаж. В голове давно зрел план по избавлению от преследователей. Хотя бы на время.

Маг забежал в гостевую комнату с огромным гранитным камином; в нем горел невысокий огонь. Арип сорвал с груди кулон и швырнул в пламя. Оранжевые языки быстро сменились потусторонним зеленоватым цветом. Иней побежал по потолку и полу, а затем камин перестроился.

— Надеюсь, я смогу, — прошептал Арип. Комната превращалась в ледяную пещеру, пока перед ним появлялись врата: широкая, черная монолитная плита до потолка.

Арип прикоснулся к камню, и на плите проявились древние письмена на позабытом языке. Из всех живущих едва ли найдется даже горстка людей, которым хватит знаний прочесть послание.

«Да будет проклят тот, кто войдет в обитель Падшего, да смилюются боги над душой грешника, что возжелал власти, да будут страдать те, кто притронулся к тьме...».

— Да будут вечно они сторожить покои предателя, — мрачно закончил Арип.

На плите, ровно посередине, проявилось древо с семью ветвями; одна из них надломлена. Арип готовился к этому дню, но не думал, что все произойдет так внезапно. Он собрался с мыслями и распахнул древние створки. Как и всегда — пустота. Неподвластная. Холодная. Необъятная.

Снаружи доносились крики, стук копыт и звон доспехов. Арип обернулся на прощание. Западня сотрет Фоуст с лица земли вместе со всеми, кто в нем находится.

«Да примет Создатель ваши души».

Арип вошел во мрак.

Маленький городок пылал. Мистическое пламя жадно пожирало постройки, оно уничтожало даже фундамент. Люди, не успевшие покинуть дома, за считанные секунды превращались в прах. Жуткая какофония предсмертных криков затопила узкие улочки Фоуста. Кровожадные захватчики во главе с Гидеоном Блэйком двигались к дому Арипа.

Гидеон не чувствовал ненависти к людям в отличие от Конрада. Надменный самовлюбленный идиот своим поступком ополчил против себя не только жителей этого города! Раньше в нем не было столько отвращения и ненависти. Странно, что император Оттон назначил Конрада командовать гарнизоном, а Блэйку достались объедки со стола: разгребать дерьмо за помпезным кретином.

Жители в страхе бежали спасать семьи, кто-то прыгал под копыта лошадям в глупом акте самопожертвования, находились и те, кто пытался дать отпор отряду Гидеона. Каждый новый предсмертный крик погружал офицера в океан эмоций. Он мог описать незнакомое доселе чувство, как жалость — слово, смысл которого затерялся в круговороте бесконечных сражений за мнимое превосходство Ферксии. Гидеон шел, вдыхая запах гари и сожженных тел, и старался не думать о последствиях жестокого завоевания, ведь конец очевиден: поражение, кровавые слезы, плач, казнь и очередное восстание. Отец говорил: «Кто начинает войну, тот всегда получает по шее». Мили кладбищ, тысячи трупов разбросаны по полям битв, измученные люди. Ферксия стала владычицей руин, сгоревших городов и пустынь. Какой смысл во всем, если некем править?

«Хватит, — Гидеон помотал головой. — Глупые размышления не приводят ни к чему хорошему».

— Совесть замучила? — спросила Лисандра. Она не отходила от Гидеона ни на шаг.

Блэйк гневно посмотрел на рогатую фэй. Он не терпел попыток проникнуть в его голову, хотя в отличие от остальных ферксийцев Гидеон не питал ненависти к первородным существам.

— Не смей копаться в моих мыслях, хек, — холодно произнес он. — Я не могу тебя убить, но, — серые глаза сузились, — сражения часто непредсказуемы.

Лисандра отмахнулась от пустой угрозы.

— Ха! Мне не надо лезть в твою пустую черепушку, мальчишка — у тебя на лице все написано. Интересно, — она задумалась, — знает ли Оттон, какой командир возглавляет его личную стражу.

— Не твое дело, — огрызнулся Блэйк. — Мы сдерживаем Арипа, ты забираешь артефакт.

Девушка лукаво улыбнулась и встала перед Блэйком.

— Ты что, злишься? Я всего-то заигралась с огнем?

Ферксиец скрипнул зубами. Фэй была на две головы ниже Блэйка, поэтому ему пришлось опустить голову, чтобы посмотреть в лицо наглому созданию.

— Ты чудовище, — прорычал Гидеон.

Лисандра щелкнула пальцами. Рога исчезли, цвет кожи снова стал человеческим, ехидный взгляд голубых глаз прошелся по мужественному лицу ферксийца.

— Так лучше?

Блэйк ничего не ответил. Он оттолкнул колдунью в сторону и пошел дальше.

— Ах, — простонала Лисандра. — Как грубо. Поэтому у тебя до сих пор проблемы с женщинами! — крикнула она вслед ферксийцу и миг исчезла.

Блэйк и слушать не хотел ненормальную, что устроила настоящий хаос на подходе к городу. У Стражей Креста и так руки по локоть в крови, а сейчас Блэйк и вовсе перестанет спать по ночам.

Вместе с личной гвардией Гидеон подошел к особняку Арипа. Более двух сотен умелых бойцов в латах. Неудержимая сила на службе императора. По задумке Блэйка капитан Конрад должен был окружить город, а Стражи начнут битву с магом. Все пошло наперекосяк! Солдаты Конрада словно с цепи сорвались и вместо охраны ринулись в город.

— Никакого послушания, — причитал Блэйк. — Никакой выдержки, никакого уважения и терпения.

— Ты о прихвостнях того павлина? — спросил один из воинов.

Блэйк повернул голову. Никто, кроме Маркуса, не называл Конрада павлином. Самоуверенный ферксиец не умел держать язык за зубами, из-за чего вечно попадал в неприятности. Сейчас он шел рядом и на ходу стругал кусок деревяшки.

— Пришлось оставить с ним Эрика, — ответил Гидеон.

— Бах! — воскликнул Маркус. — Малыш Конрад не доживет до утра.

— Хотелось бы верить, — прошептал Блэйк.

Как только небольшое войско собралось, появился вихрь из сухих листьев, из которого вышла Лисандра. Она встала напротив дома и стукнула посохом о землю. Сотни живых корней опугали постройку. Колдунья резко сжала кулак, и корни в тот же миг смяли дерево и камень. Пара минут понадобилась Лисандре, чтобы расчистить путь к заветной цели. Среди обломков дома возвышались врата.

— Сиськи Гелии! — тихо ругнулся Маркус. — Да она просто дьяволица. А если бы внутри сидел Арип?

Блэйк заметил, с каким наслаждением фэй рушила дом. Будь там хоть сам Создатель, вряд ли бы она остановилась.

— Тогда ответ бы получился не менее сокрушительным. — Взгляд Гидеона приковали врата с чернотой внутри. «Неужели это и есть вход в то самое Хранилище?».

— Гидеон! — обратилась Лисандра к ферксийцу. — Мы идем внутрь.

И вновь у Блэйка возникли сомнения. Стоит ли вообще влезать в дела чародеев и фэй? Он оказался одинок в своих мыслях. Остальные стражи беспрекословно исполняли любые приказы. Безупречные воины не ведали ни страха, ни жалости.

Маркус издевательски ухмыльнулся.

— Страшно, капитан?

— Иди к черту, чокнутый старик, — не глядя на воина, ответил Блэйк. — Я веду первый отряд, ты второй. Стоишь на страже.

Старый ферксиец от удивления чуть не отрезал себе палец, когда ковырялся кончиком ножа под ногтями. Маркус расвирепел.

— Мать твою! Ты что, шутишь так, Блэйк?

— У меня плохое предчувствие.

Лисандра ударила посохом по камню от нетерпения.

— Мы идем или как, ферксиец?

Блэйк взмахнул рукой, призывая Стражей собраться. Сотня бойцов выстроилась в колонну по двое. Капитан встал во главе отряда и кивнул.

Лисандра первая перешагнула за грань материального мира. Чернота поглотила ее.

Рука Гидеона легка на рукоять меча. Он не трус, и все-таки тревожность не отпускала его.

«Будь ты проклят, Оттон».

Блэйк скомандовал двигаться вперед, и вскоре последний воин скрылся за пеленой тьмы.

Маркус выжидающе смотрел на ворота, как ни с того ни с сего створки намертво захлопнулись. Ферксиец подбежал к плите, в панике прощупывая холодный камень. Двери будто бы удерживала незримая сила. Маркус в ярости ударил кулаком по резному дереву. Ворота стали прозрачными, а потом и вовсе рассеялись.

— Чтоб тебя!

— Командир! — Послышалось сзади.

Помощник Блэйка резко обернулся.

— Что? — рыкнул он.

Оскорбление застряло в глотке — из-под земли выползли омерзительные твари. Деревянные големы с оружием в руках плотным кольцом окружили ферксийцев.

Маркус опешил.

— Вот черт.

Големы выставили копья вперед и бросились на Стражей.

Вэл очнулся далеко не сразу, как течение прибило его к берегу. Солнце давно скрылось за горизонтом, небосвод усыпали звезды, а над высочайшей вершиной Восточного хребта, как на ниточке, висел тонкий серп луны, роняя на водную гладь серебряные блики. Следопыт в окровавленных лохмотьях лежал на мокром песке. Израненное тело ныло тупой болью, но Вэл старался не издавать ни единого звука. Он ждал появления тех, кто подчистит хвосты за молодой ведьмой. Послышались недовольные голоса.

Двое Стражей неспешно спустились к берегу. Один из них держал газовый фонарь — чудо-изобретение ферксийских мастеров.

— Хек сказала, что тело нужно искать где-то здесь, — со скукой промолвил ферксиец с копьем. — Будто бы других дел нет.

Тот, что с фонарем посвятил в лицо приятеля и крепко схватил за предплечье.

— Тише, болван! — прошипел он. — Хек слышит все в этом лесу. Не хватало еще оказаться в земле по твоей глупости.

Солдат с копьем небрежно смахнул руку товарища.

— У нее и капитана сейчас дела поважнее, чем следить за двумя дураками на побегушках. Тебе не осточертело вечно таскаться в дозоры? Ты уже не первый год в Стражах.

— Лучше так, чем лишиться башки, если Оттон не в духе. Эй, смотри. — Фонарь осветил часть берега, где неподвижно лежал Вэл. — Похоже, сдох. Иди и проверь.

Молодой ферксиец ошетинился.

— Почему я?

— Потому что я так сказал!

Солдат вытянул перед собой копье и короткими шажками направился к окровавленному телу. Он нервно сглотнул. Кто бы мог поверить, что простой иллириец устроит такой погром в лагере. Хек чудом отбилась от этого дикаря. Не дойдя до тела пару шагов, воин ткнул кончиком копья в плечо мертвеца.

Вэл почувствовал болезненный укол. Он закусил губу. «Сволочь ферксийская! Я намотаю твои кишки на это дрянное копье!».

Страж облегчено выдохнул и обернулся.

— Это животное мертво, — гордо произнес ферксиец, воткнув древко оружия в песок.

— Да-да, — отозвался товарищ, который уже был на полпути к дороге. — А теперь пошли отсюда. От этого места в дрожь бросает.

Вэл почувал, что противник стоит спиной и бесшумно поднялся. Он навис над врагом, словно коршун над добычей.

— Эй, а посветить? — возмутился Страж. — Я же не чертов вампир!

Воин устало покачал головой.

— Молодняк, — пробурчал он и направил свет в сторону берега. — Ты... — Ферксиец устался на тень позади напарника. — Сзади!

Но для неопытного Стража все кончилось за доли секунды. Клинок по самую рукоять вошел в спину. Вэл выхватил копьё из рук ферксийца и метнул во второго. Тот и опомниться не успел, а наконечник пробил его грудь, и воин рухнул.

Вэл склонился над умирающим юнцом.

— Никогда не поворачивайся к врагу спиной, — произнес он, перерезав противнику горло. Затем сорвал с пояса Стража флягу с водой и поковылял к ближайшему дереву.

— Черт... — сквозь зубы прошептал следопыт. Рана на животе оказалась куда серьезнее. — Р-р-р, — прорычал он и упал. Вэл заставил себя перекатиться на спину.

«Ну же, надо встать!».

Прогредел страшный взрыв. Следопыт встрепенулся.

— Неас, Арип...

Ступая во тьму загадочного прохода, Гидеон испытывал тревогу и неуверенность. Он не видел ни хек, ни воинов, ни света. Тысяча вопросов и сомнений роились в его голове. Чего тут ожидать, кроме новых загадок и неприятных ответов? В таких местах нет света, лишь страх и отчаяние вгрызаются в сердце и не отпускают до конца жизни. Командир Стражей всеми фибрами души осязал чужую злобу. Она пропитала воздух гнилым запахом, вливалась в легкие и оплетала тело, словно лианы.

Сколько прошло времени? Час или два, а они все шли и шли. Паника понемногу закрадывалась в разум ферксийца, вызывая образы из кошмаров: во мгле стали проявляться демоны и чудища, протяжно завывающие от голода. Одежда Гидеона пропиталась холодным потом, озноб пробирал до самых костей.

В следующее мгновение Гидеон ощутил чье-то прикосновение и сразу же схватился за рукоять меча. Лисандра успела вовремя остановить необдуманный порыв воина.

— Не бойся, — спокойно сказала Лисандра. Глаза ее светились в непроглядном мраке. — Это место питается твоим смятением, не давай Хранилищу поводов играть с твоими мозгами. — Она провела ладонью по руке Гидеона и пошла вперед.

После ободряющих слов Лисандры Гидеон почувствовал себя немного увереннее. Странные звуки в тоннеле утихли, мрак стал не таким густым, и уже можно было разглядеть силуэты напуганных солдат. Грозные воины походили на слепых котят; они нерешительно шли за командиром, который сам едва ли совладал со своими страхами. Блэйк крепко сжал кулаки и ускорил шаг.

«Никакая иллюзия не будет мной управлять!»

В скором времени Гидеон увидел впереди яркое мерцание: небольшой пучок света с каждым шагом становился все больше.

«Неужели! — выдохнул он. — Выход».

Едва Блэйк вместе с ферксийским авангардом выбрался из тьмы прохода, ему пришлось ладонью прикрыть глаза. Ярчайший свет исходил от стеклянного потолка и не давал толком рассмотреть место, где они все очутились.

— Не торопись. Глаза привыкнут, — заверила воина Лисандра. — Надеюсь.

Гидеону хватило пары минут для победы над ослепительным сиянием. Оказалось, что хек завела отряд в длинный арочный коридор. В конце виднелась дверь. На потолке висели внушительные люстры, состоящие из многочисленных хрустальных капель, а стены украшали картины и фрески с изображением людей.

Гидеон ближе подошел к одной из картин. Семь фигур у алтаря возносятся к небесам.

«Что это такое?»

Лисандра неожиданно появилась за спиной Гидеона.

— Это боги, которых Оттон желает низвергнуть с помощью оружия, — ответила она на немой вопрос ферксийца.

Гидеон едва не выхватил клинок из ножен.

— Не делай так больше, — произнес воин, прикрыв глаза. — Однажды я отрублю тебе голову.

Девушка пожала плечами.

— Становись в очередь, Гидеон. — Она одним ударом посоха разрешила картину. — Но прошу, даже не пытайся понять весь этот вздор. Все это небылицы от кучки безумцев, — зло процедила Лисандра.

Гидеон и не собирался проникаться историей древности, но резкая перемена в настроении хек слегка удивляла. Видимо, у этой девчонки свои счеты с этими богами. Тем не менее слова Лисандры его зацепили, хотя Блэйка никак нельзя было причислить к верующим — в Ферксии религия под запретом.

— Как скажешь, — ответил он. — Но почему ты назвала богов безумцами? Хочешь сказать они ненастоящие? — с иронией спросил Гидеон.

Лисандра и бровью не повела на провокацию ферксийца.

— Боги — плод воображения. Они воплощаются из веры. — Девушка развернулась и, постукивая посохом о мрамор, направилась к двери. — Если человек очень сильно поверит, что камень перед ним обладает великой силой, то и камень может стать богом. — Напоследок бросила она.

Вопросы оставались, но Гидеон понял — разговор окончен. Он обернулся. Воины терпеливо ждали команды двигаться дальше. Колонна ферксийцев ничем не выдала интереса к красотам Хранилища.

В голове Блэйка пронеслась мысль: «Истуканы в латах».

— Шагом марш! — скомандовал он. — Всем быть наготове!

За многие века коридор впервые наполнился посторонними звуками, и отражением чудовищного грохота сапог и лязга доспехов стали искажения на потолке. Вначале Блэйк не обращал внимания на рябь, однако с

каждым шагом таких мутных пятен становилось больше. Он стал настороженно поглядывать по сторонам в поисках невидимых угроз, и заметил, как картины осыпаются, яркий свет постепенно тускнеет. Гидеон беспокойно окликнул хек, которая шла во главе отряда.

— Эй, Лисандра. — Гидеон дал Стражам знак остановиться. — Что происходит?

Блэйк вырвал колдунью из размышлений. Она задумчиво оглядела потолок и стены.

— Я не знаю, — мрачно ответила Лисандра. — Измерение, — ее взгляд блуждал по коридору, — готовится к чему-то.

— Чему-то? — переспросил Гидеон.

Капитан собирался удерживать Арипа, а не разбираться с чародейскими фокусами и ходить по соседним Планам*. Клинок Гидеона медленно покинул ножны. Стражи тоже почуяли неладное. Воины спиной к спине заняли оборону.

Лисандра тем временем пыталась вспомнить, о каких опасностях предупреждала ее Видящая. Коридор словно стал поверхностью воды, затем свет позади отряда погас. Темнота неуклонно приближалась, тая в себе нового врага. Она беспомощно посмотрела на Гидеона. Тот сердито покачал головой в ответ и принялся раздавать приказы.

— Построение «Черепеха»! Щиты сомкнуть, копья не опускать! — кричал Блэйк, занимая позицию спереди, чтобы первым встретить мрак. — Кто бы ни появился, помните: вы — Стражи! Без страха, без сомнений, без сожалений!

— Без страха, без сомнений, без сожалений! — вторили воины и приготовились к обороне.

В суматохе около разрушенных стен никто не заметил, как потрепанный Вэл прошмыгнул мимо свирепствующих солдат. Следопыта окружил хаос: взрыв уничтожил ворота, снес решетку, дома вместе с жителями в одночасье испарились в колдовском пламени, а ферксийцы полностью поддались низменным порокам, занимаясь мародерством и насилием.

По улицам города реками текла кровь невинных людей, всюду Вэл слышал крики и стоны умирающих, смех убийц и треск огня. Багровая волна высотой с городские ворота собирала богатую жатву, испепеляя многовековую историю Фоуста.

Путь привел к широкой площади, где возвышалось уже иссохшее дерево. Десятки солдат безбожно грабили Дом собраний, в котором несколько лет жили ферксийские офицеры, выносили все ценное из последнего целого храма, избивали жрецов и вешали прямо на дереве. Ожерелье из трупов украсило священную реликвию города. И посреди всего этого безумства Вэл разглядел зачинщика бойни.

— Конрад, — зарычал он.

Капитан в блестящих доспехах равнодушно наблюдал за жуткими бесчинствами. Рядом с ним стоял воистину огромный человек. Лысый гигант с татуировкой на голове что-то объяснял Конраду, а надменный ферксиец просто отмахивался. Вэл подкрался поближе, чтобы при возможности воткнуть нож в гнилое сердце подлого убийцы. Он успел прижаться к дереву, прежде чем наткнулся на бестелесный силуэт, напомнивший ему призрак монаха.

Конрад обернулся.

— А, это ты, — произнес капитан и продолжил любоваться происходящим ужасом. — Тоже любишь подышать воздухом после резни?

— Кто это? — громко спросил Эрик, выхватив меч.

— *Шенот*, — прошелестел голос в голове у воина. — *Тень. Глас. Посланник.*

— Дело сделано? — осведомился капитан.

— *Мальчишка мертв*, — раздалось шипение.

На кратчайший миг сердце Вэла обмерло. «Нет, не может быть!». Но боль от потери сменила слепая ярость. Она захлестнула следопыта; ладонь крепко стиснул рукоять ножа. «Подонки, убийцы, мрази!».

— Видящая будет довольна, — ответил Конрад. — Когда с Арипом будет покончено, убей Гидеона. — Капитан завороченно вглядывался в оранжевый океан посреди догорающих домишек. — Грядут перемены, — произнес он властным голосом.

Вэл выскочил из ненадежного укрытия и кинулся на Конрада. Отчаяние и боль затопили его мысли.

— А-а-а! — Лезвие «Защитника» блеснуло в свете пламени в миг решающего удара.

Но ненавистному врагу не суждено сегодня пасть: второй ферксиец загородил собой Конрада и сокрушительным ударом сбил с ног раненого Вэла.

— Тоже мне, герой нашелся, — прорычал гигант, обхватив лапищей шею врага. Он легко поднял его над землей. — Эй, Конрад, это ж Вэл.

Вэл пытался разжать хватку, но сил не хватало. Следопыт хрипел, осыпая ферксийцев проклятиями.

— Я вырву твое сердце... ничтожество...

Конрад скрипнул зубами и дал знак гиганту остановиться.

— Эрик, будь добр, отпусти это безобразное чудовище.

Эрик подчинился. Вэл упал на усыпанную пеплом землю.

— Вставай! — завизжал капитан. — Вставай, кусок ты дерьма! — Конрад пнул лежащего врага в живот. — Это я ничтожество?! — Слюна вылетела изо рта ферксийца.

Конрад скинул алый плащ и достал из ножен клинок. Меч пестрил от обилия драгоценных камней и позолоченных украшений.

— Дай ему меч! — приказал он Эрику.

Тот ухмыльнулся.

— Уверен?

— Ты тупой? Меч! — рявкнул Конрад. Покрасневшие от гнева глаза уставились на Эрика.

Гигант пожал плечами и снял с пояса клинок.

— Лови. — Он кинул оружие под ноги Вэла.

Ободранной рукой следопыт нащупал рукоять и затем стал подниматься. Он стиснул челюсти, преодолевая боль. «Вставай, старая развалина!».

Несмотря на открытую рану, Вэл решительно обхватил оружие двумя руками. Это будет его последний бой.

— Посмотрим, что можешь, бродяга, — прошипел капитан. — Ты сдохнешь, как твоя сестра. Один.

Вэл сделал выпад. Конрад отвел меч в сторону и контратаковал, но противник бился не в одном сражении еще до его рождения. Вэл спокойно парировал и блокировал тяжелые удары ферксийца.

Раз за разом капитан обрушивал позолоченный клинок на голову врагу, вот только ни один прием так и не прорвал оборону илларийца. Через пару минут Конрад уже вспотел от усталости. Мышцы давно отвыкли от подобного, поэтому он просто с напором бил по лезвию Вэла, вкладывая в удары последние силы. Конрад надеялся сломать оружие противника.

Между тем следопыт терпеливо выжидал, когда Конрад выдохнется. После неловкой атаки, Вэл уклонился и полоснул соперника по руке.

— Аргх! — Конрад схватился за рану, прожигая Вэла взглядом.

Следующий удар пришелся по спине. Лезвие разрезало доспех, как нож масло, и оставило глубокую рану на теле капитана. Он рухнул на колени.

Этой минуты Вэл ждал долгие пять лет, с тех пор, как самодовольный ублюдок искалечил Неаса. Он отомстит, срежет голову с плеч мерзавца. Вэл поднял клинок над собой. «Сдохни!».

Копье вошло в спину и вышло из груди. Вэл умер мгновенно, безвольно повиснув на длинном древке. Эрик поднял копье вместе с телом и отшвырнул в сторону.

Гигант посмотрел на товарища.

— Ну ты и ничтожество.

Арип стоял в широком каменном круге. Вокруг возвышались десять подножий, на которых лежало по одному предмету: кольца, оружие, части доспехов, диадема. Но самым значимым артефактом являлась книга. К ней вела пологая лестница с неровными каменными ступеньками, где на основании располагалась древняя реликвия, обмотанная тонкой тканью.

Давным-давно Арип стал хранителем страшного оружия и тюремщиком для Падшего. Он знал: однажды придет день, когда враг окажется у ворот храма, поэтому тщательно подготовился. Арип навечно запрет здесь всех, кто пройдет через своды темницы, а остальные станут жертвой его колдовства. Пускай город и люди сторгят дотла — Неас будет жить!

Маг решительно направился к книге. Он обязан уничтожить эту мерзость, злую шутку Падшего и освободить мир от угрозы пришествия более темных сил, чем сумасшедшие боги. Для этого Арип готовился целых пять лет, и хватит ли ему времени закончить ритуал, пока стражи тюрьмы отвлекают на себя не прошенных гостей? Он чувствует силу того, кто приближается. Давно колдунья-фэй охотится за секретами семьи, давно протягивает руки к власти и могуществу. Она ли стоит за всем этим или... Арип хмуро осмотрел артефакты в зале. «Эгон, змей паршивый, неужто решил сбежать?»

Гулкий звук удара послышался за закрытыми воротами храма. «Бух! Бух! Бух!». Словно чей-то громадный кулак пытается выломать створки. Арип обернулся, тревожно вслушиваясь в громоподобный стук. «Зачем тебе все это, глупая девчонка?», — подумал он, скорбно опустив голову. Слишком много свободы он дал Неасу, и поздно

понял, какую игру затеяли фэй. Оттон, Эгон...теперь еще и ведьмы. Не может быть, чтобы все стороны одновременно начали действовать.

— Кто же ты, таинственный кукловод? — тихо произнес маг и поднялся к алтарю. Ритуал вот-вот начнется.

Гидеона признавали одним из лучших офицеров империи, но даже он ничего не мог поделывать с сотканными из мрака щупальцами. Они хватали ферксийцев и утаскивали в бесконечную пустоту, откуда слышались приглушенные вопли.

— Следите за ногами! — орал он на солдат. — Не давайте этой мерзости опутать вас!

Стражи отличались от обычных гвардейцев. Их подготовка, сплоченность и бесстрашие помогали империи выигрывать множество сражений. Не существовало врага, кто сломил бы элитную гвардию Оттона. Так казалось Гидеону до сегодняшнего вечера.

Невидимый противник закончил забавляться с гвардейцами и перешел к решительным действиям. Щупальца теперь не утаскивали солдат — они пронзали, выворачивая внутренности и разрывая доспехи на части. Сам Блэйк с горем пополам успевал рубить отвратительные отростки.

— Сделай что-нибудь! — выкрикивал он колдунье в редкие мгновения отдыха.

Но Лисандра и так стала основной целью Хранилища. Щупальца облепили ее со всех сторон, стараясь сломать защитный купол. Она не хотела тратить все силы на бой с такой мелочью, однако план шел коту под хвост. Колдунья зарычала, высвобождая скрытую мощь посоха.

— Убирайтесь, твари!

Тьма отступила, словно ярость Лисандры отпугнула врага. Гидеон уже хотел облегчено выдохнуть, как перед воинами открылся портал, и из него хлынули огромные твари с клинками.

«Големы!», — вспомнил Гидеон название твари, схватившись с первым чудищем.

Лисандра готовилась ударить по волне монстров. Плетенью заклятия помешал скрежет позади. Она медленно обернулась. За спиной по бокам от врат зашевелились шесть могучих статуй, стряхивая с себя многовековую пыль. Шесть богов человеческого пантеона: Гелия, Дорос, Лунорд, Агрелла, Крипта и их бессмертный предводитель — Фервус.

Каждая статуя сошла со своего пьедестала и направилась к Лисандре. В руках у каменных стражей блесло оружие. Клейморы, молоты, копья источали убийственную мощь и ярость владельцев.

— Гидеон, големы на тебе! Я же, — глаза Лисандры вспыхнули, — займусь этими, — процедила она.

Гидеон если и услышал ее, то виду не подал. Вместе со своими людьми он рубился с монстрами ни на жизнь, а на смерть. Ругань и приказы сыпались с завидным постоянством. Впрочем, к Лисандре пришли неприятности куда серьезнее кучки големов. Одна из статуй, вооруженная двуручным мечом, с размаху опустила оружие на хрупкую девушку. Лисандра вовремя успела соткать вокруг себя барьер. Лезвие хоть и не прошло сквозь защиту, разбило магический щит, как скорлупу.

Удивление на мгновение мелькнуло во взгляде колдуньи. В битву ее вернуло летящее копьё. Ударом посоха о пол Лисандра создала стену, которая приняла на себя весь удар. С грохотом тарана, копьё влетело в преграду и намертво застряло в ней, пробив лишь наполовину.

Времени на передышку не было. Две статуи одновременно напали с двух сторон; оружие врезалось в пол, создав целую паутину трещин, но колдуньи уже и след простыл. Она перенеслась чуть поодаль и намеревалась применить следующее заклинание. Краем глаза Лисандра заметила на груди статуй небольшие сияющие кристаллы. Они казались незаметными в зеркальном коридоре. Несомненно, кристалл — уязвимое место стражей!

Луч всепоглощающего пламени ударил в голову Дороса — истукана с молотом. Неуклюжесть помешала выйти из-под удара, и его голова исчезла в ослепительном взрыве. Вместе с головой снесло еще и часть груди вместе с кристаллом. Огромная статуя рухнула на пол под равнодушные взгляды «товарищей».

— Один есть, — произнесла Лисандра с задорной усмешкой, убирая длинные локоны с потного лба.

Следующий страж — искаженная версия Крипты — перехватил исполинский клинок и с размаху нанес удар. Острейшее лезвие практически целиком вошло в камень, слегка задев плечо девушки. «А-а! Тварь!». Лисандра мысленно произнесла заклятие, и сотни корней стремительно оплели ее противника. Страж попытался вытащить клинок — оружие не поддавалось. Растения полностью опоясали гиганта и принялись вдавливать в мрамор тем не менее на поддержку заклинания уходило очень много сил.

— Да умри ты! — прокричала она, стиснув ладонь в кулак.

Давление на статую усилилось, отполированная грудь надломилась, а кристалл тревожно замигал. Через секунду послышался хлопок, и Крипта исчезла, лопнув, как мыльный пузырь. Один из осколков задел Лисандру и впечатал в стену. Она выдохнула от неожиданности и боли.

— Ох...

Лисандра утерла кровь с уголка рта и кое-как поднялась на ноги. «Чтоб вы все сгорели в преисподней!», — она снова ударила посохом об пол. Дребезжащая волна энергии полетела вперед; магия разбивала камень в пыль, оставляя за собой глубокую борозду. Сокрушительный заряд преобразовался в призрачную пасть и намертво вцепился в Лунорда.

Пока фамильяр дрался с одним противником, Лисандра нацелилась на Агреллу. Страж бежал прямо на нее, широкий щит закрывал его кристалл, но колдунью это не пугало. Она прикрыла глаза, из ушей уже сочилась кровь — тело на пределе. Лисандра выдохнула поток холодного ветра навстречу врагу. Камень под ногами стража покрылся толстой ледяной коркой, и статуя с грохотом повалилась. Девушка припала на колено.

Магическая пасть разорвала Лунорда на части и исчезла. Оставались две статуи. Гелия натянула тетиву длинного лука; наконечник двухметровой стрелы смотрел прямо на Лисандру. Она успела отклонить снаряд, и он угодил в одного из воинов Гидеона, пригвоздив того к стенке.

«Думай, Лис, думай». Она не позволит каким-то каменюкам встать между ней и самыми сокровенными знаниями.

Достав из сумки несколько небольших шариков, колдунья бросила их вперед. Шарик вспыхнул, и появились несколько миражей самой Лисандры. Гелия опешила и начала палить по всем мишеням: статуя глупа, чтобы понять общий замысел. Настоящая и крайне разозленная Лисандра подбежала к стражу, шепча слова на забытом языке.

Огромных размеров каменный кулак врезался в грудь стрелку. От мощного удара кристалл не выдержал и взорвался. Статуя разлетелась на мелкие куски. Перед Лисандрой стоял последний противник — воин с клеймором, который играючи сломал ее защиту.

— Фервус, — простонала она. — Твоя омерзительная рожа еще более омерзительна на этом куске камня.

Статуя пришла в движение, Фервус буквально бежал к Лисандре, на ходу взмахивая мечом. О, как же ей хотелось по-настоящему вцепиться в глотку этому глупому божку!

А потом случилось нечто непредвиденное: статуя прыгнула и приготовилась опустить меч, словно гильотину, на голову Лисандры. Такого удара она не могла избежать, поэтому из последних сил создала огромный барьер перед собой.

Оружие Фервуса с божественной мощью врезалось в созданный щит, разбив на миллион осколков. От ударной волны Лисандру отбросило назад — к остаткам воинства Гидеона.

Блэйк незамедлительно бросился на выручку.

— Ты как? — обеспокоенно спросил он, встав между Фервусом и Лисандрой. Его лицо покрылось ссадинами и порезами, плащ разорван, доспех измят. В скором времени Гидеон и меч-то не поднимет.

— Бывало и лучше... Ай! — пискнула колдунья, прижав ладонь к животу. — Есть идеи, как убрать эту тварь с пути? — сквозь боль спросила она.

Гидеон ожидал подобного вопроса. Он сразу заметил дымку с щупальцами.

— Отступаем, — велел Блэйк, пятясь назад. — Как только оно разбежится, по моей команде уходим в сторону.

Лисандра кивнула. План Блэйка казался не надежнее деревянного меча. Вместе с ферксийцем она отступала к стене из мрака.

— Расчистить путь! — скомандовал Гидеон.

Воины, как один исполнили приказ. Оставалось надеяться, что уловка сработает.

Фервус выждал немного времени и ринулся в атаку. От его размашистой поступи содрогался весь коридор, кусочки стеклянных люстр падали вниз, осыпая всех острыми каплями.

— Давай! — выкрикнул Блэйк.

Последний страж взмахнул мечом, лезвие просвистело в дюйме от лица Лисандры. Она неуклюже отпрыгнула, а гигант, ведомый весом тяжелого тела, частично погрузился во мрак. Он попытался выбраться, но сотни призрачных рук обвили статую и потащили вглубь. Когда кристалл Фервуса потух, дверь в Хранилище со скрипом распахнулась.

— Это твой шанс, хек, — сказал Гидеон, помогая Лисандре встать. — Иди и добудь чертово оружие.

Лисандра благодарно коснулась груди ферксийца и захромала навстречу судьбе. Гидеон же покрепче сжал эфес фамильного клинка и с ревом кинулся на нового врага.

— За человечество!

Место заточения Падшего оказалось полностью во власти тьмы. Только фонари, горящие холодным голубым светом, освещали узкую дорожку из щебня, ведущую к главному храму мистической тюрьмы. Лисандра осмотрелась, чтобы понять, где именно оказалась: ни звуков, ни запахов, ни лучей света или вспышек молний.

Лисандра вступила на тропу и почувствовала невыносимую тяжесть в груди. Из рта вырвался стон, сопровождаемый клубами горячего пара.

— Ох...

Холод сковал все ее тело. Сила, что таилась в глубине и шагу не давала ступить, но Лисандра всегда отличалась упорством и терпением. Она сделала усилие над собой, разрывая невидимую преграду. Кожа колдуньи синела, пока она пробивалась к центру тюрьмы.

С каждым новым шагом фонари начинали светить все ярче, магический натиск древних заклинаний все еще сдерживал упрямую фэй. Любой человек уже упал бы замертво, однако Лисандра выставила треснутый посох вперед, вливая в него последние крохи магии. Через мгновение вокруг Лисандры образовался барьер, который тотчас потрескался от напора энергии. Она ускорила шаг.

Фонари беспощадно били по колдунье; вскоре к ним присоединились еще и голоса. Они сводили с ума, постоянно выкрикивая проклятия. Тюрьма настойчиво хотела избавиться от Лисандры. «Стоит признать, защита неплоха. — Свирепый оскал проявился на утомленном лице фэй. — Но она не знает, кто перед ней!».

— Арип! — выкрикнула Лисандра в темноту. — Эти жалкие фокусы меня не остановят!

Пальцы Лисандры уже не гнулись, губы стали темно-синими, защитный купол трещал по швам, а вот горящий взгляд никакое чародейство не в силах был потушить.

Половина пути пройдена, мощь фонарей постепенно исчезает вместе с навязчивыми голосами. Вместо них холодные порывы ветра с грохотом врзались в ослабленную защиту, отбрасывая Лисандру назад. Колдунья скрипнула зубами и воткнула посох в землю, чтобы удержаться на ногах и не сойти с тропы.

— И это все? — бесстрашно выкрикнула она. — Я чувю твой страх, старик!

После мощной атаки свечение угасло; у Лисандры появилась возможность успеть дойти до конца. Сделав десяток шагов, она почувствовала, что защита снова набирает силу. Еще один порыв ветра ударил по барьеру. Мириады трещин побежали по золотистому куполу, а затем фонари вновь потускнели. Лисандра ускорила шаг, ведь осталось всего ничего.

Еще множество раз ветер бил по ней, прежде чем она достигла высоких деревянных ворот храма.

«Пора заканчивать с этой войной!». Лисандра обрушила на ворота воздушный кулак. Дерево не поддалось. «И еще!». Створки прогнулись. «Ломайся!». Появилась прореха.

— А-а-а-а! — Лисандра размахнулась и вышибла врата вместе с кусками камня.

Она зашла внутрь, где идеальный круг хорошо освещался светом факелов. Около небольшой лестницы, ведущей к главному алтарю с заветной книгой, стоял обнаженный по пояс Арип. Он сурово смотрел на девушку, мускулистые руки покоились на широкой груди, все тело покрывали ритуальные татуировки, на квадратном лице, как показалось Лисандре, отражалась усталость. Колдунья бросила взгляд в сторону и увидела два изогнутых клинка, которые, несомненно, разрубят ее пополам, если она не будет внимательна.

— Ну и как тебе — быть рабом у узурпаторов? — спросила Лисандра. Она пыталась говорить ровно, чтобы не выказать слабость.

— Поверни назад, девочка, — спокойно ответил Арип. — Тебя просто обманули, использовали твои принципы и идеалы против самой себя. Я знаю: ты хочешь добра, но у твоих хозяев иные цели.

Глаза Лисандры налились чистейшим гневом.

— Да что ты знаешь, убийца? — закричала она. — Это ты в ответе за гибель моего народа. *Моего* народа, Арип! — Навершие посоха вспыхнуло синеватым огнем. — Дай мне спасти Леадор!

Арип сочувственно посмотрел на Лисандру.

— Я понимаю тебя, — он пытался урезонить девушку. — Но книга принесет еще больше бед. Послушай, — Арип шагнул навстречу, — насилие порождает насилие, девочка, и кому, если не мне об этом говорить.

Лисандра презрительно усмехнулась.

— Ха, зарубишь меня, убийца? — На лице Арипа напряглись скулы. Его выводил из себя титул «убийца». — Ты жалкий раб, не способный увидеть обман прямо перед собственным носом. Боги упиваются властью и безнаказанно вмешиваются в дела смертных. Хватит!

Арип грустно вздохнул, опустил голову и произнес:

— Это мой выбор. Только так я спасу семью. И мне искренне жаль твой народ, но я не допущу, чтобы книга покинула хранилище. Я обязан ее уничтожить. — Маг потянулся к клинкам.

Лисандра выпрямилась и приняла боевую стойку.

— Ну попробуй, останови меня, старый дурак! — продолжала бушевать Лисандра.

— Не я, так Неас остановит, — мягко произнес Арип, удобнее перехватив мечи.

— Он такой же наивный простака — как и ты. Неас не видит очевидных вещей, — с ядовитой насмешкой ответила Лисандра.

Суровое и непроницаемое лицо Арипа исказилось от гнева.

— Любовь сделала его слепым, но придет день и он явится за тобой. А теперь защищайся! — выкрикнул он и напал.

Мощным прыжком Арип оказался прямо перед Лисандрой, он взмахнул клинками, намереваясь разрезать противника пополам. Магический посох принял на себя всю силу удара, отчего жалобно затрещал. За первой атакой стремительно последовала вторая, потом третья. Лавина ударов обрушилась на Лисандру, и Арип не был бы самим собой, если бы не решился на уловку. Он пригнулся и рубанул мечами по ногам противника. Впрочем, отталкивающее заклятие было подготовлено заранее, поэтому оружие высекло лишь снопы магических искр на барьере. Арип оскалился и сделал выпад правым клинком, стараясь проткнуть невидимую защиту, однако внутрь пробилось только острие.

— Отступись! — молил он.

Лисандра с трудом сдерживала натиск, из ушей и носа потекла кровь, заливая темный камень под ногами. Арип был явно сильнее, даже если бы она не потратила почти все силы, чтобы пробиться в храм. Собрав энергию в посохе, она нанесла ментальный удар. Волна необузданной силы врезалась в грудь Арипу и почти сбила с ног. Он устоял и снова ринулся в бой. Спокойствие делало мага сильнее с каждым взмахом.

«Внутренняя гармония — его преимущество», — догадалась она и решилась на отчаянный шаг.

— Знаешь, что случилось с Хельгой? — переводя дыхание, спросила Лисандра.

У Арипа еле заметно дернулось веко.

— Думаешь, местные сами додумались прикончить свою защитницу? — Лисандра встретила клинки противника надломленным посохом. — Они такие все доверчивые, — язвительно добавила колдунья.

После сказанных слов атаки Арипа стали другими: в них чувствовался гнев и боль искренне любившего мужчины. Он бездумно колотил по барьеру; изящество испарилось, давая первобытной ярости выйти наружу.

Один из мечей врезался в посох и вызвал магические вспышки, а второй удерживался у лица Лисандры лишь силой ее мысли. Рука дрожала, поддерживая клинок в воздухе, и это ни коем образом не помешало колдунье продолжать выводить противника из себя.

— Глупцы поверили первому встречному, что их защитник — ферксийский шпион. Хотя мы оба знаем, как ложь близка к правде. — Ее голос охрип от напряжения. — Люди — жалкий инструмент в моих руках.

Арип зарычал, вдавливая оружие в посох. Ручьи пота стекали по суровому лицу, отчего оно становилось еще более пугающим. Неимоверным усилием Арип все же разрубил посох пополам, лезвие широкой дугой прошлось по животу фэй. Лисандра упала на колени перед победителем, ее лицо осунулось, под глазами залегли темные круги.

Разъяренный маг возвышался над ней, словно палач, готовый исполнить приговор. Он смотрел на нее и не обращал внимания ни на что другое. Лисандра медленно потянулась за кинжалом за спиной.

— Ты жестокий убийца, Арип, — устало, вполголоса, сказала Лисандра. — Люди не меняются, их сердца больны пороками. Неас такой же. Он не умеет держать себя в руках, не умеет слышать, не умеет видеть. — Она безумно улыбнулась, показав замазанные кровью зубы. — Наивный, глупый юнец с идиотскими идеалами.

Мечи со звоном упали на пол. Рука Арипа метнулась к горлу Лисандры, он поднял колдунью над землей. От былого спокойствия не осталось и следа. Один из самых мудрых людей в Илларию походил на озверевшего дикаря. Чем сильнее рука сдавливала тонкую шею, тем яснее проявлялись нечеловеческие черты Лисандры. Иллюзия постепенно сходила на нет.

На Арипа уставился монстр: багровые глаза ненавистно прожигали его, заостренные длинные уши украшали многочисленные серьги из серебра, гладкие черты лица исказила боль вперемешку со страхом.

— Ты что-то говорила про обман, ведьма? — прорычал он. — Ты... — Глаза Арипа расширились от ужаса, он ощутил еще что-то внутри девушки, вернее, кого-то. — Не может быть...

— Лисандра!

Арип обернулся.

Из мглы выскочил высокий воин в помятых доспехах. В руках он сжимал меч и щит. Весь в крови и синяках ферксиец готовился сойтись в поединке с новым врагом.

Маг не поверил глазам, когда узнал, кто перед ним.

— Гидеон? — неуверенно спросил он и тотчас почувствовал боль в боку.

Лисандра воткнула кинжал до самой рукояти и провернула. Хватка Арипа ослабла, и он упал. Колдунья поднялась на ноги, поглаживая покрасневшую шею, из разреза на животе медленно вытекала кровь, но она нашла в

себе силы ответить.

— Я же говорила, ты — слабак, — сильным голосом сказала Лисандра и поднялась к алтарю. Прежний облик возвращался к ней.

Арип прижал руку к ране и бессильно лег на спину. Взгляд туманился; храм стал размытым пятном. Смерть тут не властна, а вот боль...боль никуда не уйдет.

Гидеон встал над поверженным магом.

— Гидеон, — прохрипел Арип. — Не дай Отгону уничтожить Ферксию. Книга убьет всех...

Воин не ответил. Он перешагнул через мага и зашагал к Лисандре.

— Эй, хек! — выкрикнул Блэйк. — Что значит «Книга убьет всех?».

— Нельзя что-то создать, если не разрушить то, что есть, — произнесла Лисандра, развязывая тугой узел.

Гидеон оцепенел. «Разрушить?».

— Книга не спасет Леадор, кха-кха, не спасет никого! — Арип дополз до основания, где покоился один из артефактов Падшего, и припал спиной к холодному камню. — Ты просто поможешь одним узурпаторам сместить других. Кха-кха, мне жаль тебя и твоего ребенка.

— Иди к черту, — бросила в ответ Лисандра и попусту разорвала кусок ткани.

Оранжевый свет факелов потух. Храм наполнился благоговейным ужасом. Раздался нечеловеческий смех.

— *Ах-ха-ха! Свобода!* — Хохочущее облако стремглав понеслось прочь из ненавистой клетки.

Падший освободился. Темница разрушалась.

— Что происходит? — кричал Гидеон. — Лисандра? Арип?

Лисандра кое-как засунула тяжелый трактат в сумку. Слова о ребенке неприятно удивили ее. «Это все неправда, — думала она, ковляя по ступенькам. — Это все сон, мерзкий и страшный сон».

— Все рушится, болван! — зло ответила она. — Бежим отсюда, пока проход открыт!

— Он все узнает! — вопил ей вслед Арип. — Ты недооцениваешь Неаса!

Все как в тумане. Пять лет счастливой жизни, которой Лисандра старалась избегать на протяжении многих столетий, сделали ее слабой и слишком человеческой. Тем не менее задача превыше глупых чувств. Неас — простая пешка в большой игре. Есть только долг.

— Я не погибну здесь, Лисандра, слышишь? — кричал Арип. — В этом месте это невозможно! Я приду за тобой! Ты слышишь меня?!

Арип беспомощно наблюдал за разрушением храма. Его миссия провалилась, как и план запереть врагов в межреальности.

«Ну уж нет!». Ритуал хоть и прервали, но он успеет перенаправить ветер магии в другую сторону.

— Раз уж я не смог уничтожить книгу... — Арип плавно провел ладонью. — То и весь свой хлам ты тоже не увидишь, Эгон.

В воздухе появилась колоссальная воронка и жадно вобрала в себя все артефакты Хранилища.

Арип закрыл глаза.

Гидеон плохо запомнил бегство из Хранилища. Лишь то, что подхватил Лисандру и прыгнул в белоснежное сияние вместе с остатками отряда.

Очнулся ферксиец уже в реальном мире; солнце ярко светило над головой. Гидеон со стоном поднялся и огляделся. И лучше бы он этого не делал: повсюду лежали искалеченные трупы солдат. В том числе те, с которыми Блэйк находился внутри. Ни одной живой души, кроме него и Лисандры. «Какого...?».

Гидеон захромал по полю боя, поражаясь чудовищной бойне. Воины не просто убиты — растерзаны на части! Многих покрывали следы укусов, но самое отвратительное — обглоданные наполовину гвардейцы с застывшим на лицах ужасом и болью. Гидеона не покидала мысль, что люди еще были живы, когда клыки вонзались в мягкую плоть под броней. Ему стало не по себе от жуткого зрелища. «Маркус, Эрик, Конрад... Где вы, Асмодей вас дери?!», — запаниковал Блэйк.

Неожиданно Гидеон споткнулся о чье-то тело и услышал знакомый голос.

— А-а-а, задница Крипты! — завопил от боли Маркус.

Гидеон с трудом узнал помощника: лицо заливала кровь и зеленая жижа, от черных доспехов осталась едва ли половина, три болта торчали из тела. В который раз Создатель вновь на стороне ферксийца.

— Маркус! — Гидеон упал перед товарищем на колени, помогая выбраться из кучи тел. — Что тут произошло?

— Орда тварей налетела после вашего ухода, — через боль поведал воин. — А потом еще и Конрад. Нас всех провели!

Блэйк понял, к чему клонит старый солдат. И он прав: Арип разделил их силы, сыграл на ферксийском высокомерии и тщеславии. За это Стражи и заплатились.

Гидеон дотащил измученного товарища до ближайшего дома и поспешил на подмогу Лисандре. Она уже пришла в себя.

— Все в порядке? — спросил он. — Идти можешь?

— Могу, — ответила Лисандра, но ноги тотчас подкосились. Гидеон успел подхватить ее. — Чертов Арип с его фокусами! — процедила она. — Надо убираться отсюда, и побыстрее.

Блэйк крепко сжал руку колдуньи, брови грозно сошлись у переносицы.

— Из-за того, что ты выпустила, да? Что ты имела в виду там, в храме, когда говорила про разрушение?

Лисандра отдернула руку:

— Это тебя не касается!

— Да что ты? — не унимался Гидеон. — Ты ведь не собиралась отдавать Оттону книгу? Я прав? Смотри мне в глаза!

— Оттон ненормальный! — выпалила Лисандра. — Добудь ты книгу, так же лежал бы в куче мертвецов!

— Что? — не понял Блэйк. — Хочешь сказать, нас бы убили?

Колдунья прикоснулась окровавленной ладонью к щеке воина.

— Гидеон, — ласково произнесла Лисандра, — император просто пустышка в сравнении с силами, что вынудили Оттона вступить с ними в союз. Конрад убил бы тебя. От начала и до конца — все обман.

Слова колдуньи потрясли Блэйка. Ферксиец молча плюхнулся на землю. «Оттон, сукин ты сын». Да, Гидеон ненавидел Оттона, ненавидел ферксийскую еду, ферксийских женщин, ферксийские законы, но оставался верен идеалам. Теперь же путь в Хозэнтвиль ему закрыт.

Перед глазами возник отец. Он борется с врагом, пробивается через стальной лес к другу, а потом... потом его убивают. Не кинжал ликейского убийцы, не грекалийская ловушка, не асторийская магия, а подлый выстрел в спину. «Вот и все», — обречено подумал Гидеон.

— Еще нет! — решительно произнесла Лисандра, протягивая воину руку. — Ты знаешь, что надо делать.

Блэйк заставил себя подняться и уже вместе с колдуньей направился к раненному Маркусу.

— Гидеон, — прокряхтел воин, — Конрад и Эрик ушли. Эти ублюдки забрали все ценное и свалили к чертям. А-р-р-р! — Маркус прижал ладонь к ране. — Что будем делать?

Бывший капитан вопросительно посмотрел на Лисандру. Та во все глаза глядела под ноги. Она нагнулась, чтобы подобрать загадочный предмет.

— Лисандра? — обеспокоено спросил Гидеон.

Девушка прикусила ноготь. Капитан заметил в ее руке маленькую резную фигурку — двух людей, крепко обнимающих друг друга.

— А-а-а!

Пронзительно крича, Неас вскочил и в панике ощупал лицо. Как ни странно, на теле не было ни одной раны. Он осмотрелся, однако вокруг царил крошечный мрак, где Неас слышал лишь свое прерывистое дыхание. «Что произошло? Где я?». Голова трещала, будто Вэл отвесил подзатыльник.

Неас сделал шаг и ощутил необычную легкость, словно он парил над землей. «Владения Крипты? — промелькнула мысль. — Или все же преисподняя?» — поспешно возникла другая.

— Не то и не другое.

Неас мгновенно приготовился к бою, как учили Вэл и Лисандра.

— Покажись! — крикнул он во тьму.

Чернота слегка рассеялась, и Неас увидел в нескольких метрах от себя фигуру человека в фарфоровой маске. Он сидел на простом деревянном стуле, коих полно в каждом доме, и элегантно положил ногу на ногу, водя носком сапога из стороны в сторону как маятником, и скрестил руки на груди. Выглядел незнакомец крайне возмущенным, будто бы его оторвали от важного дела, хотя он первый заговорил с Неасом.

— Ну вот он я, — мрачным глуховатым голосом произнес человек в маске. — Ты, наверное, не очень рад оказаться в пустоте, мальчик? Я могу помочь выбраться отсюда. Разумеется, — глаза под маской засветились, — за определенную плату.

Неас напрягся, в памяти всплыли рассказы отца о древних сущностях, темных тварях, что обитают в подпольях между мирами. В древнюю эпоху они были богами, но по тем или иным причинам стали заложниками своих крохотных мирков.

— Что ты такое? — с опаской спросил Неас.

Человек в маске цокнул и покачал головой, словно Неас сказал что-то очень глупое.

— Никакого уважения к старшим. Зови меня Эгон.

— Эгон? Ты всего-навсего выдумка.

Эгон недовольно забормотал.

— Не мудрено, раз уж я тысячелетия провел взаперти.

Слова бога насторожили Неаса. «Ядом наполнены их уста, хитры и коварны тени давнего предательства. Ложью своей они склоняют к тьме самых лучших из нас», — прозвучала в голове у Неаса одна из фраз, сказанная отцом во время урока.

— Что тебе нужно?

— Мне? — притворно удивился Эгон. — Нет-нет, друг мой. Это тебе что-то от меня нужно.

Неас недоуменно уставился на бога.

— О, дай-ка я угадаю. — Эгон развел руки. — С чего бы это? Так ведь? Позволь кое-что прояснить. — Он щелкнул пальцами.

Ночь вокруг быстро сменялась яркими пейзажами морей, океанов, горных вершин, густых лесов, золотистых полей, пока Неас не очутился надо всей этой красотой. Он стал огромным оком, которое с небес наблюдает за жизнью простых смертных. Густые белые облака проплывали мимо, словно боевые корабли Ликеи. Стоит протянуть руку, и она утонет в морозной дымке, что доступна лишь птицам.

— Это мир, — продолжил говорить бог, — между жизнью и смертью. Твоя душа должна была отправиться к Крипте, но ярко полыхающий огонь ненависти в ней не пожелал отправиться в райские кущи. Ты как, — Эгон задумался. — Как призрак.

«Призрак?». — Лицо Неаса помрачнело. В книгах говорилось: призраки — это неприкаянные души людей, которые не смирились со смертью.

— Не беспокойся, — поспешил успокоить Неаса бог. — Сейчас ты просто смертельно раненый мальчишка, чей разум наведалься ко мне в дом. Но, — Эгон повторил щелчок, и они очутились в лесу рядом с поверженным Неасом. — Чтобы не влачить жалкое существование призрака и спасти всех, тебе нужно заключить со мной сделку...

— Верни меня!

Эгон гулко рассмеялся.

— Ах-ха-ха! — бог хохотал, пока в горле не пересохло. — Фуф, — произнес он, задрав голову к небу. — Вот так просто. А я уже готовился слезно умолять тебя.

— Верни меня сейчас же! — повторил Неас. — Бери, что хочешь!

Эгон задумчиво потер подбородок.

— Любовь, честь, долг, принципы. Почему люди так цепляются за эти несуществующие понятия? Ладно, мальчик, мне по душе твоё рвение, но ты кое-чего не понимаешь.

Нити мрака за спиной Эгона сплелись воедино, воплощаясь в циклопическое полотно. На нем постепенно

проявились изображения: разрушенный дом, хладный труп Вэла на городской площади в окружении убийц, Лисандру, в чьей руке зажат окровавленный кинжал. Под ногами возлюбленной Неаса лежал отец.

— Что это? — возмутился Неас. — Что ты мне показываешь?!

Эгон скорчил недовольную гримасу и потер ухо.

— Незачем так кричать, малыш. Я просто показываю тебе правду.

Неас отшатнулся от Эгона. Он пятился назад, осознавая, в какую западню угодил.

— Куда ты? — Бог появился за спиной испуганного юноши, опустив на плечи тонкие костлявые пальцы. —

Сделка есть сделка.

— Отпусти! — Неас вырвался из лап и бросился бежать.

Но на пути вновь возник владыка теней. Он снял маску; за ней скрывалось бледное худое лицо с острой клеткой зубов. Эгон покачал головой.

— Бежать бессмысленно, мальчик. Я уже взял то, что мне причитается.

— Ты солгал мне! — прокричал Неас и горестно опустил на поверхность из мрака. — Солгал... — тихо добавил он, закрыв лицо руками.

Эгон опустил рядом.

— Я давно за тобой наблюдаю. Каждое слово, каждое обещание многое говорит о тебе, как о человеке. Ты безрассуден, смел, решителен, опрометчив. Тебе просто не хватает сил перешагнуть через собственные границы. Отринь глупые наставления папаши-моралиста, избавься от учений Вэла. — Эгон острым ногтем коснулся подбородка Неаса, приподнял лицо и, глядя в глаза строгим взглядом отца, молвил:

— Ты хочешь наказать тех, кто убил твою семью? Хочешь найти Лисандру и вырвать из нее ответы? Хочешь получить силу, чтобы втоптать Ферксию в грязь?

«Почему все так обернулось?», — корил себя Неас. Он же всегда стремился к свету.

— Х-хочу. — Слезы потекли по мальчишескому лицу. — Верни меня.

Эгон победно улыбнулся и провел раздвоенным языком по своим зубам. Он встал на одно колено, протягивая руку, и со змеиным шипением в голосе спросил:

— А что ты готов отдать за это?

Неас притянул бога ближе.

— Все.

На мгновение Неас увидел свое отражение. Изуродованное лицо со злобной гримасой; на лбу, на щеках, на губах кровь жреца. Того самого — из снов.

— Да будет так... Никс.

Арип проиграл. Маг молча сидел на верхней ступеньке спиной к алтарю. Теперь, когда реликвия похищена, а Эгон сбежал, он надеялся, что последнее заклинание разбросало проклятые артефакты хранилища достаточно далеко друг от друга. Эгон не сможет так просто их отыскать. Но что будет дальше? Мост в материальный мир исчез; Арип во веки веков не покинет разрушенную тюрьму.

Маг скорбно опустил голову.

— Прости, Хельга. Я подвел тебя.

Сотни лет жизни, изучение тайн и загадок мира, появление новой империи — все вдруг стало таким бессмысленным. Арип старался подарить человечеству надежду, уберечь Планы от прихода чудовищ, а в итоге потерял семью и самого себя. Ферксия отобрала все.

«Отгон... Что же сотворил с умами людей? Зачем извратил души?». Арип не образумил молодого владыку. Страна так и не перестала напоминать капризного ребенка, который пытается доказать, что он самый лучший, незаменимый, совершенный. На деле же — глупый, ведомый сумасшедшим фанатиком, паразит. Сколько не пытайся исправить народ, суть остается прежней. Глубинную неприязнь не искоренить, пока сами люди не поймут, что ничем не отличаются от фэй.

Арип смиренно вздохнул и полностью отдал себя в руки старухи-судьбы. Вдруг со всех сторон раздался мерзкий смех.

— Арип, Арип, Арип. — Послышалось над головой.

Арип тотчас отпрянул, едва не покотившись вниз.

Фигура в длинном плаще сидела на алтаре, удобно скрестив ноги. Пронзительные синие глаза с плохо скрываемым презрением сверху вниз смотрели на сломленного человека. Маг потерял дар речи при виде гостя.

— Эгон... — прошептал Арип.

— А ты ожидал кого-то другого? Ты в *моем* мире!

Падший бог резво спрыгнул с алтаря. Он сел на корточки рядом с Арипом, продолжая глумиться над обессиленным тюремщиком.

— Ну привет, старый друг. Паршиво выглядишь.

Арип поборол внутренний страх и плюнул богу в лицо. Сочный сгусток угодил в лоб Эгону и стал медленно стекать, оставляя влажный, как слизь улитки, след. Впрочем, Эгона это не особо задело.

— Дерзко. — Рукавом одеяния он стер слюну и продолжил говорить. — Твой сын — удивительный человек. Хорошо, что я его встретил.

Щупальца липкого страха душили Арипа.

— Что ты с ним сделал? — прорычал он и попытался ухватить Эгона за воротник, но бога и след простыл. Тонкая корка льда покрыла руку мага.

Эгон сидел уже внизу на пустом постаменте и увлеченно ковырял длинным ногтем ровную поверхность камня. — Я просто сказал ему правду. — Голос древнего бога казался на удивление спокойным. — Почти.

Ноздри Арипа раздулись от гнева, глаза налились кровью от нахлынувшей ярости и он бросился на Эгона, замахиваясь могучим кулаком. Бог небрежно махнул ладонью, и Арип отлетел в сторону, ударившись о стену. Послышался тихий плач.

— Неас...ничего тебе не сделал. — Отчаяние поглотило Арипа. — Зачем? Тебе все мало, да? Мало моих мук и ты решил сполна унизить меня, чертово чудовище!

— Да брось. — Приятельским тоном отозвался Эгон и тотчас же оказался рядом с лежавшим на полу Арипом. Тяжелый сапог врезался в живот мага. — Только твоя глупость подвигла меня на разговор с Неасом. — Эгон ногой перевернул стонущего Арипа и придавил ей грудь ферксийца.

— Это ты все устроил? — прохрипел Арип. Он чувствовал, как ломаются ребра.

Эгон на секунду задумался, поглаживая гладкий подбородок.

— Хотел бы сказать «да!». На самом деле я без понятия, каким образом до фэй и людишек дошли слухи о тайной тюрьме. — Бог желал выдавить жизнь из жалкого смертного, но у него еще имелись планы на Арипа. Он убрал ногу с полуживого мага. — Тут все равно не умереть, — разочарованно пробурчал Эгон.

Арип натужно перевернулся на бок и пытался вздохнуть.

— Скажи мне, друг, куда ты дел мои вещи? — Бог забарабанил пальцами по основанию. — Куда ты их дел?! — заревел он и мощным ударом ноги буквально снес постамент с места.

В наступившей тишине постепенно нарастал слабый смех.

— Ах-ха-ха! — Арип сквозь боль в груди продолжал громко хохотать, чем удивил Эгона. — Великий падший бог не предвидел такой исход, — желчно ответил маг. — Пошел к черту! — рыкнул он.

Эгон замер, положил руки на пояс, прикрыл демонические глаза и, задрвав голову, спокойно втягивал в себя пыльный воздух темницы.

— Ты ошибаешься. — Заговорил он бесцветным голосом, не удостоив Арипа взглядом. — Именно на такой ответ я и рассчитывал.

Арип побелел от ужаса.

— Нет, — прошептал он.

— О да! — громко прокричал бог. Мощь его голоса разнеслась на многие мили вокруг. — Неас найдет реликвии! А ты, — Эгон подошел к Арипу и взял за грудки, — будешь наблюдать, как его душа медленно затухает в океане крови, куда он погрузится с головой. — Бог провел раздвоенным языком по губам. — Знакомые слова, да?

— Не делай этого! — умолял Арип. Он схватил Эгона за руку, но противостоять подобной сущности не в силах ни один смертный.

— Ты только и умеешь, что смотреть, человек. — Бог отшвырнул Арипа.

Эгон наслаждался моментом, он столетиями проговаривал заветную фразу. Полушепотом он протяжно произнес заветные четыре слова, которые эхом отразились в бесконечном мраке:

— Теперь *ты* мой пленник.

Свет окончательно померк, и тьма поглотила истошный крик Арипа.

Часть II
Враг моего врага...

Невыносимая тяжесть огромного таланта

Вот это я понимаю — завязочка. Тут вам и любовь, и дружба, и предательство! Что еще нужно юному читателю? Что-что? Крови маловато? Высокопарно? Мало...чего?! О Создатель, помилуй! Это же история про несчастных людей, а не вульгарная книжонка от асторийского «мэтра» из Цеведеса про запретные утехы хафлингов и людей (вот до чего доводит технологический прогресс и излишняя открытость миру).

И что эти умники забыли в Иллари? В их книгах нет ни капли изысканности, ни эстетики, ни здравого смысла! Но неведомым чудом их отвратительные рукописи расходятся как горячие пирожки! Как здравомыслящему человеку, который хочет донести до людей интересную и правильную (иных у меня нет) мысль, конкурировать с... с дешевым ширпотребом про блудниц (да простит меня Создатель за такое грязное сравнение. А еще я прошу прощения у прекрасных дам, которые в сотни раз лучше дрянных книжек всяких Титов и Сидониев. В который раз убеждаюсь, что асторийцы лишены всякого вкуса в литературе)!

То ли дело *мои* книги. Глубина чувств, ровный слог, неоднозначные герои — все говорит о непостижимом таланте, коего асторийским глупцам никогда не постичь! Мои первые работы до сих пор популярны у молодых девушек, хотя и прошло много лет. «Гордость без предубеждений» о Катарине, второй дочери семьи фон Лимбурггов (она, к слову, приходится бабкой нынешнему герцогу Кларенсу фон Лимбургу), влюбленной в обычного ферксийского гвардейца Абеларда, который принадлежит к низшему сословию. Знаю, злые языки лепечут, будто я переврал всю историю, но кому интересно читать, что Абелард был глупым пьяницей, наплодившем тучу бастардов, а через десять лет сиганул со скалы после очередной попойки (в то время шуток прошел о причастности Катаринины к смерти супруга, чему я не удивлен. О ее любвеобильности и порочности не знал только глухой слепец. Ну и тупоголовый Абелард).

Возможно, моя первая попытка и была хитроумной уловкой, где есть щепотка недосказанности, однако вторая работа «Красавица и зверолод» взбудоражила сознание людей в Иллари и Астории (со слов Тиля, а я ему доверяю). История любви (не совсем любви, так как отец продал дочь в обмен на жизнь, но сути это не меняет) дикаря из далекого племени и юной красавицы из знатного рода. Сначала девушку пугает зверолод, его жутковатое логово, где по стенам развешаны кровавые трофеи, черепа и тотемы языческого бога, однако чувства просыпаются неожиданно. Храбрая Белла защищает возлюбленного от треклятых охотников, за что зверолод признается ей в вечной любви (правда, говорят они с трудом. Получилось что-то вроде «ар-ара-ар»). Как поговаривал мой покойный отец: язык высокого чувства понятен и без слов). Посыл книги ясен как день: «не важно, какой ты снаружи, важно то, что внутри», — говорит в конце Белла. Как-то раз у меня спросили, почему книга резко обрывается, а я ответил: меньше знаешь, крепче спишь (на деле же зверолод понял слова Беллы...эм-м...буквально, ведь многим невдомек, что дикари обожают человечину, особенно если жертва не пытается сбежать).

Кха-кха, так о чем это я? Ах да, история Неаса и Лисандры. Тиль поведал о долгих странствиях Неаса (уж Никса). Двадцать долгих лет он то и делал, что искал покоя в реках крови. Следопыт выслеживал виновных в смерти близких, однако с годами Никс уже позабыл, ради чего променял душу на жизнь. В этом нет ничего необычного. Обыденная история про глупца, прожигающего драгоценное время на бессмысленную погоню, и тем не менее удача или же воля Создателя столкнула следопыта с Поллуксом — могучим царем Ликеи. Тот как раз искал человека для деликатного дела, но он даже не подозревал, во что выльется его замысел.

Признаться, история Тиля увлекает все сильнее. Мне уже не терпится продолжить рассказ. Ох, как назло, из головы выветрилось название той чудной академии в Жемчужине. Как же ее там...

— *Из заметок Йона Странника.*

Никс молча сидел в душном кабинете одной из трех башен чародейской Академии, закинув ноги в грязных сапогах на стол Мердока — профессора факультета истории. Следопыт от скуки ковырял под ногтем острым кончиком ножа и время от времени поглядывал, как тощий седобородый старичок-гном в нелепом длинном балахоне пытается найти нужную книгу посреди бесчисленных полок с древними свитками и артефактами далеких времен.

Следопыт пребывал в так называемом «Трезубце» — желанной мечте всех девушек и юношей, которые хотят связать жизнь с изучением магии, чтобы через пару десятков лет выслужиться до советника короля или стать неудержимой силой на поле брани. В мрачных подземельях и богатых залах со скульптурами величайших чародеев и мыслителей, где стены украшают редкие картины именитых художников, а потолки покрыты замысловатыми узорами, в которых с легкостью угадываются очертания ока Фервуса, сокрыты тайны за сотни тысяч золотых.

Но ценнейшее сокровище Академии находилось не в главном здании, а над ним — в тельзеритовых башнях. Никсу довелось увидеть, что камень делает с теми, кто пытается колдовать в оковах из тельзерита. Некоторых, не особо удачливых, приходилось соскребать со стен.

Пока гном безостановочно кричал и ругался в бесплодных попытках отыскать хоть что-то, Никс отложил в сторону нож и взял со стола небольшую книжку. «Планы и их обитатели. Загалбри Отто Фингерсник», — прочел он и открыл первую главу.

Гном украдкой взглянул на Никса и пренебрежительно фыркнул.

— Не знал, что бродяга вроде тебя умеет читать, — нарочито громко произнес старик и продолжил перекладывать книги.

Никс оторвался от чтения.

— Что удивительного? — невозмутимо спросил он. — Я чем-то выделяюсь среди зануд-ученых?

— Ну даже не знаю. — Профессор озадачено почесал голову. — Может быть кровавыми разводами на руках или ножом размером с тесак?

Следопыт пожал плечами.

— Раньше я любил читать и учиться. — Книга захлопнулась. — Сейчас меня больше заботит, как отделить голову от тела у тварей с картинок и как не дать себя зарезать в придорожном трактире. Еще остались едкие замечания?

— На кой тебе сдались эти чудища? Если хочешь умереть, есть способы менее болезненные.

— Да так, однажды схватился с одним из таких.

— О, — удивленно отозвался Мердок, — и даже жив остался. Готов поспорить, — гном с усилием открыл крышку позолоченного сундука, — ты столкнулся с мелочью.

Пока уважаемый профессор переводил дух, Никс воспользовался случаем разузнать больше об этих существах. На пути, как известно, нередко можно повстречать потустороннего врага.

— Так и что ты можешь мне рассказать?

— Ох, — гном потер ноющую спину, — ну, есть четыре стихийных плана: Огонь, Земля, Вода, Воздух. Ужасные места, где человек не выживет, если у него нет мощных магических артефактов. Даже в Академии находились глупцы, которые хотели посетить каждый из Планов.

— Получилось? — с ухмылкой спросил Никс.

— Как бы поделикатнее выразиться... — профессор погладил бороду, — обратно возвращались дымящиеся кучи. За исключением Плана воды, — добавил старик и покачал головой. — В материальный мир вернулась лишь часть профессора Фотье. Нижняя часть. И самое главное. — Он сделал выразительную паузу. — Не зли элементалей, иначе вонючей кучей будешь уже ты.

Никс удивлено приподнял брови.

— Вот как. А есть оружие против элементалей? Скажем, вдруг такая тварь прорвется в наш мир?

Гном закусил губу и уставился на потолок, задумавшись.

— Хм, как правило, сущности стихий не могут далеко отойти от чародея или места, где их призвали. Так что сражаться не обязательно. Достаточно убежать или убить призвавшего его мага. — Затем он отвлекся на одну из книг в самой глубине шкафа.

Никсу стало любопытно, сколько всего может рассказать словоохотливый профессор. Ему на ум сразу пришел давнишний случай в Восточном лесу.

— А Царство Теней? В нем тоже есть свои «элементали»?

— Уф! — фыркнул Мердок, ударившись об полку. — Назга`Natta! Какие же вопросы я слышу от бродяги! Разумеется, там нет никаких «элементалей», — передразнил он Никса. — Там твари пострашнее. Это настоящая

обитель кошмаров. Частенько, мы, маги, сталкиваемся с проекциями таких существ.

— Что значит проекция?

— То и значит, невежественный глуп...мальчишка! Они просто часть силы существа, поэтому многих из них можно сжечь, к примеру. Остальные же Планы таят не меньше опасностей. Не дай Создатель угодишь в Астральный мир или в Эфир. Без помощи опытного чародея никогда не выберешься.

— А как же демоны и дьяволы? — не унимался следопыт. — Как быть с ними?

— Так, — возмутился гном с куском кости в руках, которую достал из завалов, — ты сюда пришел мешать мне или искать дрянную книжку?

— Да ладно, Мердок, чего тебе стоит ответить? Разве мы не друзья?

Гном бросил увесистую кость на пол и обвиняющее тыкнул пальцем в Никса.

— Друзья?! — взвизгнул старик. — Друзья не угрожаю расправой, не обещают выкинуть из башни и не собираются спустить по лестнице!

Никс расхохотался.

— Ах-ха-ха, — мужчина запрокинул голову. — Будто бы я хоть раз взаправду желал тебе смерти.

Гном нахмурил кустистые брови.

— Несносный мальчишка, — пробурчал он и открыл новый сундук. — Не связывайся с теми тварями. В отличие от прочих существ, эти достанут тебя из-под земли, если ты перейдешь им дорогу. Мой совет: «Не говори с дьяволом, беги от демона». А! Нашел я твою книгу, сопляк. — Гном поднял находку над собой. — Как и обещал.

— Удивляешь ты меня, — Мердок засеменил к столу, — люди твоего склада ума предпочитают что-то более... блестящее. — Он запрыгнул в креслице и потянул за рычаг. Кресло мгновенно поднялось, и Никсу больше не пришлось сверху вниз смотреть на ворчливого коротышку.

— Итак, — гном положил книгу перед следопытом и деловито сложил ладони домиком. — Я нашел том. Время платить.

Никс сорвал с пояса мешочек и бросил на стол. Содержимое со звоном упало перед носом профессора.

— А я не понимаю вас. — Он засунул книгу в заплочный мешок. — В руках чародеев все богатства мира, но брось вам пару магических безделушек и горсть золотых монет, так сразу голову теряете.

— И не поймешь, бродяга, — отвечал гном. Он бережливо положил мешочек в глубокий карман мантии. — У могущества есть цена, и не прошло и дня, чтобы я не жалел о поступлении в треклятую Академию. — Мердок скорбно опустил голову. — Я убивал друзей, предавал любимых, лгал королям. — Он задумчиво посмотрел на подрагивающие руки и тихо добавил:

— Сюда идут в поисках власти. Студенты думают, будто она открывает все двери. Никто из них не задумывается, что срывают замки. Всегда следует различать власть и контроль.

— Занятно. — Никс накинул на плечи плащ и вставил клинок в ножны. — Надеюсь, я не встречу с теми, кто осознает различие.

— Молись об этом, — произнес гном напоследок и развернул кресло к окну. — А теперь уходи. Мои коллеги не любят бродящих по башням посторонних.

Полупустую комнату без окон тускло освещали свечи. За пропитанным прелым запахом древесины столом, напротив друг друга сидели два человека в масках. На головах у них были капюшоны.

Человек в маске в виде демона заговорил первым:

— Сопrotивление эльфов подавлено, — глухим голосом доложил он. — Захария теперь полностью под властью Ферксии. Остатки эльфийского воинства бежали в горы, дворфы окопались. Все равно они не могут вечно сидеть под землей. Мы полностью отрезали их от союзников, и готовы начать затапливать проходы. Также готовится план нападения на Заснеженный перевал...

— Хватит, — властно велела фигура в маске шута. Под глазами маски хорошо виднелись кровавые слезы. — Никаких гор. — Резкий ледяной голос заставил «демона» встрепенуться. — Эльфы сейчас нас не побеспокоят, а если сунемся в горы, голиафы и великаны нас сметут и не поморщатся. Мы поставили на колени почти всех, однако враг хитрее, чем я думал. Вооруженная свора из Ликеи, Иллари и имперские предатели уже готовят новый удар. Необходимо положить конец упрямому сопротивлению.

«Демон» почтительно склонил голову.

— Слушаюсь.

— Что насчет книги и артефактов? Поиски идут успешно?

«Демон» неразборчиво пролепетал извинения.

— Как это понимать? — повелительно спросил «шут».

— Все те, кто должен был искать книгу, — «демон» сглотнул, — мертвы. За последние несколько лет мертвецов стало вдвое больше. В основном это ферксийцы из высшего командования. Я думаю, это проклятое сопротивление. Чертов Поллукс со своим ненормальным братцем!

«Шут» склонил голову на бок. Он будто бы пытался залезть в мысли собеседника.

— Тебе вообще не надо думать. Когда ты думаешь, все планы превращаются в дерьмо. — Ладони мужчины сжались в кулаки. — Уверен: это дело рук предателей. Они костями лягут, но добудут реликвии для этой мерзкой шлюхи — Видящей!

— Совпадение, — без раздумий отчеканил «демон». — Все Стражи погибли в Фоусте.

«Шут» рассмеялся.

— И ты видел тела? В том числе труп своего туповатого племянника?

— Да. — «Демон» сжал кулаки от уверенности в своей правоте.

«Шут» встал из-за стола и, сложив руки за спиной, медленно поплыл к «демон»; тот смотрел прямо, костяшки на его руках побелели. Любое неверное движение означает смерть. Мучительную и очень, очень медленную.

— Странно. — «Шут» встал за спиной «демона» и положил ему на плечи мозолистые ладони, которые усеивали старые порезы. — И куда же подевалась книга? — Хватка стала жестче. — Зачем продолжать выгораживать никчемного хвастуна? — прошептал он на ухо.

— Конрад...

Раздался хруст, «демон» скривился от боли.

— Даже не смей произносить имя этой предательской мрази.

— Мы найдем их, — промычал «демон». — Доверьтесь мне!

Хруст становился громче, мужчина вскрикнул.

— А-а!

— Я никому не доверяю, Реймонд. Почему вы постоянно меня подводите? Почему каждый пытается надуть? Эта ведьма, — «шут» наконец-то отпустил Реймонда, отчего тот облегченно вздохнул, — фэйская дрянь! Ее голову я тоже хочу видеть на пике перед воротами Хоэнтвиля.

— Я все сделаю, все, — клялся Реймонд.

«Шут» жестом прервал его.

— Ты уже все сделал. Пора передать дело в руки того, кто никогда не подведет.

— Ваше Величество! — вскричал Реймонд, падая ниц. — Не делайте этого!

Император повернулся к главнокомандующему войсками. Он с интересом наблюдал за раболопством воина и размышлял о том, хватит ли сил у этого слизняка посмотреть ему в глаза. Оттон сел на корточки и схватил Реймонда за подбородок.

— Реймонд, — ласковым тоном произнес Оттон. — Ты помнишь, что ты мне проблеял двадцать лет назад, захлебываясь от плача? Прямо тут, на этом самом месте, а?

Генерал мог только кивнуть.

Благодарушие тотчас спало с лица императора, ладонь крепче обхватила лицо Реймонда и начала сжиматься. Он мог бы с легкостью выдрать челюсть генерала, но вовремя остановился.

— Ты поклялся, — глаза Оттона сузились, — броситься с моего балкона, если еще раз подведешь. Я готов тебя простить, и больше не смей мне указывать, как поступать. — От гнева вены на его шее вздулись, послышался громкий скрежет зубов. Император с отвращением оттолкнул Реймонда от себя и вальяжно уселся в кресло генерала.

— Сделай милость, оповести Гильдию*.

— Они не подчиняются нам.

— Их подчинение уже не твоя забота. Убирайся.

Реймонда и след простыл. Оттон остался один в мрачной и тесной камере глубоко в подземельях дворца, где его не услышат шпионы врага. «Как же я устал». Каждый день ему приходилось просматривать доклады со всех краев континента. Мерзкие эльфы то и дело устраивают засады, разоряют форты с запасами еды, дворфы копают тоннели и ударяют в спину. Оттон вынул из кармашка свернутую записку. Он уже много раз разворачивал ее за прошедшие несколько дней. «Фэй пробуждаются, — снова прочел император, — леса теперь не безопасны. Существа с Иных Планов обеспокоены стремительным уничтожением нелюдей. Если не предпринять меры, Ферксия окажется в незавидном положении. Искренне ваш, Лоуренс».

Фэй — создания, что часто навешиваются в мир смертных для проведения безумных игр. Каждый из их народа обладает неподвластной смертным силой, способной подчинять других, разрушать города или менять законы природы. Но куда больше им по нраву заключать хитрые сделки и с ядовитой усмешкой наблюдать, как человек пытается выиграть в споре. Фэй непредсказуемы, опасны, жестоки и почти всемогущи. Давным-давно они

породили нелюдей и редко встревали в дела смертных. До этого дня.

«Теперь еще и они», — с досадой подумал Оттон, сминая листок. Его замысел трещал по швам без книги, которую у него умыкнули. Оставался лишь один выход — пора взяться за дело самому.

Что есть человек, как не заполненное противоречиями существо, способное не только создавать и менять мир вокруг себя, но и на чудовищную жестокость, которой позавидуют сами дьяволы. По прошествии сотни лет Лисандра пришла к мысли — людей невозможно понять. Их поступки нередко ведомы чувствами. Она сама сполна насытилась миром смертных, когда связала судьбу со смышленным юношей.

С детства Лисандре объясняли: человек — опасный хищник, он не остановится ни перед чем, чтобы подчинить более слабые, и в то же время более мудрые народы. Люди невежественны и трусливы, они сжигают все, чего не могут понять и без жалости убивают тех, кто немного отличается от них. «Пугливые обезьянки», — говорил отец Лисандры по возвращении с неудачных переговоров. Лисандра считала также. Несмотря на угрозу, ее народ — народ Леадора — закрывал на опасность глаза, так как верил в умение людей развиваться, становиться лучше. Это и сгубило древнюю и могущественную ветвь расы фэй.

После кровопролитной войны, когда дом Лисандры стерли с лица земли, от Леадора остались одни воспоминания. Десятилетие за десятилетием она бродила по континенту, бороздила моря и океаны, а затаенная обида на человечество горьким комом накапливалась в ее душе. Люди не желали изменений, их увлекала война, дележка богатств и власть. Лисандра усомнилась в правильности их существовании, ее обуяла неистовая злость. Почему ее родина превратилась в миф, а империи людей процветают? Почему выжившие вынуждены влачить жалкую жизнь, радоваться плесневому ломтю хлеба, а жители Ферксии или Грекалии без зазрения совести могут сжечь посевы? Лисандра тогда пообещала себе, что найдет способ восстановить страну фэй и вернуть ее былое могущество. Она пошла на многие жертвы, прокладывая кровавую тропу к заветной мечте, она поклялась в верности существам, готовым возложить на алтарь материальный мир для воплощения своих жутких замыслов.

И Лисандра была готова до конца следовать плану, но двадцать лет назад все изменилось: она усомнилась и в словах отца, и в собственных стремлениях. Она увидела иную грань человеческой природы. Людям не чужда теплота и забота, в них есть желание творить и соперничать. Лисандра проявила слабость — она влюбилась в мальчишку, и он погиб по ее же вине. То мгновение невосполнимой потери пронзило сердце, навсегда оставив глубокий, ноющий шрам.

Быть может, людей непросто понять, но они точно не «пугливые обезьянки» и не дикари. Это живые существа, в которых иногда благородства и решимости больше, чем в фэйских князьях. Человечество больно пороками, и тем не менее оно не заслуживает гибели от рук одержимой ведьмы.

Лисандра сидела на плоском уступе над лесным озером и вертела в руках кусочек драгоценного камня. Крохотный осколок напоминал ей о сыне, которого она вынуждена была оставить. Лиам заслуживает куда лучшей жизни, чем наблюдать, как его мать загоняет себя во мрак. «Подумать только, прошло более десяти лет с нашей последней встречи».

Девушка глядела на воду; серебристая рябь будто нарочно появлялась то тут, то там, не позволяя Лисандре увидеть свое отражение. Она провела рукой по длинным волосам и ненароком коснулась сломанных рогов. Пустяковая цена за спокойствие ребенка. Девушка устало зевнула. Томительное ожидание — худшая пытка, особенно если ждешь в глухом лесу, в южной части которого безумец Поллукс собирает войско.

Лес, где Лисандра успела провести не меньше недели, служил домом древней и очень злобной твари. В людских суевериях их называют ведьмами, что в корне не верно. Давным-давно они были частью народа фэй, до того, как их проклинали за пренебрежение к законам. Их души прогнили, сердца превратились в то, к чему конкретно предрасположена ведьма: болото, камень, грибок, грязь.

На земле ведьм опасно: плотоядные деревья, ядовитая слизь, пауки размером с лошадь, жуткие горгульи, которые стерегут подходы к милому деревянному домику с горой черепов на крыше. Лишь безумцы отважатся на поиски сокровищ и таинственных артефактов, что опаснее самой ведьмы.

Послышался шелест, воздух стал холоднее, туман стремительно окутал прозрачное озеро и в двух шагах от Лисандры начал появляться силуэт из опавших листьев. Девушка наблюдала за преображением с нескрываемым отвращением, будто перед ней выливали ведро с помоями. Ее пришлось поднести ладонь к носу, чтобы не задохнуться.

— Какие мы нежные. — Раздался из массы нечистот хриплый старческий голос. — Мои сестры уже готовят ритуал, осталось раздобыть самый важный компонент.

— Я уже отдала книгу, — ответила Лисандра с зажатым носом. — Я сделала все, о чем меня просили.

— Молчи, девчонка! — гаркнула старуха. Она воплотилась, изрыгая из себя потоки желчи. Сгорбленное

хромающее создание, тощие руки с гнилыми ногтями, одна стопа распухла, словно от неизлечимого недуга. Перед Лисандрой предстала ходячая хворь, болотная повелительница — Линор собственной персоной. — Не имеет значения, чего ты там хочешь, пока ты связана клятвой. Видящей нужны твои таланты, а значит, ты будешь выполнять то, что тебе велят!

«Неблагодарная тварь!». Лисандра на секунду вспыхнула, но своевременно прикусила язык. Вместо этого она равнодушно спросила:

— Она снова хочет дать поручение?

— Отправляйся к эльфийской обители недалеко от Цеведеса, там ты встретишься с моей сестрой. Заручись поддержкой старой подруги. — Из беззубого рта старухи повалила черная жижа вперемешку с илом. — А затем уничтожьте все.

— Нет, — перечила девушка. — Я не буду этого делать!

Ведьма расхохоталась протяжным булькающим смехом, от которого лицо девушки скривилось.

— Бедняжка, — продолжила ведьма, — ты и правда верила, будто совершенные тобой поступки во благо спасения Леадора? — Она рукавом вытерла едкую слюну с гнилых губ. — Столько смертей ради твоих наивных фантазий. Ни одна глупая книжка не оживит целый народ. Ты просто дурочка в ошейнике.

Лисандра напряглась, она едва сдерживалась, чтобы не начать драку с Линор. Эта тварь выводит ее из себя, хочет поиздеваться, почувствовать власть. Девушка уже сделала шаг вперед, на языке вертелось заклинание связывания.

Ведьма вместе со смехом изрыгала из себя потоки желчи и комья грязи. Все стекало по ее поросшему мхом телу. Она упивалась неприкосновенностью.

— Пока ты еще сильна, но не забывай об уговоре: если умру я, твой сын станет подношением богам. Видящая следит за тобой, мои сестры следят за тобой. По нашей прихоти ты будешь убивать кого угодно, когда угодно и где угодно, — прошипела Линор. — Отправляйся немедленно!

Последние слова говорила уже расплывчатая зловонная куча на мокрой земле. «Мы следим за тобой...», — прозвучало в голове у Лисандры, а затем все стихло. Густой туман рассеялся, снова подул теплый ветерок. Девушка не сразу заметила, что кожа приобрела синеватый оттенок. Лисандра в одиночестве стояла у озера, яркий свет солнца прогнал тень у ее ног.

— Придет час, — процедила она, вдавливая длинные ногти в ладони, — я сожгу вас всех, мерзкие твари.

Лисандра еще раз взглянула на свое отражение, проверила сумку с припасами и выдвинулась в путь.

Город, в который по воле случая угодил Никс, иллариЙцы назвали Жемчужиной. А все потому, что однажды рыбак-простофиля открыл для себя удивительный мир жемчуга и через пару десятков лет нажил гору золота. После чего отстроил небольшую деревеньку, наладил торговлю, а через сотню лет на месте старенького причала высился внушительный город с толстыми стенами. Злые языки шептали о связи рыбака с запретным колдовством: чересчур уж везучим тот был. Жаль доказательств так и не нашли.

Сегодня Жемчужина один из самых богатых и процветающих городов во всей ИллариИ. Торговцы со всего света встречаются в нем для подписания соглашений, обмена вестями и, разумеется, чтобы набить глубокие карманы золотыми монетами. В Жемчужине лавок больше, чем в любом другом городе, от названий банков рябит в глазах, зазывалы срывают голоса, приглашая молодых и талантливых в академии магии и искусств. В ИллариИ нет больше городов, где улицы украшают столь изысканные работы скульпторов, архитекторов и художников: аллея королей со статуями всех правителей, открытые выставки с картинами, замысловатые дома разных размеров и чудных форм для знати. Жителям удалось сохранить первозданный облик Жемчужины, несмотря на усилия ферксийцев втоптать в грязь удивительное обаяние морской столицы. Император любил превращать города в серые безликие глыбы.

Никс с облегчением вышел из главного здания Академии. Он хоть и считал магов тщедушными кретинами, но уважал их стремление к озеленению города. Помимо непроходимой стены из белого камня, Академию окружал цветущий сад, в котором маги вырастили редкие цветы и деревья, и к тому же достойно облагородили свой маленький рай: везде стояли скамейки, аккуратные дорожки вели в разные концы сада, а настороже всегда стояла парочка старших учеников. Никс шумно вдохнул ароматного воздуха и достал из кармана смятую бумажку — пропуск в обитель чародеев. Многие годами пытались добыть разрешение на учебу, впрочем, для Никса это не составило никакого труда. «Надеюсь, паренек в порядке», — подумал он, вспомнив, как ночью привязал конопатого мальчишку к дереву.

Разномастные дома, где жили простолюдины, ровными линиями растягивались вдоль мощеных дорог, которые вели к городскому рынку. Вдалеке Никс разглядел шпили Университета искусств, Дома торговых гильдий так же возвышались посреди каменного леса. Более всего выделялись растянутые полотнища с кровавыми когтями империи на крыше новой тюрьмы, куда попадали нелюди и все те, кто осмелился назвать Оттона тираном и убийцей.

Следопыт взглянул на ясное небо. Солнце еще не дошло до зенита.

«Время еще есть».

...Никс не спеша шел по городскому рынку сквозь толпу горожан. Они суетились, ругались, спорили у прилавков в поисках товаров из соседних стран, кое-кто даже угрожал. В воздухе витали ароматы фруктов, острых специй, свежей рыбы, травянистого табака и редкого захарийского чая с нотками кардамона и корицы. Этот город каждый раз удивлял Никса. Он с трудом поборол желание потратить немного монет на мешочек сушеных листьев.

Прежде всего, Никс посетил давнего приятеля в его скромной мастерской у окраины рынка. Острее и прочнее клинков не найдешь во всей ИллариИ. Затем поспешил к броннику, чтобы залатать изношенный доспех. Новенький пока был не по карману.

— Создатель! — Мужчина негодуяще покачал головой. — Да тут дыр больше, чем в мишенях на стрельбище.

Никс виновато пожал плечами и протянул кошель.

Бронник смиренно вздохнул.

— Ладно, снимай с себя эту рухлядь. — Он посмотрел на сапоги, к подошвам которых налипла грязь. — Это тоже снимай. Душа болит при виде этого непотребства.

Работа заняла чуть больше пары часов. За это время Никс успел запастись солониной, душистыми травами и лечебными мазями. Выслушав ворчливую тираду бронника, он благодарно кивнул мастеру и поспешил в Квартал Бедняков, месту, где нашли пристанище убийцы и воры.

Квартал Бедняков держал в ежовых рукавицах Гванхва — отпетый подонок, садист, контрабандист, коллекционер древнего барахла, рожденный в знойной пустыне Захарии. К нему-то следопыт и шел.

Вход — высокую арку без ворот — стерегли отбросы, по которым скучали имперские казематы. Все, как один, обезображенные болезнями и шрамами, татуированные, мускулистые и обделенные мозгами. От мерзавцев смердело дешевым пивом и гнилью. Перед одним из них сейчас стоял Никс.

— Куда намылвился, доходяга? — спросил главарь шайки и смачно плюнул на начищенный сапог Никса.

Следопыт опустил взгляд на обувь. Желтоватая слюна медленно стекала по гладкой коже. «Спокойнее. Помни, что было в прошлый раз».

— Гванхва ждет меня, — невозмутимо ответил Никс. — Давай просто разойдёмся и ни у кого не...

— Я шот не понял. — Амбал положил широкую лапицу на плечо Никса. — С каких пор босс якшается с такими ублюдками?

— Эй, — подал голос приятель верзилы. — Разве не этот урод сломал Филу руку?

Остальные согласно закивали.

— Фил? — переспросил главарь. — Этого слабака даже баба уложит. — Он снова плюнул — на другой сапог Никса.

«Ах ты паскуда!».

Никс резко схватил противника за кисть и вывернул ее. Здоровяк завопил от боли.

— А-а, мразь! — Бандит замахнулся второй рукой, но Никс был куда быстрее. Он перехватил кулак и саданул главаря между ног. Тот сдавленно всхлипнул и осел.

— Есть еще желающие? — спросил Никс. Шайка благоразумно расступилась перед ним. — Передайте Филу чтобы поправлялся.

И так Квартал встречает гостей. Никс перешагнул через корчащееся тело и направился вглубь опасных трущоб.

Трущобы разительно отличались от прочих Кварталов не только независимостью, но и ужасающей бедностью. Вместо разноцветных и надежных домов, тут всюду стоят деревянные бараки, в которых сводят концы с концами отбросы общества. О мощных дорогах и речи не шло, впрочем, как и о свежей еде с чистой водой. Никс шлепал по лужам и старался не смотреть по сторонам: не следует раньше времени привлекать внимание доносчиков Гванхвы.

В памяти Никса всплыл образ Фоуста. Он вспомнил себя, бредущего по грязевому месиву на привязи у Конрада. Сквозь стену дождя его вели по точно такой же улице, точно такие же измученные люди наблюдали из окон старых домишек. Видимо, Ферксии по нраву такие злчные места.

Как только Никс углубился в трущобы, ему чаще стали попадаться на глаза люди благородных кровей, которые используют Квартал, чтобы проворачивать незаконные сделки. Мужчины и женщины старательно скрывают лица, но запах не спрячешь. Аромат дорогих духов, изысканных вин, редких наркотиков насквозь пропитывает лордов и леди. Никс прислушался, проходя мимо женщины в плаще. Она разговаривала с работником, рядом с которым стоял дрожащий мальчишка. Кожа да кости, вот только богачи знают, как превратить товар в стоящую игрушку. Вот она, истинная Жемчужина. Взгляд Никса скользнул по закоулку, где свора бандитов избивала человека. Подкуп, шантаж, проституция, убийство. Такое ли будущее видел Оттон?

Тот, кто заправлял этим бардаком, жил в самом непримечательном доме: обомшелая крыша, разбитые окна, лужи мутной воды у порога. Обычный барак для бедняков, но Никс знал — внутри ожидает иной мир. Следопыт стукнул кулаком в дверь. За ней послышалось шуршание и скрежет. Открылось прорезь для глаз.

— А, это ты, — произнес охранник и отодвинул засов. — Заходи.

Никс зашел в прихожую. Его безупречный слух уловил звуки музыки.

— У него гости?

— Были, правда, их предложение оказалось...не интересным, — равнодушно ответил охранник. — Гванхва ждет в подвале. И постарайся не вляпаться.

Вначале Никс не понял, что имел виду бандит у входа до тех пор, пока не заметил на стенах подполья кровавые разводы и отпечатки чьих-то рук. «День становится все лучше и лучше». Лестница закончилась перед дверью. Никс легонько постучался.

— Входи. — Выговор Гванхвы выдавал в нем жителя востока.

Никс оказался в просторном зале, посреди которого располагалась сцена. На ней труппа певцов и актеров показывали сцену битвы в Ущелье Мертвецов, а зритель был всего один. Гванхва сидел напротив, утопая в мягкой перине. Мужчина заворожено смотрел выступление. Никс не стал отвлекать его, и прислонился спиной к одной из дюжины рельефных колонн.

— Не хочешь присесть? — спросил Гванхва. — У меня есть Ангельский мох*. — Он поднял с пола прозрачную колбу с гибкой трубкой и протянул следопыту.

Никс поморщился. От одного запаха этой дряни ему становилось дурно.

— Откажись.

Гванхва затянулся и выпустил густое облачко дурманящего дыма.

— Твоя рожа убивает все веселье, — заявил он, поставив колбу обратно. — Пошли вон! — крикнул он музыкантам, и те поспешили убраться.

— Вот твоя книга. — Никс достал толстый том из мешка. — Не забыл про наш уговор?

— Разумеется, друг мой, — заверил Гванхва. — Но боюсь, нам придется пересмотреть условия сделки. Видишь ли, — мужчина неторопливо поднялся, поправил яркий халат и пристально посмотрел на Никса, — до меня дошли кое-какие слухи.

— Слухи?

Гванхва подошел к заваленному едой столу и налил себе бокал вина.

— Да, они самые, — ответил он и немного отпил. — За голову некоего бродяги назначена награда. Даже книга не стоит столько, а ты забыл упомянуть, что за тобой охотятся.

Никс слышал движение за стенками, чувствовал запах крови в зале. Он нахмурился.

— Без сведений я не уйду.

Гванхва взял со стола мешок и обернулся с напускной растерянностью.

— Святые боги, что это?! — Алая капля упала на пол. Контрабандист вытянул руку.

— И знать не хочу, — угрюмо ответил следопыт.

— Как?! Ты же, мать его растак, чертов убийца! Скажи же мне! — Он яростно затряс мешком. — Что внутри?

— Не зли меня...

Захарец выбросил бокал и вытащил обезображенную голову.

— О, чудо — голова!

Никс потянулся к оружию.

— Не советую, калека. — Гванхва, как ни в чем не бывало, налили вина в дрогой бокал. — Этот паренек тоже пришел торговаться со мной, но ты знаешь — я не люблю, когда мне ставят условия.

— Никаких условий, — прорычал следопыт. — Я просто вспорю тебе брюхо.

Гванхва презрительно сощурился.

— Город живет благодаря мне, Никс. — Он бросил голову к ногам гостя. — Все эти шляхи в бальных платьях, надутые никчемные лорды в напудренных париках в городском совете — пыль в глаза. Ферксийцы знают это, поэтому трущобы процветают! — Чем дольше Гванхва говорил, тем сильнее распалялся. Он едва не срывался на крик. — Здесь, — мужчина указал пальцем на перины, — здесь решаются вопросы о судьбе города! И я не позволю мелкому бродяге испортить все!

Самопровозглашенный король затих, чтобы перевести дух.

— А-а, вот оно что, — ответил Никс, убрав книгу в мешок. — Надеюсь, — огромный нож выскользнул из ножен, — у тебя есть что-то опаснее пустых слов.

Как по команде, в зал вбежал отряд ферксийских солдат. Гербы империи на нагрудниках были перечеркнуты. Четверо тотчас окружили Никса, еще двое с арбалетами держали его на прицеле. Суровый сержант подошел к Гванхве и кинул ему в руки толстый кошель.

Никс кровожадно оскалился.

— Эй, Гванхва.

— Чего тебе? — отозвался тот, пробуя монету на зуб.

— Беги.

— *Нападай!*

Мальчишка, которому едва исполнилось десять лет, делает выпад копьем. Наконечник направлен в сердце рослому мужчине с оголенной грудью. Однако он с легкостью уходит от удара и хватает древко.

— *Это все?* — сурово спросил он.

Мальчик зарычал.

— *Р-р-р, я, — он перестал тянуть копье на себя и начал вдавливать копье в противника, — не закончил, — сквозь зубы прозвучал ответ.*

Мужчина чувствовал, как гладкое дерево медленно проскальзывает сквозь потную ладонь. Он заметил, с каким упорством совсем юный воин хочет добыть победу. Впервые в глазах мальчика вспыхнул огонек. Затем, всего лишь на миг, на лице мужчины появилась улыбка. Он дождался, пока паренек вложит все силы в натиск и резко делает шаг в сторону, отпуская оружие. Мальчик летит вперед, его ноги заплетаются, и он лицом врежется в один из деревянных столбов на тренировочной арене Хознтивля.

Раскатистый смех прозвучал на просторной круглой арене, где занимались двое — отец и сын.

— *Ах-ха-ха, — мужчина положил руки на пояс в ожидании, когда противник вновь встанет на ноги. — Твоя напористость достойна уважения, да только тобой движет ярость. — Он увидел окровавленное и раздосадованное лицо мальчика. — Круглый дурак надеется на одну силу!*

— *Я больше не могу, — послышался слабый лепет. — Мой нос...*

— *Сломан?* — *Мужчина подошел к мальчику и одной рукой рывком поднял на ноги. — Ничтожный слабак просит милосердия!* — *рвкнул он. — Живо подними оружие. Или ты слабак?*

Мальчик потянулся к копыю, но неожиданно подогнулось колено.

— *В Империи нет места слабости. Дерись или умри!*

Ферксиец пальцами нащупал тяжелое древко и молниеносно ударил.

— Только гнусные трусы бьют исподтишка, — тихо промолвил мужчина. Наконечник слегка оцарапал его щеку. Затем он с размаху ударил мальчика по лицу. — Мы стоим выше других, потому что у нас есть принципы. Без них ты пустое место, обычный варвар из дикой страны. Запомни это, сын.

Внезапный удар грома вывел Кридла из воспоминаний. Верхом на дряхлой кобыле, мокрый до нитки, он брел по пустой дороге к городу-крепости. Ливень уже второй день кряду заливал Илларию, и все-таки это не мешало наемнику любоваться красотами страны. Он редко покидал Хоэнтвиль и еще реже путешествовал в одиночку. Невозможно выразить словами тот вид, что раскинулся перед его взором: вдоль тракта простирался густой хвойный лес, чей спокойный и прохладный аромат навевал мысли о прошлом; небосклон озаряли всполохи молний, и слышался незатихающий гул, который перерастал в прерывистые раскаты; свирепые порывы ветра несли с собой солоноватый запах моря. После очередной яркой вспышки, Кридл разглядел у самого горизонта башни Драйдофа.

Вскоре лес уступил место бескрайней равнине с вырубленными деревьями, и Кридл воочию увидел грандиозный город, возведенный лучшими умами Ферксии. Стены из черного камня усыпали бойницы, башни с трубушетами и скорпионами, а крепость окружал глубокий ров с водой.

Кридл повел лошадь к главным воротам и попутно осматривал пустырь, где скоро начнется стройка небольшого поселения. Сотни рабов, в том числе нелюди, неустанно трудились, чтобы завершить приготовления.

«Такова расплата», — мелькнуло у него в голове при виде упавшего в грязь эльфа. Огромный надзиратель огрел раба кнутом по спине.

— Встать! — проорал он и снова ударил. — Встань, остроухий!

Чем ближе Кридл подъезжал к крепости, тем отчетливее понимал — с наскока город не взять. Помимо трубушетов, рва и чанов для масла, стену покрыли шипами — новое изобретение. По задумке они должны мешать ставить штурмовые лестницы.

«Недурственно». — Наемник присвистнул.

Сквозь водную пелену всадник заметил сторожевой пост — небольшой домик с несколькими бойцами. Стоило Кридлу подъехать к самому порогу, из домика послышался чей-то недовольный голос:

— Кого, дьявол всех подери, сюда принесло в такое время?

Из маленького домика послышались возмущения солдат. Через мгновение дверца отворилась, и показалась голова. «Сержант», — отметил Кридл при взгляде на красный хвост гребня. Сержант недоверчиво покосился на всадника.

— В город можно только по входной грамоте.

Мужчина дрожащей от холода рукой вытащил из седельной сумки обмотанную кожей колбу и протянул бойцу. Тот быстро ее вскрыл и вытащил пергамент, на котором красовалась императорская печать. Его глаза внимательно прошлись по приказу, и, несмотря на это, он еще несколько секунд подозрительно переводил взгляд с грамоты на лицо незнакомца.

— Наемник... Что ж, печать, вроде как настоящая. — Сержант протянул колбу обратно. — Проезжай.

— Хорошего дня.

— Эй, — окликнул Кридла сержант, — советую местечко «Приют Эрла». Еда там отменная.

...Первое, что увидел Кридл, вступив в город, — высокая бронзовая статуя императора. Гигант держал в руке табличку с основными законами Ферксии. Кридл оценил кропотливый труд скульптора и осмотрелся. Площадь встречала нового гостя пугающей тишиной. Из-за дождя город будто бы вымер.

Драйдоф не блистал яркими красками. Как-никак, ферксийские строители не славились изобретательностью, и унылое однообразие — отличительная черта имперских мастеров. Однако даже для простолюдинов все строилось на совесть. Прочные, в меру теплые и надежные дома нельзя сравнивать с убогими амбарами иллариюцев или ликейцев. Кридл, как никто другой, знал об этом, потому что долгое время сам жил в одном из таких домов.

Неожиданно Кридла накрыла чья-то тень. Он выставил руку и на нее приземлился белый сокол.

— Пискун! — Наемник радостно погладил своего друга. Ему пришлось ненадолго расстаться с ним, когда предстоял путь через горы. — Ну и зачем в такую погоду летать? Скучал? И я по тебе, дружище. — Кридл легонько стукнул птицу по клюву. — Но больше так не делай.

Пискун издал сердитый звук.

— Тебе не нравится мой новый образ? Что плохого в косе? Это же сейчас модно!

Сокол головой потерся о тканевую повязку. Кридл хохотнул. — Не сочетается с повязкой на глазу значит... Что ж, в следующий раз обязательно с тобой посоветуюсь.

Пискун заклекотал на прощание и взлетел, а Кридл поспешил укрыться от дождя. «Приют Эрла. Что за дурацкое название?». Он шел по дороге из гладкого камня, в которую умелые строители встроили решетчатые

локи, куда стекала вода, — еще одно открытие ферксийской науки. Неподалеку он увидел крупную вывеску. «Ага, вот и она».

Кридли с грохотом распахнул дверь. Счастливое лицо в ту же секунду стало серым, словно глина. Масляные светильники на потолке кое-как освещали зал корчмы, где собралось несколько человек. Вид ферксийцев вызвал у Кридли кислую усмешку. Их головы словно попыталась стгрызть огромная тварь с зубами, как у дракона, но, видимо, подавилась и выплюнула обратно.

Наемник устало плюхнулся за стойку рядом со спящим солдатом. Трактирщик, высокий, подтянутый мужчина средних лет и с каменным лицом, опустил руки на стойку и дерево жалобно закрипело.

— Мы раньше не встречались?

Кридли отрицательно покачал головой.

— Хмм, лицо у тебя ужасно знакомое. — Басистый голос трактирщика заставил Кридли вздрогнуть. — Что будешь пить?

— Эль?

— Что бормочет этот слюнтяй, Эрл? — спросил пьяный солдат за ближайшим столиком. — Тут не пьют эту дрянь! Оставь эту отраву для девок! — Для убедительности он стукнул кулаком по столу.

Эрл вопросительно взглянул на Кридли.

— А что у вас есть в закромах этой замечательной таверны? — Наемник попытался посмеяться. Никто из присутствующих и бровью не повел.

«Как на кладбище, — подумал он. — Хотя нет, на кладбище и то веселее».

— Пиво, — преспокойно ответил Эрл, перекатывая во рту нечто, что могло вполне быть и частью бывшего клиента. — Из еды сейчас только похлебка из баранины.

— Похлебка с пивом вполне годится. Сколько с меня?

Эрл окинул глазами наемника и смачно сплюнул прямо на пол.

— Пять золотых монет.

У Кридли чуть не отвалилась челюсть. «Пять золотых за дрянной бульон и разбавленное пойло?». С напускным спокойствием он достал из кожаного мешочка пять блестящих монет и бросил их на стойку. На звон монет обернулись все, кто сидел рядом. Солдаты во все глаза смотрели на золото. Их алчные взгляды усталились на Кридли, что казалось странным, ведь, насколько он знал, солдаты Ферксии получают неплохое жалование. Неужели и тут обман?

Эрл сгреб плату себе в карман и отправился в соседнюю комнату, откуда тянулся запах немывтых портков.

— Нравится наш город? — неожиданно спросил солдат, который до сих пор молчал и просто наблюдал за происходящим. — Редко, кто решается сюда прийти. Тут не жалуют чужеземцев.

— А я из Хоэнтвиля, — признался Кридли. Честность не редко выручала его из беды. — Но предпочитаю путешествовать.

— Хоэнтвиля? — Солдат повернулся к своим сослуживцам. — Говорит: прибыл из столицы!

Ферксийцы заулюлюкали. Кто-то даже освободил место, чтобы Кридли мог сесть.

— Ну и как живетесь богачам? — со зловещим оскалом спросил главарь шайки.

— Без понятия.

Кридли не мог позволить себе глупые разборки с пьяницами. Явиться в гильдию с синяками ниже его достоинства.

— Твой заказ, — громко произнес Эрл и поставил на стол глубокую миску до краев наполненную желеобразной массой. Коричневая жижа пузырилась и воняла, как стадо коров. Пиво пахло не лучше, как будто Эрл сам отлил в него и разбавил водой.

«Вот тебе и лучшая таверна в городе».

Украдкой Кридли заметил, что один из солдат перекрыл собой выход, еще двое встали за спиной, а главный положил перед собой длинный меч. Эрл кивнул стражнику и ушел обратно на кухню.

— Скажу один раз, щегол ряженный, в этом городе простой закон — выживает сильнейший.

— Мило звучит. Прямо-таки девиз империи, — отшутился Кридли. — У меня встречное предложение. — Он сел в пол-оборота, отхлебнув дешевого пива. — Катитесь подобру — поздорову, пока я допиваю этот чудный напиток.

Солдаты противно засмеялись. Кридли сделал глубокий глоток.

— Конечно, — ответил командир, и в это же время наемника окружили. — Но для начала, спой-ка нам нашу любимую песню, красавица.

Кридли в ту же секунду почувствовал боль. Удар пришелся по лицу, прямым в левую скулу. От мощного толчка он слетел со стула и упал на покрытый грязью пол. Он еще не успел отойти от удара, как в живот прилетел следующий, затем еще один и еще. Солдаты с упоением колотили его ногами.

Так продолжалось еще некоторое время, пока ферксийцы не выдохлись. Потом командир залез в карман Кридла и вытащил оттуда заветный мешочек с деньгами.

— Радуйся, что мы тебя не прикончили, — произнес он, пряча кошель.

Солдаты неторопливо собирали вещи и готовились отпраздновать неплохой улов. Кридл уже видел перед собой картину: эти недоумки заходят в зал дорогого борделя, бросают в шлюх монеты, гогочут, пьют дорогое пойло. Звонкий смех заполнил старую таверну. Ферксийцы недоуменно уставились на него.

— Что смешного, идиот? — рыкнул командир.

— Мне вас жаль.

— Жаль? — Солдат отбросил в сторону мешок с поклажей, вытащил из ножен меч и проскрежетал. — Сейчас я покажу тебе жалость.

Лисандра покинула лес ведьмы больше недели назад, но весь путь за ней неуклонно по пятам двигались черные тучи как предвестник дурных вестей. Накануне девушка уже успела побывать под ледяным дождем, да так, что ее дорожный плащ вымок, сумка с припасами превратилась в тюк с водой, а собранная в дорогу еда стала кашей вместе с парочкой книг. Видимо, это наказание за ее дерзость.

Страдания подошли к концу, когда тракт вывел Лисандру к городку Южный Предел. Город уже не первый год служил торговцам и путникам надежным убежищем, где они могли расслабиться перед последним переходом в Цеведес — столицу региона.

В стародавние времена Южный Предел был простой деревенькой — сегодня его защищает хорошо обученный гарнизон солдат, в городе находилось представительство торговой гильдии «Вендель и сыновья» — крупнейшей в Илларию, две корчмы как для простолюдинов, так и для лордов заманивали яркими вывесками, больница при храме и главное достояние города — рынок. По рассказам, на нем удивительные и редкие товары со всего света появлялись гораздо раньше, чем в столице.

По широкому каменному мосту Лисандра пересекла извилистую и капризную реку Мезу, которая проходит через всю Илларию и с давних времен одаривала рыбой прибрежные поселения. Снова полил дождь.

У входа стояла всего пара стражников. Как воробы, они вжимали головы в плечи будто бы так теплее, но холодные капли все равно просачивались между пластин доспехов. «Так даже лучше», — подумала Лисандра и не с первой попытки сплела заклинание невидимости. В последнее время колдовство давалось ей с превеликим трудом. Никто из них и не почувствовал присутствия девушки.

Пройдя мимо шмыгающих стражников, Лисандра очутилась в настоящем болоте. Город походил на одну огромную лужу, где плавал мусор. К ее некогда изящным дорожным сапожкам налипла грязь. «Ну и бардак». Девушка брезгливо повертела ногой, чтобы комья грязи и нечистот отлипли от подошвы.

Закончив почем зря ругаться, Лисандра смирилась с пронизывающей сыростью и дальше зашлепала по липким лужам Южного Предела. Разумеется, люди попрятались по домам в надежде, что к завтрашнему утру город не превратится в зловонную клоаку. Однажды ей уже приходилось бывать здесь, тогда все выглядело иначе: чисто, опрятно, многолюдно.

Погруженная в воспоминания, Лисандра набрела на необычную гостиницу. Она будто срослась с могучим деревом: ветви обволокли дом, словно возлюбленную — нежно, защищая от невзгод. Было слышно пение и смех постояльцев. Лисандра воодушевилась; воспоминания и образы прошлой жизни с Неасом — той далекой и беззаботной поры, нахлынули на девушку. С ощущением теплоты и безопасности она забежала внутрь.

В гостинице сидели не только люди: эльфы, гномы, хафлинги веселились наравне с остальными. Затесался даже один гигант. Десятифуговое существо безжалостно уничтожало месячный запас провизии. Девушку удивило, что здесь никто никого не оскорбляет, не пытается убить и не выказывает недовольство. С приходом империи люди и нелюди побаиваются друг друга, и нередко держатся обособленно. Но тут царил порядок и гармония.

Лисандра поспешила к главному хранителю очага, по пути скидывая промокший плащ. Владельцем заведения оказался полуэльф. Хоть он и не считался перворожденным*, трактирщик определенно обладал чарующей красотой фэй. Мужчина учтивым кивком поприветствовал гостью.

— Чем я могу вам помочь? — Лисандра заметила, как глаза полукровки бегают по ее телу. Она сдержала неприязнь. Хотя бы на время.

Лисандра вытащила кошель из сумки и бросила его перед трактирщиком. Нет смысла скупиться.

— Лучший номер, горячая ванная и что-нибудь на ужин. Желательно, мясное и немного фруктов, — уставшим голосом сказала она. — Я так полагаю, комната на втором этаже?

Полуэльф извиняющимся голосом ответил:

— Эм, боюсь, все номера уже заняты, госпожа.

«Ах ты мерзкий паразит!».

— Серьезно? — Девушка кокетливо состроила глазки и оперлась на стойку так, чтобы трактирщик мог заметить вырез. — Неужели нельзя ничего сделать?

Трактирщик проглотил комок в горле. Затем он приблизил лицо. Многие девушки клюнули бы на такое смазливое личико, но за внешним блеском скрывался старик с недобрый взглядом, кто вполне мог застать появление Южного Предела. Как бы то ни было, Лисандра была гораздо старше, и никаких чувств, кроме отвращения, этот червь в ней не вызывал.

Полуэльф улыбнулся, оценивая фигуру Лисандры.

— Я могу предложить вам *особые* услуги.

Лисандра старалась казаться приветливой, но похотливый взгляд трактирщика, очевидно, выбил ее из колеи. Девушка крепко схватила мужчину за плотку. Громкое пение и смех играли только на руку, никто не обращал внимания на разгневанную женщину, которая вот-вот сломает шею корчмарю.

— Меня не интересует твое предложение, ничтожество, — прошипела Лисандра ему на ухо. — Если через три минуты ты не сделаешь то, чего я хочу, твой холодный труп найдут на рассвете, прибитым к чертовому дереву. Ты понял меня? Моргни, если да.

Видят все проклятые боги, она пыталась быть вежливой!

Когда Лисандра поднималась по лестнице, полуэльф даже не взглянул в ее сторону и делал вид, будто следит за порядком — на деле же пытался унять дрожь. И так всегда, где бы она не находилась, на пути обязательно встречался озабоченный мужлан. Интересно, что бы сделал ему Неас?

...А ванная тут и впрямь не плоха. Лисандра лежала в огромной бадье с горячей водой в настоящем облиии. Она спокойно вдыхала тяжелый влажный воздух, наполненный ароматом лесных трав. Прикрыв глаза, она мечтательно представляла себе конец путешествия, когда наконец-то обнимет сына. «Как же хорошо расслабиться после недели утомительной ходьбы».

Неожиданно за стенкой девушка услышала громкий стук. Некто колотил по двери соседней комнаты. Через пару секунд дверь со скипом открылась, послышался вскрик, а за ним плач. Такой громкий, протяжный и до боли знакомый. Лисандра почувствовала: на мгновение ее сердце защемило, словно она вновь оказалась в Фоусте тем злополучным утром. Хотя какое ей дело до проблем обычных людей? Пусть эти глупцы учатся справляться со своим горем. Девушка откинула голову назад и с блаженной улыбкой продолжила мечтать.

— Фрэд, — донесся плаксивый женский голос из-за стенки, — ты должен что-нибудь сделать. Ты виноват в том, что ее забрали! Ты виноват во всех наших проблемах! Будь прокляты твои игры!

— Да знаю я! — рыкнул мужчина. Через пару ударов сердца голос стал заметно тише. — Но я не могу, Лиа. Они не отдадут свой выигрыш. Умоляю, прости! Он вынудил меня!

Молчание.

— Ты разрушил нашу жизнь, — холодно ответила женщина. — Убирайся, я не хочу тебя видеть. Никогда.

— Лиа...

— Убирайся! — выкрикнула она и захлопнула дверь.

«И сколько я должна выслушивать этот заунывный плач?». Лисандра разъяренно ударила кулаком по стенке. По дереву поползла паутинка трещин.

Резко раздался звук, будто бы на пол уронили чугунный шар. Плач и всхлипывания за стенкой прекратились.

«Так-то лучше», — подумала девушка. Знакомый аромат защекотал нос. Она принялась. «Ваниль?»

— Глупая женщина, — сердито прошептала Лисандра, вылезая из бадьи.

Она накинула на себя полотенце и поспешила на выручку. Само собой, дверь в соседнюю комнату была закрыта.

«Попробуем иначе».

Девушка прикоснулась ладонью к дереву и произнесла несколько слов. На двери стремительно сформировался белый круг. Лисандра выждала несколько секунд, прежде чем заглянуть внутрь. Закрыто на ключ. Времени на поиски ключа не было, поэтому она выдрала ручку вместе с замком. Помимо пытливого ума, Лисандра выделялась еще и недюжинной силой, которую скрывала от чужих глаз.

«Порой быть фэй гораздо лучше».

Лисандра прикрыла дверь и подошла к трясущемуся телу молодой девушки. На вид ей было не больше тридцати. Она лежала на спине, ее била дрожь, из уголка рта стекала мутноватая черная жидкость со слюной. Колдунья нахмурилась.

«Совсем еще молодая. Что же она с собой сделала?».

Лисандра наклонилась, кончиком пальца провела по жидкости и попробовала языком. Вкус показался ей знакомым.

«Борец? Нет-нет, тут таким не торгуют. Возможно, авран? Нет, он не пахнет. — Девушка задумалась, сев на

колени рядом с Лией. — Мак? От него не трясет».

— Вот какого хрена ты делала... — проронила Лисандра. Ответ пришел неожиданно. — Белокрыльник...

Колдунья прижала ладони к груди Лии. Лисандра родилась с даром — с детства она умела разговаривать с Матерью-землей, пользоваться всеми ее благами и лечить любое отравление, любой недуг.

Через несколько минут веки Лии болезненно медленно поднялись. Спасенная девушка во все глаза уставилась на Лисандру. Лицо скривила гримаса ужаса. Лисандра только сейчас осознала — она так и не приняла человеческий облик. Зеленая женщина с обломленными рогами и демоническими глазами нависла над Лией.

«Демоны меня раздери!».

— Так, Лиа, успокойся. — Лисандра выставила руки, аккуратно отползая в сторону. — Давай без лишнего шума и крика, идет? Я все объясню.

Едва Лиа раскрыла рот для душераздирающего крика, Лисандра резво вскочила на ноги и вlepила той мощную пощёчину. Сила удара оказалась слишком велика — Лиа отлетела к стене и вновь потеряла сознание.

Лисандра посмотрела на свою ладонь.

«Быть человеком порой все же лучше».

Нож вошел в горло сержанта. Ферксиец схватился за рукоять и рухнул спиной на перину. Он до последнего цеплялся за жизнь, но дух покинул тело так же стремительно как клинок ножны следопыта. Остальные воины не успели понять, что произошло, а Никс уже вырвал у одного из них копьё и воткнул в нерасторопного бойца.

— Убить! — прокричал ферксиец с арбалетом. На его плече красовалась капральская лента.

Следопыт быстро вытащил копьё из мертвого врага и метнул в грудь капрала. Мощный бросок пригвоздил стрелка к двери. При всем том воины преисполнились решимостью выполнить последний приказ командира. Один за другим они бросились убивать Никса. С невозмутимым спокойствием он сорвал с бедра арбалет и всадил снаряд в глаз одному, а затем второму. Последний гвардеец с разбега решил насадить Никса на копьё, однако тот шагнул в сторону, вытащил еще один нож и с размаху вонзил десятидюймовый кусок стали в открытое забрало шлема. Боец прошел еще пару шагов и грохнулся у ног Гванхвы, который онемело уставился на кровавое представление.

Стрелок не стал убегать. Безрассудная храбрость была одной из тех черт, из раза в раз докучающей ему при каждом столкновении с ферксийцами. С боевым кличем он навел оружие на Никса и вот-вот собирался выстрелить. Следопыту ничего другого не оставалось, кроме как нырнуть за колонну. Болт лизнул камень в дюйме от его головы.

В молчаливой ярости гвардеец двигался к укрытию Никса и перезаряжал громоздкое оружие с быстротой эльфского воина. Подумать только, он на ходу натягивал тетиву всего одной рукой! Никс отдал должное выгучке и силе гвардейца, но, по его опыту, беспорядочная стрельба не приводит к успеху. Когда боец доставал новый снаряд, Никс преспокойно снял второй арбалет и выстрелил бедолаге в незащищенную шею. Стрелок повалился набок с искаженным от боли лицом.

С каждым последующим убийством Гванхва бледнел все сильнее. Медленно, шаг за шагом, он отступал к спасительному черному ходу. Он даже не заметил, как выронил мешок с драгоценностями. На его глазах свихнувшийся убийца уложил отряд ферксийцев, и сейчас направлялся к нему. Никс перевернул гвардейца с ножом в глазнице, чтобы вытащить клинок. Оружие не поддавалось. Он подвигал рукоять, и нога воина непроизвольно задергалась. Сердце контрабандиста стучало в такт латному ботинку мертвеца.

Гванхва уткнулся спиной в стену и попытался нащупать кнопку, а меж тем Никс вытащил нож из тела и тотчас метнул. Чудовищно длинное лезвие вошло в ладонь Короля трущоб по самую рукоять.

— А-а-а! — Гванхва упал на колени, тщетно пытаясь вытянуть нож. — Сучий потрох! А-а-а!

Никс равнодушно опустил на корточки перед завывающим преступником. Еще несколько томительных мгновений он наблюдал, как тот корчиться в муках, а затем выдернул оружие.

Гванхва прижал ладонь к груди, из глаз потекли слезы. Следопыт притянул скулящего мужчину за грудки.

— Слушай, — озлобленно проговорил Никс, — в этом городе каждый препирается со своим убийцей? Я тебе не тупоголовый амбал из местной шайки. Предлагаю выбор: рассказать о Посреднике и остаться в живых либо подохнуть тут.

Нижняя губа контрабандиста затряслась, а потом слова полились бурным потоком. Он рассказал все что знал, даже неинтересную Никсу чепуху, обличая всех пособников и главных поставщиков. Гванхва говорил и говорил, пока под его ногами не образовалась желтая лужица.

— *Убей его,* — настойчиво прозвучало в голове.

Никс поморщился, повертел головой, отгоняя прочь чужой голос. «Заткнись, мать твою!»

Послышался смех.

— *Ах-ха-ха, очень смешно, если учесть, что у меня ее нет.*

Следопыт стиснул зубы и разжал хватку, но руки предательски задрожали.

— *Ты же хочешь,* — прошелестел искушающий шепот. — *Он же трусливый ублюдок, без которого миру будет гораздо спокойнее.*

Никс с презрением окинул взглядом рыдающего бандита. Гванхва вжался в стену, сопли и слезы стекали по подбородку. Он умоляюще глядел на следопыта, пока зловещая тень не накрыла его. Жуткий крик огласил роскошное убежище бывшего короля.

...Никс покидал трущобы с нескрываемым чувством разочарования. Как бы он не пытался сохранять хладнокровие, выражение лица говорило само за себя. Стоило ему показаться из-за угла, банда головорезов у входа в Квартал тотчас расступилась.

«Да что б его! — бушевал Никс. — Ни надежных сведений, ни денег, ни чистой одежды!».

— *Да уймись, парень. Теперь мы знаем, где искать этих...этих сопротивленцев.*

«Уняться?! Да ты в своем уме? Из-за твоего идиотского плана я чуть не подох».

— *Моего плана?* — возмутился голос. — *Это ты у нас стратег. Я просто даю советы.*

— А-а-а, заткнись! — вырвалось у Никса, когда он проходил через арку Квартала.

Охранники в страхе попятнулись, никто и слова не смел сказать. Они просто ждали, пока сумасшедший пойдет своей дорогой. После непредвиденной вспышки ярости, у Никса отлегло на душе, и уже в полной тишине он двинулся дальше.

На обратном пути Никс снова заскочил за припасами, обновил запас редких болтов; к портному заходить не стал. Вместе с тем он обдумывал слова Гванхвы:

«Мердок растрепал каждому, что я в городе! Неужто жизнь магов настолько плоха, и они вынуждены продавать сведения каждому ублюдку, который возомнил себя главным в этом гребанном городе?».

— Да-да...

«Во всяком случае, я теперь знаю, где искать людей Поллукса. Они-то и выведут на Посредника, но сначала нужно незаметно пробраться в Королевский Квартал...».

— Угу...

«Осталось найти лазейку... Ты так и будешь поддакивать или скажешь что-нибудь дельное?».

— Я? — притворно удивился голос. — Ты же велел заткнуться.

Никс устало вздохнул.

«Не начинай, Эгон. Чем быстрее мы найдем местного заправилу, тем ближе приблизимся к твоим побрякушкам. Ладно, надо выпить».

Следопыт зашел в ближайшую корчму, заказал кружку пива и сел за стол. Хозяин не стал задавать лишних вопросов, увидев кровь на руках гостя. С приходом Ферксии это не редкость.

«Наверняка, — Никс отпил, — в толще камня найдется парочка ненадежных решеток. Ну так что думаешь?».

— Я думаю, ты ошибаешься. Ликейцы не настолько глупы, чтобы прятаться в Королевском Квартале.

«Но Гванхва...»

— Этот кретин знает только то, что Посредник в сговоре с мятежным царем, а его слова о том, где они скрываются — попытка спасти свою жалкую жизнь.

«Все же, — следопыт вытер пену с губ, — я хочу проверить. И еще кое-что».

— Да, мой повелитель, — поддел следопыта Эгон.

«Не смей больше влезать в мое тело». — Никс до треска стиснул кружку.

— Я всего-навсего исполняю твои желания, — отозвался Падший и замолк.

Следопыту почудилось, будто он услышал в голове эхо далекого смеха, от которого ему стало дурно. Никс прикоснулся к потертому браслету. Время не пощадило кусочек волшебной ткани, но надпись была по-прежнему видна. Лисандра оставила на нем свое имя как напоминание о былой любви. Он так хотел снова оказаться в ее объятиях.

... Чем ближе Никс подходил к огромным закрытым воротам, тем больше стражников встречалось на его пути. К счастью, никто из них не знал об охоте за ним, иначе сразу же сковали бы, впрочем, Никс все равно старался поглядывать по сторонам.

У самых врат послышался недовольный гвалт голосов. Впереди замаячила толпа людей, а стражники в меру сил удерживали разгневанных купцов и разодетых в яркие одежды вельмож. Ферксийцы угрожающе выставили щиты, но особо рьяные торговцы продолжали поносить имперских гвардейцев.

— Прошу вас! — громко произнес командир поста. — Мы ищем преступника, который проник в Академию.

— А мы здесь причем? — раздалось из толпы. Тучный мужчина с золотой цепью на шее вышел вперед. — На кой преступнику Королевский Квартал?

Богачи согласно закивали.

— Мы осматриваем всех! У каждого Квартала стоят отряды гвардейцев. Прошу вас, соблюдайте спокойствие, и никто не пострадает. Уважаемый магистр просто хочет проверить. Магистр?

Когда из-за спин ферксийцев показался магистр, Никс с удивлением обнаружил, что магом оказался тот самый конопатый мальчишка с пропуском в Академию, которого он подкараулил у выхода из лавки после заката, а потом привязал к дереву. «Серьезно, магистр?».

Чародей в облике мальчишки обратился к людям:

— Уважаемые дамы и господа, прошу меня простить за такую грубость. Это наглый преступник не просто оскорбил и унизил члена совета, он выкрал одну из священных реликвий Академии. Боюсь, всем грозит опасность, если мы не успеем остановить безумца.

Впрочем, слова колдуна только сильнее разволновали людей. Все начали беспокойно озираться, спорить и кричать наперебой.

— Без паники! — громко воскликнул мужчина с цепью. — Раз такое дело, мы окажем содействие господину магу. Пойдите смирно пару минут. Как выглядит вор? — обратился он к чародею.

Никс развернулся, намереваясь уйти подальше от этой неразберихи, но за спиной ровной линией встали

несколько десятков стражников.

— *Ах-ха-ха, ну ты и встрял*, — злорадствовал Эгон. — *Что будет потом? Не отличишь принцессу от шлюхи? Ах-ха-ха, привязал к дереву члена совета, да еще и кляп в рот засунул.*

— Заткнись, — процедил Никс.

Кто-то из торговцев заметил, как он пытается улизнуть. Толстяк прокричал во всеулышание:

— Он тут, господин маг! Человек в зеленом плаще тут!

Никс бросился бежать, расталкивая возмущенных жителей, чем еще больше привлек внимание стражников и самого мага. Он выскочил из толпы и со всех ног понесся к ближайшему закоулку. Вместе с тем ему в спину уже летели заклятия.

— *Левее. Теперь правее.*

Заряд эфирной энергии попал в левую руку Никса, и она тотчас повисла плетью. Мужчина выругался:

— Ублюдки!

— *Я же сказал «правее» или ты не только слепой, а еще и глухой?». Сколько раз я еще буду выручать тебя в бою?*

Замечание нисколько не задело Никса, наоборот, сделало еще злее. Он вбежал в тесный переулок, где годами собирались умирающие от Ангельского мха люди и нелюди. Полуживые, иссохшие существа равнодушными взглядами провожали бегущего прочь от ферксийцев следопыта, в которого, помимо заклинаний, летели еще и болты. Но из-за чудовищной тесноты, арбалетчики не могли толком прицелиться, чтобы не попасть по товарищам с копьями.

Длинный переулок все никак не заканчивался и постепенно превращался в лабиринт с множеством развилок. Никс выбирал путь, полностью доверившись чутью. Он продолжал петлять по мрачным переулкам, но преследователи не желали отставать. Недалеко слышались гневные выкрики чародея, который подгонял нерасторопных гвардейцев.

Следопыт снова и снова оказывался в глухом тупике, а топот тяжелых сапог раздавался все ближе. Никса окружали.

«Кажется, у нас неприятности».

— *У нас? У тебя неприятности, а я бессмертен.*

«Ты и пальцем не пошевелил, чтобы нас вытащить».

— *Я в твоей голове. У меня нет пальцев, кретин. В окно прыгай.*

Никс посмотрел на узкое оконце, забитое досками, и покачал головой.

— Эй, в плаще, стой! — приказал один из гвардейцев, направив копьё в сторону Никса. Его примеру последовали не меньше двух десятков бойцов. Арбалетчики позади взвели тетиву. Все ждали, пока бегущий в хвосте маг не отдаст приказ стрелять.

Секундной заминки следопыту хватило, чтобы заметить над собой балку между домами и подпрыгнуть. Он подтянулся, несмотря на изнуряющую боль в руке. Ему пришлось использовать всю свою выдержку и упорство, чтобы не грохнуться наземь. Цепляясь за всевозможные выступы и трещины в стене, Никс быстро вскарабкался на крышу, где черепица оказалась настолько старой и скользкой, что он едва не скатился вниз.

Ферксийцы с открытыми ртами наблюдали за акробатическим трюками. Из-за угла показался запыхавшийся чародей.

— С...с...стреляйте! — выкрикнул он и опустил руки на бедра.

Болты засвистели над головой Никса.

— *Куда дальше, умник?*

Мужчина разбежался и прыгнул на соседний дом. Стражники внизу бросились в погоню за проворным преступником. Следопыт ловко скакал по верхушкам домов и все дальше отрывался ферксийцев. «Моя взяла».

— *Ну-ну*, — отозвался Эгон, перед тем, как Никс запрыгнул на очередную крышу и проломил ее. Он с глухим стоном приземлился на чердак. Гнилые доски не выдержали, и следопыт продолжил падение, пока не оказался на полу первого этажа. От удара у него потемнело в глазах, и он потерял сознание.

Вечер. Огромный синяк под глазом и потеря зуба в небольшой потасовке не мешали Кридлу непринужденно гулять по оживающим улицам Драйдофа. После заката город преобразался: доселе пустые трактиры и бордели стремительно наполнялись людьми, фонари на высоких металлических столбах постепенно загорались, освещая путь приглушенным оранжевым светом, кое-где играла музыка, в тени целовались парочки, в окнах таверн было видно, как гвардейцы поднимали кружки с пивом за здоровье Оттона. А те, кому повезло меньше, несли бдительную стражу, оберегая жителей от шаек отпетых бандитов. Даже чересчур бдительную: под горячую руку

попадали и пьяницы, и бездомные, и голосистые менестрели, распеваящие песни на площадях.

Едва Кридл остался один посреди улицы, он свернул к портовым воротам. Сразу за ними его ждал пологий склон, по которому купцы провозили свой товар из гавани. Кридл убедился, что за ним никто не следует и быстренько спустился вниз; и тут поджидала неприятность — ферксийцы огородили порт неприступной стеной с одним входом. «Вот черт! — ругнулся наемник, спрятавшись за камнем. — Иди ночью, иди ночью, — вспомнил он слова управляющего, кто выдал ему грамоту, — стражников меньше. Но стены-то ниже не станут!». Стоит признать, в словах управляющего была доля правды. Кридла бы не впустили в порт днем, потому что грамота не давала таких привилегий даже с печатью императора. Как-никак, у торговых гильдий свои законы и правила — порт полностью был в их власти. На такой случай у Кридла всегда под рукой была его незаменимая веревка с крюком... и Пискун.

— Пискун! — позвал он верного друга. — Эй, ленивый негодник, я знаю, что ты здесь!

Сокол приземлился рядом и осуждающе поглядел на Кридла. Возникло неловкое молчание, после которого Пискун отвернулся.

Наемник взмахнул руками.

— Ну прости, я же попросил тебя все осмотреть, а ты набивал себе брюхо!

Пискун понимающе опустил голову, затем издал звук, похожий на раскаяние. Кридл погладил птицу, уголок его рта приподнялся.

— Так значит все чисто? Отлично.

Он раскрутил веревку и забросил на стену. Крюк удачно зацепился за выступ. Кридл для уверенности несколько раз дернул и только потом стал карабкаться вверх. Пискун тем временем следил, чтобы хозяину ничего не угрожало.

Как Кридл и думал, большинство стражников кутили напропалую, а еще совсем недавно он убеждал себя в надежности ферксийских стражников. Из дома охраны доносились женский смех и звон кружек.

«Ну да, куда там...».

Спустившись вниз под пристальным надзором Пискуна, Кридл в мгновение ока слился с темнотой и осторожно направился к пристани, где находился Дом Гильдии, чьи выразительные очертания куполообразной крыши виднелись еще издали. Сокол опустился на вывеску дома рядом с ним и издал клекот. Путь свободен! Кридл благодарно кивнул и устремился вперед.

...Здание, казалось, пустовало. Кридл долго стучал, прежде чем ему открыли. Угрюмый толстяк с маленькими хитрыми глазками осмотрел его и попросил грамоту. Утомленный наемник небрежно бросил тубус в потные руки толстяка и без приглашения вошел внутрь.

— Господин Кридл! — Голос принадлежал низкорослому белобородому старичку в огромных очках. Одет он был в свободную мантию, край которой, словно хвост, волочился позади. Голос старика лучился энергией и был много моложе его обладателя. Старец потирал сухие ладони от нетерпения, но завидев лицо Кридла, нетерпение сменилось озабоченностью. — Фервус всевышний! Что с вами случилось?

«Фервус всевышний? За такие слова можно и на плаху попасть».

Старик по выражению лица гостя понял, что сказал глупость и попытался отшутиться:

— Простите мою горячность. Иногда сам не знаю, о чем говорю.

Кридл закрыл глаза на необдуманное слово старика, с восхищением разглядывая богатое убранство гильдии. Холл представлял собой галерею из произведений искусств разных эпох. Тут он увидел и работы леадорских художников на полотнах из волшебных золотистых нитей, которые не истлеют, и грекалийских скульпторов с их стремлением изобразить все до мелочей, и древние статуэтки дворфов и эльфов с остаточной силой рун. И все это присвоила империя, разорив чужие страны.

Кридл взял в руки статуэтку. На подставке он увидел кровавые отпечатки и поморщился.

— Занятная коллекция для тех, кто предпочитает работать в тени, — заметил Кридл и сдул слой пыли с головы фигурки. Воин изображался в героической позе над поверженным генералом ферксийцев. «Последние минуты жизни леадорского вождя и момент его величайшего триумфа, — вспомнил мужчина похожий рисунок в одной из книг. — Жаль, что все было совсем не так».

Глаза старика блеснули насмешкой. Он хитро посмотрел на Кридла и ответил:

— Нет лучшего способа скрывать что-либо, чем выставить все напоказ. Уверяю, барахло в зале не имеет никакой ценности. — Он подмигнул наемнику. — Впрочем, вещь в ваших руках — редкая находка. Алеканон был славным воином. Существой сейчас Леадор, ему бы воздвигли памятник.

— Но история помнит только победителей, — ответил Кридл. — Я пришел к Первому Призраку.

Старик понимающе кивнул и жестом велел следовать за ним.

— Я забыл спросить ваше имя, — спохватился Кридл.

— У нас нет имен, — отозвался старик, — но можете называть меня Олл.

Кридл вслед за Оллоом прошел пустыми коридорами — не столько длинными сколько запутанными, — до стены с одиноким подсвечником; старик надавил на него. Деревянная стенка начала расходиться, открывая путь к винтовой лестнице. Лестница напоминала огромных размеров бур, которым пользовались гномы в своих легендарных осадах. Ее будто вкрутили и забыли вытащить обратно. Ступеньки были металлическими, и каждый шаг отзывался тихим эхом, пока Кридл спускался в недра земли.

— Такой ход есть в каждом вашем штабе? — с интересом спросил он.

— Сеть простирается далеко за пределы этого континента, господин Кридл. Наши секретные укрытия соединены паутиной запутанных коридоров, и по ним пройдет только член гильдии.

— И как много знает гильдия?

— Агенты есть почти в каждом знатном доме, во дворцах, в армиях, среди бродяг и даже в Хоэнтвиле, поэтому мы знаем больше, чем другие, что делает нас самой богатой и известной шпионской гильдией. От нас ничто не утаить.

Ответ более чем устроил Кридла. Ему стало интересно другое:

— А заказные убийства?

Олл обернулся, вопросительно приподняв бровь.

— Убийства? Подобные услуги мы оказывает нечасто, да и зачем нам кого-то убивать, если можно использовать?

— Сплошь и рядом одни пацифисты, — пробормотал Кридл.

Олл сделал вид, будто не услышал укол.

В конце спуска показалась решетчатая дверь. Старик вытащил из-под мантии медальон, который висел у него на шее и показал охраннику. Тот слегка склонил голову, впуская Олла и Кридла внутрь.

«Ого!», — удивился наемник, оказавшись посреди многолюдной толпы. Люди и нелюди рука об руку торговали за прилавками и предлагали друг другу нечто такое, что не достать на поверхности.

— Поверить не могу... — Кридл во все глаза смотрел, как гном в черном капюшоне отдает человеку горсть яркой камней. — Император...

— Император не удержит в узде несколько стран, — стальным голосом перебил наемника Олл. — Во многом благодаря черному рынку Драйдоф процветает. Здесь продаются и покупаются сведения, помимо запретного оружия и черных гримуаров. И так во многих городах, господин Кридл. Еще вопросы?

— Нелюди. Их не должно здесь быть! Вы нарушили слово, данное Оттону!

Охранники у входа схватились за мечи.

— Тише-тише, молодой человек. — Старик выставил ладонь. — Пройдемся, пока кровь не остынет.

Скрипя зубами, Кридл согласился на просьбу Олла.

— Дело же не в слове, я прав? — продолжал говорить старик. — Вряд ли простого наемника, пускай и ферксийца по рождению волнует какое-то там слово. Все знают — жители вашей страны весьма враждебно настроены против нелюдей...

— Из-за них мы все потеряли! Они отобрали у нас землю, достоинство, богатства. Нет, уважаемый Олл. Ферксия не враждебна к нелюдям, мы их ненавидим.

Старик на секунду остановился и взглянул в глаза Кридлу.

— Вы говорите, а ваши слова пусты, будто бы они принадлежат не вам.

Кридл не стал утруждать себя ответом и просто отвернулся.

В напряженном молчании они дошли до каменного дома. Вместо двери висел кусок черной ткани. Охранники в масках склонили головы перед Оллоом. Один из них отодвинул ткань, чтобы старик вместе с гостем беспрепятственно вошли внутрь.

От дома веяло холодом и призрачной угрозой. Внутри просторного зала возвышался деревянный трон, а перед ним длинный стол с аппетитными яствами.

— Кажется, здесь пусто, — заметил Кридл, покрутив головой. — Он вообще придет?

— Разумеется, — протянул Олл и пошел к трону. — Первый Призрак, как и гильдия, всегда на виду, господин Кридл. — Он уселся на законное место. Глава гильдии царственно положил хилые руки на подлокотники.

— Итак, — деловито начал «Олл», — когда я узнал, что вы явитесь, не поверил своим ушам. Один, без поддержки, без оружия. Смелости вам не занимать.

Кридл скрестил руки на груди.

— Давай без прелюдий. Мне кое-что от тебя нужно.

Первый Призрак в недоумении уставился на Кридла. Его внутреннее возмущение вырывалось наружу и ясно отразилось на сморщенном как чернослив лице.

— *Кое-что нужно?* — прошипел он. — Мы не на базаре.

Наемник почувствовал: в зале появились люди. Мрак был их домом, тишина — лучшим другом, а страх — желанной пищей. В эту секунду желудок Кридла свернулся в тугой узел, но ему нельзя выказать и намека на испуг, иначе его изрубят на куски и отправят Оттону в качестве подарка.

— Мне стоит махнуть рукой и все кончится, — сказал Призрак. — Люди назовут меня *героем*. Ты для меня не более чем искалеченный отцом глупый мальчишка, который заблудился в своих стремлениях.

Кридл даже не слушал речи старика. Он поковырялся в ухе, обтер палец о дорожную куртку и уселся напротив Призрака. Наемник положил локти на стол. Тени в зале зашевелились.

— Глупый мальчишка, говоришь? — сдержанно повторил Кридл, посмотрев в лицо старику. — Твоя крохотная империя живет, потому что Ферксии это выгодно. Признаю, черный рынок произвел на меня впечатление, как и твои делишки с нелюдьми. И ты меня не убьешь, если тебя так заботит твоя ненаглядная гильдия.

Призрак неуверенно заерзал на троне. Кридл с облегчением понял — старик купился на блеф. Оттон хоть и покровительствовал ему, но если дело касается сделок с гильдией, то император без зазрения совести отправит Кридла на смерть.

— Чего ты хочешь? — промычал старик.

— Сперва, я хочу, чтобы вы кое-кого нашли.

— И все? — удивленно спросил Призрак. — Никаких убийств, саботажа, шантажа?

— Нет. — Кридл взял спелое яблоко из корзинки и надкусил. — Но этот человек скрытен. За два десятка лет мы так и не отыскали его. И помнится, империя уже обращалась к вам с просьбой. Гильдия тогда отказала. Теперь на кону гораздо больше, чем пресловутая репутация. Надеюсь, вам хватит недели?

Первый Призрак фыркнул:

— Пф-ф, кого надо найти?

— Эрика по кличке Мясник.

...Кридл покидал город с первыми лучами солнца, и ехал верхом уже на новенькой лошади, которую ему так любезно предоставила гильдия. Также он не забыл обзавестись достойным оружием с рынка и припасами в дорогу. Как и обещал Призрак, Кридл получил то, зачем приехал в это захолустье. Важные сведения были при нем, а сам глава теперь знает, какая угроза над ним нависла. Оставалась одна сложность, кою оказались не в силах решить даже опытные шпионы Призрака. Он по-прежнему не знал конкретного места, тем не менее направление старый брызга указал. Дорога вела в Изумрудный лес возле Жемчужины.

— Уже уезжаете?

Голос принадлежал тому сержанту у городских врат. Рядом с ним околачивалась кучка солдат.

— Да, дорога зовет. Надо отрабатывать свой хлеб. — Наемник широко улыбнулся белоснежному соколу, который опустил на вытянутую руку. — Да, друг мой?

— Хорошего пути! — крикнул вслед сержант, когда Кридл прошел через главные ворота города.

— Ты его знаешь? — спросил один из солдат.

Добродушие сошло с лица сержанта. Радость сменилась досадой.

— Нет, просто я надеялся, что Эрл о нем позаботится. Кстати, — он обратился к своим людям, — вы не видели этого старого брехуна?

Они пожали плечами.

— Куда же он мог подеваться... — тихо произнес гвардеец.

— Сержант! Сэр!

К патрулю бежал новобранец — рядовой из военной школы. Боец был бледный как мел. Он чуть ли не рухнул рядом с сержантом.

— Там...нашли...нашли Флойта.

— Флойта? — не понял сержант. — Тот, кто якобы дезертировал?

— Так точно...

— Где? — Ферксиец перехватил копьё и надел шлем.

— У Эрла.

Сержант вместе с отрядом рванули к таверне. Они бежали со всех ног, не соблюдая строй, расталкивая людей на пыльной дороге. Патруль явился не первый. Трактир уже окружили со всех сторон. Рядом со входом стоял капитан.

— Нирой, — капитан прикрыл рот рукой, — ты, часом, не слышал об убийствах в этом городе?

— Убийства в ферксийском городе? — Вопрос озадачил Нироя. — Никто не посмеет убить жителя империи.

— Без понятия, — пробурчал тот. — Если у тебя крепкий желудок, можешь спуститься в подвал.

Нирой нахмурился, снял шлем и передал вместе с копьём заместителю.

Сержант был готов ко всему, но увиденное в подвале повергло его в такой ужас, какого он не испытывал ни

разу в своей жизни. Семь изувеченных тел разбросаны по всему подвалу. У одного не доставало ноги, у другого руки, у третьего из глаза торчала вилка. Все жутко воняло, мухи и черви облепили мертвецов, а на стене висела записка, прибитая мечом Флойта. Нирой медленно подошел к стене, он старался не дышать и не смотреть на растерзанные трупы. Сержант развернул листок бумаги. На нем было написано всего одно предложение, от которого Нирою стало не по себе.

«Спасибо за рекомендацию».

Долгие века скоротечная жизнь людей казалась Лисандре проклятием. Один известный фэй-менестрель однажды проронил: человечество — быстро увядающие цветы. Они не более чем звери, их желания примитивны, стремления смехотворны. Люди возводят неказистые города, засеивают поля, рожают детей, но у них нет терпения. Им не хватает сметливости, чтобы понять, насколько они беспомощны, насколько ничтожны и мелочны. Будущее, уготованное им Создателем, — это вымирание.

Старый глупец. Сейчас девушка осознавала, что высокомерие и тщеславие ослепили ее. Блуждая во снах Лии, Лисандра вновь и вновь убеждалась в неповторимости человеческой расы. Люди иначе смотрят на жизнь, нежели бессмертные цари фэй. До смешного короткая жизнь, словно тяжелый кнут, настойчиво подгоняет их вперед, заставляет изучать новые науки, завоевывать почет, доказывать значимость перед старшими народами. Смертность помогает постичь смысл жизни, полюбить ее, даже если она приносит острую боль. Бессмертие — вот настоящее проклятие, потому как лишает радости существования. И у кого, как не у людей, заново учиться жить и понимать изменчивый мир.

— Лиам... — сорвалось с губ Лисандры, когда она заметила в мыслях Лии маленького ребенка, которого та мягко покачивала на руках.

Мысли о сыне прервали заклинание. Лисандра вернулась в материальный мир. Она сидела напротив кровати Лии и слушала беспокойное бормотание девушки.

Неожиданно Лия открыла глаза и испуганно уставилась в потолок. Ее грудь высоко и нервно вздымалась, темные локоны облепили мокрое лицо, пальцы слегка подрагивали. Девушка повернула голову и посмотрела на Лисандру, которая спокойно сидела на табурете и меланхолично за ней наблюдала.

— Твоя кожа... — слабо произнесла Лия.

— Не зеленая, — закончила за нее колдунья. — Хотя мне больше по душе зеленый цвет.

Лиа пискнула и прижала ладонь к покрасневшей щеке.

— Ой, Святой Фервус, как же больно!

— Извини, — Лисандра пожала плечами, — ты сама вынудила меня.

— А ты бы не закричала, если бы перед тобой стояло чудовище? — гневно спросила Лия.

— Чудовища обычно жрут людей, а не пытаются их спасти, — невозмутимо ответила Лисандра.

Лия замолчала. Она поняла, что оскорбила спасительницу.

— Не бери в голову, — Лисандра прервала неловкое молчание, — я не злюсь. Если бы я обижалась и злилась на каждого, кто называл меня монстром, давно б покончила с собой. — Девушка скрестила руки на груди. — Это ты мне лучше расскажи, как яд попал к тебе в руки и ради всего сущего, зачем надо было гробить свою жизнь?

— Все из-за Фреда, — бросила Лия. — Он...он, — девушка пыталась не разреветься. — Он отдал нашу малышку какой-то твари из леса. Чертов ублюдок! Ненавижу его, ненавижу!

Лия не выдержала и зарыдала.

— Ненавижу, ненавижу, — из раза в раз повторяла она, прижимая ладони к лицу. — Он продал ее.

Рыдания не прекращались, поэтому Лисандра присела рядом с Лией и приобняла ее. Объятия нередко успокаивали плачущего Лиамы. Так они и сидели, пока завывания не стихли.

— У меня тоже есть сын, — неожиданно для себя произнесла девушка.

— И где он сейчас? — спросила Лия, утирая рукавом слезы.

Лисандра тихонько всхлипнула.

— Далеко. Очень далеко.

— А отец?

— Мертв.

Лия отстранилась и покрасневшими глазами непонимающе таращилась на Лисандру.

— Тогда почему ты не с сыном?

— Потому что иначе нельзя. Но ты не ответила, кто забрал твою дочь?

Лия будто ничего не слышала.

— Наверняка он страдает. Я, — девушка снова заплакала, — я бы так хотела еще раз поддержать мою девочку

на руках. Почему, почему он забрал ее?

Страдает? Лисандра никогда не задумывалась об этом. Она всегда верила, что поступает правильно, ведь смерть и боль следовали за ней по пятам. Есть ли еще способ отгородить ребенка от неприятностей, как не появляться вовсе в его жизни?

— Лия, — Лисандра слегка потрясла ее за плечи, — кто забрал твою дочь?

Лия продолжала надрывно реветь.

— Соберись! — Колдунья обхватила побагровевшее от плача лицо девушки. — Кто?

— Чудище! — завопила Лия. — Чудище с рогами!

...Полночь. Свинцовые тучи застлали беззвездное небо, обрушив разрушительную ярость на крохотный городок. Не сразу, но Лисандра сотворила над головой сияющий во мгле барьер, прежде чем сойтись в схватке с бушующей стихией. «Почему я помогаю этой девчонке?». Вопрос то и дело появлялся в мыслях, когда ледяные капли просачивались сквозь куртку, стекали в сапоги, обжигали кожу. Быть может, история Лии напомнила Лисандре о ее опрометчивом решении оставить сына, а может ей просто стало жалко глупую девушку. «Зачем связывать жизнь с таким кретином? Вот дура!».

Как оказалось, муж Лии был еще тем пройдохой. Он часто участвовал в сомнительных делишках, играл в кости с главарями банд и ставил на кон больше, чем мог позволить. В этот раз он перешел черту, отдав в лапы фэй родную дочь. «Мало того, что продал, так еще и в лапы высокомерного уroda!», — думала разгневанная Лисандра. Давно она так не злилась, давно посох в руках не пылал так ярко от переполняющих ее чувств. Крупные капли падали на барьер и с шипением превращались в пар. Никто не вправе вмешиваться в жизни смертных!

Дорога привела Лисандру к порогу высокого злачного заведения. По богатой отделке и гербам Торгового Союза, колдунья поняла, что дом принадлежит одной из гильдий. Изнутри доносился пьяный смех. Лисандра не стала стучаться — концом посоха она ударила по двери и та вылетела с петель. Разговоры в помещении тотчас затихли, посетители и молодые девушки со смазливими мордашками, сидящие у них на коленях, во все глаза тарасились на взбешенную Лисандру. Она бегло пробежала взглядом по залу.

— Фрэд! — яростно выкрикнула она.

Один из посетителей указал дрожащим пальцем вверх. Лисандра молча кивнула и устремилась на второй этаж. Скрипучая лестница привела девушку в узкий коридор с шестью дверьми. Без тени сожаления она выбивала каждую из них. Где-то развлекались парочки, где-то отдыхали за игрой, а две из них и вовсе оказались пустыми. Самая крайняя, к удивлению девушки, не поддавалась мощи ее оружия.

«Эгон тебя раздери!» — вспыхнула Лисандра. — Что за монстр тут притаился?».

С одной стороны она убедилась в своей правоте, а с другой — ей стало не по себе. Нос к носу столкнуться с фэй лишь полбеде, и если эта тварь еще и из высших, то это сродни смертному приговору. Лисандра откинула страх и постучалась.

— Фрэд, ты привел нового гостя? — послышался бодрый голос.

— Я никого не звал, — отозвался мужчина.

— Интересно... — задумчиво произнес незнакомец. — Господа, будьте так любезны, откройте даме дверь.

Лисандра встрепенулась. «Он знает кто я?».

Послышался звук засова, и затем огромный детина, на руки которого с трудом налезет любая одежда, приоткрыл дверцу. Уродливый лысый боров в шрамах глядел на миниатюрную колдунью. Лисандра с легкостью могла бы воспламенить, задушить, разорвать на клочки этого амбала, но невидимые тиски сдерживали ее силу. Сейчас она была обычной женщиной с бесполезной палкой в руках. Громила отворил дверь в игровую комнату, где посередине находился большой круглый стол. За ним сидело четыре человека, вернее, три человека и одна могущественная сущность. Фрэд — высокий и худой тип в протертой до дыр одежде и с трехдневной щетиной на лице с явным недовольством посмотрел в сторону Лисандры. Двое других напоминали купцов: оба пухлые, с дорогими перстнями на пальцах, в цветастых бесформенных одеяниях. А вот последний...

Главным за столом, безусловно, являлся эльф в тунике безукоризненной белизны. Он положил голову на ладонь, опираясь на согнутый локоть. Его лицо просияло.

— Какую прекрасную гостью ты привел, Фрэдди. Я так полагаю, это мой следующий приз?

— Иди к черту! — огрызнулась девушка. — Мне нужен ребенок.

— Ребенок? — Эльф скорчил удивленную мину. — Какой ребенок? Ты знаешь, о каком ребенке идет речь, Фрэдди?

— Тебя Лия прислала, да? — рассерженно спросил Фрэд. — Иди и передай ей, что лучше так, чем лишиться жизни.

— Мерзкий выродок! — крикнула Лисандра, чей посох засветился от гнева хозяйки. — Лучше, чем лишиться жизни, говоришь? Я сейчас башку тебе снесу! — Девушка сделала решительный шаг к столу и тотчас остолбенела, словно в мгновение превратилась в камень. Она могла двигать только глазами.

— Наконец мы можем продолжить, — пробормотал Фрэд. — Я...

— Заткнись! — рявкнул эльф. Притворное веселье улетучилось. Лисандра обратила внимание на высокий рост существа, когда оно встало с кресла и неторопливо подошло к ней. Фэй провел внешней стороной ладони по ее лицу, и место, где ладонь соприкоснулась с кожей девушки, покрылось легкой рябью, оголив ее настоящий облик. — Забавно. — Произнес он уже спокойным голосом, глядя колдунье в глаза. — Ты считаешь меня монстром, хотя мы с тобой практически не отличаемся. Мы одной крови, хоть и принадлежим разным ветвям.

Эльф повернул голову и презрительно посмотрел на людей в комнате.

— Выметайтесь, — сухо произнесло существо.

— Но... — попытался вставить Фрэд, однако эльф щелкнул пальцами и два здоровяка у двери взяли мужчину за руки и потащили к выходу. Два пухлых торговца не стали испытывать судьбу и без пререканий покинули игровой зал, хлопнув за собой двери.

— Вот мы и остались вдвоем, красавица. — На лице фэй снова заиграла радость. — Присаживайся, Лисандра. У меня не так уютно, как в гостинице, но я могу обещать, что приставать не буду.

Лисандра почувствовала, что заклятие спало. Тем не менее колдовать она по-прежнему не могла. Аура существа буквально душила всю магию в пределах этой комнаты, и чутье подсказывало, что фэй вполне мог закрыть от магии весь город, если бы пожелал.

— Надо же, а я уже хотела тебе врезать. Нет, все еще хочу...

— Чего ты хочешь? — перебил ее эльф.

Девушка не сводила с фэй взгляда, пока существо усаживалось напротив. По его удивительному терпению и умению перерезать на время каналы магии, она предположила: перед ней крайне могущественная, умная, коварная и очень, очень старая сущность. Более молодые фэй обходят людей стороной, воспринимают их как животных, не способных оказать отпора. Лисандра не понаслышке знала об этом, ведь когда-то и сама была такой: высокомерной, жестокой, глупой.

— Мне нужен ребенок, — повторила Лисандра. — Прошу, отдай мне его. Какой смысл от младенца?

Фэй прищурился.

— Отдать? Мой приз? Ты ведь знаешь — мы не отдаем честный выигрыш. Этот младенец в будущем может стать прекрасным слугой. Скажем, шпионом или воином. Это лучшая судьба, чем прозябать в этой помойке, — с отвращением добавил он. — Ничем не могу помочь.

Лисандра в панике прикусила ноготь на большом пальце. Малышку в Доме Фэй не ждет ничего, кроме издевательств. Что бы это существо ни говорило, все его слова либо ложь, либо, в лучшем случае, полуправда. «Магией его не побороть, в ближнем бою и подавно, разговоры сделают только хуже. Стало быть...». Девушка сурово взглянула на древнего фэй и сказала:

— Давай сыграем.

— *Очнись!* — прозвучал отчаянный крик Эгона. — *Очнись, болван!*

Веко Никса задрожало, следопыт застонал от пульсирующей боли на затылке. Первым делом, он попытался пошевелить руками.

Дзынь!

Кто-то старательно обвязал их цепью и подвесил Никса над потолком в сырой и темной комнате, где от промозглого запаха у него засвербело в носу. «Что за черт?».

— *Мы в полной заднице из-за твоей дурной идеи!*

Никс несколько раз дернул звенящие цепи.

Дзынь!

Кроме новой вспышки боли он ничего не добился. Никс еще раз оглядел комнату. «Каменные стены, грибок, — следопыт принюхался, — запах испражнений и сточной воды. Мы в канализации».

— *И как это поможет нам выбраться, умник?* — осадил Никса Эгон. — *Разорвешь оковы? Сделаешь бомбу? Используешь магию?*

«Хватит ныть!».

— *Это не ты тысячелетия прозябал в пустоте, где была всего одна забава — наблюдать за никчемной семейкой. Я не хочу подохнуть после всего, через что мне пришлось пройти!*

Слова Эгона возмутили Никса.

— *Тебе пройти?* — вслух спросил следопыт. — Это я шей рискую уже два десятка лет, а ты просто злобный придаток, из-за которого одни проблемы!

— С кем ты там болтаешь? — рыкнул голос за дверью. — Яннис, открой дверь, походу наш красавчик очнулся.

— Дерьмо, — прошипел Никс.

Уставший, без оружия и скованный Никс мог только надеяться, что ему удастся либо заговорить врага, либо разорвать железные браслеты.

Благодаря умению видеть в темноте следопыт рассмотрел вошедшего в комнату детину в потертом стальном доспехе. В ножнах у него покоился меч, а на груди воина красовался герб Ликеи.

Никс попытался приветливо улыбнуться. Получился, как всегда, оскал.

— Поллукс...

— Хайло закрой, приبلуда! — раздалось в ответ. — Капитан скоро вернется и займется тобой, а пока повиси чуток и не мешай.

«Ну что за идиотов набирают в армию».

— Я пришел помочь, — продолжил убеждать стражника Никс. — Поллукс сам меня сюда отправил.

— *Царь* Поллукс, ублюдок, — зарычал воин. Он подошел к следопыту. — Еще раз вякнешь и мы с парнями, — он кивнул в сторону выхода, — заткнем тебе пасть.

Ярость обуяла Никса. Его время на исходе, а вместо исполнения клятвы, он вынужден висеть в смердящей отходами дыре глубоко под землей и слушать болтовню туповатого стражника. Следопыт едва удержал порыв придушить стражника ногами.

— Давай успокоимся и поговорим. Последний раз прошу.

Ликеец не внял предупреждению и латным кулаком врезал Никсу по животу. Тот согнулся пополам. Он не издал ни звука, кроме скрежета зубов. «Паскуда!».

— И что ты мне сделаешь? — с кривой усмешкой спросил воин.

Никс, что есть сил, ударил коленом по лицу ликейца. Воин отшатнулся и чуть не грохнулся навзничь.

— Ты мне нос сломал! — промычал он, прижимая ладонь к окровавленному лицу. — Яннис, тащи свой зад сюда!

«Да, Вэл, видимо, плохо я уроки усваиваю».

По первому зову товарища в комнату вбежал второй амбал. Он оказался чуть ли не шире первого.

— Йоргос?

— Утихомирь его и отнеси в комнату допросов, — продолжил Йоргос. — Капитан поймет.

Никса били до тех пор, пока он безвольно не повис на цепях. Изо рта вперемешку с кровью стекала густая слюна, ухо от особенно жесткого удара горело огнем, лоб рассечен.

— Умерил пыл, бродяга?

Следопыт сплюнул под ноги ликейцу. Зуб шумно покатился по полу.

Разозленные стражники сняли его с крюка и поволокли в комнату для допросов.

Как и предполагал Никс, его держали в старых канализационных тоннелях под городом. Мельком он успевал замечать как из круглых проходов то и дело выбегали братства* ликейцев, перемазанных грязью и илом, в одном из таких бойцы Поллукса соорудили лазарет, в котором на прогнивших койках лежали раненые и умирающие бойцы. На пути также встретились столовая, где мрачные и изможденные солдаты в молчании ели скудный обед, арсенал и что-то напоминающее казармы. Несколько ликейцев ставили заграждения с острыми кольями посередине тоннелей.

Никса затащили в точно такую же комнату, в которой он очнулся, с тем отличием, что тут стояли стол и два стула.

— Яннис, постой у двери, пока я учу этого бродягу уважать нашего короля.

Воин кивнул и закрыл тяжелые двери.

Йоргос как следует ударил пленника и грубо усадил за стол.

— Пора преподать тебе урок, а капитану, — он размял плечи, — скажем, что ты попытался сбежать.

«Эгон? — позвал Никс. — Эгон, ты где?».

Массивный кулак выбил весь дух из следопыта, и он слетел со стула.

— Аргх, — прорычал Никс, ударившись лицом о пол. «Эгон, пес ты шелудивый, помоги!».

Стражник входил во вкус. Йоргос снял шлем с нагрудником и злорадно зубоскалил побитому пленнику. Он крепко сжал цепь на руках и рывком заставил Никса подняться.

— Я еще не закончил, — кровожадно сказал он и снова ударил. На этот раз коленом в живот. — Грязный шпион, я научу тебя бояться Ликею! Получай! — Новый удар обрушился на Никса.

«Эгон, я... — В голове боролись благоразумие и гордость. — Слушай, прости меня!».

Йоргос поднял пленника над собой и швырнул через стол прямо в стену.

«Твою ма-а-ть! Чем их кормят? — Следопыт с трудом сел и прижался затылком к холодному камню. — Эгон, ты не злобный придаток».

— Да? — ехидно спросил Эгон. — Признай, без меня — ты просто одинокий старый дурак.

Никс закатил глаз. «Да, я одинокий старый дурак, и ничего не стою без твоей помощи, — протараторил он. — А теперь сделай что-нибудь».

— Я не могу.

«Не могу?! Сам же трещал о силе!».

— Ну, — Эгон замялся. — Это я так, тебя припугнуть.

«Ах ты...».

Стражник ногой пнул Никса в живот и того вырвало.

— Скотина, — прохрипел Никс.

Ликеец нагнулся.

— Что ты там провякал, слизняк?

— То, что от тебя смердит дерьмом. — Никс боднул стражника головой, резко вскочил на ноги и сзади обхватил шею Йоргоса, вдавливая ржавый металл в плотку солдата. Он тянул изо всех сил, пока не услышал хруст. Тело Йоргоса обмякло, и Никс облегчено выдохнул. Будь проклята его доверчивость!

— Первый раз я поверил тебе и чуть не сдох.

— Если бы ты *взаправду* верил мне, то не сидел бы избитый в плену, — обиженно ответил Эгон и замолк.

Почему-то слова Падшего задели следопыта. Он ни разу не доверился Эгону, и, быть может, в его словах и была правда, но что произойдет, если Никс позволит сущности внутри полностью овладеть им? Он подумает над этим, когда все же выберется из передраги, в которую угодил по своей глупости.

Кридли спокойно ехал вдоль скалистого утеса и наслаждался прозрачным безмолвным морем, где на фоне багряного заката маячили торговые суда купеческих гильдий, и изредка поглядывал в сторону леса слева от тракта. В записке Первого Призрака не раз упоминалось об освободительной армии под предводительством братьев из Ликеи. Мятужники как раз укрывались в глуши леса.

«Поллукс и Кастор, чего вы добиваетесь? — размышлял наемник, провожая взглядом шумную стайку птиц. — Весь континент во власти Ферксии, а у вас есть лишь разрозненная кучка бойцов за свободу. — Кридли сомнительно покачал головой. — Глупцы».

Между тем большак привел Кридли на перепутье. Он поглядел на деревянный столбец, к которому кое-как прибили табличку с указаниями направлений. Первая надпись гласила: «Апасные земли», вторая же — «Жимчюжный Город».

Кридли поднес ладонь ко лбу и тихонько засмеялся. «Да вы шутите».

Послание от Призрака гласило, что агент гильдии проник в окружение короля, и он будет ждать Кридла в намеченном месте. «По всей видимости, Апасные земли и есть то самое намеченное место». Наемник собрался войти в лес, однако лошадь заартачилась. Горделивое животное отчего-то упрямо не желало идти в непроходимую глушь, и просто топталось на месте. Кридл ласково провел рукой по спутанной гриве, вместо того, чтобы со всей силы ударить непослушную кобылу в бока.

— Давай же, не бойся, — прошептал он ей на ухо. — Обещаю, ничего плохо не случится.

Лошадь успокоилась и понесла всадника в тенистые своды леса.

...Рубиновые лучи заходящего солнца прорезались сквозь раскидистые кроны вековых деревьев, разгоняя вязкий сумрак, и помогали Кридлу не сбиться с пути. Он всю жизнь сторонился темноты, потому что мрак пробуждал демона — вторая часть души за повязкой. Тупая боль в голове подбиралась все ближе, призывая скинуть проржавевшие оковы на жутком отражении. Он прикоснулся к повязке, лицо горело, словно от лихорадки, глаз пульсировал, отчего Кридлу пришлось крепко сжать челюсти. «Нет, не сейчас».

Не успел наемник опомниться — в придорожных кустах послышался шелест и звуки ломающихся ветвей.

Кридл разом позабыл о недуге. Подозрительные шевеления теперь раздались по обе стороны от дороги. Лошадь будто бы тоже почуяла неладное и остановилась. Наемник осторожно слез и потянулся к мечу, который он привязал к седлу. Едва он коснулся рукояти, как неизвестный голос на ликейском языке громко произнес:

— *Aplas syspas, katas!* (Только дернись, шпион!)

— Я не понимаю, — солгал Кридл. Ему бы выхватить клинок...

— Подыми рхуки, чтобы я мог их выдеть.

Кридл усмехнулся.

— В такой-то темени?

Тяжелый болт врезался в землю у ног наемника.

— Хорошо-хорошо! — Кридл поднял руки над головой и медленно отошел от лошади. — Может, не будем спешить с выводами? Я простой путник, и просто случайно забрел в эту глухую чащу.

— Заткнись! — велел голос, а потом перешел на ликейский. — *Agatos, Vertus, syndes him!* (Агатос, Вертус, свяжите его!)

Солдаты не предполагали, что Кридл знает их язык. Двое бойцов в легкой броне, вымазанные с ног до головы краской для незаметного передвижения по лесным тропам, уверенно вышли на тракт. Один из них навел арбалет на Кридла, а второй подошел сзади и заломил наемнику руки.

— Не щевельись. — Он достал моток плотной веревки из сумки.

«Да-да, кретин, давай, попробуй завязать узелок».

Стоило ликейцу дотронуться до Кридла, тот резко ударил солдата затылком по лицу и бросился на арбалетчика. Противник не ожидал дерзкой атаки и нажал на спусковой крючок, но наемник успел направить оружие вверх.

— Не в этот раз. — Кридл пнул ликейца между ног.

Пока он возился с врагом, из кустов выскочил командир отряда — худощавый воин с разрисованным краской лицом и коротким клинком. Он тотчас побежал защищать товарищей.

— *Pentalo!* (Сдохни!), — выкрикнул ликеец, занося меч. В ответ находчивый наемник скинул с головы капюшон; коса темной змеей упала на плечо. Он ловко крутанул ей. Лезвие в волосах прошло по глазам командира, и тот с воплями принялся кататься по земле. — *A-a-a! Skotos!* (Убейте!).

Еще несколько человек ринулись убивать Кридла. Тот успел подскочить к лошади и выдернуть меч из ножен, прежде чем она с истошным ржанием не встала на дыбы. Отряд окружил Кридла.

— Сзади! — успел крикнуть наемник, и лошадь копытами врезала по голове глуповатого воина.

Кридл крепко обхватил рукоять смертоносного оружия, дол которого украшали руны, отливающие иссиня-бледным светом. Опасный, изящный клинок из тайников братства в стародавние времена был выкован умелым кузнецом Антуаном Де Хлаамусом Пруффенгаузером. Его клинки не тупятся годами, они прочнее камня и так редки, что многие ценители искусства готовы потратить все до последней монеты лишь бы подержать в руках венец кузнечного ремесла. Во всяком случае, так поговаривают.

«Сейчас эти ублюдки познают ярость легендарного меча!»

Кридл обрушил мощь оружия на первого противника, и лезвие с поразительно громким звоном разлетелось на тысячи осколков.

«Какого...», — подумал наемник, с изумлением таращась на голую рукоять.

Толпа рычащих и разъяренных ликейцев двинулась на него. Он уже был готов драться до конца, но кто-то ударил эфесом по голове. Кридл потерял сознание еще до того, как распластался на дороге. Последнее, что он услышал — тревожный крик Пискуна. Сокол беспомощно кружил над трактом, не в силах помешать врагу.

— Сними с него мешок, — прозвучал уставший голос.

«Превосходный ликейский выговор. Кто-то из знатного рода?».

— Он может быть шпионом, капитан! — возразил другой, более молодой и бойкий. Кридл знал таких людей. Сумасбродные юнцы, которые не всегда понимают, за что сражаются.

Послышался тяжкий вздох, словно на плечах капитана держится половина мира.

— Агопайос, какой из него шпион? Он больше походит на наемника. — Капитан усмехнулся. — Который уже пришел в себя и превосходно знает ликейский.

«А он хорош».

— Что?! — испуганно воскликнул юноша. — Тогда тем более надо убить его!

«В благоразумии ему не откажешь, чего не скажешь о капитане».

— В любом случае мне надо с ним поговорить. Снимай мешок, живо! — скомандовал мужчина.

Недовольные бормотания продолжились, даже когда солдат стащил с головы Кридла мешок. Наемник зажмурился от внезапно хлынувшего в глаза света и попытался пошевелить руками. Оказалось, его посадили на стул, а затем крепко связали.

Капитан не торопился начинать беседу, поэтому у Кридла было время хорошенько осмотреться. Он находился в небольшой сухой пещере. Она, по всей видимости, являлась тюремной камерой у мятежных ликейцев. Как правило, в Ферксии кидали в самую зловонную и влажную яму, чтобы развязать язык.

Капитан — лысый мужчина средних лет с короткой бородой и синяками под глазами — сидел напротив. При нем не было оружия, лишь плотный кожаный доспех с гербом Ликеи (златогривый лев с двумя скрещенными клинками).

— А теперь оставь нас, — ровно сказал мужчина.

— Но отец... — вновь возразил юноша.

Капитан бросил на мальчишку суровый взгляд, и тот повиновался, стыдливо опустив голову.

— Ну так где я прокололся? — преспокойно спросил Кридл.

Ликеец чуть подался вперед.

— Обычно люди визжат и умоляют их пощадить. А ты даже не вздрогнул, а терпеливо вслушивался в разговор.

Кто ты и зачем явился?

Кридл повел плечами.

— Меня зовут Кридл, и я обычный наемник, который ехал через лес, как на него налетела толпа солдат, скрутила и притащила в уютную пещеру. Еще вопросы?

— А мне вот кажется, ты из Ферксии. Не заметил предупреждений?

Кридл сделал вид, что задумался.

— А, это та табличка, где в двух словах пять ошибок?

Капитан понимающе улыбнулся.

— Я командую воинами, а не учеными. — Он снял с пояса флягу и отпил. Кридл слотнул. Из-за этой передрыги у него горло пересохло. — А ты, стало быть, многое знаешь, раз не только понимаешь язык, но и умеешь читать. Редкое качество для *простого* наемника.

«Что за игру он ведет?».

— В школе хорошо учился, — буркнул Кридл.

Капитан потер бородку, с хитрым прищуром поглядывая на пленника.

— Дерзкий мальчишка. От тебя разит высокомерием и пренебрежением к человеческой жизни. — Мужчина глубоко вдохнул. — Так же как и кровью. Оттон умеет натаскивать своих бешеных псов.

— Я. Не. Ферксиец, — отрезал Кридл. — Да и ты не простой капитан. Складно говоришь, не бьешь меня. — Наемник ехидно ощерился. — Или вдруг ликейцы вылезли из пещер и неожиданно поумнели?

Кридл заметил, как его слова задела капитана. Тот грозно засопел, борясь с желанием треснуть пленника.

— Все мы знаем истории о грозном царе Леосе, — продолжал издеваться Кридл. — Доблестный муж горой встал у Ущелья Мертвецов, чтобы что? Умереть глупой смертью вместо встречи с союзниками? Похвалиться мускулистым телом? В толк не возьму, зачем было гробить свою жизнь.

Глаза капитана налились неудержимым гневом.

— Поумерь свой гонор, сопля, — прошипел он, а потом встал, сжимая внушительные кулачища, и направился к выходу.

— Агопайос! — выкрикнул он. — Пригляди за пленником.

— Уже уходишь?

Капитан обернулся.

— Я скоро вернусь... ферксиец.

— С чего это вдруг?

— Мы говорили на ферксийском.

— С этого и надо было начинать! — вскинув руки, восторженно воскликнул фэй.

Глаза эльфа загорелись страстью от возможности выиграть нечто большее, чем человеческого ребенка. Фэй жаждал схватки с ней, чтобы хоть как-то скрасить пресную, бессмысленную и вечную жизнь.

— И во что ты хочешь сыграть, ведьмочка? — спросил фэй и развалился в кресле. Тщеславная улыбка не сходила с его лица.

«Самодовольный гад, — мелькнуло в голове Лисандры. Она тотчас заглушила мысли, опасаясь, что фэй уже копошится в ее сознании. — Но вопрос хороший».

Лисандра на минуту задумалась. Она никогда не считала себя опытным игроком в любые игры, будь то карты, кости или закидывания крохотного шарика в лунку с помощью кривой палки. Ребячество, да и только. Вдруг на Лисандру нахлынули воспоминания и образ возлюбленного. Неас — статный и любознательный юноша весь красный от возмущения показывает Лисандре, как играть в шахматы. «Во время партии проявляются слабости нашей души, не будь так легкомысленна!». Она усвоила урок и теперь могла навязать борьбу любому, кто решится бросить ей вызов.

— Шахматы, — громко произнесла Лисандра. По движению бровей фэй девушка поняла, что тот рассчитывал услышать нечто иное. «Не нравится напрягать мозги?».

— Шахматы, значит, — тихо проговорил фэй. — Ладно, — он хлопнул себя по коленям, — будь по-твоему. Что ставишь?

— Жизнь, — не думая, ответила Лисандра.

— Жизнь? — с пренебрежительной усмешкой спросил фэй. — Ведьмочка, твоя жизнь — череда ошибок и несчастий. Ты ценишь ее гораздо меньше, чем мне бы хотелось. Нет, — глаза существа сузились, — я хочу то, что ты бережешь как зеницу ока. Так ведь говорят люди?

Лисандра пожала плечами:

— Мне нечего предложить тебе.

— Ошибаешься, девочка. Тут, — фэй прикоснулся кончиком пальца к виску, — все самое значимое в твоей жизни. Воспоминания.

Девушка насторожилась. На секунду ее охватило сомнение в правильности поступка, однако Лисандра сразу взяла себя в руки, ведь так она спасет жизнь невинного дитя, пускай и человеческого, но такого важного для кого-то. Нет, она сполна насытилась хаосом, теперь пора вернуть долг. Этот вызов поможет ей воспрянуть.

— По рукам.

— Замечательные слова, а твои воспоминания — поразительная смесь из любви, тепла, заботы, сострадания. На одной стороне весов незнакомый ребенок, на другой — *человечность*. — Фэй смаковал каждое слово, его начинало трясти от предвкушения. — А теперь, — древний провел рукой над столом и на нем тотчас материализовалась доска с изысканными фигурами. Деревянная белая армия людей против устрашающих темных эльфов, — начнем нашу игру, Лисандра.

Колдунья смотрела на фигурки из кости неведомого ей создания. Свет нескольких ламп отражался от полированной поверхности миниатюрных солдат, извивался, преображался, словно наполнял энергией эту бездушную армию, а темная сторона, напротив, пропитывалась тенью, заполняла костяные сосуды сущностью древнего.

Лисандра прикоснулась к пешке, которая напомнила ей илларийского воина. «Дикарь с двумя смертоносными топорами? Символично», — подумала она и уверенно передвинула фигурку на пару клеток вперед, навстречу противнику. Фэй ответил тем же. Несколько ходов соперники изучали друг друга, искали слабые места, пытались побудить сделать ошибку. Каждая съеденная фигура заставляла их дольше думать над ходом.

— Ты хороша, ведьмочка. Кто учил тебя играть?

Лисандра смутилась.

— Неважно. — Она вывела из игры наездника на ящере. — Твой ход.

— Как раз это и важно, — ответил фэй, «съев» илларийского воина. — Этот человек был важен для тебя, раз ты больше не сжигаешь города.

— Древним фэй знакомы чувства? — съязвила девушка. — К чему такие вопросы?

Древний умелым ходом снес осадную башню, теперь перевес сил был на его стороне. Вопрос несколько не взволновал древнюю сущность. Уголок рта немного приподнялся.

— Хоть ты и сама наполовину фэй, тебе не дарована вечная жизнь. Мы проявляем чувства... иначе. В какой-то мере люди и низшие фэй превзошли *нас*, и я прибыл сюда учиться понимать смертных, а игра, — древний

усмехнулся, качая головой, — просто...

— Просто повод поболтать, — закончила девушка. Она снова передвинула фигурку. — Шах.

Фэй не отрывал глаз от Лисандры, и при этом делал ходы так, что она из раза в раз кусала ноготь от досады. Теперь ей казалось, будто фэй еще с начала их разговора знал о своей победе.

— Ты так пытаешься быть похожей на *него*, — продолжал упрямо гнуть свое древний. — Это выражение любви? Или почтения? Ради чего ты живешь, Лисандра?

— Заткнись, — прошипела она. — Ты ничего не понимаешь в человеческих чувствах, иначе бы не забирал детей у их матерей! — Фигурка зависла над доской. — Смертные для вас не больше, чем забава. — Всадник со стуком занял клетку.

Фэй впервые сердито нахмурился.

— Отнюдь, ведьмочка. Для молодых — возможно, а для меня и моих братьев смертные — полезный инструмент и кладезь знаний. Я просто пытаюсь понять вас.

Древний словно танцевал на доске, где его крохотная армия легко и непринужденно отбивала все попытки Лисандры поставить шах и мат. Колдунью коробило от того, что фэй изводит ее вопросам, которые не касаются игры. Он так и норовит залезть в душу, вскрыть старые раны.

— Донимай своими глупыми вопросами кого-нибудь другого, — резко ответила Лисандра. — Не надо читать мои мысли.

Фэй звонко рассмеялся.

— Ха-ха-ха, ой, ведьмочка, я не умею читать мысли, но кого, как не тебя спрашивать о чувствах? Расскажи, каким он был.

Лисандру поразил вопрос. Фэй оказался первым, кто спросил об этом.

— Каким? — переспросила она, погружаясь в воспоминания. — Добрым, отзывчивым, романтичным, усидчивым. В нем уживались острый ум и, — девушка взгрустнула, — воинственность. Он умел побороть страх, умел воодушевить и направить. Но я не ценила Неаса, использовала, влюбила в себя. И, — Лисандра вертела фигурку в руке, — только после его смерти поняла, как сильны были мои чувства. Я пообещала себе, что понесу его мечты в себе.

— Ты здесь из-за этого? — Фэй положил подбородок на ладонь. — Или тебя снедает вина за то, что оставила ребенка в руках врага?

Девушка вздрогнула.

— Ты все думаешь, как бы поступил Неас в таком случае, и он вряд ли бы оставил сына в Ферксии.

— Я не могла забрать Лиам! — вспыхнула Лисандра и вскочила с места. — Видящая убила бы его! — Она бросила фигурку в стену. — Лиам заслужил, — девушка сглотнула удушливый ком, — заслужил достойной жизни, а не скитаний по лесам и горам.

— Но ты не ожидала увиденного, вернувшись в Ферксию много лет спустя, я прав? — Фэй откинулся на спинку и слегка склонил голову на бок. — Ты подписала ему смертный приговор.

— Гидеон обещал, — слезы покатались по разгоряченным щекам, — он обещал, что позаботится о Лиаме. — Девушка закрыла лицо и зарыдала, упав в кресло. — Он обещал, — повторяла она. — Обещал.

Нечеловеческая часть души Лисандры будто наблюдала со стороны. Она стояла напротив и видела перед собой Лию. Теперь девушка понимала, какую боль испытывает любая мать, потерявшая ребенка. Она думала, если поступать как Неас, она выстоит, выпутается из хитроумных сетей ведьм, освободит сына и тяготы не сломят ее, но молчаливое горе пронизывает душу, опустошает, словно засуха золотые поля. Впервые Лисандра дала волю слабости, оплакивая Неаса и Лиаму.

— Я испугалась. — Девушка вытерла слезы. — Я испугалась собственного сына.

Фэй подошел к Лисандре и опустил перед ней. Он прикоснулся к ее щеке.

— И ты так просто сдашься? Оставишь мальчика на произвол судьбы?

— Он убьет меня. Ферксия вырастила в нем ненависть к фэй и остальным народам. Я не вижу выхода.

— В таком случае, что сделал бы Неас?

Лисандра растерянно хлопала глазами.

— Но ты же сказал...

— Никто не должен поступать *как* кто-то другой, — фэй накрыл ладони девушки своей, — но порой даже мертвецы могут дать дельный совет, ведьмочка.

Лисандра решительно взглянула на древнего.

— Он бы устроил Лиаму трепку.

Фэй кивнул и отошел. В его руках появилось искусное копьё с тонким и блестящим лезвием. Гигант взмахнул оружием и рассек ткань реальности, откуда послышался детский плач. Затем фэй просунул внутрь руку и достал оттуда ребенка. В руках трехметрового великана человеческое дитя казалось таким незначительным, и Лисандра

вдруг осознала насколько люди и низшие фэй далеки от древних.

Фэй протянул ребенка Лисандре.

— Мы направляем — не забираем. Неважно эльф ли это или человек, для нас все вы дети, которым изредка нужна помощь. Мы не бесчувственные, просто другие. — За спиной древнего стена превратилась в широкий портал.

— Ты знал, что я приду, так ведь?

— Прошлое — наш учитель, оно не должно отражаться на настоящем. Все еще можно исправить. Перестань убегать и запомни: мать-природа не смеет лишать сил тех, кто принимает себя, тех, кто бьется до конца во имя мира и гармонии. Не вини себя.

— Спасибо, принц, — ответила Лисандра, покачивая младенца.

— Еще увидимся. — Могучий гигант озорно подмигнул и растворился в портале.

...После разговора с фэй, Лисандра сразу же покинула игровой дом. Постояльцы будто бы и не слышали шума со второго этажа. Два купца и Фрэд терпеливо ждали за стойкой. Увидев ребенка на руках Лисандры, Фрэд отвернулся и попросил трактирщика подлить еще пива.

Когда колдунья добралась до гостиницы, за столом в окружении женщин ее уже ожидала Лия. Те успокаивали безутешную девушку, пока на пороге не появилась Лисандра.

— Мира! — Лия подбежала к колдунье и приняла малышку из рук. — Спасибо, спасибо тебе! — Она целовала дочку и плакала от счастья.

— Пустяки. — Лисандра устало улыбнулась. — Береги ее.

Девушка выпила стакан воды и пошла к лестнице.

— Ты видела Фрэда? — вдруг спросила Лия. — Он вернется?

Лисандра не могла поверить своим ушам. Как можно ждать человека, который предпочел игру своей семье и продал дочь фэй? Она прикрыла глаза от переполняющей ее обиды. «Столько сил потрачено, столько крови и пота пролито, чтобы вернуть надежду горюющей матери. Для чего все это?». Теперь она еще больше убедилась в том, что люди — самые странные создания, живущие на просторах этого мира. Сегодняшняя ночь показала, насколько Лисандра далека от понимания природы человека.

— Нет, он не вернется.

«Быть фэй порой все же лучше».

— Yorgos (Йоргос), — Яннис тупым концом копья постучал по двери, — *elsai kala?* (у тебя все в порядке?).

Так и не услышав ответа товарища, ликеец отворил дверь и осторожно заглянул внутрь. В комнате было темно.

— Yorgos (Йоргос)? — воин выставил копье. — *Pios elsai?* (Где ты?).

Яннис не успел спохватиться, когда из мрака выскочил Никс и накинул на бычью шею воина цепь. Тот вырывался и брыкался, но следопыт ударил ликейца под колено и повалил на пол. Через минуту борьба стихла.

— *Поллукс вряд ли будет в восторге*, — отозвался Эгон.

— Плевать на него, — процедил Никс. — Надо бежать, пока не нагрянула стража.

— *Тут я тебе не помощник*.

Бестолковые замечания Эгона только больше раззадоривали Никса. Он до сих пор не понимал, как древнее существо, которое обладало несравненной мощью, оказалось беспомощным перед канализацией. Следопыт снова поразился умением павшего бога удивлять его.

Никс оказался один. Никакой помощи ждать не приходилось, и за каждым поворотом подстерегала смерть. И первым делом он вернет украденные доспехи и оружие. Босой и безоружный он неслышной поступью прошел до первого перекрестка. Уже там задумка едва не сорвалась из-за того, что путь привел к укрепленной баррикаде, где на страже стояло целое братство. Дальше — вдоль всего канала сидели мятежники и готовились к нападению: кто-то натачивал клинок, кто-то шпопал доспех, кто-то наносил краску на лицо.

— *И что теперь?*

«Проберемся мимо них. Видишь третий поворот? За ним арсенал. Забираем оружие и валим».

— *Чудесный план! Как только твои мозги выдержали такие усилия? Череп не болит?*

Никс уставился на смердящий грязный поток.

— *Да-да, проплыви мимо целой армии, а потом подохни от заражения? Ты рехнулся!* — возмутился Падший. — *Да тут не меньше пятисот футов, а всплывешь раньше — тебя расстреляют!*

Как же он устал от не стихающих причитаний и возражений нудного божка. Вместо ответа Никс набрал полную грудь воздуха и тихо нырнул в сточные воды. В одном Эгон прав: если вскоре он не выплывет, то в лучшем случае подцепит заразу. И все же мутная вода надежно укрыла его от глаз ликейцев, поэтому он без труда преодолел половину пути.

— *Давай, всплывай уже!* — вопил в голове Эгон.

«Рано». Никс терпел боль и продолжал упорно грести в надежде, что быстрое течение поможет оставить солдат далеко позади. Горькая вода просачивалась в рот, обжигая язык и гортань, глаз зудел от грязи, а свет от факелов с поверхности все никак не исчезал. Никс начал задыхаться.

— *Поворот!*

Никс поборол течение и свернул. Ему повезло: никто не заметил всплывающего беглеца, и следопыт мог спокойно перевести дух. Лицо разъедала кислотная дрянь, а как она воняла — о, Создатель! Хуже, чем тухлая рыба или яйца. Никс прислушался. Вроде спокойно. Он поплыл дальше — мимо столовой, в которой одинокий повар прибирал за одичавшими солдатами, мимо патруля, мимо играющих в карты часовых. Никто не заметил тень на поверхности.

Наконец Никс добрался до арсенала. У воды стоял стражник с факелом.

— *Внутри наверняка тоже есть*.

«Главное убрать этого».

Следопыта вновь поглотила вода. Он подплыл вплотную к ликейцу и резко схватил за ногу. Послышался всплеск, стражник ушел под воду; Никс вдарил ему по лицу, нащупал нож на поясе воина и нанес несколько ударов в прорези доспеха.

Дверь в арсенал распахнулась, и из него вылетел второй воин с мечом наперевес. Ошарашенный внезапным исчезновением товарища, ликеец подошел к догорающему факелу. Едва он склонился над водой, из нее вылетел Никс и вогнал лезвие в шею противника. Тот плюхнулся вслед за напарником и беззвучно ушел на дно.

— *Неплохо. Вэл бы одобрил*.

«Скорее заломил бы меня и хорошенько всыпал. Тут скрываются не воины, а наспех собранная банда».

В арсенале Никс быстро отыскал оружие и одежду, а затем сразу рванул вверх по течению. На противоположной стороне его уже заметил очередной патруль. На весь проход раздалось громкое:

— *Vatis!* (нарушитель!).

Никс побежал сломя голову.

— *Эй ты, стой!* — уже на илларийском потребовал сержант. — *Стоять, мать твою!* — Он посмотрел на своих

людей. — Что встали? Соберите больше солдат и за ним, живо!

Следопыт ускорился, и вскоре оказался перед массивной металлической дверью. Через ее крохотное круглое окошко забрезжил серебристый лунный свет. За дверью слышался раскатистый рев водопада. «Выход!». Никс одним рывком открыл ее и очутился у самого края утеса. Из скалы слева торчали несколько широких труб, из которых мощным потоком струилась вода, собранная со всего города, а справа простирался густой непроходимый лес.

Никс облегчено выдохнул. Ликейцы дали ему солидную фору.

— Что ж, пора ненадолго залечь на дно.

Но его желанию не суждено было сбыться. Навстречу из близлежащих зарослей вышел вооруженный до зубов отряд разведчиков. Они непринужденно болтали и смеялись. Один из них удивленно уставился на Никса.

— Paidos... (Парни...). — Он указал пальцем на незнакомца.

Остальные воины быстро выхватили луки и мечи. Наконечники десятков стрел смотрели на следопыта.

Он прикрыл глаз и пробурчал:

— Вот дерьмо...

— *И что дальше?* — поинтересовался Эгон. — *Сновапустишь в ход пламенное красноречие?*

«Да пошел ты!».

Не дожидаясь ответа ликейцев, Никс вбежал обратно в канализацию и подпер дверь стальным прутком от решетки, который лежал рядом.

— *Надолго это их не задержит.*

— И без тебя знаю! — огрызнулся Никс. Его снова зажали со всех сторон; беспорядочный топот преследователей позади становился все громче. И что самое неприятное — он ощущал давящую ауру довольно могучего чародея.

«Настырные ублюдки».

— *У меня есть идея — натравим на них элементаль!*

— Что? — не понял Никс. — Что ты несешь?

— *Сам подумай, это место — не просто канализация. Зачем тут столько комнат? Думается мне, здесь раньше была темница, а значит, тут еще должны работать охранные заклинания.*

«Откуда такая уверенность?».

— *В стародавние времена любимым развлечением чародеев было создавать духов стихий в подобных злых местах и наблюдать за мясорубкой. Эх, было же время...*

В дверь уже ломились, громко проклиная ненавистного следопыта. Никс помчался куда глаза глядят.

«Тогда почему ты раньше молчал?!».

— *Так ты и не спрашивал,* — невозмутимо ответил Эгон. — *К тому же я не уверен, что элементаль еще тут.*

«Так что мне-то делать?!». Худощавый чародей со сверкающим посохом уже успел швырнуть в Никса молниевый заряд. Сгусток стихийной энергии пролетел рядом и врезался в стену, проделав в ней огромную дыру, из которой повалил густой дым.

— *Нам нужна комната с отпечатком древнего колдовства. Ты просто беги, а я скажу, если что-нибудь почую.*

«И это твой план? — возразил Никс. Выстрел мага опалил край плаща. — Бегать по кругу, пока ты ищешь выдуманную комнату?» — Сфера убийственной силы разнесла в пыль каменную кладку перед Никсом и отбросила его. Следопыт натужно поднялся, голова гудела от боли, мысли тяжело ворочались, словно жернова на мельнице.

Разведчики уже выломали дверь и присоединились к погоне, тоннели заполонили звуки бречащих доспехов, а маг продолжал палить по Никсу всеми возможными заклинаниями, но тот уверенно уходил из-под удара благодаря отточенным рефлексам и подсказкам Эгона.

Все больше и больше пустых комнат оставалось за спиной. Падший молчал. На бегу Никс успевал замечать невысокие обелиски, которые уже успели порости грибком или рассыпаться за сотни лет бездействия.

Неожиданно Эгон завопил:

— *Стой!*

Никс влетал в комнатку, уклоняясь от летящего в спину болта.

«Эта?». Следопыт уставился на квадрат из четырех камней. На потолке виднелась печать — рисунок в виде капли с опоясывающими ее рунами.

«Что я должен сделать?», — спросил Никс, подбежав к первому камню.

— *Надписи практически стерлись... Ага! Магическая пыль еще держится. Сомнений нет — элементаль еще здесь. Сотри ее, живее!*

Никс достал нож и принялся счищать остаточный слой защиты, чтобы разрушить барьер и выпустить опасную тварь наружу. Он почти закончил, как вдруг услышал громopodobный голос чародея на илларийском языке:

— Подними руки и повернись ко мне лицом! Одно резкое движение и ты разлетишься на мелкие куски.

Следопыт замер.

— *Чего ты ждешь, Никс? Давай уже!*

— Я приказал тебе развернуться, убийца! — бушевал маг. — Эй вы, приведите его сюда.

Двое солдат загромыхали доспехами.

«Думаю, пора».

Никс в последний раз провел лезвием по камню и развернулся. Он поднял руки вверх, наблюдая, как вода начинает стремительно прибывать. Чародей нахмурился, огляделся, будто пытался что-то найти.

— Странно... — произнес маг и посмотрел на обелиски. Его глаза расширились от ужаса. — Уходим отсюда! — заорал он.

Никс довольно улыбнулся.

— Поздно.

Водяной элементаль с оглушительным ревом возник позади Никса, вырвавшись из многовекового заточения. Следопыт что есть мочи побежал дальше.

«Твою мать, у меня уже ноги сводит от непрерывной беготни!».

— *Погоди, то ли еще будет.*

Самые догадливые ликейцы последовали его примеру и бросились наутек. Остальные заворуженно смотрели на растущее с каждой секундой существо, которое почти заполнило собой тесную комнату. Ликейцы безрезультатно тыкали в сгусток воды пики и мечи, но элементаль просто расстреливал глупых людишек водяными снарядами. Брызги под давлением и усиленные магией духа пробивали доспехи насквозь, вырывали конечности и сносили головы. Дух пировал, наслаждаясь учиненной бойней. Полсотни человек испарились всего за минуту, остальные бойцы во главе с магом мчались за Никсом.

Как только элементаль разобрался с ликейцами, он устремился по главному тоннелю за выжившими. Древняя команда в разуме создания убивать все живое в этой части лабиринта все еще действовала. Бурлящий поток воды беспощадно поглощал солдат одного за другим, продолжая мчаться вперед.

Никс бежал как никогда раньше, однако возраст и старые раны давали о себе знать. «Больше... ни ногой... в этот... чертов город!».

— *Этот упрямый колдун все еще преследует тебя.*

Никс на мгновение обернулся.

— Тебе не уйти, глупец! — злорадствовал маг. — Впереди тупик.

Тупиком маг назвал высокие стальные ворота в два человеческих роста, что раньше служили главным входом в канализацию. Следопыт в отчаянии забарабанил по дверце. Снаружи послышался голос.

— Не может быть, — прохрипел Никс, пятясь назад.

Створки со скрипом стали открываться; прохладный ветерок ударил Никса в лицо, вытесняя из легких затхлый воздух, а свет десятков фонарей пронзил мрак древних тоннелей. Ферксийский сержант вышел вперед и недоуменно посмотрел на следопыта, словно завидел призрака.

Свирепый рев заставил ферксийцев вздрогнуть, они отступили, держа наготове копья и арбалеты. Никса зажали меж двух огней.

— *Никс, смотри!*

Тем временем чародей выдохся. Он остановился, унял дрожь во всем теле, затем прикрыл глаза и забормотал заклинание. Никс заметил всполохи энергии вокруг мага, искрящиеся пучки молний слепили, его руки стали средоточием разрушительной мощи, а посох загорелся синим пламенем. А за спиной чародея элементаль уже раскрыл пасть.

— *Невероятно...*

«Неужели остановит?».

Ликеец развернулся, обхватывая оружие обеими руками, и поднял посох над головой.

— Ты не про...

Поток воды снес мага как пустяковую преграду, размазывая его внутренности по стенам и измельчая кости.

— 3-закрывай! — приказал командир солдатам.

— Заклинило! — раздалось в ответ от напуганных людей.

Пока ферксийцы возились с воротами, Никс выскользнул наружу и кинулся в укрытие в ту секунду, когда водный дух врезался в первые ряды имперцев и в одночасье испарил их. Впрочем, и сам элементаль под воздействием заклятия перенесся в иной план.

Из канализации послышались громкие крики.

«Ликейцы...».

— *Идут сюда! Смываемся, Никс!*

«Стой. — Следопыт приложил ладонь к земле. — Чувствуешь дрожь?».

Из прохода со страшными воплями выскочила ватага безоружных воинов, которые в панике уносили ноги. Гвардейцы соорудили шаткую стену щитов, опасливо отступая от входа. Мгновением позже наружу выбрался не то демон, не то дьявол. Облако голубого пламени с четкими очертаниями лица выдохнуло в оцепеневших солдат струю разъедающего жара. Камень под ногами потрескался, поэтому Никс благоразумно отошел подальше от трещины, из которой заструилось что-то прозрачное словно раскаленный воздух в летний зной.

— Этот запах...

Когда существо задело атакой бесцветную марь, ближайшие дома взлетели на воздух, забросав обломками солдат и случайных зевак, которые имели глупость поверить, будто все происходящее — чародейские фокусы.

— *Похоже, мы выпустили не одну тварь,* — заключил Эгон, продолжая вместе с Никсом созерцать потоки огня из-под земли.

— Ты говоришь по-ферксийски? — спросил Кридл у веснушчатого юноши, который сидел на табурете возле решетки с таким видом, будто муху проглотил. — А по-илларийски? — Не сдавался наемник. — Всеобщий?

Агопайос старательно притворялся, что не понимает, о чем толкует Кридл. В давящем молчании он продолжал исполнять приказ отца. Кридл восхищался выдержкой и преданностью делу воинов Поллукса, а также их самобытностью. Истинный ликейский боец являл собой армию, чего не скажешь об ферксийцах. Вовремя снеси командиру голову — отряд развалится.

— Тебя же зовут Агопайос? — Кридл заметил, как голова юноши легонько дернулась, и на мгновение взгляд ликейца скользнул по пленнику. — Илларийский все же понимаешь... Ты хочешь что-то спросить у меня? Не стесняйся, — он расслабленно откинулся на спинку стула, — задай вопрос.

В душе Кридл восхитился Агопайосом. Сжатые кулаки юноши, его смятение от желания докопаться до правды, пока отец занят, перевешивало здравомыслие. Кридл знал, что бунтарский дух и стремление проявить себя присуще молодым, потому как сам однажды попал в подобную ловушку. Чувства затмевают разум.

Агопайос собрался с духом и спросил:

— Зачем Ферксия напала на Ликею? Зачем она стала воевать со всем миром?

Кридл удивленно вскинул бровь.

— Зачем? Ты видел Хоэнтвиль?

Юноша покачал головой.

— А Таубер, Трайберг, Гентхайм?

— Нет, я не бывал в Ферксии.

Наемник чуть подался вперед.

— Ферксия, — угрюмо начал Кридл, — кусок замерзшей, безжизненной пустыни, где с тяжелым трудом можно отыскать несколько зеленых деревьев.

— Но, — опешил Агопайос, — отец говорит, что империя процветает.

В ответ ликеец услышал горький смешок.

— Хех, Ферксия процветает, безусловно, и, отнюдь, не благодаря кропотливому труду жителей, а с помощью завоеваний. В этом смысле наши страны похожи. Твой отец, как и Поллукс, — прошипел Кридл, — просто жадные до драки глупцы. Ликея живет войной, и без противника она угаснет быстрее свечи.

Агопайос вскочил с табурета и угрожающе ударил кулаком по прутьям.

— Это ложь!

— С чего бы мне врать? Я сижу в клетке, связанный, — Кридл вытянул руки, — безоружный, ждущий своей участи пленник.

— Но можно же было торговать, учиться друг у друга! — напирал ликеец. — Мой дед заключил мирный договор с Ферксией!

«Дед? Так значит...».

Кридл расхохотался.

— Ах-ха-ха, торговать? Учиться? Твой дед просто надутый дурак, который хотел продолжить войну. У империи из богатств осталась одна руда для клинков и доспехов.

— Вы сами виноваты! — попрекал наемника Агопайос, схватившись за решетку. — Напали на эльфов, выжгли их земли. Это справедливая расплата.

— Что за вздор? Ферксия никогда не нападала ни на каких эльфов, и уж тем более, не сжигала их земли.

— Но, но... — юноша непонимающе качал головой. — История.

Сардоническая улыбка появилась на губах Кридла.

— Историю пишут победители, парень. В ней много неточностей, предвзятости, недомолвок, ненависти, искажений, глупостей и небылиц. — Агопайос изумленно тарашился на него. — В том-то и кроется недостаток людей: они готовы поверить в любые сказки, лишь бы видеть доказательство своей веры. Люди перестали думать, положились на волю богов, на нелюдей, которые следят за нами как за малыми детьми и тайком управляют городами. Пока живы боги, — распался Кридл, — пока эльфы и прочие твари ходят по земле, человечество будет стоять на коленях! А все потому, что фэйскому князьку не отдали в лапы императорскую дочь! — в ярости произнес он, но затем успокоился. — Мы докажем, что мы лучше них — лживых предателей, и освободим человечество от этой напасти. Да, Агопайос, в истории много любопытных изъяснов, о которых ни отец, ни мать, ни Поллукс тебе не расскажут.

Побледневший Агопайос испуганно отошел от камеры.

— Т-ты безумец!

— Легковерие — вот настоящее безумие.

«Как ферксиец прознал о тайном лагере? Как, Асмодей его дери?!». Кастор вышел из глубины пещеры помрачневшим. Всюду враги и шпионы! Он обязан предупредить Поллукса, пока тот не согласовал план нападения с командирами отрядов.

Кастор пошел по узкой тропке к главному лагерю объединенной армии Ликеи. Вдоль всего пути он не раз замечал притаившуюся тень подле деревьев или среди листвы. Ликейские разведчики, чьи умения раньше ставились под сомнение, теперь стали одним из главных орудий в борьбе с Ферксией. Скрытые налеты, убийства, слежка — новая ступенька падения некогда великой страны. Кастор презирал тeneвую войну, и одновременно понимал, что возвращение родины важнее мелочных разногласий с братом.

Под пристальным взором караульных Кастор зашел в лагерь. Поллукс не стал утруждать себя постройкой стен или частоколов. Мало кто в здравом уме забредет в проклятый лес. Разведотряды хорошо припугнули местные торговые гильдии, убедив их в существовании лесных чудищ. В лагере кипела жизнь, несмотря на ночь: костры горели, воины оттачивали мастерство боя, командиры изучали карты, конструкторы готовили осадные машины к бою, кузнецы и ремесленники занимались ремонтом и ковкой оружия. Ликейцы готовились к штурму. Кто займет главный порт, тот завладеет преимуществом в море и сможет беспрепятственно переправлять войска на другие участки фронта.

Кастор застал брата в командирском шатре за чтением новых вестей из Жемчужины.

— Кастор! — воскликнул высокий мужчина в рассвете сил, когда обернулся поприветствовать брата. Длинные черные волосы обрамляли мясистую шею и мощные плечи. Он раскинул руки в ожидании братских объятий. — Давно не виделись. Поздравляю с поимкой шпиона.

Кастор и Поллукс обнялись.

— Разведка доложила?

Поллукс легкомысленно отмахнулся.

— Ты же знаешь, как они ответственно отнеслись к новым обязанностям.

Капитан подошел к столу и пальцами провел по стопке докладов. В каждом из них он прочел о стягивании ферксийских сил. Кастор тягостно вздохнул.

— Это меня и пугает, брат. Мы погрязли во лжи вместо честного боя.

Могучая рука крепко сжала плечо Кастора.

— Порой врага можно победить неожиданностью. Помнишь, что сказал отец, перед тем как погибнуть в том треклятом ущелье?

— Не пугайте отвагу и глупость, — произнес Кастор и покачал головой. — Но сам же и нарушил правило.

— Иначе он не мог. Так что там со шпионом? — спросил Поллукс, опустившись на кровать. — Уже раскололся? Как...

— В нашем лагере лазутчик, — опередил брата Кастор. — Видимо, кто-то из разведки сообщил ему.

Поллукс озадачено посмотрел на Кастора.

— А смысл? Зачем ему так подставляться?

— Пока не знаю. Хотя я и отдал распоряжения штурмовым отрядам в катакомбах перед уходом, сейчас я думаю, что с наступлением нужно повременить...

— Нет! — рывкнул царь. — Пока ферксийцы погрязли в сражениях с Грекалией, порт уязвим. Мы несколько месяцев планировали нападение. В лесу собрались сотни выживших братств со всех краев континента. Пускай в нашей армии почти не осталось истинных воителей, но их дух не сломить. Сегодня даже самый непокорный илот* ненавидит Ферксию больше Ликеи. Они хотят крови!

— Но брат, — взмолился Кастор, — не лучше ли подождать, пока я не отыщу шпиона?

Царь гневно зарычал.

— Гарпал и другие чародеи-оракулы уже готовы открыть ворота. — Поллукс указал пальцем в направлении города. — Они готовились к этому! Вдобавок я нашел того, кому по силам отыскать и прикончить Мясника. Мы отомстим за Елену, пускай и не своими руками.

— Снова разведка? — язвительно бросил капитан. — Интересно, как *они* узнали об Эрике. Это все умелая западня, брат! — Кастор стукнул кулаками о стол. — Неужели ты ослеп? Неужели не чувствуешь, что мы угодили в тенета?

— Не зазнавайся, — угрожающе прошептал Поллукс. — Я — царь. Не твое дело, откуда мне все известно.

— Как раз-таки мое! Мы делим власть, брат. Как велят нам предки.

— Ты... — начал Поллукс, когда земля под ногами вдруг заходила ходуном. Посуда, книги, свечи и даже кровать подпрыгнули и с грохотом попадали. Братья едва удержали равновесие. — Что это?

— Огонь! — завопили снаружи. — В городе взрыв!

— Взрыв? — не поверил Кастор и выбежал из шатра. Яркое пламя охватило город, и густой столб дыма тянулся к звездному небу.

— Брат! — Поллукс в боевом доспехе выскочил следом за Кастором. — Я беру людей и отправляюсь на штурм. Остальные братства тоже готовы выступить. Расспроси ферксийца, а потом присоединяйся. Сержант, собирай отряд!

— Что за... — Кридл почувствовал дрожь под ногами.

Агопайос всполошился и побежал вверх, чем наемник и воспользовался. Из рукава выскользнуло острое, как спица, и тонкое, как бумага, лезвие, которое не раз спасало жизнь Кридла. Осторожно зажав лезвие между пальцами, он принялся резать путы. «Веревки не пожалели». На его счастье, Агопайос вернулся не скоро — пониженным и чем-то раздосадованным.

— На войнушку не взяли? — с ухмылкой спросил Кридл.

— Какая тебе разница, — безжизненным голосом ответил тот.

Крид понимал мальчишку лучше, чем кто бы то ни было. Несколько лет назад он сам рьяно хотел участвовать в военном походе. Отец тогда отказал, несмотря на усилия Кридла. Он хотел показать себя, хотел, чтобы отец увидел его в блеске славы и в конце битвы, пылая от гордости, обнял бы и сказал, что счастлив.

— Агопайос, — Кридл уже полностью разрезал прочные веревки, но притворился связанным. — Почему ликейцы так рвутся в бой, если не из-за жажды убивать?

Юноша насупился.

— Знают ли ферксийцы о долге, чести, верности стране? Мы сражаемся не за Поллукса, а за страну и идеалы. — Агопайос прикоснулся к гербу Ликеи на груди. — Жить, стоя на коленях, — хуже самой мучительной смерти. Я бьюсь за свободу! — запальчиво произнес он.

Кридл заерзал на стуле, разминая затекшую спину.

— Свободу? — презрительно ответил наемник. — Что такое свобода как не зависимость от кого-то?

Агопайос смолчал. Он достал флягу и немного отпил.

— Хочешь? — спросил юноша.

Кридл кивнул. Неужели мальчуган в несурзных доспехах готов погибнуть за столь смехотворную идею? Отец поговаривал: «Глупые идеи бессмертны. Каждое поколение открывает их заново».

Агопайос достал ключ, открыл скрипучую дверцу и спокойно подошел к пленнику. Он уже наклонил фляжку, когда Кридл неожиданно спросил, глядя в наивные глаза ликейца:

— И ты пойдешь до конца?

— Всегда.

— Смело, — прошептал Кридл и молниеносно вогнал лезвие под подбородок юноши. Сталь вошла на все глубину, убив еще до того, как тот успел что-либо понять. — И глупо.

Тело Агопайоса медленно осело на холодный камень. Кридл бережно уложил мальчика, чтобы проявить подобие уважения. Он не планировал его убивать, но если он сын Кастора, значит лучше сразу пресечь на корню возможность появления нового предводителя восстания. «А теперь пора выбираться».

Кридл почти избавился от веревки на ногах — ему помешал громкий и суровый голос:

— Далеко собрался?

Наемник поднял голову и увидел перед собой того самого командира с порезанным лицом. «Вот дерьмо!».

После событий в игорном доме Лисандра так и не уснула. Девушка беспокойно ворочалась, прислушиваясь к неживому безмолвию корчмы. Все гости давно улеглись; свет погас; детский плач за стеной стих; в глухом мраке колдуньи мерещились образы омерзительных сестер, которые пришли преподать ей урок за то, что она спуталась с фэй и рискнула жизнью ради спасения человеческого ребенка.

Девушка легла на спину и задумалась о предстоящем деле. Линор велела ей проникнуть в Ледрос — священный лес, неподалеку от Южного Предела, и встретиться с Септикой. В старом лесу король эльфов — Орис, возвел одноименную столицу королевства. И поныне эльфами правят потомки великого короля. Его внук — Рианос славится непревзойденным мастерством полководца и умением биться на мечах, и сейчас возглавляет силы перворожденных. Он приютил Лисандру, когда Леадор сгорел в огне завоевательных войн Ферксии и подарил маленькой напуганной девочке второй дом. Добрую сотню лет Лисандра осваивала военное ремесло, чтобы стать пшитом для королевства, и училась волшебству эльфов у Арисы — сестры короля, которая стала для нее не только наставницей, а еще и преданной подругой, разделявшей с ней многие секреты и переживания.

Все изменилось в одночасье: однажды Лисандра решила на путешествие к погибшей родине, чтобы увидеть могилу родителей, и там повстречала Видящую. Могущественная чародейка лживыми речами убедила ее в том, что Леадор можно восстановить. Так началось падение, которое продолжается до сих пор. По наущению Видящей, Лисандра, сама того не ведая, заразила проклятием дом близких друзей. Из-за ее неосторожности над Ледросом навис злой рок. Провидцы не разглядели страшной угрозы в череде бессвязных видений, а потусторонняя хворь незаметно подступала к сердцу леса, опутывая своими черными щупальцами древние деревья.

Едва король прознал об этом, дружбе пришел конец. Началась первая десятилетняя война над господством в стране перворожденных. Хоть эльфы и устояли под ударами темных сил, проклятие никуда не исчезло, а Лисандра всю глубже погружалась в безумие в попытках воскресить свой народ. Ее неумные стремления привели к гибели Арисы, за что Рианос никогда не простит Лисандру.

Колдунья зажмурилась, прогоняя неотвязные воспоминания. Она пыталась думать о чем угодно, однако, словно наказание за долгие века незримой войны, кровавые поступки преследовали ее во снах и наяву. «Хватит. — Девушка схватила за голову. Она слышала крики и стоны умирающих эльфов. — Хватит!».

— Слишком поздно... — послышался тихий знакомый голос.

— Неас! — Лисандра, вся в клейком поту, резко села, выискивая возлюбленного в кромешной тьме. — Неас... — повторила она.

Желанный сон так и не пришел; колдунья заправила кровать, собрала скромные пожитки и покинула тихий городок. Ее путь лежал к дому, где она отыщет ту, кого бросила на произвол судьбы.

...На горизонте забрезжил алый рассвет; Лисандра добралась до границ леса. На подходах к Ледросу она почувствовала гнилой смрад. Некогда величественные деревья встречали путников зеленоватым блеском пышных крон, теперь же — сухие и ломкие — они до самых корней обросли колючками, которые покрывала маслянистая желчь. Колдунья скрипнула зубами, когда до ее ушей донесся протяжный вой. Лес умирал и кричал о помощи. От былой красоты не осталось и следа, ведьмы под стать своим порочным душам извратили дом эльфов и сделали его похожим на Царство Теней. Всюду Лисандра замечала пристальные взгляды ужасающих тварей, помеси разных животных, насекомых и птиц, чье желание проливать кровь невозможно не учуять. Девушка задыхалась от давящей тьмы, ведь, несмотря на предательство, Лисандра оставалась созданием света. Запятнанным, но все еще светлым.

Колдунья брела по старым тропам в сопровождении личной стражи второй сестры — Септики. Зубастые грибы переростки с проклятыми ядовитыми копиями привели ее к ведьме. Переполненная нечестивой энергией, Септика упивалась агонией Ледроса. С каждым поглощенным деревом она становилась сильнее. Земля вокруг ведьмы сделалась зловонным болотом, из которого выползали все новые и новые грибы. Септика готовилась нанести решающий удар по столице.

— Да, — проскрежетала ведьма. — Я чувствую себя всесильной. — Сгорбленная старуха с язвами на лице воздела руки над головой. — Наконец-то поганые эльфы понесут заслуженную кару!

— Ты убиваешь лес, — упрекнула ведьму Лисандра. — А должна была все сделать тайно.

Септика смерила девушку уничтожающим взглядом и облизала распухшим языком остатки губ. Во влажных глазах читались зависть и гнев, потому что она не могла стать такой же красивой как Лисандра. Она была проклята вечно ходить в обличье вонючей кучи костей, облепленной тонким слоем кожи. Озлобленная, искалеченная тварь на заре могущества фэй слыла первой красавицей на известных Планах: о ее красоте слагались баллады, ради ее чарующего смеха мужчины умирали на дуэлях, ее несравненная мудрость вызывала зависть у великих умов тех времен. Но после восстания Верховные Дома фэй изгнали отступников и прокляли их. Теперь по Планах мироздания бродили сущности, что страшнее любых кошмаров.

— Девочка, — запах из пасти ведьмы заставил колдунью поморщиться. — Я вела легионы гнили, когда тебя и

на свете не было. Зачем делать такое лицо? Я тебе не приятна? — Хромая на обе ноги, Септика подошла ближе. — Я знаю, что делать, но если ты не выполнишь свою часть, мои старания окажутся бессмысленны, и тогда, — пальцы Септики обхватили подбородок Лисандры, — всей твоей семье конец.

Девушка грубо отбросила руку ведьмы.

— Говори, куда ты ее отправила? — гневно процедила Лисандра.

— Эта несчастная дура улизнула в восточную часть леса и не желает исполнять моих команд. Ты обязана привести ее. — Глаза ведьмы опасно сверкнули. — Тебе все ясно?

— Яснее не придумаешь. Что-нибудь еще?

Ведьма раскрыла ладонь. На ней лежал небольшой сверкающий камешек, он пульсировал от скрытой в нем магии смерти.

— Обязательно дай ей это.

Лисандра нахмурилась.

— Что это за камень?

— Не твоего ума дело, девчонка. Просто заставь ее взять камень.

— Ты самая отвратительная и грязная ведьма из всех, — презрительно бросила Лисандра.

Септика расхохоталась. От натужного смеха на ее ногах и руках полопались фурункулы, из которых выползали насекомые.

— Ой ли? Твой давний друг, король Рианос поспорил бы с твоими словами. Так подло поступить с его семьей...

— Вы бы убили всех! — оправдывалась девушка. — Я выбрала меньшее зло.

Слова Лисандры прозвучали не убедительно даже для нее самой. Ведьма чувствовала это, противно скалясь.

— Да-да, — продолжала старуха, — бросить свою наставницу, свою подругу в лапы заклятых врагов. За такое Орис снес бы твою голову. Рианос слишком мягкосердечен. Найди оружие, и мы поставим на колени молодого владыку.

— А что будет с эльфами после битвы?

Септика хитро поглядела на девушку.

— Разумеется, мы их отпустим, если они не захотят к нам присоединиться.

Затем Септика развернулась и поковыляла на север — ближе к лесному городу.

После того как взрыв переполюшил весь город, сотни гвардейцев вместе с высшими магами империи стянулись к Королевскому Кварталу для борьбы с голубым пламенем. Магическая встряска вышибла окна и двери в богатых домах, разбудив аристократов, слизывала черепицу с крыш домов и обрушивала стены. Живой огонь кидался на чародеев, но ферксийцы старательно оттесняли напасть от жилых улиц, загоняя буйствующую силу обратно в катакомбы. Но элементаль не сдавался. Волна жара прокатилась по ближайшим домам.

— Держать барьеры! Сосредоточиться! — кричал главный чародей сквозь панические вопли толпы.

— Уводите людей! Не подходите к огню! Тащите сюда мешки с песком! — сыпал приказами капитан стражи. — Где чертовы бочки с водой?!

Многим купца не повезло: их дома оказались на пути элементаля. Люди даже не успевали вскрикнуть, прежде чем превратится не в пепел, нет — в жидкий шлак.

Остальные выскакивали на улицу, унося с собой все самое ценное. Мужчины ругались, женщины и дети плакали, гости столицы в одних панталонах без оглядки бежали прочь из Квартала. Ужасающий хаос охватил улицу.

— Мама! — плакала девочка с куклой в руках. — Мама!

Испуганные жители уносили ноги, чуть не сбив с ног ребенка, который безуспешно звал мать.

— А-а-а! — орал старик в мехах, объятый пламенем.

Крики не прекращались ни на миг:

— Чудища!

— Ликейцы!

— Боги прокляли нас!

Раздался взрыв. Еще один. Ошметки людей кровавым дождем разбрасывало по земле под громкий хохот Эгона.

— *Ах-ха-ха! Вот это я понимаю — веселье. Я же говорил: плохих идей у меня не бывает!*

Никс наблюдал за сражением из укрытия. Неподалеку загорелась гостиница. Ферксийский гвардеец чуть ли не прыгнул в огонь вместе с песком и водой, чтобы остановить разрушение. Храбрец с жуткими ожогами на руках и лице продолжал бороться со стихией, пока замертво не свалился к ногам товарищей. Он успел потушить пламя. Второго солдата взрывом отнесло к следопыту.

— Э? Ты что делаешь?

Никс оттащил ферксийца, смазал его обгоревшие руки мазью и накрыл тканью, которую прикупил на местном рынке. Он подбегал к каждому солдату поблизости и пытался, если не спасти, то хотя бы унять боль.

— *Они же злодеи! Сожгли твой дом, убили отца. Ты в своем уме?*

«Они просто отважные мальчишки. Так что закрой рот».

Припасы Никса кончались, но и сила элементаля стараниями магов сходила на нет. Отряды имперских лекарей уже спешили на помощь уцелевшим.

— *Надо уходить.*

Следопыт осторожно обвязал обрубок руки ферксийца и скрылся в тени закоулка.

...Вскоре Никс вышел к круглой площади с фонтаном, на котором уместили двухметровую статую Отгона. Пламя не успело доползти до центра Квартала, поэтому люди с любопытством смотрели на высокие столбы дыма и перешептывались между собой. Ушлые купцы возбужденно обсуждали, как можно использовать уничтоженную часть: кто-то хотел выкупить участок для дома, кто-то построить новую лавку или открыть мастерскую.

— *Эти недоумки только и думаю о набивании карманов? Мне помнится, в людях было больше этого мерзкого сочувствия. Хотя я не скажу, что мне это не нравится,* — добавил Эгон. — *Чем темнее душа, тем радостнее мне. А тут... О-о-о, просто раздолье пороков!*

Неас бы ответил: «Хватит ерничать, тварь ты бессердечная». А что скажет Никс? Да ничего. С приходом Ферксии мир люди утратили часть самих себя. Многие илларийцы позабыли об отваге, чести, достоинстве, сделавшись подданными империи. Теперь в ходу деньги, власть, интриги.

Со слов Гванхвы, только в этой части Жемчужины собираются знатные представители разных рас, только тут проводит свободное время наместник города, и только здесь встречаются послы и генералов, от того и гостиниц в Квартале едва ли не больше, чем жилых домов. Каждый день по людным дорогам расхаживают разодетые лорды и их болтливые жены, которые без умолку щебечут о политике и власти, распускают слухи и сальные сплетни, делятся вестями, тайнами и секретами города, где под защитой верной армии хитроумный кукловод по крупницам собирает важные сведения. Этот темный торговец, словно паук, выткал широкую паутину, что дотягивается до всех уголков города. Каждая ниточка, так или иначе, касается всех — король ты или крестьянин. Посредник знает о

тебе больше, чем ты сам.

Одна мысль не давала Никсу покоя: если Посредник знает о нем, видит, на какие зверства он способен, то почему терпеливо выжидает, когда враг уже у порога? Полагает, будто кучка солдат его остановит?

— *И как мы отыщем этого Посредника?*

Никс посмотрел на дворец наместника, который, словно скала, высился над всем остальным городом. К нему напрямик от площади вела аллея из глициний, чьи изумительные пурпурные соцветия, собранные в изящные продолговатые грозди, радовали Никса. Даже маленькая капелька жизни вдохновляла его поиски.

«Посредник хочет знать все быстрее прочих, а самый надежный способ всех опередить — быть возле наместника».

— *И ты просто вломись внутрь?*

«Я не собираюсь вламываться во дворец. Посредник знает всех богачей, ему известны грязные секреты и у него широкие связи, хоть он и не политик, — размышлял следопыт, наступив на скомканный листок бумаги. Он поднял листок. — Памфлет?».

— *Группа «Джелози»? Это что такое?*

«Актеры. Играют за деньги в самых известных заведениях Илларию».

Эгон захихикал.

— *Кхе-кхе, не разглядел в тебе знатока искусств.*

«Они выступают в Приюте Дороса. Богаче места не найти. Наверняка Посредник будет среди гостей».

...Никс даже и представить не мог, что «Приют Дороса» не просто гостиница для знати, а что ни на есть королевский двор, где есть конюшни, парк, домики для прислуги, уличная сцена и охрана. Гостиница находилась на островке посреди небольшого, но, по предположению Никса, глубокого озера. Он стоял около деревянного мостика, соединяющего два берега. Следопыт слышал рассказы местных о магах, которые давным-давно создали целое море, чему Никс не поверил ни на миг.

— *Ты тут бывал?*

«Никогда».

— *Какой план?*

Никс потер щетинистый подбородок.

«Пройдем мимо охраны и проскользнем внутрь через окно».

Эгон разочарованно вздохнул.

— *Эх, проще убить парочку гвардейцев, чем прятаться в кустах. У меня уже руки чешутся прирезать кого-нибудь.*

Рука следопыта задрожала.

— Ргх. «Не сейчас!».

— *Размяк ты, — буркнул Падший и замолк.*

Когда гул в голове следопыта стих, он пригнулся и быстро пересек мост. Он тотчас свернул с главной дороги в сторону парка, где самой значимой опасностью были полупьяные гости, тискающие друг друга в высокой траве.

Пройдя через парк, Никс очутился у боковой стены заведения, изнутри которого доносилась музыка. Следопыт наблюдал, как у входа толпятся люди в изысканных нарядах и масках, охранники проверяют пригласительные листы, парочка магов с серьезными лицами стоит настороже и отслеживает любые всплески магии.

Никс убедился, что никто не придет, осторожно приоткрыл окошко и пролез внутрь. Следопыт очутился в тревожной темноте, в нос тотчас ударил знакомый сладковатый запах разложения; Он поморщился.

— Ну и вонища...

Десятки холщовых мешков, из которых сочилась кровь, наполовину заполнили душную комнату. Из одного из них что-то торчало. Никс пригляделся.

— Вот дерьмо!

Уж кто-кто, а он всегда отличит тушку животного от человеческой руки.

«*Выметаемся отсюда!*».

Следопыт молниеносно развернулся и застыл в изумлении: окно исчезло. Никс подбежал к двери и дернул за ручку — заперто. Он плечом попытался выбить ее — дерево не поддавалось. Тем временем по комнате прошла магическая вибрация. Во рту у Никса пересохло, волосы на руках встали дыбом, глаз заслезился.

— Черт, черт, черт! — шипел он, ломая двери. — Ненавижу магию!

Яркая вспышка; чья-то сильная рука схватила Никса за плащ и потянула назад. Мир перед его глазами расплылся на долю секунды, и раз — он уже в обветшалом погребе: осыпающиеся треснутые стены, гнилой пол, промозглый воздух, с потолка свисала белесая и пыльная паутина.

Никс ошеломленно заморгал.

«Эгон, что это было?».

«Очевидно же — телепортация. И довольно неплохая. В мое время ее только-только освоили».

Следопыт недовольно зарычал. Снова угодил в западню!

Впереди находилась еще одна дверь — вся в кровавых отпечатках. Недолго думая, Никс подошел к ней и постучал. Другого выбора не было.

— Входите, — учтиво прозвучало за дверью. — И извольте не шуметь какое-то время, пока я исполняю вверенные мне обязанности.

С порога Никс увидел человека на массивном деревянном столе. Руки, шея и ноги пленника находились в оковах, не давая толком пошевелиться, изо рта торчал кляп. Над блестящим от пота телом нависала невысокая фигура пожилого мужчины в круглых очках. Он с интересом разглядывал лицо подопытного.

— Интересная реакция, — приговаривал старик, — страх неизвестности медленно убивает его. Разум уже видит, какие пытки ему уготованы. Самое удивительное — я и не собираюсь никого мучить. Не подскажите, почему люди так бояться собственного воображения?

— Он боится не воображения, — а тебя. Где Эрик?

Чудной старик взял чайник с соседней тумбы и стал заливать кипятком в стальную квадратную емкость, подвешенной на цепи над пленником. Затем он взял тонкую кисточку.

— Агрессия не уместна, молодой человек. — Поразительно легко он принялся вырисовывать линии и круги на разных участках тела, пока человек в оковах громко мычал от страха.

— М-м-м!

— Где Эрик? — напирал следопыт. — Мне плевать, что ты там делаешь в свободное время, мне нужен Мясник.

Старец с хмурым видом положил кисть и оперся руками о стол. Его обманчиво добрый взгляд остановился на в лице Никса.

— Эрик, Эрик, Эрик. Сколько можно повторять одно и то же? С такими вопросами обращайся к Посреднику.

Никс изумленно уставился на старика.

— Но...

Тот указал большим пальцем на дверь за спиной.

— Тебе туда. Лестница выведет в зал, там и найдешь этого болвана. Скажи ему спасибо, что телепортация не лишила тебя ног или не превратила в кашу.

Следопыт сглотнул.

— Так те мешки...

— Согласен, у Посредника скверное чувство юмора. — Он выдвинул ящик и достал оттуда острое лезвие. Тонкая сталь заблестела в свете ламп. Пленник заерзал, с ужасом смотря на оружие пытки. — Что уставился?

...Веселье наверху было в самом разгаре: гости плясали, пили, обсуждали войну, подпевали музыкантам со сцены. Никс в замызганном доспехе, со следами крови на руках и источающий аромат застоялой воды заметно выделялся среди политиков и лордов, впрочем, одурманенная опиумом и алкоголем знать не обратила особого внимания на незваного гостя. Следопыт уселся за самый крайний столик в углу и поглубже надвинул капюшон.

Вскоре к Никсу присоединился высокий мужчина в потрепанном черном сюртуке, грязные края которого чуть-чуть не доставали до пола. На замаранной пятнами белой рубашке имелся треугольный вырез, а из-за опущенных широких полей шляпы виднелись тонкие синеватые губы. На стенке шляпы следопыт заметил измятую карту неизвестной масти.

— Как дела? — спросил он, закинув одну ногу на стол. — Я уж было испугался, что надо искать еще один мешок для трупа. Видишь ли, достать такой мешок сейчас крайне сложно.

— Посредник, полагаю?

— Самый что ни на есть настоящий. Мой добрый доктор тебя не напугал?

Никс пожал плечами.

— Нисколько, но что этот псих делает в подвале?

Посредник помахал рукой девушке с подносами.

— Старика хотели повесить, а я его спас.

— Повесить?

— Ну знаешь, такое иногда случается, когда ты убил дюжину человек, — ответил Посредник, забирая с подноса две большие кружки. — Спасибо, Эн. Передай Клавдию, чтобы приготовил ужин.

Девушка кивнула и убежала.

— Угощайся.

Следопыт немного отпил.

— Даже не знаю, кто из вас больший безумец.

Посредник поперхнулся.

— Ну-ну, — покачал он пальцем, — он, прежде всего, ученый. Славный Гарольд многое сделал для города: создал лекарство от неизлечимых болезней, написал парочку книг. — На лице мужчины появилась полуулыбка. — Да, он частенько избавляется от переходящих ему дорогу людей. Иногда, крайне...эм-м...изошренно, как ты мог заметить. Стоит сказать, они это заслужили.

— Жалкое оправдание. — Никс осушил кружку. — Его надо было убить.

Посредник приподнял бровь.

— У тебя все сводится к убийствам? Даже Гарольд может принести пользу стране. Мой старик поговаривал: «Иногда у неправильных поступков — правильные мотивы». Но он забыл, что такие поступки влекут за собой неприятности.

Никс сжал кулак.

— К чему ты клонишь?

Паук снял шляпу. Он выглядел чуть старше самого Никса; в пронзительных серых глазах мелькнуло негодование.

— Ты мог не убивать Маркуса.

— Поздновато для нравочений.

Глаза Посредника опасно сузились, он подался вперед.

— Ты хоть понимаешь, что старый брюзга и насильник кое-как, но держал в узде своры фанатиков церкви? А убитый тобой Гванхва? Этот недоумок заправлял уличными бандами. Теперь начнется настоящий хаос. — Затем Посредник откинулся на спинку стула и пригладил затронутые сединой черные волосы. — Так ты не заслужишь прощения. Всему виной чудище в твоей голове. — Он скинул ноги со стола и зловеще спросил:

— Как скоро тело перестанет слушаться? Или уже перестало?

Никс насторожился, чутье подсказывало прикончить Посредника. Но чутье ли?

— *На нем отпечаток моей силы,* — подал голос Эгон. — *Спроси, откуда он ее получил, а потом убей. Слышишь?*

«Я сам решу, кого и когда убивать!».

— Кто ты такой? — прорычал следопыт. Он попытался схватить Посредника — тот оказался проворнее. — Откуда знаешь про Эгона?

Паук укоризненно зацокал языком.

— Я много чего знаю, поэтому правлю городом... — он осекся. — Небось, Гванхва то же самое тебе говорил. И все же я тоже не люблю бедлам в моем доме. Я готов тебе помочь в поисках не только Эрика. Тебе знакомо имя Лисандра?

Никс затаил дыхание при упоминании имени колдуньи, что сразу заметил Посредник.

— Взамен, — Посредник встал, отряхнул шляпу и нахлобучил ее на голову, — ты должен кое-что забрать у Мясника и принести мне. Невзрачное колечко.

— *Ах он мерзкий человечиска! Это мое кольцо!* — возмутился Эгон.

— С чего бы такая доброта? И почему сам не забереешь, раз ты так силен?

Недоверие в голосе следопыта позабавило Паука.

— Видишь ли, — два темных эльфа появились по бокам от него, — мы с Мясником *не можем* друг друга убить, а касаясь моей доброты... — Посредник улыбнулся. — В отличие от конкурента — старого лысого ублюдка — я не растерял остатки человечности и мне не чуждо сочувствие. В конце концов, именно я направил ферксийцев тебе на выручку, хотя мне уже начинает казаться, что я это сделал зря.

— Ага, а мешки с ошметками для красоты стоят, — колко отметил Никс. — Ты зубы мне не заговаривай, *сочувствующий*. Ты хоть знаешь, чего просишь?

— Оставь злословие при себе, — отрезал Посредник. — Я более чем... — один из эльфов шепнул что-то хозяину на ухо. — Ох, боюсь, у нас возникли трудности. Как ты относишься к войне?

Столь неожиданный вопрос слегка обескуражил следопыта.

— Впрочем, неважно. — Посредник отдал распоряжения, и люди в зале суетливо начали покидать гостиницу. — Грядет буря, следопыт, я же даю тебе выбор: встретить того, кого до сих пор любишь или продолжить бродить впотьмах на побегушках у твари внутри тебя. Так или иначе, — он прошествовал к двери, которая как по волшебству появилась за спиной Никса, — я не позволю Эгону вырваться на волю, даже если для этого мне придется тебя убить. О! — Его голова показалась из темноты. — Раз ты со мной не собираешься, советую поскорее покинуть город. Ищи Эрика у побережья. До встречи, Неас.

Следопыт резко развернулся, а Посредника уже и след простыл. Откуда он знал его прежнее имя?

Кастор спешил к сыну, освещая путь фонарем. Он всеми силами обязан вызнать секреты империи, чтобы не допустить поражения Ликеи в войне. Даже если придется поступиться честью.

Дойдя до пещеры с пленником, капитан не заметил ни одного разведчика, которым Поллукс приказал патрулировать лес. Ни бликов клинков, ни шорохов во тьме, ни давящего присутствия незримой угрозы, словно братство в одночасье исчезло. Они не могли предать: разведчики не покинут пост, пока Поллукс не отдаст приказ или...пока они живы. Капитан свернул с тропы и подошел к каменной глыбе, откуда за ним наблюдали после первой встречи с ферксийцем.

Тишина. Кастор приподнял фонарь и увидел длинный кровавый след. Капитан на мгновение пришел в замешательство, но быстро взял себя в руки. За камнем неизвестный оставил три обезображенных трупа, будто послание для Кастора.

— Агопайос... — тихо выдохнул капитан и что есть мочи рванул к камерам.

Кастор не думал об осторожности. Все его мысли занимал сын, которого он обещал сберечь во что бы то ни стало. И чем глубже он опускался, тем больше потели ладони, сердце неистово колотилось, в горле пересохло от волнения. Зигзагообразный тоннель вывел Кастора к клеткам. Он затаился, прислушался. Впереди раздавалось чье-то прерывистое дыхание.

— Агопайос? — тихо спросил он.

— Капитан? — Послышался слабый голос из темноты. — Капитан, это я — Никос. Пленник, он...Архгх! Он ранил меня. Не могу встать.

— Никос? — переспросил Кастор. Он заметил силуэт человека, привалившегося спиной к стенке. Капитан знал Никоса, ведь именно он поймал шпиона. — Что случилось? — Кастор подбежал к воину и опустился перед ним на колени. — Где Агопайос?

— Там же, где будешь и ты, — холодно ответил ликеец и воткнул в шею Кастора нож.

Капитан попытался ударить — Никос ногой выбил клинок из ослабевшей руки командира и резво вскочил. Кастор повалился на пол — захлебываться кровью.

— Предатель... — прохрипел он, пытаясь зажать рану. На его лице разом смешались недоумение, страх и всепоглощающая ненависть. — Гори в... — Кастор не успел закончить — глаза остекленели.

— Мне жаль, — ответил мертвецу Никос и отправился на поиски Кридла.

...После побега Кридл не тратил время даром: он оставил убийцу Призрака разбираться с докучливым капитаном, а сам проник в лагерь — искать следы Эрика. Ему снова сопутствовала удача — почти все отправились штурмовать город. На страже осталось не больше братства.

Кридл прокрался к высокому шатру Поллукса. Никос обмолвился, что важные сведения, якобы, находятся тут. Наемник притаился за повозкой с ящиками. Он осторожно выглянул и досадливо выругался себе под нос:

— Проклятье! Почему все идет не по плану?

Путь преграждали двое громил в тяжелых доспехах.

Кридл не придумал ничего лучше, чем шарахнуть ногой по колесу. Стражи встрепенулись, словно посторонний шум вывел их из сна, но с места не сдвинулись.

«Да чтоб вас!». Кридл хотел бы снова ударить, однако на верхний ящик опустился Пискун. Он радостно захлопал крыльями. Наемник тоже обрадовался, хотя виду не подал.

— Пс-с, Пискун, можешь что-нибудь сделать? — прошептал он.

Сокол посмотрел на охранников и приподнял правое крыло.

— В смысле «сам разбирайся?» — удивился Кридл. — Ты вообще меня бросил!

Пискун поскреб коготком ящик и взъерошил перья.

— Вот он — боевой сокол во всей красе, — начал ворчливо причитать наемник. — Брюхо-то набить — без проблем, а кто работу делать будет? — Кридл прошептал другу. — Не хочешь отведать нежнейшего мяса сочной мышши из Астории? Помнишь их незабываемый вкус?

Пискун взмыл вверх и стрелой опустился прямо на голову одному из воинов. Начался переполох.

— Сними! — раздался крик. — Сними эту чертову курицу!

Его товарищ бросил копье и безуспешно пытался отогнать настойчивого сокола. Кто бы мог подумать: грозные ликейцы трясутся перед юркой птицей. После недолгой схватки Пискун, довольный собой, отступил.

— Она нагадила на меня! — бушевал верзила. — Ненавижу эту страну! Ненавижу этих мерзких птиц!

— Тихо ты, — успокаивал второй. — Иди смой с себя эту дрянь.

Кридл улыбнулся и стал ждать. Оставшись один на один со стражником, наемник несколько раз ударил по ящикам.

— Кто здесь? — Ликеец выставил копье и пошел на шум. — Именем царя — покажись! — Он заглянул за повозку.

Блеснула сталь. Воин повалился на бок с рассеченной глоткой.

«Эфзон*, а такой тупой», — подумал Кридл.

Лезвием ножа наемник отодвинул полу королевского шатра, внутри которого могло уместиться не меньше отряда отборных солдат. «Куда тебе такие хоромы, Поллукс?».

Первым делом Кридл подошел к столу с горой бумаг. Поллукс никогда не отличался прозорливостью и слишком полагался на стражников, отчего не сложно предположить — ответы сокрыты именно в этой куче мусора. Перебирая свитки, Кридл то и дело наткался на различные приказы о тайных поставках продовольствия и припасов, планы городов-крепостей Ферксии и дворца в Хоэнтвиле. Шпионы рыскали везде, как на стороне союзников, так и на стороне врагов. «Поллукс, Поллукс, — размышлял Кридл с письмом на руках, — громче всех кричишь об отваге и чести, и сам же играешь не по правилам. Да, Агопайос, мы не так уж и отличаемся: пытки, казни, — Кридл просматривал одно письмо за другим, — убийства жителей. Чертовы лицемеры».

Посланий и впрямь оказалось слишком много, но взгляд Кридла зацепился за особенно потрепанный сверток. Раскрыв письмо, наемник понял, что Призрак его не обманул. Эрик неподалеку — в горящем городе.

— Гляжу, ты все отыскал, — неожиданно произнес Никос. Убийца гильдии стоял за спиной Кридла с арбалетом в руках. — Дернешься, и я всажу тебе болт между лопаток.

Наемник рассерженно фыркнул.

— Пф, Призрак с самого начала задумал меня прикончить?

— Опасно оставлять тебя в живых, парень. Шестерни завращались, а ты — досадная помеха к достижению нашей великой цели. Ничего личного. — Никос навел оружие. — Прощай.

За миг до того, как палец агента нажал на спусковой крючок, Кридл перекатился через стол и перевернул его. Болт с треском вошел в столешницу.

Никос сразу же отбросил арбалет в сторону и достал короткий клинок. Он рванул вперед, намереваясь быстро и тихо убрать наемника. И все же Кридл, в отличие от Никоса, обладал навыками убивать людей и без оружия, поэтому он дождался замаха противника, а затем выбил клинок из его рук. Враг опешил, Кридл нанес удар в лицо Никоса, от которого тот едва устоял на ногах, отступив на пару шагов назад.

— А подготовка-то хромает, — съязвил наемник и схватил Никоса за грудки. — Что значит «шестерни завращались?»», — грозно прошипел он. — Говори, пока я не прикончил тебя!

Никос опомнился и сорвал с пояса кинжал. Кридл успел откинуть противника в сторону — кончик лезвия разрезал только лоб.

Убийца упал на четвереньки и презрительно зарычал:

— Полукровка, отброс, который навечно останется изгоем. — Никос поднялся. — Умри! — завопил он и бросился в атаку.

Кридл выхватил меч со стойки и одним хлестким ударом отделил голову врага от тела. Туловище Никоса грузно рухнуло на пол, а голова покрутилась в воздухе и, упав на землю, быстро укатилась куда-то в угол. Кридл весь красный и мокрый выскочил из шатра и бросился к конюшням.

Много лет назад Лисандра предала доверие друзей и покинула цветущий край, когда ее усилиями восточные земли королевства поглотила болезнь. И вот она снова здесь, бредет по гниющим топям, где в стародавние времена возвышались могучие деревья, на которых эльфы возводили свои витиеватые дома. С тех пор тут не было ни птиц, ни животных, лишь неприятное чавканье сапог сопровождало пугающую тишину. Девушка ощутила беспокойное покалывание на затылке, ведь среди смрада и разложения обитало существо, чей разум загопила обида и ненависть ко всему живому. И тварью Царства Теней оно стало по вине Лисандры. Ведьмы намеренно велели ей найти чудище, чтобы чувство вины не отпускало колдунью ни на миг, хотели насладиться ее горем.

Бредя по болоту, Лисандра ненароком вспоминала прогулки, долгие разговоры с Арисой и Рианосом, поляну неподалеку, где училась сражаться. Девушка посмотрела на два гнилых дерева, утопающих в зловонной зеленоватой жиже, и поморщилась от омерзения, прежде всего, к самой себе. Ледрос стал первой ступенькой в череде бесконечных падений. Не одно десятилетие Лисандра занималась многими гнусностями: шпионила, убивала, втиралась в доверие. На ум тотчас пришел Фоуст и Неас. «Я все изменю, изменю», — повторяла Лисандра, крепче сжав боевой посох.

...Ближе к полудню колдунья прошла через топь и очутилась у реки, которую не затронуло проклятие. На соседнем берегу находилось древнее захоронение — глубокое, мрачное и угнетающее место, защищенное сильнейшей магией.

Оказавшись на другой стороне, Лисандра заметила широкие дугообразные следы, будто по земле проползло нечто огромное. Чуть поодаль она нашла несколько крупных чешуек; девушка нагнулась, чтобы прикоснуться к

частичке тьмы, и тотчас отдернула руку. Жар как от раскаленного металла.

— Ай! — Колдунья подула на крохотный ожег. — Да, это она...

Лисандра решительно сжала кулак и сплела заклинание поиска. От посоха стали исходить голубоватые полосы света, которые устремились к эльфийским склепам, словно охотничьи псы в поисках добычи. Девушке оставалось ждать, пока одна из полос не засияет красным.

Не прошло и часа, а заклятие уже отыскало монстра. Путь вел напрямиком в королевскую усыпальницу, где нашли покой великие эльфы древности. Лисандра проверила на месте ли камень Септики, собралась с мыслями и вошла в обитель мертвых.

Зябкий холод заставил колдунью вздрогнуть. Знакомая аура окутала могилы, заставляя девушку вспоминать былые дни. Прошрое рисовало картины мирной жизни, где Лисандра с цветком в руках беседует с Арисой, прекраснейшей из дев, об управлении силами природы.

— Ты не вправе что-либо требовать у матери-земли, она помогает тем, чья душа стремится созидать. Природа капризна, если фэй желают подчинить ее, она гневается, извращает магию и вместо созидания приходит разнузданный хаос.

— Что сотворит мать-земля, если приказывать ей? — спросила тогда Лисандра.

На что Ариса серьезно ответила, посмотрев в глаза ученицы:

— Захочешь высечь искру — получишь негасимое пламя, попытаешься подчинить лес — уничтожишь жизнь, возжелаешь исцелить — обречешь на смерть. Не вздумай помыкать силами природы, иначе рано или поздно утратишь с ней связь.

Лисандра сглотнула ком в горле, ведь ей уже давно не под силу использовать многие заклинания.

Тем временем спуск привел ее в самые глубины склепа, куда Рианос поместил саркофаг деда. В просторной, освещенной светом эльфийских рун комнате находилась одинокая могила Ориса. Девушка подошла ближе, чтобы рассмотреть работу ремесленников. Надгробная плита с изображением владыки восхищала тем, как точно мастера сумели запечатлеть волевые черты лица короля: жилистое сухое лицо, тонкие губы, выразительные скулы и подбородок. Лисандра провела рукой по камню.

«Невероятная работа...».

Ее прервало шипение, которое эхом отразилось от стен. Девушка настороженно осмотрелась, удобнее перехватив посох. Она кружила; звук доносился отовсюду. «Я чувствую тебя. Покажись же!».

Едва Лисандра повернулась спиной к саркофагу, с потолка свесился толстый змеиный хвост. Девушка стремительно обернулась, когтистая лапа схватила ее за талию и подняла над землей. Колдунья брыкалась, щеря зубы, и пыталась разжать хватку, пока не увидела лицо противника.

— Ариса, — выдохнула она.

— Лиссандра, — произнесло создание. — Сснова пришла предать меня?

— Я не предавала... А-а-а! — закричала Лисандра, когда Ариса сдавила хрупкое тело.

Чудище угрожающе зашипело:

— Ш-ш-ш, ты отравила мой дом, оссоставила одну ссспасать лес. Из-за тебя я стала такой!

— Ты, — девушка корчилась в муках, — пренебрегла...законом, подчинила...природу.

— Из-за тебя! — Ариса швырнула Лисандру.

— Ах...

При падении она выронила посох и ударилась о стену.

Ламия сползла с потолка, обившись вокруг саркофага.

— Ты даже не вернулассь, чтобы помочь мне, — продолжила Ариса. — Почему?

Лисандра взглянула на бывшую подругу. Извращенное порождение магии, коим стала мудрейшая из эльфов, терпеливо ждало ответа, будто бы от него зависела жизнь Лисандры. И что же сказать такому существу: из-за детской обиды? Из-за новых устремлений? Из-за страха перед ведьмами и их хозяйкой?

— Мне было стыдно и больно, — просипела Лисандра, вправив плечо. — Я не могла тебе помочь, понимаешь, не могла, потому что, — она на секунду замолчала, — потому что убедила себя, что так тебе и надо. Я верила тебе! — выкрикнула колдунья. — Ты обещала поддержать меня, а потом бросила! Помнишь, что ты мне сказала, а?

Ариса подползла ближе.

— Если Леадору суждено погибнуть, значит, такова воля богини. Ты лгунья! — с презрением выкрикнула Лисандра.

Ламия оскалилась и занесла руку для решающего удара, но Лисандра первой произнесла заклинание:

— Lumenus!

Вспышка света ударила в глаза существу, и оно отшатнулось, закрывая лицо от ослепительного сияния. Лисандра схватила посох и побежала наружу.

Девушка успела вынырнуть из склепа, прежде чем разъяренный монстр разнес его на кусочки. Ламия

бросилась на бывшую ученицу.

— Убью! — завопила тварь.

Хвост Ламии засветился ярким светом. Вспышка. Ариса неожиданно растворилась в воздухе. Слышалось лишь дуновение ветра и шелест травы.

— Интересный трюк, — прошептала Лисандра. Она уже заготовила новое заклинание.

Огромная тень воплотилась за спиной девушки, застав колдунью врасплох.

— Что за...?

Лисандра успела вобрать в себя природную энергию и отбросила ламию прочь. «Мать-природа, молю, дай мне немного сил для победы!».

Ариса вновь накинулась на Лисандру, и та нанесла удар в ответ.

Чистейшая волна энергии врезалась в ламию и потащила к реке, оставляя за собой глубокую борозду. С громким всплеском чудище рухнуло в воду. Не успела девушка и шагу ступить, как в землю у ее ног вонзилась стрела с белым оперением.

— Стой на месте! — громко произнес на илларийском эльф.

Взгляд Лисандры метнулся на мост, где расположился отряд солдат. Они с непониманием переводили взгляды с колдуньи на реку.

— Не шевелись, ведьма, — приказал командир — статный воин в традиционном для лесного королевства доспехе: нагрудник, состоящий из металлических перьев, наплечники в виде сложенных орлиных крыльев, золотистого цвета сапоги и овальный шлем с кольчужной полумаской.

— Да я и так тут стою! — рывкнула девушка. — Тут опасно!

— Замолкни! — Эльфы направили в сторону Лисандры луки.

— Да вы совсем умом тронулись!

Вторая стрела вонзилась рядом с первой.

«Тупоголовые засранцы. Если эта тварь здесь, она порвет всех нас на клочки».

Десять бойцов во главе с командиром спешно переходили мост. В это время Лисандра заметила, что под мостом вода начала пузыриться.

«Черт, черт, черт!».

Колдунья глубоко вдохнула и выкрикнула:

— Снизу, олухи!

Командир отряда проявил себя, как и подобает умелому воину — молниеносно отскочил от центра моста, когда огромная туша выпрыгнула из воды, ломая переправу на части. Двое солдат погибли мгновенно: один оказался в зубах ламии, а второй лишился головы.

— К оружию! — скомандовал предводитель отряда, доставая меч из ножен.

Воины услышали его и бросились на чудовище. С берега в ламию полетели стрелы. Каждая из них попала в цель, но попусту отскакивала, словно уткнувшись в непроходимый барьер.

Лисандра побежала выручать эльфов, на бегу метая в ламию сгустки энергии. Какими бы храбрыми и умелыми они ни были, Ариса без труда разила бойцов своими острыми когтями и хвостом. Чудище выкосило половину отряда менее чем за минуту, и лишь чародейский клинок командира причинял ему боль.

— Стреляйте! — кричал командир лучникам. — Стреляйте!

Те ни на секунду не прекращали обстрел, используя уже особые снаряды — заговоренные стрелы, которые пробивали практически любую броню. Наконечники вгрызались в чешуйчатую плоть и причиняли монстру страшную боль.

— Аргх! — Ламия прикрывала лицо от непрекращающихся залпов и пыталась выкарабкаться из воды. Чешуя засветилась.

«Тут что-то не так, — прокралась мысль в голове у Лисандры. — Она что-то задумала».

— Бегите! — заорала она стрелкам.

Было уже поздно.

Особым умением Арисы оказалась телепортация. Яркое свечение на теле заранее предупреждает противника о скором нападении. Ламия появилась перед замершими на месте стрелками; эльфы в ужасе опустили оружие. Один взмах хвоста смел их всех, словно ветер сдул неубранную листву. Переломанные трупы посыпались в воду; остался командир и Лисандра, спешащая на помощь.

Эльф взял клинок в две руки и приготовился дать достойный отпор. Хвост монстра засветился, ламия испарилась в тот же миг, чтобы появиться рядом с грозным воином. Когтистая лапа метнулась вперед и ударилась в невидимый барьер. Удивление появилось на прекрасном лице Арисы.

— Ты никого больше не убьешь, Ариса! — произнесла Лисандра и опустила посох.

Ламия зарычала. Сначала от ненависти, а потом от боли. Мечник вонзил чародейский клинок в тело змеи и

успел повернуть один раз, прежде чем чудище отбросило воина в сторону.

— Мерзззкая ведьма! — зашипела она.

— Но я хотя бы красивая, — дерзко ответила Лисандра.

Ламия кинулась на девушку, и снова получила камень в голову. Лисандра стала обстреливать противника обломками моста, замедляя продвижение монстра. Эльф пришел в себя достаточно быстро и снова ринулся в ожесточенную схватку.

— Отвага и честь! — выкрикнул воин, прыгнув на хвост. Он резал и колол, пока черная кровь хлестала из раны под оглушительный рев порождения мрака. Цена за краткий миг славы оказалась велика — Ариса лапищей сбросила врага на землю и уже собралась раздавить, но меч принял на себя весь вес огромной туши. Командир удерживал клинок словно стенку, пока монстр тащил его вперед. Ноги скользили по влажной траве, не в силах противостоять темной мощи Царства Теней.

Ариса прижала эльфа к дереву и начала поднимать вверх. Броня жалобно заскрежетала, царапая стальными перьями гнилой ствол. Одной рукой существо схватило мечника за глотку, а второй попыталось проткнуть насквозь. Эльф вовремя успел выбросить оружие и перехватил лапу твари. Кончики когтей оставили на позолоте глубокие порезы.

— Остановись, — процедил он. — Ты же не такая.

Слова не помешали ламии пригвоздить противника к дереву. Тот приковал ее внимание и тем самым подарил Лисандре ту самую мимолетную надежду использовать камень. Девушка ловко запрыгнула на спину Арисе и вдавила в нее камешек. Кристалл испустил мощный всплеск магии, от которого ламия забилась в судорогах и камнем рухнула на землю.

Командир эльфов лежал у тела противника и едва дышал. Лисандра подскочила к умирающему воину. Она применила лечащее заклинание — оно не сработало. Природа словно решила не откликаться на просьбу колдуньи.

— Нет, нет, нет, — панически затараторила девушка. — Какого дьявола ты вообще тут был?

Рука обхватила тонкую ладонь Лисандры.

— Хватит, Lisandora, — произнес он.

— Откуда ты знаешь мое имя? — изумилась девушка.

Что-то похожее на смех прозвучало в ответ.

— Послушай, девочка. Ты не должна делать то, что тебе велят. Спаси Арису.

— Я...я не могу.

Эльф разразился кашлем.

— Кха-кха, твой сын, Lisandora, он должен сам определиться со своей судьбой. Не пытайся, — мечник сглотнул, — не пытайся повлиять на него. Ты так боишься его смерти, что забыла о жизни... — Голова воина повернулась к ламии.

— Ариса, — прошептал он и умолк.

Лисандра стояла на коленях перед павшим воином. Дрожащими руками она стянула шлем с мертвеца. Со слезами на глазах она смотрела на Рианосу — владыку лесного королевства.

— Никс, — вновь прозвучал рассерженный голос бога после того как следопыт покинул убежище Посредника. Никсу тотчас стало дурно: закружилась голова, руки затряслись, колени подогнулись; но он стоически сдерживал Эгона, который снова стремился подчинить его рассудок своей воле. Падший нашел слабину, вгрызся зубами и когтями в крохотную искру надежды в душе Никса. Эгон высасывал остатки добра, путал и менял воспоминания, чтобы смертный сосуд не свернул с намеченного пути. Следопыт кожей ощутил холодок тревоги от мысли, что древняя сущность начинает одерживать вверх, поэтому свернул в темный пустой переулочек и припал спиной к стене. Он уронил голову и зажмурился; противоборство с богом с каждым годом давалось все труднее, а ведь он — всего-навсего жалкая крупичка былой мощи! Никсу почти удалось обрести власть надо телом.

— *Зачем ты заключил с ним сделку? — гневно спросил Падший. — Ты же знаешь — реликвии принадлежат мне. Мне! Этот человечешка, этот никчемный смертный не представляет мощи артефактов! И ради чего? —* От возмущения Эгона следопыт медленно сполз по стене, держась за голову. — *Женщины? Ты, видимо, забыл, что она предала тебя, а ты как побитый пес покорно бежишь обратно к ней. Эти... чувства, — с презрением произнес бог. — Мешок с кирпичами. Он тянет тебя на дно. Зачем все это? Нам же было весело вместе.*

«Убирайся!».

— *Глупец! Ты забыл о договоре? Напомнить? —* Никс схватился за грудь, сердце на мгновение перестало биться, словно невидимая рука крепко сжала его. — *Я дал тебе жизнь и возможность отомстить — не более. Сейчас мне не под силу убить тебя, но мучить тело и душу мне никто не запретит. Хорошенько подумай, прежде чем переходить мне дорогу. Рано или поздно ты станешь моим.*

Колдовство Эгона ослабло, и Никс облегченно вздохнул. Измученный, он не спешил встать — в молчаливом отчаянии следопыт глядел на светлеющее небо, где понемногу меркли звезды. В темно-синем океане ему вдруг привиделась Лисандра. Никс впервые за долгие годы испытал страх, смятение и горькое предчувствие того, что не сумеет побороть демона внутри себя и не отыщет предавшую его возлюбленную. Она оставила его на пепелище родного города, и все же Никс помнил. Ее улыбка, смех, нелепый браслет из Леадорских нитей по-прежнему с ним, и Эгон их не отберет! Пусть божок в слепой ярости бьется о стенки хрупкого сознания — он не отдаст тело без боя и найдет выход из безнадежного положения!

Никс сжал кулаки.

«Еще посмотрим», — подумал он под оглушительный звон колоколов.

С глухим рычанием следопыт встал на ноги и, пошатываясь, вышел на дорогу. Ферксийские чародеи поборол магическое пламя, батальоны пехоты продолжали суетливо проноситься мимо. Они готовились к нападению. Никса охватило чувство недоумения. Неужели ликейцы решили действовать? Он попытался ускорить шаг, однако выходка Эгона дала о себе знать: ноги подкосились, лишь своевременно выставленная рука, которой он оперся об угол дома, уберегла его от падения. Вопреки боли Никс сумел заставить себя идти дальше, ведь если на город действительно напали, то Жемчужина скоро запылает, а Эрик ускользнет. Надо добратся до Мясника, чего бы это ни стоило!

...Чем ближе Никс подходил к Королевским вратам, тем отчетливее понимал, что украдкой уйти не получится: улицы наводнили гвардейцы и чародеи. Он хотел было попробовать снова спуститься в тоннели под городом, но железные створки оказались наглухо запечатаны. Никс нахмурился, проведя ладонью по магической печати на дверях. «Все же додумались закрыть».

Никс рискнул испытать удачу с выходами в остальные Кварталы. У каждых врат он видел одну и ту же картину — ферксийцы готовились принять бой. Теперь Никс убедился в словах Посредника. Вот-вот грянет буря.

...Враг не заставил себя долго ждать. Во врата неподалеку неожиданно ударил таран. После каждого удара на землю сыпалась позолота, дерево трещало от неослабевающего напора. «Дум! Дум! Дум!» — Грозный стук поколебал имперцев, они выставили копья вперед. Осязаемая ярость неприятеля, словно яд, проникала в ферксийцев, заставляя их вздрагивать. Никс решил прорываться сквозь толпу вцепившихся друг другу в плотки солдат. Напрасно он пренебрег предложением Посредника.

— Приготовится! — скомандовал капитан. — Арбалеты зарядить!

Вскоре массивные врата не выдержали и с грохотом разошлись. Облаченные в легкие доспехи, с покрытыми темно-зеленой краской лицами, в проходе показались ликейские воины. С боевым кличем они неслись на ферксийскую стену из щитов. Гвардейцы с ответным ревом встретили мятежников, пронзая разъяренных врагов длинными копьями. Задние ряды арбалетчиков обрушили стальной град болтов в ликейцев, на что те громко хохотали, умело вырезая имперский молодняк. Силы обороняющихся таяли с каждой секундой, а Никс беспомощно наблюдал, как кровожадная армия Поллукса наслаждается резней. «Освободители, мать вашу», — пронеслась мысль в голове, прежде чем врата остальных Кварталов загорелись, словно исполинские свечи.

— *Давай уже,* — неожиданно пробурчал Эгон. — *Пора показать, чего ты стоишь или подохнуть.*

Никс достал клинок и бросился в самую гущу боя. Он обязан успеть прикончить Эрика, пока в городе неразбериха. Из-за предательской слабости Никс едва увернулся от летящего ему в голову топора. Ликеец повторил прием, но следопыт перехватил рукоять, вырвал оружие и всадил лезвие в лицо воина, и продолжил пробиваться к выходу. Внезапный удар по касательной разрезал доспех Никса и оставил неглубокую рану на груди, однако ферксийцу не суждено вновь взять в руки клинок — Никс быстрым ответным выпадом рассек горло противника. Взгляд следопыта обречено бегал по полю боя. Подступающим войскам Поллукса не виднелось ни конца, ни края. Охваченные боевым пылом солдаты продолжали убивать тех, кто не носил цветов Ликеи, поэтому в следующий миг на Никса обрушился стальной смертоносный вал со всех сторон. Он только и успевал уходить из-под ударов да парировать атаки, но слабость начинала одолевать его. В голове Никса зазвучал ехидный смех.

— *Помочь?*

«Умолкни!», — велел он богу, скрестив клинки с ликейским бойцом. Дух Никса ослабевал, воля трескалась от напора потусторонней мощи Эгона. Следопыт осознал, что если он в скором времени не прорвется через кольцо врагов, то Падший выйдет наружу.

Отбив очередной удар, Никс пошатнулся. Шум жестокой сечи и крики умирающих отдалялись все дальше и дальше, пока он не обнаружил себя в мрачной камере, откуда наблюдал за резней, и ничего не мог поделать. «Стой! Нет, нет, нет! — завыл он и попытался сделать шаг, и тотчас ноги увязли в густом мраке. — Я уничтожу тебя! Убью!».

— *Не в этот раз,* — злорадно подметил Эгон и взял судьбу Никса в свои руки.

«Да! — ликовал Падший, осматривая грязные ладони. — Теперь можно повеселиться». Кровь в теле закипела от восторга, когда Эгон сжал плотку напавшего на него солдата и вырвал кадык. Бог с прикрытыми глазами напивался жизненной влагой.

— Тебе нравится, Никс?

От яростных криков и угроз Эгон лишь громче расхохотался. Падший отбросил прочь мертвеца, затем разорвал на части еще нескольких воинов. Он искал достойного противника, ведь мятежники не напали бы, не будь с ними Поллукса или Кастора. «Где же ты, маленький вождь?». Эгону быстро наскучило рубить беспомощных солдат, посему он просто пошел сквозь ряды противников, лениво отмахиваясь от медленных ударов. Ликейцы перестали продвигаться вперед, а всей толпой набросились на одинокого бродягу, который скоро прорвется в тыл.

— *Остановись! Посредник ничего не получит!*

Бог ухмыльнулся. «Поздно, мальчишка!». Он замахнулся кулаком и ударил в грудь воина, стоящего на пути. Кулак прошел насквозь. Пробитое тело замерло, словно бабочка, проколотая острой булавкой. Остальные опасно отступили, и даже ферксийцы оторопели при виде страшной расправы. Битва стихла.

Эгон убедился, что все взгляды устремлены на него, и со зловещим оскалом разорвал ликейца пополам. Ошметки разлетелись во все стороны.

— *Ненавижу...*

«Союзники мешают делу».

— Что ты творишь?!

Могучий царь небрежно растолкал солдат и воинственно встал напротив Никса. В одной руке он сжимал длинное древко, которое венчал наконечник из тельзерита, в другой — круглой щит с изображением головы льва. Волшебная сталь блестела от крови. Эгон прищурился, оценивая силы против необычного оружия. Тельзерит если не убьет, то сильно ослабит любое существо не из материального мира.

— Ищу тебя, — ответил Падший голосом Никса. — Здесь так мало достойных противников. — Эгон слизал кровь с пальца. — А ты куда сильнее этих отбросов.

Лицо Поллукса стало пунцовым от гнева, он сжал копье, да так, что древко едва не треснуло.

— Падаль, — прошипел он. — Так ты мне отплатил за помощь. Умри! — прокричал Поллукс и помчался в бой.

«Он даже шлем не надел!».

От первого стремительного выпада Эгон играючи увернулся, но тотчас последовал резкий удар щитом в лицо, отчего Падший чуть не повалился на землю. Поллукс всецело позабыл о защите и неистово пытался заколоть врага. Один за другим убийственные уколы то и дело достигали цели и оставляли кровоточащие царапины на смертной оболочке бога. Тельзеритовый яд просачивался в тело, и Эгон стал слабеть, его движения замедлились. Он чувствовал, как Никс борется, ломает цепи, стены и решетку камеры, где сам Эгон провел долгие двадцать лет. «Чертов тельзерит!».

— Надменный царек, — процедил бог и поймал древко перед самым носом.

Поллукс попытался вырвать оружие. Он не знал, что его противник не человек. Эгон притянул короля к себе и боднул в нос. К изумлению бога, Поллукс не провалился в беспамятство, вместо этого он отшвырнул копье и стал

молотить врага голыми руками.

— Сдохни! — выкрикивал царь, раз за разом опуская огромные кулачища на лицо противника. — Сдохни!

Эгон плюнул в Поллукса и сам нанес удар. Ликеец грохнулся наземь, а Падший уверенно поднялся, поднял королевское копьё и уже готовился пригвоздить противника. Дрожь в руках помешала расправе.

«Ах ты назойливый ублюдок! Сиди смирно!».

— *Это. Мое. Тело!* — выкрикнул Никс и отправил Эгона в мрачные глубины сознания.

Со свободой пришла и боль. Следопыт выронил оружие и упал на четвереньки. Его вырвало кровью.

— А-а-а, — простонал Никс. Десятки ненавистных взглядов пронзали его насквозь, но без приказа Поллукса никто не осмеливался напасть. Никс собрался с духом и поднялся. Он посмотрел в глаза короля, в которых распознал обиду, разочарование и грусть. Никс, пускай и не своими руками все же победил в поединке, а значит, мог уйти. Утерев кровь с лица, он побрел в трущобы, где надеялся залатать раны и отправиться за Эриком. Звуки битвы слышались со всех концов Жемчужины. Ферксия не удержала город.

...Никс хромал к знахарю в трущобы через разоренный бандами и солдатами город. После кончины Гванхвы каждый хотел урвать кусок. Как и говорил Посредник, Никс убрал важную фигуру с доски, что привело к гибели многих людей, а его побег от ликейцев привел к ненужной бойне, которая повлечет за собой еще больше смертей. Куда бы он ни пошел, везде гибнут люди, всюду он сеет хаос. Порой мысль покинуть лес казалась сущей глупостью, нашептанной Эгоном, чтобы привести в движение известный лишь ему план. Никс прижал ладонь к ране на груди. Боль. Холод. Страх. Осознание вины. Чудесный город сейчас засыпан трупами как ликейцев, так и мирных жителей, которые не успели скрыться с глаз озверевших наемников. Одни дома горели, из других выбегали мародеры. Эти мерзавцы в поисках легкой наживы обыскивали мертвецов, не чураясь вырывать зубы, если замечали блеск золота. Никс с содроганием вспомнил Фоуст. Ферксийцы, ликейцы, илларицы — все одно. Не бывает справедливых войн.

Дом лекаря находился почти на самой окраине Квартала, поэтому пламя войны еще не успело добраться до него. Никс хорошо знал добродушного старичка, который не раз спасал ему жизнь. «Надеюсь, он цел». Чуть ли не теряя сознание от усталости, Никс приковылял к порогу дома и громко постучал.

— Это я, Никс, — прохрипел он. — Слышишь, Мейсон? Открывай!

За дверью послышались шаги: громкие, тяжелые, словно приближался великан. Никс почуял неладное, отошел от дома.

— Стой смирно, бродяга.

За спиной из ниоткуда появилось несколько человек — не простые бандиты, а суровые воины, закованные в металл. Перечеркнутый герб Ферксии красовался на доспехах. Как и на тех, кто был в доме Гванхвы. Вперед вышел бледнолицый амбал, и кивнул в сторону дома.

— В дом, живо! — прорычал он.

Никс подчинился. Сражаться, когда нет сил даже руки поднять — чистой воды самоубийство. В то же время дверь распахнулась, и на Никса со злобной усмешкой уставился тот, кого он так страстно хотел убить долгие годы.

— Ну привет, Неас, — произнес Эрик, приставив к горлу следопыта лезвие ножа. — Вот мы и встретились.

Кридл стоял на вершине высокого травянистого холма и наблюдал, как небосклон над Жемчужиной разорся в огромную огненную тучу, сжав в пламенных объятиях илларикийский порт. То и дело машины ликейцев безжалостно осыпают снарядами крепкие стены города, с грохотом обрушивается камень, вопят люди. Поллукс пригнал на битву не меньше нескольких тысяч смертоносных и жестоких воинов. Раздался новый сотрясающий воздух взрыв, после которого вязкий удушливый дым с новой силой устремился ввысь, а в величественных водах Жемчужного моря отразилось багряное зарево, сделав его похожим на расплавленное золото. Столица торговли и искусств распадалась в жесточайшем противоборстве двух злейших врагов. И только бесстрашный сокол кружил на поле битвы, высматривая безопасные подходы к городу.

Кридл в раздумьях прикусил ноготь. Император приказал ему отыскать и убить Эрика, а *это* — это уже перебор. Впрочем, Кридл едва ли помнил, когда Оттон давал ему простое задание. От мрачных размышлений наемника отвлекло громкое хлопанье крыльев, он вытянул руку, и Пискун удобно уселся на ней как на ветке.

— Что ты видел?

Пискун легонько наклонил голову.

— Сражение Поллукса? — Кридл задумчиво почесал щетину. — Что? — Он недоверчиво посмотрел на Пискуна. — Его победил бродяга? — Мужчина мысленно отметил про себя, что не хотел бы пересечься с таким умелым воином. — Ты разглядел его?

Сокол издал протяжный звук, напомнивший Кридлу разочарованный стон.

— Ничего, дружище. — Он погладил птицу по голове. — В такой кутерьме и дракон потеряется. Я еще смогу незаметно пробраться в город?

Пискун крепче вдавил коготки в руку наемника. Тот недовольно нахмурился.

— Знаю, что опасно, но изловить убийцу — приказ императора. Отец постоянно мне говорил: «Исполняя долг, ты узнаешь, чего стоишь». Ладно, — Кридл привязал к лапке друга записку, — я поплыву к порту, а ты лети и спрячься где-нибудь, пока я не вернусь.

Сокол нахохлился, выражая несогласие, и все равно исполнил просьбу хозяина. Кридл же подошел к лошади, прошептал ей на ухо несколько слов, после чего она заржала и пустилась галопом обратно в лагерь. Потом Кридл быстро проверил амуницию, крепче затянул ремешки ножен и продолжил путь к побережью, где собирался отыскать лодку и беспрепятственно подплыть к главному порту. Он беспрекословно доверял Пискуну, так как сокол еще ни разу не подвел.

...Оказавшись на песчаном берегу, наемник тотчас побежал к рыбацким хибарам, около которых заметил несколько лодок. Вскользь оглядев старые ненадежные посудины, Кридл вывел одну из них на воду и что есть сил погреб. На середине пути он позволил себе взглянуть на раскаленный ад, учиненный ликейской освободительной армией. Он еще ни разу не видел осад, ни разу не слышал криков и стонов тысяч умирающих. Кридл замер на мгновение, когда лавина огненных стрел взмыла в воздух и с шипящим свистом опустилась на защитников.

— Во имя проклятых богов, — прошептал он, — не это ли конец эпохи?

Меж тем самая высокая башня города рухнула на головы солдат, подняв в воздух облако едкой пыли. Кридл продолжил грести, пока не добрался до небольшого причала. Как ни странно, ни один из кораблей торговых гильдий так и не отчалил. Это настораживало.

Едва Кридл вступил на берег, он заметил толпу вооруженных людей. Они врываются в дома, обирали мертвецов и крушили все на пути. У каждого на груди красовался символ банды. «Видимо, Гванхва уже на том свете», — подумал наемник, спрятавшись за бочками.

Кридл выждал пару минут и короткими перебежками начал продвигаться к Портовым Вратам, которые издалека казались целыми и невредимыми. Время от времени на пути попадались и ферксийцы, и ликейцы, и нелюди из гильдий, и даже женщины с детьми. Пламя войны не щадит никого. Кридл притаился за горой обломков, когда на его глазах огромный бандит под хохот друзей ударом дубины раскроил череп дворфийскому купцу, а потом грубо содрал мантию с трупа и снял с пальцев драгоценные кольца. И будь карлик там один, верный сын империи прошел бы мимо, но кучке свирепых мародеров этого показалось мало — из ближайших домов они вытащили людей. Жители кричали, брыкались, умоляли сохранить жизнь. Кридл заметил у пленников заостренные уши, торчащие из-под причудливых шапок.

«Сами разбирайтесь».

— Эй! — воскликнул грубый голос. — Я тебя вижу! Вылазь, малыш!

Кридл по привычке схватился за рукоять кинжала. Ему почудилось, что его обнаружили, и успокоился, завидев, как за волосы тащат еще одного несчастного. «Надо убираться отсюда». Наемник захотел уйти обратно в тень.

Скрип!

По неосторожности Кридл задел тяжелую деревяшку — она с оглушающим грохотом упала. «Холера!». Бандиты разом повернулись на шум.

— Парни, — заулыбался худощавый мародер, — у нас новый гость.

Вожак громко свистнул, и к нему сбежался еще десяток налетчиков. Наемник не растерялся, и что есть мочи рванул к воротам. Улюлюкающая толпа бросилась в погоню.

...Собрав за собой внушительный хвост, Кридл все же добрался до выхода. Створки оказались наглухо закрыты. Он гневно стукнул по ним кулаком.

— Дерьмо!

Но он не был бы самим собой, если бы не находил выхода даже из таких передрыг, поэтому решил переждать опасность в одном из домов, однако на первом же повороте Кридл лоб в лоб столкнулся с седобородым гномом, рядом с которым находились еще несколько нелюдей с детьми.

— Человек! — завопила низкорослая женщина. — Мердок, убей его!

Старец в мантии растерянно таращился на Кридла, а тот, в свою очередь, сам не знал, как поступить. А пока они оба таращились друг на друга, к ним навстречу выбежала стая убийц.

Кридл не колеблясь содрал повязку с глаза и произнес древние слова, после чего бандиты остановились. Наемник и понять не успел, что толкнуло его на столь опасный шаг. Это же нелюди...

— Куда они делись? — спросил тощий, оглядываясь по сторонам.

— Не шевелитесь, — прошептал Кридл испуганным нелюдям. Наемник стиснул кулаки от напряжения, из глаза засочилась кровь.

— Мясник не обрадуется. — Предводитель досадливо повертел головой. — Лады, идем обратно к кораблям.

Эрик велел вынести с них сундуки с добром.

Когда мародеры скрылись, Кридл упал на колени, прижимая ладонь к саднящему глазу.

— Аргх, — выдавил он. — Чтоб тебя!

С Мердока оцепенение спало первым, и он подозвал к себе двух крепких бородатых молодцов:

— Норф, Халем, берите мальчика и двигаем дальше.

Дворфы подхватили своего спасителя и потащили вглубь Квартала. Мердок подобрал повязку и побежал следом.

— Ты живой? — спросил Мердок, протягивая фляжку.

Место, куда Кридла приволокли нелюди, раньше было не чем иным как Морским Домом, где каждому купцу или аристократу, приплывшим в город, выдавалась грамота о свободном проходе между Кварталами. Наемник сидел в углу полусгоревшего дома и смотрел через дыры в крыше, как небеса пылали огненными красками; воздух наполнился непрерывным грохотом десятков снарядов штурмовых машин; белый пепел присыпал искалеченные трупы рабочих, которые не успели убежать. Кридл вытянул руку, чтобы поймать несколько серых снежинок. Они неприятно обожгли кожу.

— Не стоит трогать эту дрянь, — предостерег Мердок, — эти убийцы заправили снаряды алхимическим порошком. Лучше выпей.

Кридл нехотя взял флягу и немного отпил, хотя тотчас разразился громким кашлем.

— Кха-кха, что это за мерзость? — сморщив лицо, спросил он. — Фэйская бурда?

— Согласен, готовить у моей внучки выходит хуже всего. — Гном усмехнулся. — Кстати, меня зовут Мердок.

Я присяду?

— Можно подумать, у меня есть выбор, — послышался тихий ответ.

Мердок уселся рядом и тоже посмотрел на оранжевое небо. Кридл украдкой взглянул на гнома и заметил на его лице грусть.

— Я думал, нелюди будут рады человеческим смертям, — произнес наемник, вытянув ноги.

Нелюдь печально усмехнулся.

— Порошку нет дела до того, кого он убивает, да и к тому же я участвовал в создании этого ужаса.

Ответ не удивил Кридла.

— Ты не первый гном, который изобрел смертоносное оружие.

— Для гномов-ученых и магов настали тяжелые времена. Если тебе предлагают работу — ты берешься. Сам понимаешь, Ферксия нас не слишком любит, — укоризненно добавил Мердок.

И Кридл понимал, но считал участь быть забытыми и уничтоженными заслуженной. Таков удел тех, кто болтают, что люди — не более чем труха, которую развеет ветер через пару десятилетий.

— Вы это заслужили, — проронил он.

Снаряд от требушета угодил в соседний дом. Раздались крики.

Мердок с интересом посмотрел на Кридла в ожидании продолжения, однако наемник отвел взгляд от старого гнома.

Тот не стал донимать наемника, отхлебнув порцию отвара. Они так и сидели, наблюдая за пламенным дождем.

— Ферксийцы утверждают, — ни с того ни с сего заговорил он, — будто они являются потомками совершенных созданий — ангелов. Странно, они верят, будто ангелы походили именно на человека, хотя любой эльф скажет обратное. Но перворожденные мудры, такие пустяки их не заботят. Не важно, как выглядели мифические ангелы, важно то, каков внутри ты сам.

Кридл устало закатил глаза, уткнувшись затылком в стенку.

— Тебя так сильно задели мои слова, человек? — озадачено спросил гном. — Люди вообще склонны превозносить свои заслуги. Ферксийцы и вовсе перешли черту.

— Перешли черту? — Кридл нахмурил брови и посмотрел на Мердека. — Мы просто хотим создать мир, где человечеству не придется ползать на коленях перед очередным фэйским князьком!

Мердок покачал головой.

— Мир? Скорее вам просто обидно, что вы не обладаете дарами, присущими *нам*. Люди мало живут, туго соображают, в вас цветут пороки, как цветы в клумбе. Да, и у нас их не мало, но мы научились ими владеть, а люди почему-то воспринимают это как некое превосходство.

Пелена ярости понемногу застилала глаза Кридла. «Высокомерный коротышка!». Идеалы империи — истина, которая защитит человечество от таких гнусных лжецов.

— Дары? — дрожь от гнева, просипел Кридл. — Вы убийцы, которые играют с жизнями людей, вы дергаете за

нитки, чтобы мир принадлежал нелюдям! — Кридл резко вскочил, угрожающе нависнув над Мердоком.

— Убийцы? Дергаем за нитки? Это говорит мне человек, в стране которого преследуют за слабоумие и немощность?

— Мы разные, гном, — прорычал Кридл. — Еще хоть слово, и я тебя придушу.

Некоторое время они молча смотрели друг на друга, соревнуясь в силе своих убеждений. Гном и не собирался отводить запавших глаз.

— Разные? — Мердок протянул наемнику повязку. — Разница лишь в том, что кто-то принял себя, а кто-то боится осуждения. И твоя вера в империю... — Он покачал головой. — Тут не при чем.

— Заткнись! — огрызнулся Кридл и вырвал кусок ткани из рук гнома.

Слова старика больно оцарапали душу. Кридл испугался, из-за того, что непоколебимую веру начали грызть сомнения. Нет-нет, чепуха и вздор! Он — истинный воин Ферксии! Он принял себя, и даже врожденный недуг не помешает его возвышению. Или вся жизнь — циничный обман?

— Я вижу твое истинное лицо, — поднимаясь, прокряхтел Мердок, — которое ты прячешь за искусной маской, юноша. Раз уж ты так предан, зачем используешь силы?

— С меня хватит, — ответил Кридл и пошел к выходу.

Едва наемник открыл дверь, как ему в живот врезалась нога. От силы удара он отлетел на дюжину шагов. На пороге возвышался лысый человек с татуировкой на черепе.

Кридл приподнялся.

— Эрик? — прохрипел он.

Эрик зашел в развалины дома вместе с кучкой своих людей.

— Щенок Оттона, — произнес Эрик, стукнув древком глефы об пол. — Призрак не соврал. Эй, Мердок, корабль ждет.

Гном виновато посмотрел на Кридла. Тот понимающе ухмыльнулся.

— Есть работа — ты берешься, так?

Мердок подошел к Кридлу и незаметно всучил ему небольшую сферу.

— Но честь не позволит бросить в беде даже человека, — прошептал он и дал знак нелюдям собираться.

— Коротышка, если не уберешься через пять минут, до Захарии будешь плыть сам! — рывкнул один из бандитов. — А что с этим делать, босс?

— Тащите его в логово. — Эрик провел языком по заостренным зубам. — Хочу с ним потолковать.

— Ты солгала мне, уродливая карга! — С заготовленным заклятием Лисандра ворвалась в маленький домик ведьмы, но столкнулась нос к носу со стражами. Древнюю старуху стерегли не простые слуги из Царства Теней, а возвращенные тлетворным колдовством Септики существа, походившие на гниющие грибы с двумя рядами желтых клыков. Каждый сжимал в скрюченных руках оскверненные болезнями копыя, с наконечников которых стекали густые струйки зеленоватой жижи. Один из них, по всей видимости, главный, приставил лезвие к ее горлу.

— Не смей, — пробубльнул он. — Иначе мы срежем твое лицо. — Гриб отошел назад и указал копьём на дверь. — Хозяйка ожидает.

Лисандра сделал вид, будто зловонная плесень ее нисколько не напугала и горделиво прошагала к комнате. Несмотря на непритязательный внешний вид, дом ведьмы сумел впечатлить чародейку: редкие манускрипты, растения в банках, что не растут в северных землях Иллари, забытые книгами полки, чучела животных, чудовищ и даже людей. Лисандра продрогла от немигающих ледяных взглядов нечистых тварей, которые ползали в полумраке и заманивали в тень круглыми, как блюдца, желтыми глазами всякого незваного гостя, и пронизывающего до костей холода, который острыми когтями впивался в кожу. Лисандры выдохнула клубы пара. «В точности как тогда, в Фоусте». Она поймала себя на мысли, что Септика, возможно, черпает силы из того же источника, что и Хранилище, а это значит — кто-то из богов вмешался в игру.

Девушка отворила дверь, и без того бледное лицо стало белее снега. Она очутилась в обеденном зале Септики, где посреди разбросанных черепов и свежих кровавых разводов стоял длинный стол, заставленный всяческими яствами, от вида которых Лисандру чуть не вывернуло: отрубленные головы, фаршированные червями с опарышами, пальцы в кровавом соусе, ноги, руки, стопы без кожи. Видимо, ведьма ожидала сестер, хотя это ни сколько не мешало ей самой наслаждаться изысканными закусками. Септика держала в руке два человеческих глаза, словно фрукты, и, высунув гнилой язык, положила их себе в рот.

— Лисандра! — радостно воскликнула ведьма с набитым ртом. — Ты даже не представляешь, какую услугу ты мне оказала. Надо же, — причмокнула Септика, — эльфийский королек мертв! На очереди старый Галактион. — Раздался хрипловатый смех.

— Ты все знала! — Лисандра в ярости снесла посохом посуду с едой со стола. — Знала ведь, да?! — Девушка направила оружие на ведьму. — Отвечай!

Септика невозмутимо взяла палец с подноса и начала откусывать фалангу за фалангой. Тошнотворный хруст прозвучал в напряженной тишине.

— А если не скажу?

Вокруг Лисандры забурлила магическая энергия, мебель в доме затрещала, посуда взмыла вверх. Через секунду все потухло. Колдунья покачнулась как от удара. Внезапная слабость. В глазах двоится, руки трясутся; она вцепилась в столешницу, чтобы не упасть.

— Аргх, чтоб тебя!

Септика снова ехидно захихикала. Ведьма непринужденно откинулась на спинку кресла с глумливой улыбкой.

«Я сотру ее с твоей самодовольной рожи! Изничтожу, разорву тебя! Надменная сука, думаешь такая всесильная?».

В то же время Лисандра понимала — связь с природой истончается, магия в ее теле увядает. Вскоре она станет беспомощной перед сестрами. В бессилии колдунья угрожающе прошипела:

— Когда я снова стану собой...

Септике надоели напускные угрозы, ведьма махнула рукой и девушка замолкла. Лисандра несколько раз открыла рот, но не смогла издать ни единого звука, кроме гневного мычания.

— Хватит кричать, соплячка. Ты сама привела Арису к нам, сама уничтожила ее будущее и сама навлекла гибель на королевский род. Потакания прихотям ни к чему хорошему не проводят. — Ведьма задумалась. — Конечно, если это никак не связано с господством Царства Теней, — добавила она и тяжело поднялась, обеими руками опираясь о подлокотники.

Септика сконцентрировала магию рядом с собой, и в ту же секунду появился портал, который стремительно поглотил дом. Мгновение темноты — и Лисандра вместе с Септикой уже сидят на высоком кургане. Напротив них возвышались врага в город эльфов. Толстая стена, усеянная бойцами, опоясывала столицу со всех сторон. На ней сотни воинов с холодной решимостью сжимали блестящие клинки.

Армия ведьмы источала страшное зловоние, от которой вся зелень вокруг превращалась в шлак. Их было очень много, в десятки раз больше эльфов, и с куда более разрушительной силой. Во главе гнилого воинства находилась бывшая наставница и подруга Лисандры с кристаллом в спине. Кончик ее хвоста постоянно дергался, когти резали воздух, едкая слюна стекала по подбородку. Ей хотелось есть — есть мясо эльфов.

— Эльфы станут великой жертвой, — огласила Септика. — А ты, девчонка, можешь потешить себя оправданиями. — Ведьма презрительно фыркнула. — Ха! Спасительница Леадора. Так и вижу рукоплескания фэй.

Девушка свирепо уставилась на Септику.

— Смотри, Лисандра! — выкрикнула ведьма. — Ты начала великую историю, открыла новую главу для моего царства, а в награду, — Септика перешла на зловещий шепот, — крики тысяч перворожденных не замолкнут в твоей голове.

Девушка в отчаяние посмотрела на защитников стен. Воины в позолоченной броне приготовились выпустить лавину стрел. Она не видела их лиц, но чувствовала готовность эльфов биться до конца. Они поклялись самому Создателю, что не покинут поля боя, не сдадутся темным силам, не выкажут милосердия Великому Врагу. Первая линия лучников уже натянула тетивы волшебных луков, наконечники, пылающие белым очистительным пламенем, нацелились на океан распада, который вот-вот нахлынет на каменные стены. А между башнями над воротами стоял статный эльф в латных доспехах и с флагом Лесного Королевства. Казалось, он смотрел прямо на Лисандру. Галактион. Мудрый предводитель, чей истинный возраст известен лишь ему. Советник и друг всех предыдущих королей теперь стоит в рядах защитников в ожидании гибели родного дома. Галактион громко стукнул древком флага о камень. Бойцы заняли позиции и приготовились дать отпор.

— Войны! — пророкотала Септика с кургана. — Пришла пора этому миру познать мощь Царства Тени! Идите и принесите мне головы защитников города!

Воинство восторженно загудело. Яростными возгласами они приветствовали слова госпожи, жажда боя постепенно распалась в их гнилых сердцах. Ламия вскинула руки и заревела. Дикая завывания ненадолго потрясли эльфов, однако воины нашли в себе силы противостоять ужасу.

— За короля и народ! — проревел Галактион. — Уничтожим этих тварей!

Небо затмил одновременный залп сотен стрел. Смертоносный дождь устремился в противников, тотчас выкосив тысячи омерзительных грибов, но под дикий крик Ламии, вскипающий прилив чудищ бросился на штурм укреплений. Началась безостановочная стрельба.

Лисандра в ужасе отшатнулась. Война пугала ее с самого детства. За долгую жизнь девушка поняла, что война — бедствие, болезнь хуже тифа, кошунство над природой. Она пообещала себе не допустить подобного, а затем собственноручно лишила Илларию надежды на мир. Колдунья своими глазами наблюдала за последствиями своих

деяний в Хранилище. Не стоило забирать треклятую книгу у Арипа.

— Гляди, девочка, — каркала Септика. — Это конец твоей семьи.

Гнилая туча докатилась до крепостной стены и, словно муравьи, грибки стали сооружать живую башню. Им не нужны ни тараны, ни лестницы, ни луки. Они — живое оружие. Камень под их телами покрывался трещинами, металл ржавел и рассыпался оранжевой пылью. Вскоре армия ведьмы добралась до вершины. Под звуки командного рога лучники покинули укрепления, уступив место мечникам. Ловкие бойцы орудовали клинками не хуже, чем луками. Кружась, будто в танце, эльфы молниеносно расправились с первой волной монстров, затем со второй и третьей, меж тем тьма постепенно захватывала новые участки стены, поглощала храбрецов, обрекая их души на вечные муки. Солдаты кричали, когда кожа соприкасалась с оскверненными телами врагов, плакали, когда видели гибель друзей и родных, и продолжали неистово рубиться. Последнее, что увидела Лисандра — Галактион вместе со свитой спускается вниз.

Септика покрутила пальцем в воздухе. В тот же миг образовалось небольшое зеркальце, в котором Лисандра увидела Галактиона. Эльф стоял перед воротами, а позади него несколько тысяч бойцов. Прозвучал приказ:

— Сомкнуть щиты!

Шеренги воинов оцетинились копьями. За бронированным золотым строем лучники готовились скосить неприятеля, кто решится первым ворваться сквозь пролом. Ариса уже доползла до ворот города и врезалась в них — створки не поддались. Чудище с кровожадным ревом продолжало исступленно бить всем телом о преграду. Эльфы замерли в ожидании.

— А-а-а-р-р! — Донеслось после очередного удара. Магический металл прогнулся. Даже он не вынес чудовищной мощи проклятой принцессы. Куски камня и механизма посыпались на землю, предвещая скорый прорыв.

Меж тем на стенах города разгорелась нешуточная битва, откуда теснили оставшихся умелых мечников. Немногочисленные отряды поспешно отступали к лестницам, однако слизь ведьмовских отродий почти разъела крепкую кладку. Раздался громкий треск камня; стена в мгновение ока раскололась на части, хороня под обломками защитников города. Многовековое сооружение пало под изумленный вздох Галактиона. Выжившие устремились к дворцу — последней линии обороны.

Девушка слышала неумолчный грохот сломанных стен, вопли эльфов, торжествующий визг армии Септики. Каждая часть тянула за собой следующую, словно кто-то сдувал карточный домик. И вот — вместо величественных укреплений — груда камней. Поле боя окутало пыльное марево; ворота Ледроса пали.

— Щиты! — проревел Галактион, стоящий в первой шеренге. — Стоим до конца! Лучники, стрелять по готовности!

Ламия вместе с волной плесени понеслась вперед — на острые эльфийские копыя.

— За перворожденных!

Стрелы засвистели над чудищем, врезаясь в ряды хлынувших в проем грибков. Магические твари падали на землю и взрывались облачком зеленого газа. Десятки мерзких захватчиков грудью встретили эльфийскую ярость. Скопление плесени оказалась настолько плотной, что стрелы никак не могли остановить ядовитую волну. С громкими завываниями твари накрыли золотое воинство своими склизкими объятиями. Началась новая резня на потеху королеве распада.

Галактион самоотверженно бился спиной к спине с воинами, которых знал много сотен лет, каждый взмах его клинка лишал жизни противника, каждый его призыв вселял уверенность и силу в сердца эльфов.

— До конца! — кричал он, крутя мечом вокруг себя. — А-а-а! — Он опустил меч на голову огромному грибу с посохом. Один воин королевства стоял десятка гнилых монстров, но мудрый эльф понимал, что поражение — вопрос времени. Стрелы все реже и реже проносились над головами; лучники присоединялись к рукопашной схватке, однако напор тьмы неуклонно продавливал стену золотых щитов. Бросив мимолетный взгляд на запад, Галактион с ужасом увидел, как один из отрядов накрыло облако ядовитой мглы. Солдаты мучительно долго задыхались, царапали лица, пока отравы убивала их изнутри. Оборона треснула, армия ведьмы устремилась к королевскому дворцу.

Галактион отсек голову монстру, и услышал позади рычание. Он обернулся, встретившись взглядами с ламией. Эльф удобнее перехватил клинок.

— Ариса... — прошептал советник короля. — Что же ты с собой сделала?

Ламия кинулась на предводителя армии, разметая все на своем пути. Галактион был не в силах отражать смертоносные выпады чудовища, поэтому парировал удары и уклонялся в безуспешных попытках отыскать слабое место. Битва измотала эльфа; когти Арисы все чаще скребли нагрудник; один удар пришелся в шлем. Сталь сплюснулась, и Галактиону пришлось скинуть бесполезную защиту. Длинные, спутанные серебряные волосы прилипли к потному лбу эльфа, горькая усмешка скользнула по полураскрытым от его тяжелого дыхания губам.

— Еще ни один эльф не умер от старости, — хрипло сказал он Арисе. — Я надеялся стать первым.

Галактион огляделся. Эльфийский авангард разбили, остатки отступали к последнему рубежу, а он стоял в окружении шипящих тварей, которые хотели разорвать его на куски. Он собрался с духом, обхватил рукоять меча двумя руками, прижав ее к груди. Широкое лезвие устремилось к небесам и заблестело в лучах уходящего солнца. Галактион скинул с плеч узорчатый плащ и приготовился к последнему сражению в жизни.

— Надеюсь, — он начал идти к ламии, постепенно ускоряя шаг, — в твоём сердце ещё остался свет. За твоего брата! — успел выкрикнуть эльф, прежде чем они сошлись.

Лисандра отвернулась, чтобы не видеть гибель великого воина. Она ударила кулаком по земле, утопая в бессильной ярости и горе. «Я убью тебя! — кричала девушка в спину Септики. — Убью!».

Ведьма, если и знала о немых угрозах, то виду не подала. Она неподвижно созерцала исход своего разрушительно похода. Едва затихли последние крики защитников врат, повелительница болезней создала вокруг кургана темно-зеленый купол и в одночасье перенеслась вместе с Лисандрой к королевскому дворцу. Он ярко полыхал. Небольшая кучка чародеев, поддерживаемая уцелевшими мечниками и стрелками, упорно отбивалась от ядовитых полчищ. Они испепеляли плесень разрядами молний, сжигали огненными шарами, заваливали гогочущих тварей под каменным градом, а противник будто насмеялся над тем, как эльфы напрасно пытаются превозмочь натиск армии великой хозяйки разложения. Изможденные мечники, по колению заваленные трупами, крутились в своем последнем танце и разили превосходящих их врагов. Долго отважные эльфы обороняли последний рубеж, но кольцо неотступно сжималось, войны падали один за другим, лучники кидались на чудищ, чтобы дороже продать жизни, а маги решились на отчаянный шаг.

В безрассудном порыве чародеи сплели могущественное по силе заклинание, и Септика поспешно укрыла себя и Лисандру непроницаемым барьером. Ведьма успела вовремя: эльфы отдали жизни, пробудив сияющую волну света, которая прошла сквозь ряды гнили и выжгла половину города.

Когда отголоски силы угасли, Септика с кашлем рухнула на колени. Из тела ведьмы лилась желчь.

— Кха, остроухие ублюдки, кха-кха, ненавижу вас, — прошипела она.

Липкий страх укутал разум Лисандры, девушка прижала ладонь ко рту. «О, Создатель!».

Она не могла поверить, что ее второй дом превратилось в кладбище, где обреченные призраки друзей будут блуждать до окончания времен. «Что же я наделала?».

Из-под завалов показалась рука ламии. Чудовище со звериным ревом выбралось на поверхность. Взрыв, казалось, не нанес Арисе никакого вреда. Она проползла мимо Лисандры, зловеще поглядывая на бывшую ученицу, и улеглась подле своей хозяйки. Септика оперлась о хвост проклятой эльфийки, чтобы подняться.

— Ты видела жителей, прислугу, ученых? — обратилась она к ламии. — Хоть кого-то?! — ведьма ударила распухшим кулаком по чешуе. — Как начать ритуал без жертвы, тупая ты тварь? Я же велела тебе не убивать всех подряд, а ты учинила бойню!

Арис угрожающе зарычала, а Септика просто-напросто отмахнулась рукой, точно комаров отгоняла. Ведьма приковыляла к центру площади перед дворцом и прошептала несколько слов. Из земли показался гладкий камень, который рос, пока не достиг десяти футов. По серой поверхности прошла рябь, потом Лисандра заметила чью-то руку, потом ногу, и, в конце концов, перед девушкой предстала статная женщина с тканевой повязкой на глазах. Она размяла шею и плечи и грациозной походкой, в сапожках на высоком каблуке, пошла к Лисандре, даже не обратив внимания на склонившую голову Септику.

— Моя юная помощница, — произнесла женщина. Ее лицо лучилось от счастья.

— Видящая... — себе под нос ответила девушка.

Видящая протянула руку Лисандре. Колдунья обхватила холодную, как горный родник, ладонь загадочной сущности и поднялась.

— Я хотела кое-что тебе показать. Септика! — Видящая хлопнула в ладоши. — Раз ты не удосужилась найти жертвы на алтарь, то я взяла все в свои руки.

Ведьма попыталась возразить, но стоило Видящей сказать простое «цыц», и Септика снова почтительно опустила голову.

— О чем это я? Ах да, — женщина указала Лисандре на менгир. — Я хотела кое-что тебе показать. Не бойся.

Лисандра не смела перечить существу с подобной силой, она подчинила страх и молча вошла в невидимый портал. На обратной стороне ее ждал тронный зал. Его перекрывал круглый купол, который опирался на дюжину толстых расписных колонн, а в самом конце виднелась мраморная лестница, а на вершине возвышался белоснежный трон. Не пустующий дворец привел Лисандру в замешательство — под потолком на цепях висел златовласый высокий фэй. Гигант спал, уронив голову на грудь. Вокруг него кто-то заблаговременно расставил жителей по количеству колонн. Старики, женщины, дети.

От существа веяло необузданной силой, и даже могучие заклинания Видящей не могли полностью погасить его мощь. Лисандра уловила знакомую ауру.

— Великолепно, не так ли? — снова зазвучал голос Видящей. — Ради него мы здесь.

— Что это такое? — отважилась спросить девушка.

— Разве ты не догадываешься? Ты совсем недавно уже успела познакомиться с его собратом, правда разговор получился не очень долгим.

Озарение не заставило себя долго ждать.

«Этот великан тоже принц!».

— Что ты наделала? — Лисандра не решилась подойти ближе. — Неужели ты не осознаешь последствий?

Послышался смехок.

— Последствия? Не тебе меня учить, Лисандра. Наша цель намного важнее спасения тысяч жизней. С помощью силы, текущей по венам принца фэй, я наконец-то дотянусь до Древних богов и заберу всю их первобытную мощь себе.

— Ты свихнулась! — Девушка захотела покинуть жуткое место, но портал захлопнулся. — Их сила — само воплощение хаоса. Ее нельзя подчинить!

— Ошибаешься.

Лисандра обернулась. Видящая стояла возле хнычущей молодой эльфийки и поглаживала ее по голове.

— Книга, которую ты мне преподнесла, поможет мне в этом. Ты думала, там описан план по спасению фэй? Заклинание, способное поднять целую страну из пепла? Тайные знания Леадора? — Видящая покачала головой. — Тебе и в голову не пришло открыть ее, хотя нет, — она задумалась, — ты пробовала, правда у тебя не вышло. Знаешь почему? Потому что знание открывается тем, кто этого хочет. Тебе было плевать, лишь бы восстановить то, что ты потеряла, а потом отомстить. Бедняга Арип предупреждал, а ты не послушала. Гордая и своенравная бестия показала клыки и приговорила людей к смерти.

— Ах ты сука! — вырвалось у Лисандры. — Обманула меня, заставила поверить в твои сказки!

Раздался громкий смех.

— Ах-ха-ха, ты маленькая эгоистичная дрянь, которая думает только о себе.

— Это не так! — протестующе заявила колдунья. — Больше нет.

— Умилительно, — Видящая сжала подбородок эльфийки, — но фэй, как и люди, — не меняются. Суть всегда остается прежней, чтобы ты там себе не доказывала. Смотри на мир, который ты подарила сыну. — Шея эльфийки хрустнула. Лисандра вздрогнула. — Смотри, как глупая девчонка помогла мне сжечь Ледрос. — Второе тело с перерезанной глоткой упало на пол. — Смотри, как рушится твоя жизнь. — Эльфы один за другим умирали под злобный хохот. Лисандра рухнула на колени. «Это конец».

— Это не конец! — торжествующе объявила Видящая, измазав лицо кровью. — А великое начало!

После того как Эрик выволок Кридла из дома, наемника тотчас избили, натянули на голову холщовый мешок, связали руки и бросили в повозку. Уткнувшись лицом в деревянное дно, Кридл делал вид, будто лежит в беспамятстве, но обостренный слух ловил каждое слово головорезов Мясника. Эрик вез его из города в свое тайное логово, откуда планировал набег, и где держал важных пленников на случай, если подвернется возможность обмена. Так или иначе, придется выждать удобный случай, чтобы сбежать, а пока...пока он придумает, как умертвит вероломного предателя.

Что-то ударились о борт, Кридл перекатился на спину и больно ударился головой о скамью. «А, черт! Да вы охренели совсем?». Раздался звон стали, воздух резко наполнился запахом свежей крови. Эрик громко призывал свою шайку отбросов сплотиться.

— Открывай ворота! — сквозь сумятицу боя проревел Эрик.

Кридл слышал ругань и крики ликейцев, слышал вопли умирающих ферксийцев и скрежет огромных портовых врат, которые вели к побережью. Затем повозка резко ускорила, звуки сражения отдалялись, а к запаху крови прибавился соленый аромат Жемчужного моря. Кридл всякий раз подпрыгивал, когда повозка налетала на камни и ухабы.

— А аккуратнее нельзя? — прокричал он.

— Захлопнись!

Спустя короткое время кучер остановил лошадь. Несколько человек стащили Кридла с повозки и поволокли к лесу. Сквозь тонкую ткань он заметил, как листья неподалеку от него зашевелились, и показалась дверца. Люк открылся. Один из головорезов бесцеремонно толкнул Кридла в спину, и тот полетел вниз. Вокруг послышались смешки, тяжелый сапог угодил в живот. Наемник скорчился от боли, но не проронил ни звука. «Сукины дети! Скоро я выберусь отсюда и лично придушу каждого из вас!».

Сильные руки подхватили его, и путь Кридла продолжился. Воздух становился все тяжелее и тяжелее, словно Кридл оказался в джунглях Астории; острый нюх узнал знакомый запах. «Ангельский мох». Кридл знал, как эта дрянь превращает мозги в кашу. Сначала небольшая доза, а потом человек уже не живет без порошка во рту. Кроме презрения к дурманящему яду и к тем, кто его принимает, наемник ничего не испытывал. Теперь появилась еще одна причина свернуть шею Эрику.

Мешок с головы Кридла резко сдернули. Он стоял перед тяжелой, наспех сколоченной дверью с ржавым замком. Сопровождающий его бандит достал из кармана гремящую стяжку ключей и одним из них открыл замок. Дверь распахнулась. Внутри царил непроглядный мрак, где слышались стоны и гневные выкрики на разных языках. Толкнув Кридла в темноту, головорез взял со стены факел и велел идти вперед. К удивлению Кридла, в сводах жутковатой пещеры находились клетки, в которых сидели самые разные существа: люди, дворфы, несколько кобольдов, гоблинов и орков, даже гномы с эльфами. Бандит указал на открытую дверцу:

— Залазь.

Кридл послушно подчинился. Дверца захлопнулась.

— Руки.

Наемник протянул связанные руки сквозь прутья решетки. Как только пугы спали, Кридл потерял затекшие кисти.

— А поцеловать на прощание? — ехидно спросил он.

Головорез скорчил грозную мину и пошел обратно. Вскоре последний огонек света скрылся, оставляя Кридла в окружении самых причудливых тварей. Наемник раздосадованно пнул решетку. «Будь ты проклят! — злился он, прикоснувшись к глазной повязке. — Клетка с вонючей соломой? Серьезно?».

Кридл как никогда нуждался в помощи, но незадолго до самоубийственной вылазки, он попросил единственного друга где-то переждать бурю. Пискун всегда был рядом, даже когда Кридл сидел взаперти у Поллукса, а сейчас он и не представляет, где прячется преданный сокол. С другой стороны, сейчас у Кридла есть время обдумать свою опрометчивость, которая и привела его к такому глупому концу. Он всегда делал вид, что ничего не боится, всегда выглядел уверенным в глазах императора и его генералов, а на деле остался мальчишкой, который слепо доверился старому лжецу. Конечно, Призрак первым делом отправил послания всем, кто ненавидит Ферксию: Эрику, Конраду, Поллуксу, да даже Гидеону! Наверное.

— Дерьмо! — Кридл забарабанил кулаком по прутьям. — Дерьмо! Дерьмо! Дерьмо!

— Что за мерзкий девчачий визг? — послышалось из соседней клетки. — У моей дочки голосок поглубже.

— Очень смешно, — огрызнулся Кридл. — Надеюсь, она найдет мужчину под стать.

Раздался раскатистый смех.

— О да! У меня уже пятый внук, представляешь? А борода...борода-то какая будет! Всего два года, а уже с

пушком на подбородке.

«Борода? Пушок?». Кридл разочарованно выдохнул. Снова нелюдь, причем один из самых неприятных. Насколько он знал, многие люди думают, будто дворфы — закаменелые вояки, которые жизни не видят без хорошей драки. Все это ложь, чтобы убедить всех в их исключительности и непревзойденности. На деле же коренастые жители гор не только умеют закапывать противников в землю, но они также и прекрасные торговцы. Правда, им не хватает сдержанности и хороших манер для высоких должностей в торговых гильдиях или банках. Из-за этого у дворфов вечно возникают споры с гномами. Эти коротышки мать родную продадут, если за нее предложат хорошую цену. Вдобавок они чертовски умные, проворные, до безобразия злопамятные, что выводит из себя их старших собратьев. Кридл также знал один занимательный факт: дворфов и гномов нередко путают. Как-то раз дошло до войны: один барон назвал своего казначея дворфом, хотя тот являлся самым настоящим гномом. Все смеялись над мелочностью этого чудака. Казначей юмора не понял и взорвал к чертовой матери все поместье. Безумие и храбрость всю дворфийскую жизнь идут нога в ногу, поэтому в Ферксии они вне закона. В Жемчужине в том числе.

— Ты дворф? — уточнил наемник.

— Само собой! — возмутился нелюдь. — Ни один гном мне и в подметки не годится! Орном меня звать, а ты кто?

— Кридл. Я думал всех нелюдей, кроме чародеев давно выдворили из города.

— Да я просто мимо проходил, — простодушно ответил Орн. — Напился до свинячьего визга и... вообще котел не варил. Значится, пришла мысль ко мне — устроить дебош. Нарвался я тогда на огромного мужика. Ручища, как две колонны, грудь шире, чем целая телега, а рожа-то какая... — дворф перевел дыхание. — Рожа страшнее, чем у моей жены, но я ее все равно люблю, — незамедлительно добавил он.

Кридл тихонько усмехнулся. Обычно он встречал заносчивых ублюдков, которые считали себя умнее всех, а Орн показался ему не столько простым, сколько открытым. Кридл ценил искренность и ненавидел обман.

— А я вот, — начал наемник, перебирая пальцами монетку, — просто хотел грохнуть Эрика. Обошел половину страны, попадал в передраги, отсидел в тюрьме и из нее же потом сбежал. Ради того, чтобы все равно оказаться в клетке.

— У-у-у... — многозначительно выдал Орн, — стало быть, этот Эрик та еще заноза в жопе.

— Я тоже так думаю, — отозвался Кридл. — И все же выхода я пока не вижу.

— Разве? — донеслось из темноты вместе с брэнчанием цепей. — Эрик тут, а сбежать отсюда легче легкого.

— У меня нет ни ключа, ни отмычки.

— Незнакомец, а тебя звать как? — спросил дворф. — И почему ты в цепях?

— Никс, — ответил голос. — А цепи... Видимо, случайно прирезал пару тройку тупиц, которые думали, что оружие я ношу для красоты. — Никс негодуяше пнул металлическую миску. — Нужно поскорее выбираться, пока Эрик не сделал из нашей кожи новую сумку.

— Ключ у борова, — устало повторил Кридл. — Если ты владеешь секретной магией, то флаг тебе в руки.

Наемник услышал перешептывание, словно Никс с кем-то переговаривается. Он неуверенно спросил:

— Ты в порядке?

— В полном, и у меня есть идея получше. Мне нужна ваша помощь.

Монета в ладони наемника замерла. Слова Никса заинтересовали его, и в то же время насторожили. Доверия к новому знакомому Кридл пока не питал.

— Выкладывай, но учти, если...

— Да-да, ты найдешь меня и убьешь. Теперь выслушай.

Вместе с Эгоном Никс разработал план, по которому он должен был позвать тюремщика и сказать, что хочет поговорить с Эриком. Потом начать потасовку, вытянуть ключ и бросить к дверям одному из новых соратников. Замысел показался следопыту невразумительным бредом, но Падший упорно настаивал на успешности задумки. Как бы то ни было, иных идеи оказались еще хуже, и Никсу пришлось пойти на попятную.

С первого взгляда Орн и Кридл не казались теми бравыми героями, которых хлебом не корми, только дай совершить подвиг. Следопыт предположил, что дворф в клетке не торговец и не воин, а мальчишка-ферксиец, казалось, и вовсе всадит нож при удобном случае. Никс давно перестал верить людям и считал доверие роскошью. Обычно оно присуще простакам и дуракам.

Еще немного обдумав план, Никс загремел цепями. Пленники в клетках переполошились от громких звуков. Гоблины и кобольды вцепились в прутья и закричали, что есть мочи. Вэл однажды рассказал, как вывести из себя этих гнусных тварей: «Если хочешь привлечь внимание этого отребья, хорошенько стукни мечом о щит». Тюрьма за секунды превратилась в кричащий балаган, где к беснующимся кобольдам присоединились орки и уродливые зверолоды. Тюремщик, которого со слов Орна звали Неросом — ликейский перебежчик, — уже отворял дверь,

заодно поливая пленников отборной руганью:

— Закройте рты, мерзкие твари, а то я из вас мишени для луков сделаю! Паскуды! Гнилые отбросы!

Нерос ворвался с факелом в пещерку; его взгляд первым делом остановился на звенящем цепями следопыте.

— Веди меня к Эрику, толстяк. У меня есть еще кое-что для него.

Головорез зарычал и выхватил с пояса увесистую дубинку.

— Сначала я научу тебя как надо себя вести, бродяга.

Бандит решительно направился к клетке Никса. Следопыт не раз получал по лицу деревяшкой, поэтому приготовился стерпеть вспышку ярости охранника. Прежде чем снять замок с цепей, Нерос десяток раз саданул следопыта по спине и животу. В конце он смачно сплюнул на него.

— Не будь тут Мясника, я бы с тобой якшаться не стал. Вздернул бы на ближайшем дереве. Вставай, мразь! — Он снова ударил — на этот раз уже ногой.

Никс резко схватил Нероса с пояс и рванул на себя, однако не учел веса противника. Тот осклабился и швырнул следопыта в стену. Затем его рука опустилась на бок — стражник запаниковал. Пропали ключи.

— Нет, нет, нет...

В это время на шум прибежали несколько человек.

— Нерос, что за бучу ты тут устроил?

— Заткнись и отведи этого калеку к Мяснику! — зарычал в ответ Нерос, упав на четвереньки. Он освещал каждый дюйм в поисках пропажи. — Живо!

К счастью для тюремщика, связка лежала возле клетки с Кридлом. Тот с жалостливым взглядом смотрел на потуги бандита.

— Тяжело наверное жить, когда уже много лет не видел собственный член.

Лицо Нероса побагровело, он прицепил ключи на место и с размаху ударил дубиной по прутьям.

— Повезло тебе, сопля, что Эрик велел тебя не трогать. — И зловеще добавил: пока.

Дверь захлопнулась и Кридл облегчено вздохнул. Без сомнений, этот жирный мешок убил бы его без раздумий. «Интересно, сколько костей он переломал Никсу?».

— Эй, — шепнут дворф. — Достал?

— Да, коротышка, достал. — Между пальцев Кридл сжимал небольшой ключик. — Пора развлечься.

Некоторое время спустя...

— И кого ты приволок?! — кричал Никс, укрывшись вместе с Орном за толстым сталагмитом. Всюду бушевало пламя, тоннели были завалены трупами банды Эрика, а выжившие продолжали поливать болтами укрытие новоиспеченных товарищей. Следопыт изредка отвечал им из своего оружия. Перевес сил оказался не на стороне беглецов. Дворф же бесстрастно перезаряжал странного вида металлическую трубку. Его ловкие пальцы уверенно засыпали что-то в одно отверстие и доставали тусклый камень из другого. Орн обиженно посмотрел на Никса.

— Мы не могли бросить девушку в беде. Мужчины, — он высунулся из-за камня и нажал небольшой крючок на трубке. Раздался громкий хлопок, дворфийские руны засветились синевой, и голова одного из головорезов разлеталась на куски как дыня. Орн вновь спрятался. — Обязаны защищать слабых.

Ящики неподалеку взорвались, осыпав осколками разъяренных бандитов. Послышались вопли и плач.

— Да ты уже с десяток этих *слабых* положил! — Следопыт наугад стрельнул из арбалетов. Кто-то вскрикнул. — Вы бы хотя бы ее разбудили!

Орн сорвал с груди крохотную сферу и бросил через себя. И снова хлопок — да громче прежнего! В клочьях разнесло не меньше трех человек. Он сделал вид, что не расслышал следопыта, а может и правда не услышал посреди чудовищного грохота от дворфиских штучек. Никс бросил взгляд на лежащую перед ним женщину, которую Кридл додумался завернуть в плащ. Короткие взлохмаченные волосы, тонкие черты лица, легкий загар. Куча ссадин и ран не могли скрыть ее привлекательности, но было в ней и нечто опасное — огрубевшая кожа на костяшках, руки в племенных татуировках. «Чтоб тебя!».

До следопыта донеслись звуки чего-то тяжелого, будто бы сюда толкали таран. Он осторожно поднял голову, и его глаз широко раскрылся.

— *Трубка как у дворфа!* — закричал Эгон. — *Почему она такая огромная?!*

На место, где укрывались Никс и Орн разбойники нацелили дворфийскую пушку. Подстреленный Никсом бандит с кровожадной ухмылкой поджег фитиль.

— Орн... — Никс толкал дворфа в плечо, не сводя глаз с огромного механизма. — Надо уходить!

Орн с ворчанием смахнул руку и сам посмотрел, что происходит.

— Борода моей матери! Бежим!

За миг до выстрела они успели броситься в сторону. Сферический снаряд раскрошил камень и полетел дальше.

— Кха-кха, — Никс приподнялся на локтях. С ног до головы он покрылся песком и пылью, а в голове шум стоял такой, что даже Эгон не мог до него докричаться. — Ты живой?

Дворф застонал, перевернувшись на спину.

— Ох...девушка в порядке?

Никс посмотрел на разбитое укрытие. На земле лежал лишь оборванный плащ. Девушки и след простыл.

«Твою мать...».

Тем временем сквозь мутную дымку к ним приближались остатки шайки Эрика. Следопыт видел в их руках ножи и топоры, представлял лица, с которыми те будут разделять его и Орна. Эгон продолжал отчаянно что-то кричать; Никс из последних сил потянулся к арбалету. Один из разбойников наступил ему на кисть, а затем надавил. Никс зашипел от боли.

— Аргх, сука...

— Никс! — Орн поднялся и тотчас получил древком в живот. — Ах... — выдохнул дворф, падая на колени.

Следопыту повезло меньше — его ударили по лицу. Он распластался на земле и обречено смотрел, как над ним поднимается топор с блестящими алыми каплями на остром лезвии. Внезапно жилистая рука перехватила рукоять и вырвала оружие из рук головореза. Нагая, со свирепым оскалом незнакомка раскроила топором череп бандиту. Остальные и опомниться не успели, а девушка уже набросилась на них. Удар ногой с разворота сломал шею первому, второго она перебросила через себя и сломала ему руки, третьему досталось коленом в лицо. Движения воительницы показались Никсу знакомыми, словно он увидел призрака из прошлого. Следить за смертоносным танцем доставляло ему огромное удовольствие, несмотря на боль. Меньше чем за минуту от банды ничего не осталось.

Орн с открытым ртом таращился на спасительницу.

— Это...я...мы... — промямлил он.

— Я Кейла, — ответила девушка и помогла Никсу подняться. — Что тут происходит?

...По плану Кридл и Орн должны были помочь Никсу убить охранников, забрать оружие, обчистить запасы Эрика и незаметно сбежать, но у Кридла возникла иная мысль: он хотел убить врага империи в одиночку. Ни к чему остальным знать, кто его сюда отправил.

След Никса вел ближе к поверхности, где было больше свежего воздуха, и легкие не забивал смолянистый запах Ангельского мха. Соратники не встретили ни одной живой души, пока поднимались вверх по кривой каменной лесенке, однако наёмника не покидало стойкое чувство, что за ними наблюдают, словно у стен есть глаза. За всю свою короткую жизнь Кридл никогда не позволял страху взять вверх. Пускай некоторые передраги порой пугали до чертиков, он был уверен в себе. Сейчас уверенность неожиданно куда-то подевалась.

В размышлениях Кридл не заметил, как едва не налетел на члена банды, стоявшего за углом. Рука дворфа уберегла их обоих от ненужной стычки. Кридл осознал ошибку и благодарно кивнул. Теперь его черед тихо убрать преграду на пути. Одной рукой он резко обхватил шею головореза, а второй выхватил нож и хладнокровно вонзил в незащищенную подмышку. Наемник успел оттащить тело в темноту, прежде чем несколько дружков мертвеца с шумом вылетели из соседнего тоннеля.

— Вах! Видели, какую деваху Мясник себе отыскал? Красивше в жизни не видел. Жаль такую в расход пускать.

Остальные захохотали.

— Парни говорят, — начал один, — мол, Эрик язык хочет отчекрыжить бабе той.

— Ну и правильно, негоже девкам орать, когда их имеют!

И снова хохот.

Кридл стиснул кулаки, намереваясь броситься в драку. Орн крепче прижал его к стене и покачал головой. «Даже не думай», — говорил взгляд дворфа.

— А где этот кретин?

— Упился до беспамятства. Обычное дело, — тотчас прозвучал ответ. — Пойдем, нам еще товар грузить.

— А нам куда? — прошептал Орн. — Никс не оставил подсказок?

— Пойдем туда, — Кридл указал на проход, откуда вышли бандиты.

— Уверен?

Наемник кивнул.

— Чутье подсказывает.

Орн ругнулся на дворфиском и сплюнул.

— Чутье, чутье...Эти лабиринты действуют на нервы!

— Я думал, дворфы любят ползать под землей.

У Орна дернулось веко.

— Ненавижу ковыряться в грязи, — сквозь зубы ответил он.

...Промозглая пещерка могла навести страх омерзительной обстановкой: головы нелюдей на стенах, пятна крови на полу, запах протухшего мяса. Посреди этого ужаса на цепях висела обнаженная девушка. Все ее тело бесчеловечно исполосовали розгами и ножом, виднелись кровоподтеки на лице.

— Это не Никс, — выдал дворф.

— Да что ты? — язвительно ответил Кридл.

Наемник подошел проверить, жива ли пленница. Он облегчено выдохнул. Орн помог развязать девушку, а Кридл закутал ее в плащ и одновременно высматривал что-то необычное. В глаза бросилась небольшая позолоченная шкатулка, которую Эрик, по всей видимости, каждый день бережно протирает от пыли и грязи. В этот раз чутье подсказывало не прикасаться к этой вещице, но настойчивый голос в голове нашептывал соблазнительные обещания, если его вынесут из треклятых пещер. Злокозненный дух не ведал, с кем говорит: магический морок властвует только над людьми. Кридл тряхнул головой и засунул в карман таинственную шкатулку. Настало время расквитаться с Мясником.

— Эй, дворф, сможешь выручить Никса, раз уж оружие уже при тебе?

— А как же ты? Мы ж это... сообщники. Да и девушку куда девать?

— Ты справишься.

Орн нахмурился.

— Стало быть, расстаемся? Ладно, — Орн взял на руки спящую девушку, — удачи тебе, и до встречи.

Кридл кивнул и побежал к верхним пещерам с мхом. Он собирался прирезать толстого надсмотрщика и Эрика, и попутно все сжечь. Наемник прикоснулся к рукояти меча, заведя у выхода из тоннеля пару охранников. За их спинами множество людей корпело над выращиванием мха, у всех на лицах нацеплены маски, чтобы не вдыхать дурманящие пары. Кридла вырастили убийцей, тем, кто способен загубить жизнь ликейского мальчишки, но он считал, что то — неизбежность войны, а тут... Эрик выращивает смерть, уносящую сотни жизней подданных империи. Отец учил: когда стоит выбор между спасением тысяч невинных и собственной шкурой, лучше всегда рискнуть, потому что только так воин сохраняет частичку человечности.

Кридл напал стремительно. Пара точных ударов, и к списку мертвецов прибавилось еще двое. Пленные люди отпрянули в страхе перед ферксийцем, который вышел из тени по локоть в крови. Кто же знал, что по тоннелям ходит так много подручных Эрика. В безмолвном гневе охотник за головами сорвал факел со стены, чтобы потом кинуть в кучку высушенных растений, и велел всем убираться отсюда:

— Все вон, кретины!

Пламя жадно пожирало омерзительный наркотик, заполняя ядовитым дымом логово заклятого врага. С чувством выполненного долга Кридл обтер ладони о кожаный жилет и собирался уже уходить, как вдруг кто-то положил на плечо огромную лапищу, стиснув его так сильно, что Кридл скрипнул зубами. Наемник локтем попытался врезать неизвестному по лицу. Усилия оказались напрасными: локоть будто натыкался на непробиваемую стену сколько бы раз он не бил. Послышался смешок, а затем размашистый удар отправил Кридла в полет. С грохотом наемник влетел в гору пустых ящиков.

— Сопляк! — рявкнул Эрик, поигрывая мышцами. — Считаешь, совершил благое дело? — Мясник рассмеялся. — Ах-ха-ха! Эти пещеры я выбрал не просто так...

— Закрой. Свой. Рот! — Кридл с разбитой головой выкарабкался из-под завала и вытащил клинок. — Я избавлю мир от мрази вроде тебя! — Он словно пантера прыгнул на противника, однако тот с легкостью перехватил руку с клинком и вывернул ее.

— А-а-а! — закричал Кридл, опустившись на колени. — Ублюдок! Животное! Чудовище!

Эрик продолжал злорадно смеяться:

— Ах-ха-ха, глупец. — Он поднял Кридла над землей. — Взгляд как у матери.

— Да что ты знаешь?! — Наемник ударил ногой, и тотчас получил в ответ.

Глаза Эрика сузились.

— Я знаю о тебе все, а теперь отдай мне шкатулку.

— Пошел ты! — Крохотная сфера Мердока угодила Мяснику в лоб. Алхимический порошок разъял половину лица.

Будь Эрик человеком, он бы бился в предсмертной агонии. Мясник лишь свирепо засопел, ноздри расширились от переполнявшей его злобы; он размахнулся и впечатал Кридла в стол, который разлетелся пополам. На этом Эрик не успокоился: он нанес сокрушительный удар в челюсть наемнику, отчего тот едва не потерял сознание. Кридл не собирался сдаваться, он достал из голенища сапога нож и воткнул в бок Мяснику.

— Р-р-р! — Эрик сломал кисть упрямого врага.

— А-а-а! — еще громче завопил Кридл.

— Я не хочу тебя убивать, мальчик, но ты просто не оставляешь мне выбора.

Пока ферксийцы дрались друг с другом, удушливый дым проникал в каждый уголок древних пещер, губительный огонь выжигал запасы растений, еду, людей, которые не успели вовремя спастись. Тайное логово превращалось в преисподнюю, где с каждой минутой оставалось все меньше и меньше возможностей выбраться живым.

Никс бежал сквозь пылающий ад вместе с Орном и Кейлой, которая все же надела на себя мешковатые штаны. В благодарность за спасение девушка решила помочь выручить неразумного товарища. Оказавшись в том месте, где Кридл и дворф разделились, следопыт резко замер и схватился за голову.

«Что такое?».

— *Оно здесь!* — В голосе Эгона явно чувствовалось нетерпение. — *Совсем рядом.*

Никс услышал болезненный крик. «Кридл...». Он бросился на шум и вскоре увидел расплывчатые силуэты. Они боролись; один прижал другого к полу и пытается убить. Орн уже снял с плеча оружие и прицелился.

— Стреляй! — выкрикнул следопыт. — Стреляй же!

— Я не хочу тебя убивать, мальчик, но ты просто не оставляешь мне выбора.

За спиной Эрика раздался хлопок. Кисть Мясника разлетелась на опметки.

— А-а-а! — заорал он. — А-а-а! Сука-а-а!

Тотчас из непроницаемого серого дыма стрелой вылетел Никс, врезавшись плечом в Эрика. Непримиримые враги намертво вцепились друг в друга. Следом выскочили Орн и Кейла. Девушка первым делом побежала к Кридлу и взвалила его себе на плечи.

— Что дальше?

— Кха-кха, уходим, — ответил дворф, плотнее прижав маску к лицу, — а то скоро тут все взлетит на воздух. Никс как-нибудь справится.

В то время, пока Орн и Кейла стремглав неслись к выходу, Никс до последнего боролся со своей добычей, которую преследовал долгие двадцать лет. Мясник даже с одной рукой умудрялся наносить сокрушительные удары, крошащие камень в мелкую пыль, а Никс отвечал ударом на удар, отчего Эрик сильнее свирепел. Оба кашляли, обоим в глаза въедался липкий смрад гари, из-за которого им приходилось биться почти вслепую; все вокруг горело. Мясник уже давно должен был умереть от потери крови, но он упорно сопротивлялся, сдавив горло следопыта. Кровь из разорванной кисти уходила куда быстрее, чем Никс не преминул воспользоваться, схватившись за раскороченную рану и вдавив в нее большой палец.

— А-а-а! — Вновь своды пещеры огласил звериный вой тем не менее Эрик продолжал ожесточенно душить Никса. Тот был не готов мириться с поражением.

— *Никс! Никс!* — лихорадочно повторял Эгон. — *Я не хочу вот так сдохнуть!*

Следопыт пытался нащупать что-нибудь перед собой: оружие, камень, деревяшку. Кроме сухих комьев мха рядом с ним ничего другого не оказалось, поэтому он пихнул в лицо Мясника горсть дурманящего растения. Эрик на мгновение разжал хватку, и Никсу этого вполне хватило, чтобы самому вцепиться в противника. Он притянул голову Мясника и мощно ударил лбом по носу, а затем опрокинул его на спину. Главарь банды с гримасой боли беспомощно лежал в собственной крови и дожидался скорой расправы.

— Лисандру так же убьешь, а? — Эрик закашлял. — Кха-кха, вот будет потеха.

Никс поднял нож и приготовился перерезать глотку давнему врагу. Он не желал выслушивать гнилые слова убийцы Вэла.

— Знаешь, — Мясник оскалится, — твоя ведьма кое-что скрыла от тебя.

Рука Никса дрогнула. Эрик заметил секундную слабость и продолжил:

— Я не хочу драться. Просто выслушай!

— *Нет!* — Влез в разговор Падший. — *Он несет чепуху, тянет время, чтобы ты тут задохнулся. Убей его!*

Никса охватило смятение. Чтобы Мясник? Да просит выслушать?

— *Обман...*

— *Ловушка...*

— *Смерть...*

Голоса в голове следопыта завывали громче прежнего. Он затряс ей, надеясь заглушить зов.

Эрик тем временем кое-как поднялся, он был уже в шаге от смерти. Одним неведомым чудом душа по-прежнему оставалась в теле. Мясник увидел, как противник теряет остатки самообладания.

— Дай мне все объяснить. — Пока он говорил, огонь запылал почти во всех тоннелях. — Неас, не слушай тварь у себя в голове.

— *Ложь! Червяк спасает свою шкуру!*

Никс направил острие ножа в лицо Эрика.

— Не-е-ет, — зловеще прошипел он. — Я вырежу твое сердце за то, что ты сделал.

Ответом стал хриплый смех Мясника. Эрик неожиданно для Никса влетел в него, впечатав в стену, и несколько раз ударил по лицу. Следопыт без сил рухнул у ног противника.

— Ты сам виноват.

— Убью... — Никс схватил Эрика за ногу. — Убью...

Эрик взял следопыта за шиворот и бросил в огонь.

— *Вставай! Никс, ты слышишь?! Мы горим мать твою!*

- Что...Что происходит? — Следопыт болезненно приподнялся. — Черт! — резко выкрикнул он, смахивая пламя с плаща. — Где эта мразь?

— *Да какая разница?! Пора сматываться!*

Никс недовольно зарычал, но сейчас не время для препирательств — огонь пожрал почти все убежище.

— Тогда веди.

Следуя подсказкам Эгона, следопыт отыскал и плечом выбил люк на поверхность, где без сил рухнул на землю. Прохладный утренний ветерок обдувал измазанное сажей лицо; на востоке забрезжил рассвет; красноватые лучи восходящего солнца сквозь перистые облака яркой полосой побежали по водной глади Жемчужного моря. «Прикрыть бы глаза. Хотя бы на минуту». Однако несмолкающие крики битвы до сих пор доносились из города, будто сражение вот-вот началось. «Слишком опасно...»

Никс натужно поднялся и, хромя и выкашливая из себя черную слизь, доковылял до песчаного пляжа, где его ожидали Орн и Кейла, у ног которой мирно спал Кридл. Никс заметил, что мальчишку тщательно перевязали и обработали все раны. Теперь он мог рассмотреть лицо: гладкое, красивое, почти без шрамов, не бледное, как у всех остальных ферксийцев, а более смуглое. «Да и волосы не черные».

Воительница без лишних слов собирала вещи в несколько мешков, которые, по всей видимости, парочка прихватила при побеге, а Орн приветливо обнял следопыта, будто старого приятеля, отчего Никсу стало неловко, ведь он знал дворфа всего несколько часов.

— Живехонек! Я же говорил, что он выберется, — обратился он к Кейле.

— Ага, — не отрываясь от дел, ответила девушка, — только не помню, когда ты это сказал. То ли после слов «Сваливаем отсюда побыстрее» или «Он уже труп».

Дворф недовольно отмахнулся.

— Не слушай эту девку. Дурная она на язык.

— Но у меня хотя бы яйца есть.

— Ах ты...

— Хватит уже, — устало бросил Никс. — Что с пацаном?

— Жить будет, — с хмурым видом произнесла девушка. — Его будто медведь растерзал.

Никс плюхнулся на песок, глядя на уходящие за горизонт корабли. Он почему-то был рад, что Кридл остался жив. Вместе с тем сотни тревожных мыслей продолжали пробегать в его голове: что хотел сказать Эрик? Почему он не хотел драки? И кто за ним стоит? Тьма новых вопросов. А кто на них ответит? Посредник наверняка ушел, да и условия сделки Никс не выполнил.

— *Мальчишка славно потрудился,* — после недолгого молчания произнес Эгон. — *Сокровище у нас.*

«Что?...». — Никс не понимал, о чем толкует бог.

— *Кольцо, Никс, кольцо в шкатулке. Она у него. Я чувствую.*

Следопыт облегчено выдохнул, поглядел на Жемчужину и улыбнулся. Кусок камня в груди ожил. Неужели он все же сможет отыскать Лисандру?

В небо взметнулись стрелы ликейского воинства, из города доносились крики, снаряды дробили камень, чародеи без устали швыряли во врагов потоки искрящиеся энергии.

«Кто бы с кем не воевал, величественные стены всегда выстоят», — подумал Никс, провожая взглядом огромный синеватый шар из молний, который вырвался из главной башни Академии.

— Эй, Никс, — позвал Орн. — Я тут обыскал арсенал и наткнулся на изумительную вещицу. Хочу показать.

Следопыт обернулся.

— Что еще?

Орн достал из кармана небольшой камешек.

— Руна активатор! — торжество объявил он.

Никсу стало не по себе. Он осторожно спросил:

— Активатор чего?

— Взрывчатки, разумеется! — Дворф захохотал. — Я что, не рассказывал, за что меня посадили?

В глазах Кейлы впервые появились эмоции. Девушка испуганно посмотрела на Орна.

— Орн, — промолвила она, — ты же знаешь, что под городом газовые залежи?

— А? — переспросил тот, прошептав несколько слов на родном языке. Руна засветилась красным.

Раздался глухой подземный толчок, потом еще один — более сильный. Череда взрывов оглушительной волной устремилась прямо к Жемчужине. Троица ошеломленно наблюдала, как трескается земля, как деревья падают в расщелину, как в небо устремляются высокие столбы огня. С поразительной скоростью чудовищный огненный поток налетел на город, сметая все на своем пути. Через минуту на воздух взлетели дома, шпиль Академии разлетелся на куски, дворец наместника камнепадом обрушился на тех, кто еще сражался. Когда скопление убийственной мощи достигло черты, произошел взрыв; древний город превратился в колоссальную воронку, тысячи людей оказались погребены под завалами. Эхо докатилось до Никса и его товарищей за считанные секунды. Они едва успели броситься на песок, Кейла закрыла собой Кридла. Резко стало тихо: сражение кончилось, орудия больше не стреляли, люди не кричали, даже шум ветра на секунду смолк.

Никс поднялся, стряхивая с себя хлопья пепла. Он впервые увидел такие чудовищные разрушения.

— Все из-за пожара в пещерах, — сказала Кейла и села на песок.

Дворф и сам не ожидал подобного. Он таращился на горящее кладбище, и вдруг его лицо засияло.

— Я уничтожил город, — полусшепотом произнес Орн. — Сиськи богини камня, — он упал на колени и воздел руки над головой, — я уничтожил город!

Никс опустошенно взглянул на своих новых спутников.

— *Ах-ха-ха*, — глумился Эгон. — *Друзья, которых ты заслужил.*

«Пошел ты...».

Глубокая ночь. Одинокий мужчина сидел возле костра и разглядывал прожаренную сочную тушку кролика над огнем. В его безжизненных серых глазах отражались блики пламени — сам он давно не чувствовал тепла. Он вообще ничего не чувствовал. Странник равнодушно поднес руку к трескучему огню. Ни один мускул на бледном лице не дрогнул. Мужчина задумался, сколько же лет прошло с тех пор, как он превратился в живого мертвеца, который по указке ведьм исполняет любые прихоти Видящей. Впрочем, он не жалел ни о чем. Кольцо на пальце засияло, словно поощряя его мысли.

Посланник ведьм пришел, чтобы встретиться со старым знакомым, с которым ему предстояло выполнить приказ, но короткая прогулка до города обернулась живописным взрывом порта. Теперь он размышлял, выжил ли Эрик или погиб, хотя ему плевать, ведь эмоции исчезли. И тем не менее Мясник владел крайне важными реликвиями, одну из которых Видящая вручила в дар в обмен на службу. А если Эрик мертв, значит, придется копаться в мусоре, пока артефакты не будут найдены. Если бы странник оставался человеком, он бы был вне себя от ярости, и все же он расстался с частью человеческого не просто так. Услышав подозрительный шум, мужчина вытащил нож и не глядя метнул в темноту. Оружие врезалось в дерево и прошло навывлет. Раздалась чья-то брань. Странник узнал голос. «Тупой мерзавец не подох-таки».

Скулящая гора мышц выползла из темени. Эрик, словно побитая собака, рухнул у ног странника, протягивая уродливую культю.

— Конрад...помоги.

Конрад безразлично сдвинул рану Эрика и произнес заклинание. Змееподобные создания вылезли из-под кожи бывшего капитана и с пронзительным визгом вгрызлись в плоть Мясника. Тот невольно попытался отпрыгнуть, но хватка Конрада была не слабее драконьих челюстей. Прошли мгновения, прежде чем из кровавого месива проявилась новая кисть.

Видящая даровала слугам силы в разы превосходящие любые возможности смертных, а кольцо из Хранилища, которое Конрад отыскал по пути к столице после резни в Фоусте, лишь усиливало и без того невероятную мощь. Он щелкнул пальцами — пламя стало больше. Эрик благодарно кивнул, шевеля отросшими пальцами.

— А лицо?

Конрад ответил тусклым голосом:

— Обойдешься. Ты нашел то, зачем тебя сюда прислали?

Эрик тихо зарычал.

— Ты бесполезен, — сказал Конрад и перевернул тушку. Он не понимал, почему Видящая держала этот отброс при себе, если можно отыскать бойцов много умнее. Да, тут дело не в колдунье, а в его не угасшей частичке

души. Она подсказывала, что Конрад *нуждается* в Эрике, пускай он сам этого не признает. Гидеон называл это братскими узами.

— Неас забрал кольцо, — угрюмо произнес Мясник.

— Раз артефакт у него, значит и Посредник пойдет следом. Он уже много собрал?

— Достаточно, — тихо отозвался Эрик, увидев неподалеку от костра изуродованный труп.

— Тогда отберем все, — черно-зеленое пламя вспыхнуло в глазах Конрада, — и упокоим ублюдка раз и навсегда. Сокровища Эгона принадлежат Видящей.

Часть III

Перекресток судеб

Противоядие от невежества

Когда я впервые услышал историю из уст Тилия, то не поверил своим ушам. А вы бы поверили, скажи вам, что шайка оборванцев разнесла на куски целый город вместе с ликейским царем и всем населением? То-то же! Хотя в глубине души я позволил себе немножечко позлорадствовать. Все дело в упрямом, недалёковидном, невежественном, старом и воняющем болотной тиной гноме. Видите ли, «великому» Мердоку не понравился труд всей моей жизни — «Наиправдивейшая история континента». Скорее Жемчужина уйдет под землю, чем я признаю эту наглуемую ложь! — прокричал мне в лицо (Хе-хе, вернее, в живот) Мердок. Что ж, судьба сама нас рассудила, но надеюсь с гномом все в порядке (что-что, а бурда его внучки пришлась мне по вкусу. Эх, еще бы разок глотнуть...).

Итак, я немного отвлекся. Я бы хотел сделать небольшую заметку. А заметка эта будет предупреждением. Слишком много шарлатанов и лжецов появилось за последнее время в науке. А почему? Одно слово — образование! Теперь знание считается привилегией, за которую надо бы высыпать сундук золотых монет прямо на стол ректора. Немыслимо! А что еще хуже: теперь почетный лист выпускника можно купить! Поэтому и находятся умники, «обучающие» молодых лордов и леди. В лучшем случае обманщик обернет до нитки наивных родителей, а в худшем — породит болвана, убежденного, что гномы вылупляются из камней, а дворфы — это гномы, которые много едят.

Знание — наивысшая ценность, которой достоин каждый человек. В особенности важно помнить историю и разбираться в картах. Иначе получится как у Феликса Фрога и его друга дворфа Брума Камнежуя в их приключении вокруг света за восемьдесят один день (к вашему сведению, я обошел весь мир за восемьдесят). Не держи Фрог карту верх тормашками, не сел бы на мель у Пламенных Островов. А держал он ее верх тормашками потому что изрядно выпил, а выпил он по уважительной причине: выказать почтение пиратскому королю. Это крайне важно, ведь не сделай он этого, пираты бы скинули их в море. Читатель наверняка спросит: уважаемый Йон, причем тут история и география? Да не при чем! Этот назойливый плут хотел меня обойти! Ха, будет знать, что иногда водить дружбу с разбойниками бывает полезно (и я тут вообще не при делах! Фрог сам нарвался на «Бородатую жемчужину». Кхе-кхе, ну почти).

Ладно-ладно, по молодости я был тем еще пройдохой. История с Фрогом — не более чем смешное недоразумение. А вот рукописи моих коллег порой доводили меня до белого каления! Ну вот скажите мне, как можно написать научный трактат о драконах, основываясь на глупых рассказах крестьян? Что ж, моему товарищу по цеху это удалось. Вот небольшая выдержка:

Дракон — гордое и опасное создание, обладающее острым умом, и тем не менее дракон имеет некоторые слабости (ну давай, расскажи-ка мне о слабостях дракона, пустозвон недоделанный!). Первым делом при встрече с драконом оставайтесь недвижимым (ага, чтобы дракону было проще тебя сожрать). Старайтесь смотреть ему в глаза: так дракон убедится в вашем бесстрашии (скорее, вы так проявите свое неуважение. Если красный дракон просто поджарит, то черный будет медленно откусывать от вас по кусочку. Да, Георг, продолжай. Это замечательная книга для смельчаков, которым наскучила жизнь, но принять аконитовую настойку не позволяет их геройская натура).

Всем известно, что слабое место дракона — его гордыня. Заставьте его сомневаться в своих силах! (о-о, даже не думайте! Если поделить вес лапы дракона на смертоносность и скорость, а затем умножить ее на гнев тысячелетней ящерицы, получится мокрое окровавленное пятно). Однако если чудище осталось невозмутимым, верный способ убить его — ударить копьём ровно в грудь. Чешуя в том месте мягкая, и пробить ее сможет даже ребенок (так мне неподвижно яляться ему в глаза или с криком нестись на него с копьём? А если у меня меч, а не копьё? И откуда взялась сказка про «мягкую чешую»? Броню на груди не пробьет и таран. С большей вероятностью обломок копья отскочит от дракона и воткнется вам в ногу).

Есть еще хитрость, чтобы усыпить бдительность дракона. Ящера можно задобрить, принеся ему в дар драгоценности или молодую девушку (Хм-м, два блюда по цене одного). Блеск золота ослепит его, что даст возможность напасть (о Создатель, на кой дракону золото? Вы давно дракона на рынке видели? Может он украшает камнями доспехи? Нет? А может, раздает монеты крестьянам? Георг, завязывай писать эту чушь! И кстати, с чего это все взяли, будто дракону есть дело до возраста? Вот если б девушка была тучной... кхе-кхе, простите).

Мораль сей истории: читайте хорошие книги и не верьте каждому слуху. У вас должна быть своя голова на плечах. И нет, дракона в этой книге не будет. Даже не просите!

А тем временем история принимает неожиданный оборот. Теперь Никс не один, но его история ненадолго уйдет на второй план. Все дело в том, что есть еще один герой, играющий важную роль в становлении славного отряда наемников, чье название у всех на слуху (и которое я забыл).

Так вот, история начинается...

2152 год Новой эры. Хоэнтвиль — столица Ферксийской Империи.

Пожар. Разрушения. Боль. Хоэнтвиль пылает в огне междоусобной войны. Ферксийцы с упоением убивают друг друга: брат идет на брата, сын на отца. Единство утеряно, восстание провалилось. Верные императору гвардейцы и жители сминают шаткие ряды защитников свободы, мирной жизни. Пути отхода перекрыты; тлеющий уголек надежды погас.

— Предатели! Убить их! — с покрасневшими от злобы и ненависти глазами вопит толпа. — Казнить! Император покарает вас!

— Слава Оттону! — кричат ликующие воины. — Пленных не брать!

Грязные, напуганные мальчишки продолжают сжимать башенные щиты со стертым гербом империи. Их глаза полны решимости; они готовы умереть за свои идеалы. Храбрые, стойкие, верящие в мир юнцы через страх, через боль, через слезы выставляют пики вперед.

— Мама, — шепчет один из них надломленным голосом. Едва ли он пережил двадцатую зиму. — Прости, — рука с оружием дрожит, — прости меня.

Звучит боевой горн. Под громоподобные звуки посреди негнбаемого воинства взмывает ввысь новый флаг — сияющее солнце с крыльями ангела. Недовольный гул кровожадной толпы усиливается; плевки летят в сторону мятежников; гвардейцы приготовились пойти в последнее наступление.

— Стоим до конца! — ревет в ответ командир восставших.

Маркус. Он стоит в первом ряду, по его бороде стекает кровь, лицо исполосовано мечами. Великий воин, славный предводитель и верный соратник, который решил погибнуть, отстаивая забытые империей принципы. — Кто мы?!

— Войны! — кричат в ответ мальчишки.

— Я не слышу! Кто мы, мать вашу?!

Страх сходит с лиц гордых ферксийцев. Все как один проревели:

— Войны!

— За что мы бьемся?

— За свободу!

Маркус опустил покореженное забрало.

— Мы не бежим от смерти! — Он стучит древком о камень. — Мы не дрогнем перед фанатиками! — Стук стал громче и яростнее. — И нас не страшит Создатель, — полупшепотом добавил ферксиец, выставив копьё.

Терпение преданных Оттону людей иссякло. Никто не вправе порочить имя великого императора! Разгоряченные гвардейцы вместе с озверевшими жителями бросились в самоубийственную атаку. Ни строя, ни плана, ни взаимопомощи. Необузданная сила многотысячной толпы неслась навстречу мятежникам.

— Смерть вшивым предателям! За императора!

— Покажите этим псам железную волю сынов Ферксии! Сомкнуть щиты!

Армии столкнулись.

1271 год Новой эры. Неподалеку от Жемчужины.

— Господин? — Темный эльф коснулся плеча Посредника.

Ферксиец нехотя открыл глаза. Сон не принес покоя, лишь новые кошмары. Все еще уставший он встал с постели, умылся, поглядел в грязное зеркало. Вздулись мешки под глазами, но глаза стали злее, а щетина приобрела свинцовый блеск. С каждым днем он ощущал, что жизнь по крупницам уходит, оставляя пустую оболочку. От бывшего свирепого война не осталось и следа.

Посредник оперся руками о чан с водой, опустил голову и прислушался к стуку сердца. Тишина.

«Надо уже перестать надеяться».

— Что нового, Укаре? — Он развернулся к телохранителю, тряпкой стряхивая холодные капли с жилистой шеи и плеч. — Неужто кто-то жив остался?

Эльф покачал головой.

— От города камня на камне не осталось, — на ломаном ферксийском ответил он. — Если Поллуке или кто-то еще уцелели, то благодаря магам. Я принес дурные вести. — Эльф кинул на стол окровавленный медальон. —

Рата мертв. Тело изрезано уже после смерти.

Посредник взял воинский знак и покрутил в руке. На нем красовалась руна «Кво» — око, укрытое ветвями, — принадлежность эльфа к школе Ищущих путь. Обычный смертный не смог бы разглядеть последователя Пути. Посредник нахмурился, сжал медальон в кулаке.

— Как изрезали тело?

— Разделенный на три части круг. — Укаре ткнул себя в грудь. — Прямо тут. Одна часть — капля, вторая — солнце, а третья... — Он задумался. — Не знаю, на что это похоже.

— Небо, — ответил Посредник. Сомнений нет — Конрад пришел по его душу. Ферксиец сурово посмотрел на телохранителя. — А Никс? Он жив?

Укаре кивнул.

— Даже больше. Он собрал небольшой отряд. Сейчас они на побережье, залечивают раны.

Посредник искренне удивился.

— Да? Вот уж не думал, что Никс сможет терпеть возле себя живых людей. А кто там, если не секрет? — Ферксиец налил в кружку воды.

— Дворф-пиротехник, женщина с татуировками на руках и мальчишка с повязкой на глазу. На вид иллариец.

Посредник поперхнулся.

— Кха-кха, мальчишка?! С птицей?

— Небольшой белый сокол...

— Дерьмо! — Посредник быстро накинул на себя рубаху и сапоги. — Где мой сюртук? Укаре!

— Вчера вы хотели бросить его в огонь, господин, потому что он провонял дымом. Сюртук снаружи, проветривается.

После взрыва Посредник был вынужден ненадолго залечь на дно. Обветшалый дом в глухой чаще, покрытый мхом и плесенью, виделся ему неплохим убежищем, а из-за непредвиденных случайностей отдых пошел насмарку. На всем континенте проживают тысячи людей и нелюдей, но Никс неведомым чудом умудрился встретить именно этого мальчишку! Именно этого чокнутого гнома и дикарку с Пламенных островов! У судьбы скверное чувство юмора.

Ферксиец упал на четвереньки, заглянул под кровать, приподняв простынь. Клубы пыли полетели в лицо.

— Тьфу ты! — Он сплюнул. — Гадость какая! Где португез и револьверы? Укаре!

Эльф и бровью не повел.

— Вчера вы хотели выкинуть их в самый глубокий ров, господин, потому что у них заклинил механизм. Я все смазал. Они дожидаются вас на веранде.

Что б его, этого эльфа! Хоть бы раз сделал что-нибудь не так! Нет же, он и ночной горшок вынесет, если попросить.

Недовольно бормоча проклятия себе под нос, Посредник вышел на веранду. Лучи утреннего солнца весело пробивались сквозь зеленые кроны, роса искрилась, высыпала на листьях и травах, блестела серебром на паутинках, птицы насвистывали звонкую мелодию, приятный ветерок щекотал лицо, как распустившиеся волосы молодой девушки. На миг ферксийца охватило спокойствие, будто он снова стал живым. Глубокий вдох; глаза прикрыты. В памяти всплыли яркие воспоминания былой жизни: семья, боевое братство, вера в будущее. Прошлое стало реальным, а все остальное — дурной сон, шутка Создателя. Как хорошо... слышен стук в груди, отец с улыбкой ждет у порога, мама готовит ужин, сестра хвастает новым ухажером. Да, вот сейчас он откроет глаза и — все как прежде...

Блеск в серых глазах потух, взгляд стал удрученным. Костяшкой большого пальца Посредник утер одинокую слезу. Стоило ли продавать душу ради спасения дома? Достоин ли он спасения? Истлела вера в людей, в их путь и устремления.

Ферксиец посмотрел вдаль. Огромный столб черного дыма возвышался на месте Жемчужины. За одну его дом, превратился в кладбище, по следу идет заклятый враг, глупого мальчишку вравили в неприятности, Никс вышел на след... Нет уж! Сколь трудным не был бы путь, сломить истинного сына Ферксии невозможно. Эгона ждет забвение, а обещание старому другу не будет нарушено.

Посредник нацепил португезу, сорвал с гвоздя сюртук и решительно надел его, по старинке закатав рукава. Револьверы лежали на ветхом столике. Изумительная работа дворфийских мастеров: особую сталь покрывали руны против чудовищ, барабаны заряжены чародейскими пулями (один выстрел прошибает даже латы), резная рукоять из красного дерева. Смазанные, начищенные до блеска и готовые сокрушить любого врага. Ферксиец взял в руки волшебное сокровище; металл засиял от прикосновения.

Он пристегнул револьверы и провел рукой по волосам. Стоп!

— Укаре!

Эльф появился за спиной Посредника.

— Да, мой господин.

— Где моя шляпа?

Укаре остался невозмутим.

— Вчера вечером вы велели разодрать ее на части, потому что она натерла вам лоб, но... — Эльф нырнул за порог и через секунду появился вновь — со шляпой в руках. — Она вам еще пригодится.

Посредник ворчливо принял дар и тотчас нахлобучил на голову.

— Вот теперь я готов.

— И куда мы направимся?

Ферксиец дерзко улыбнулся.

— Конраду пора преподавать урок, а потом, — сильный порыв ветра раздул полы сюртука, — Никсу понадобится помощь.

— А вы не боитесь, что он убьет вас?

Громкий смех разнесся по округе:

— Ах-ха-ха! — Посредник чуть надвинул край шляпы на глаза. — Пусть попробует.

2152 год Новой эры. Хоэнтвиль — столица Ферксийской Империи.

Избавление. Освобождение. Триумф. Хоэнтвиль пылал в огне очистительной войны.

Подлые предатели обрушили мощь армии на императорский дворец. Братский народ истребляет друг друга, но сердце не трепещет, не сжимается от горечи и тревоги. Разум заботят сладкие обещания ведьмы.

Алый от крови клинок вновь опускается; отсеченная голова мятежника катится по дороге.

«Так вам и надо».

Их кличи: «За свободу!», «За Ферксию!» пробуждают чудовищную ненависть. Ее не сдержать. Она гонит и гонит вперед, словно морковь глупого осла. Где вы были все эти годы? Почему сейчас, когда все разрушено, вы решили сразиться?

«Глупцы. Оттона не остановить. Он всемогущ, а теперь и всеведущ».

Омерзительный флаг с ангельскими крыльями поднимается над шеренгами мятежников. Как же они не понимают: Ферксия возвысилась благодаря силе, жесткому подчинению и страху. Мир? Это детская сказка, где все прислушиваются друг к другу. Только сильный достоин править, только сильный заслуживает жить, потому что таков закон природы — выживает сильнейший.

Еле слышный шепот раздается в глубинах сознания:

«Правильно, ненавижь их, презирай их, исполни свое предназначение...».

Кольцо на пальце обжигает, испускает пурпурный туман. Те, кто бьются рядом, умирают даже от слабого вдоха. Это цена за желание вернуть душу из мира мертвых — стать носителем проклятия, острием кинжала, гончей войны.

Меч погружается в тело мятежника. Мальчишка корчится на длинном лезвии. Рукоять проворачивается; в глазах предателя видится отчаяние. Он пытается что-то сказать, но на губах появляются лишь пузырьки крови.

«Вы плата за мою семью».

«Да-а, теперь Гретта в безопасности, Курт. Бесподобная роль, малыш, бесподобная».

Звуки горна. Онемевшая рука опускается от усталости; доспех в крови; лицо тоже. Подкрепления ринулись зажимать мятежников в тиски. Вдалеке слышен гул механизма закрывающихся врат. Восстанию конец.

— За императора! — кричит толпа. — За Оттона и империю!

— Смерть предателям!

— Казнить! — громко визжит женщина со стальной трубой в руке.

Гвардейцы окружают остатки войска. Они грозно выставляют копыта и алебарды. Толпа ликует, требует расправы. Командир вражеской армии кричит в ответ:

— За что мы бьемся?

— За свободу! — вторят верные ему ферксийцы.

«Свободу? Наивные простаки. Вы все сдохните тут. Все до единого! А Гретта будет жить».

Гретта...

Ее имя заставляет усомниться на миг.

«Помни о своем обещании, иначе все умрут».

Гвардейцы ровным строем идут в решительное наступление. Люди за их спинами подбадривают своих защитников, проклиная врага и восхваляя Оттона. Это триумф Ферксии, новая ступень к величию и

процветанию. Мышцы вновь наливаются силой; рука с клинком взмывает вверх.

— Покажите им свою ярость!

Армии столкнулись.

1271 год Новой эры. Неподалеку от Жемчужины.

— Вставай. — Сильная рука хлопает по плечу. — Пришло послание.

— Еще раз тронешь меня, отрежу руку, — не открывая глаз, равнодушно ответил Конрад.

Эрик. Раньше это имя вызывало восхищение, трепет. Сейчас же нет ничего, кроме бездонной пустоты, однако в глубине души осколок былой жизни все еще ощущает. Ощущает возмущение, недовольство. Или это просто воспоминания о чувствах?

Конрад поднялся с земли, посмотрел на небо. Солнце взошло, легкий ветерок обдувает лицо, птицы щебечут. Много лет назад рассвет бодрил, придавал уверенности, вселял надежду, а сейчас...сейчас бесцветные глаза видели такой же бесцветный мир: все серое, прогнившее, безжизненное. Вместо пения — завывания, вместо тепла — могильный холод, вместо улыбок и веселья — звуки раздираемой плоти. Как не сойти с ума от голосов в голове?

— Что за послание?

Эрик протянул небольшой сверток. Содержание не вызвало никаких чувств.

«Хозяйки готовятся к ритуалу. Надо поспешить отыскать Посредника и забрать артефакты».

— Ты знаешь, где может прятаться Посредник?

Эрик поскреб лысину.

— Если только в разрушенном доме. Он в одном-двух переходах отсюда.

— Веди.

— Но я еще не поел... — заныл гигант.

Конрад взглянул на котелок над огнем. Пища? Да, смертные должны есть и спать. Он постоянно об этом забывает. Двадцать лет назад он съел свой последний ужин — печеный картофель с прожаренным куском мяса. Поросенок, кажется. Интересно, почему он это помнит?

— Тебе хватит получаса?

Эрик кивнул с набитым ртом.

Ферксиец оставил товарища и побрел в сторону лесного озерца. Он не мог оценить природную красоту, но у воды ему было проще собраться с мыслями. Вода успокаивала, открывала дорогу воспоминаниям.

Бывший капитан встал на колени на песчаном берегу; гул в голове стих. В академии так называли офицерскую медитацию. От ферксийской муштры не так-то просто избавиться, даже после смерти. Он посмотрел на прозрачную, неподвижную гладь. Отражение омерзительно ухмыльнулось.

— О-о-о, кто это тут у нас? Оловянный солдатик на побегушках у трех старых развалин.

— Вот и ты — надоедливый голос из прошлого. Снова пришел позлорадствовать?

Отражение захихикало:

— Хе-хе, да как я могу? Просто вспомнил изумительный вкус печеного картофеля. Как, кстати, самочувствие?

Хорошо питаешься? Ах-ха-ха! — Отражение оскалилось. — А спишь как? Кошмары не мучают?

— Зачем ты пришел?

— Как зачем? — возмутился двойник. — Из жалости конечно! Я же часть тебя, кретин. Нет! это *ты* часть меня.

Конрад потряс головой.

— Уходи. Я хочу побыть один.

— Нет, не хочешь. — Двойник стал серьезным. — Мы части одного целого. Ты хотел забвения, вот и получил. Из-за жалости к себе мы теперь «такие». Ну да, ты обладаешь несравненной мощью, впрочем, оно того стоило?

— Ты ложь. — Конрад закрыл глаза. — Просто призрак.

— И я нужен тебе. Вот почему ты приходишь к воде. — Двойник сощурился. — Чтобы увидеть лицо. Истинное, живое...

На воду опустились утки; рябь исказила отражение: теперь Конрад глядел на равнодушную статую. Ни один клинок не ранит его, ни один яд не свалит с ног, ни одна морщинка не появится на безупречном лице. Воистину, он еще на шаг приблизился к совершенству. Скоро воспоминание уйдет, и настанет покой, который ему обещали. Но прежде нужно исполнить клятву.

Конрад поднялся, потирая алый рубин на рукояти.

— Спи и не вменяйся, жалкий трус.

2152 год Новой эры. Тронный зал.

Цепи на руках, голова опущена. Отрешенный взгляд утыкается в пол. Узоры на нем переплетаются, отделяются от холодного камня и плывут по воздуху, а затем сливаются в единый рисунок — удавку. Ее вот-вот набросят на шею. Ком застрял в горле.

— На колени! — громогласно приказывает знакомый и одновременно чужой голос. Когда-то давно он вдохновлял.

Гвардеец позади едва сдерживает себя. Латная перчатка сжимается и разжимается; он сопит от злости. Его можно понять. Кажется, наконечник алебарды утыкается в затылок. Нет, все это происки страха — никто не решится на убийство. Надо взять себя в руки, бросить вызов судьбе в последний раз.

Никак... Тело горит от побоев, шею не разогнуть.

— Приветствуйте императора Оттона Первого, — громко объявляет герольд. Приятный, но бездушный голос. Как и сам император. — Великого объединителя, спасителя народа, разрушителя религиозных оков, миротворца...

Утомительнее таких речей только балы во дворце. Проклятье, слюна течет по бороде. Ненавижу бороды.

... - да славится он вечно!

— Подними голову, — мерно произносит с трона Оттон. Удивительно... Так тихо в зале будто тут всего два человека. — С колен тоже можешь встать.

Безмятежный тон императора многих сбивает с толку. Он предвестник бури.

Дерьмо, колени дрожат как у старика! Слезы? О мать его — только не это!

Высокий, черный трон из оникса пугает. На спинке, над головой Оттона, вырезан герб империи, подлокотники в форме когтистых лап, а все остальное покрывают рисунки мифических животных, сюжетов из древних книг. Кровавых и жестоких.

Глаза императора слегка прищурены, он положил ногу на ногу, обе руки на подлокотниках.

— Чего ты добивался? — Оттон усмехается. — Спасти народ? Никто и не жаловался, никто не хотел учиненной тобой разрухи.

— Ты зло...

Теперь еще и охрип. Унизительнее некуда.

Оттон потянулся ближе.

— Да? Тогда почему я еще жив? — Он вздохнул и положил подбородок на ладонь. — Ох, люди вроде тебя не понимают, как работает власть. Ты не первый безрассудный болван, штурмующий Хоэнтвиль, но будешь последним...

— Иди к дьяволу! Ты превратил людей в послушное стадо, забиваешь им головы дерьмом! Ты породил ненависть, ты убил свободу, — слезы предательски текут по опухшим щекам, — ты заставил всех... заставил всех задушить в себе человечность. — Во рту стало чудовищно сухо. Сотни крохотных когтей драли горло. — Больше никогда я не встану перед тобой на колени.

Оттон откидывается на троне и вальяжно хлопает в ладоши. В зале слышатся смешки.

Есть куда унизительнее.

— Я? Убил свободу? — Император поднялся. Церемониальный доспех блестел в лучах летнего солнца, пробивающихся через витражные окна. Он спустился по ступенькам, подошел вплотную. На голову выше, моложе, увереннее. Его холодный, равнодушный взгляд прожигает.

Оттон наклоняется и шепчет на ухо:

— А ты не думал, что это *люди* сделали свой выбор? Они слабы, ленивы, порочны и жестоки. Им не нужна твоя *свобода*. Они просто хотят существовать, — он кивает на кучку ряженных аристократов, — набивать карманы, ощущать превосходство над другими и чтобы за них все решали. Без меня — Ферксия развалится, и снова наш народ будет лизать пятки фэй! — злобно заканчивает император.

В груди похолодело от страха. То, что раньше казалось правильным, вдруг стало смехотворной глупостью. Люди не могли добровольно отказаться от самих себя. Не могли!

Оттон гордо выпрямляется и обращается ко всем собравшимся:

— Мы — Ферксия! Мы выкованы в огне войны! Наша мощь безгранична, — он потрясает кулаком, — наши легионы непобедимы. Скоро человечество перестанет плясать под дудку перворожденных и станет единолично править континентом, потому что мы достойны. Мы — правосудие! Мы — правда!

Все в зале одновременно стукнули себя кулаком по груди:

— Во славу Ферксии!

— Вот видишь, — император хищно скалится, глядя на пленника, — я не принуждаю их. Просто даю то, чего они хотят — убежденность в непогрешимости и в своей неповторимости.

Что он несет? Это же безумие! Слова из религиозных книжек, сказки для слабовольных глупцов. Оттон что-то скрывает... Точно! Тихий смешок вырывается из груди:

— Ха, я все понял. Они не знают, да?

Оттон нахмурился.

— Что ты сказал?

— Я сказал: ты несчастный, завистливый дурак, который боится сказать людям правду. Трус.

Плевков вышел неточным. Слюна задела лишь часть герба на груди императора.

Владыка Ферксии щелкнул пальцами. Двое гвардейцев оказались по бокам.

— Заприте его в самой тесной и темной камере, — велит он. — Через месяц, на праздник Единения ты будешь казнен, изменник. Вон!

Смех не хотел утихать, несмотря на приговор.

— Ах-ха-ха, я знаю! Я все знаю! Я...

— Господин? — Укаре протянул Посреднику миску с похлебкой. Тот поморщился. От одного запаха эльфийского варева не на шутку коробило, однако пусть лучше скрутит живот, чем голодный обморок.

Прошло уже два дня с тех пор, как они покинули убежище и бросились вдогонку за Никсом. Лес. Поле. Лес. Поле. Река. Лес. И все по кругу. Размеренная жизнь в Жемчужине нравилась ему куда больше. Как он раньше мог неделю жить в дырявой палатке и днями напролет есть солонину с кислым вином? Да уж, тяга к приключениям заметно поубавилась за одну ночь на холодных камнях. Повезло, что Укаре незадолго до дождя смог отыскать крохотную пещерку на возвышенности.

Косой холодный ливень обрушился на Илларию; ветер неистово свистел, гнул деревья. Вскоре долину затопило.

— Спасибо. — Ферксиец натужно улыбнулся, зачерпнув ложкой серую жижу. Несколько комочков плюхнулись обратно. — Даже спрашивать не буду, из чего ты это делал.

Укаре кивнул и налил в кружку ароматный чай. Уж что-то, а чай даже эльфы не испортят.

— Господин. — Он протянул кружку.

Посредник закутался в дорожный плащ и отпил. Кожа на лице позеленела. Нет, все же испортят.

— Укаре. — Посредник вылил «чай», пока эльф готовил место для сна. — Напомни-ка мне найти повара, как прибудем в город.

— Господин. — Укаре укоризненно посмотрел на ферксийца. — В прошлый раз все закончилось... плохо.

Посредник сделался задумчивым.

— Не припоминаю.

— Вы велели захарийцу раздобыть яйцо драконида...

— И?

— Сделать из него яичницу.

— Подумаешь... — пробубнил Посредник. — Просто захотелось нормального завтрака.

Укаре тяжело вздохнул, качая головой, и тихо добавил:

— А потом нас чуть не сожрали.

Посредник смотрел на дождь. Он снова пытался вспомнить семью, но почему-то перед глазами возникал образ Оттона. Император наблюдает за казнью; его лицо бесстрастно. Рядом стоят советники, генералы, бывшие друзья... Трибуны заполнены, люди ликуют. Палач с трудом успеваешь дергать за рычаг — мятежников слишком много. Они дергаются, мешки на голове скрывают покрасневшие лица. Ферксийцы скандируют имя императора.

Гул в голове невыносим. Посредник скрипнул зубами от боли. Крики превращаются в хохот — хохот Эгона. Все темнеет, арена растворяется в бесцветной дымке, а затем — миг падения: он посреди множества мертвецов, весь в крови, стоит перед алтарем. Рука тянется к сокровищу.

— Что за дурак... — прошептал Посредник, прикоснувшись к кольцу на пальце.

Чем дольше он смотрел на самого себя, тем сложнее было не закричать, не бросить артефакт в болото и не поддаться проклятию. Молодой глупец. Тупица.

— Господин, — неожиданно раздался голос Укаре.

Посредник вздрогнул и выругался:

— Да меня удар так хватит!

Короткий смешок.

— Пф, даже Асмодею не под силу убить вас. — Эльф ненадолго притих, не решаясь задать вопрос. — Я хотел узнать: почему вы помогли тому бродяге? Стоит ему узнать вас и...

Посредник прилег, подложив под голову походный мешок. И правда — почему?

— Все заслуживают второй шанс. Тем более, он еще не сломлен. Это о многом говорит. — Ферксиец растопырил ладонь и взглянул на блестящее кольцо. — Порой, — задумчиво продолжил он, — голос в моей голове становится столь невыносимым, что я хочу сдаться. Кошмары пугают меня, видения и воспоминания мрачнеют. Я превращаюсь в развалину, хотя во мне лишь частичка тьмы. Никс же не сдается.

Молчание.

— Вы не хотите его убивать.

Проницательный сукин сын!

— Он справится.

Посредник нащупал рядом ларец. Он был небольшим, с двумя замочными скважинами и покрыт письменами. Ферксиец провел ладонью по крышке. Холодный металл обжигал. Тельзерит сдерживал силу проклятых артефактов, не давая ей прорваться в мир, и даже так злобный шепот Эгона все равно изредка просачивался через узкую щель. За двадцать лет странствий удалось собрать множество осколков падшего бога, но еще больше пока сокрыты. Нельзя допустить, чтобы реликвии попали в руки Конрада и его хозяев. Интересно, Никс смог выкрасть у Эрика шкатулку? Не хотелось бы рыться в развалинах. Посредник прикрыл глаза, чувствуя новый прилив боли. Вопрос времени, когда он станет походить на Конрада.

— Укаре.

— Господин?

— Я восхищен твоей силой воли, — сквозь сон произнес Посредник. — Мы уже два дня в пути, а содержимое ларца еще не свело тебя с ума.

— Сам удивляюсь. В Жемчужине я всегда слышал голос. Сейчас так тихо, будто...

Посредник резко открыл глаза и вскочил как ужаленный.

— Укаре, ключ!

Эльф молниеносно оказался возле своего господина и вставил стальной ключик в первую скважину. Посредник вставил во вторую — послышался щелчок. Он нерешительно поднял крышку и заглянул внутрь. Кулаки ферксийца сжались до хруста, лицо побагровело.

— Твою...

2152 год Новой эры. Тронный зал.

Как же он жалок. Даже голову не решается поднять. Слабак и предатель. Он не достоин *стоять* передо мной.

— На колени!

Пленник в лохмотьях рухнул как подкошенный.

Как же грозно звучит голос. Уверенно, мощно. Да, смотрите на меня, смотрите на свое будущее.

Ладонь сжала блестящую медаль на груди черного мундира — палящее солнце с каплей крови посередине. Орден за отвагу. Теперь он герой, новый генерал империи. Как и обещала Видящая. Теперь все в безопасности. Он доказал свою преданность. Теперь проще осуществить задуманное.

Взгляд метнулся к двум ферксийцам по обе стороны от трона. Оба в парадных доспехах, оба всю жизнь смотрели на него с недоверием. Самодовольные, старые идиоты. Из-за вас Хоэнтвиль чуть не захватили!

Кровь потекла по рукаву — настолько глубоко впились острые позолоченные лучи. И все равно что-то не так. Почему герольд медлит. Давай уже, начинай, тупица ряженный.

— Приветствуйте императора Оттона Первого, — произнес герольд. Пленник дернулся. — Великого объединителя, спасителя народа, разрушителя религиозных оков, миротворца...

Воистину так. Не хватает титулов «Шантажист», «Лжец» и «Убийца». Ха, никчемный предатель, вы друг друга стоите. Подними голову, подними ее. Ну же!

... - да славится он вечно!

Отгон плавно опускается на трон — величественный и устрашающий символ власти. От искусных рисунков не оторвать взгляд. Красивые сказки.

«Подлинная история самопожертвования и доблести предков. Смех, да только».

— Подними голову, — спокойно шепчет император.

Он слишком милосерден. Разрешает встать.

«О, — подонок плачет! И *он* называл эту предательскую мразь другом?».

Еле заметная презрительная ухмылка скользит по губам.

Глаза Оттона слегка прищурены, он положил ногу на ногу, обе руки на подлокотниках.

— Чего ты добивался? — Владыка усмехается. — Спасти народ? Никто и не жаловался, никто не хотел учиненной тобой разрухи.

— Ты зло...

Раздался возмущенный ропот:

— Совсем из ума выжил...

— Падаль...

— Убийца...

«Смелость проснулась? — Здоровая ладонь обхватывает рукоять меча. — Еще бы пара лишних дней в темнице сбили бы всю спесь с тебя».

Оттон потянулся ближе.

— Да? Тогда почему я еще жив? — Он вздыхает и кладет подбородок на ладонь. — Ох, люди вроде тебя не понимают, как работает власть. Ты не первый безрассудный болван, штурмующий Хоэнтвиль, но будешь последним.

— Иди к дьяволу!

«Где была эта смелость, когда ты держал в руках арбалет?».

Сильная рука сжала локоть. Дядя.

— Стой смиренно, — зло шипит он. — Твоя дерзость не осталась незамеченной.

Оттон откидывается на троне и вальяжно хлопает в ладоши. В зале слышатся смешки.

— Я? Убил свободу? — Император царственно спустился к пленнику. Статный, полный решимости, в расцвете сил. Марионетка. Он что-то шепчет предателю на ухо.

«Проклятье, ничего не слышно!».

Оттон гордо выпрямился. Он обращается ко всем собравшимся:

— Мы — Ферксия! Мы выкованы в огне войны! Наша мощь безгранична, — он потряс кулаком, — наши легионы непобедимы. Скоро человечество перестанет плясать под дудку перворожденных и станет единолично править континентом, потому что мы достойны. Мы — правосудие! Мы — правда!

Все в зале одновременно стукнули себя кулаком по груди:

— Во славу Ферксии!

Пленник смеется. Лицо Оттона перекопилось от злобы.

— Что ты сказал?

— Я сказал: ты несчастный, завистливый дурак, который боится сказать людям правду. Трус.

Зал замер. По груди императора стекала кровавая слюна.

— Заприте его в самой тесной и темной камере, — велит он двум гвардейца. — Через месяц, на празднике Единения ты будешь казнен, изменник. Вон!

Отгон проводил взглядом предателя и кончиком плаща протер нагрудник.

— Конрад, — он манит к себе, — для тебя есть работа.

— Отпусти, — сквозь зубы вырывается угрожающее шипение. Реймонд разжимает медвежью хватку.

— Да, мой повелитель! — Колено стучается об пол.

— Головой отвечаешь за него.

— Слушаюсь!

Брови Оттона взмывают вверх; он усмехается.

— Ха, Видящая была права. Но заруби себе на носу: унижать человека без дозволения — не твоя привилегия. — Император посуровел. — Еще раз меня подведешь — твоя семья сгорит.

— Мы пришли.

Эрик руками раздвинул ветки, осторожно пробрался сквозь колючие кусты и вышел на открытую полянку перед домом. Конрад последовал за бывшим соратником.

Косые лучи полуденного солнца отражались от широких луж, оставленных ливнем, и освещали то кривоватые высокие деревья, то мрачный дом беглого ферксийца. Конрад склонил голову набок — так он выражал сомнение. Убежище казалось до смешного нелепым: черепица под ногами хрустела, как старые кости, деревянные стены частично прогнили, на крыше гнездились птицы, половина окон разбита, а половина в пыли. Но смущало ни столько ветхость дома и настежь открытая дверь, сколько тягучая тишина.

— Он пустой.

Эрик обозлено покосился на приятеля.

— Да что ты. Если бы не твои постоянные отлучки с треклятым дождем, мы бы успели их перехватить.

— Я бы сказал — из тебя никудышный следопыт.

— Р-р-р... — Раздалось в ответ гневное рычание. — Идем в дом.

Конрад пошел вслед за Эриком. Истоптанные ступеньки под ногами скрипели, пока они поднимались на веранду. Стол рядом с дверью был измазан черными разводами, повсюду рассыпана металлическая стружка. Эрик деловито провел пальцем по столешнице и понюхал его.

— Дворфийский порошок, — вполголоса прошептал он себе под нос. — Посредник точно был здесь.

Конрад пожал плечами и решил зайти в дом. Его мало волновали кляксы, невидимые следы и прочая чепуха. Клинок жаждал крови подлого предателя. Ферксиец почти ступил на порог, а Эрик молниеносно схватил его руку. Конрад проследил за взглядом Мясника и заметил, что нога туго натянула блестящую леску.

Эрик указал пальцем на потолок. Кто-то очень умело поставил хитроумную ловушку. Леска приводила в движение механизм, который отцеплял огромную секиру с крючка на голову незваному гостю, как маятник.

«Еще бы чуть-чуть...».

Впрочем, пусть Эрик не ждет благодарностей. Этот самодовольный тупица виноват во всем. Конрад убрал ногу и перешагнул через первую преграду. В доме было тихо. Тише, чем на кладбище. Запахи эликсиров, золы и дегтя витали в воздухе. Стены в плесени, с потолка капало, не доставало половиц. Воистину, — логово под стать предателю.

Конрад прошел в гостиную. На полу лежал скимитар, неподалеку от него, возле кровати, скомканная одежда, окровавленные бинты, а на ней медальон. Он наклонился, чтобы поближе рассмотреть оружие, но Эрик был тут как тут, отдернув Конрада за плечо.

Мясник вытащил меч и кончиком прикоснулся к лезвию скимитара.

Ш-ш-ш...

Шипение сопровождалось едким дымом. Затем сабля растворилась, оставляя новую дыру в полу. Конрад не сказал ни слова. Он подошел к кровати. Медальон привлекал внимание. Украшение отливало серебром, его покрывали эльфийские руны; исходящие волны силы манили. Рука сама потянулась к вещице.

— Я отрублю тебе руку, если прикоснешься к этой дряни, — не глядя произнес Эрик. Он осматривал пол возле камина. — Просто стой.

— Это обычный медальон, — ответил Конрад, тем не менее здравомыслие взяло верх. Каким бы ублюдком ни был Эрик, он куда лучше понимал ход мыслей Посредника и знал о подлых уловках.

Не прошло и часа, как Эрик вдоль и поперек обошел дом. Он умудрился обезвредить еще с десятков ловушек, а также отыскать тайный лаз. Тоннель вел на восток. Каждый дюйм был усыпан всевозможными механизмами: от капканов до ядовитых дротиков. Неповоротливость и неуклюжесть Эрика оказались обманом; он ловко избегал препятствия и велел Конраду идти по его следам.

В конце концов, путь привел к небольшой обустроенной комнатке. Под землей скрывалась лаборатория с мастерской. На столах лежало недоделанное оружие, непонятные трубки с изогнутыми рукоятями, банки, склянки с порошком. Конрад снял со стены подсвечник, чтобы лучше разглядеть содержимое и наклонился.

— Если ты хочешь взлететь на воздух, милости прошу — тыкай свечой прямо в порох.

— Куда? — не понял Конрад.

— В банку! — Рывкнул Эрик, срезая очередную леску. — Идиот, — тихо добавил он.

— Красота... — Мясник провел рукой по гладкому металлу. Надписи на дуле зажглись. — Это называется мушкет. Тонкая работа.

Конрад отвернулся. Странное ощущение на мгновение возникло внутри. Досада? Обида? Зависть? Оно исчезло так же быстро, как и появилось. И все же талант и изобретательность в оружейном искусстве и алхимии всегда отличали Посредника от обычного человека. Даже когда он командовал войсками, работы из-под его руки выходили чересчур сложными и действенными, что многие в шутку сомневались в ферксийских корнях мастера. Дворф — не иначе!

— Что мы тут делаем, Мясник?

— Ищем, — отозвался Эрик. — Тут был не только Посредник. Еще два человека.

— И что нам это дает? — Конрад взял в руку миниатюрный мушкет, повертел его. — Куда идти?

— Положи пистоль на место, а то ненароком пришьешь меня. — Эрик подошел к дальней стене. На ней висела карта Иллари. — Мне нужен свет.

Конрад исполнил просьбу. Он провел подсвечником вдоль неровной красной линии, тянувшейся от лесного домика дальше на восток к ближайшему к побережью городку. Загвоздка в том, что линий было много, и все они вели в разных направлениях.

— Зачем он оставил карту?

— Чтобы запутать, пустить по ложному следу. Кажется, тут он пошел на север. — Эрик провел пальцем по черной линии. — Слишком детальный путь. Все рассчитано до мелочей. Один из его недостатков. — Эрик ухмыльнулся. — Пунктуален и скрупулезен.

— Но?

— Могло бы сработать, не будь меня тут. Нам сюда. — Палец уткнулся в прибрежный городок. — Идет на восток.

Конрад все равно не понимал, зачем оставлять карту, набивать дом ловушками, если проще уничтожить следы и дело с концом. Надо признать, Посредник мыслит нелогично. Это сводит с ума, заставляет сомневаться.

— Или все гораздо проще. — Глаза Эрика сощурились. — Он торопился.

— А ловушки?

— Поставил не он...Дерьмо! Бежим отсюда!

Ферксийцы рванули к выходу. Ловушки в тоннеле срабатывали за их спинами и обрушивали опорные балки. Вынырнув из люка, они понеслись наружу.

— Быстрее! — Успел выкрикнуть Эрик перед взрывом. Волной его вынесло из дома. Он шлепнулся в лужу, несколько раз перекатился и застонал от боли. Конрада же ловушка настигла у окна. Ферксиец вылетел наружу с дождем из осколков. Он грохнулся рядом с Эриком.

— А-р-р-р, — Эрик поднялся, стиснув челюсти. — Вот и третий нашелся.

— На восток? — спросил Конрад, когда выжимал плащ. — Я...

В луже рядом что-то блеснуло. Он нагнулся и вытащил знакомый медальон. Ничего не произошло.

«Значит, Мясник ошибся».

Медальон раскрылся. Внутри был кривой набросок лица — глупое выражение с выпученными глазами. Конрад узнал в издевательском рисунке себя.

Эрик со злостью выхватил побрякушку и отшвырнул подальше.

— Ты глухой или как? Я же велел ничего не трогать!

— Всего лишь...

«Бах!». Куски земли взмыли в воздух.

— ... медальон.

2152 год Новой эры. Темница в Хоэнтвиле.

Сырость и холод. Глаза давно привыкли к крошечному мраку. По стене, покрытой старыми метками прошлых узников, бежит таракан. Десятки рядов перечеркнутых линий. Если быть точным, то тридцать. А что еще делать пленнику, как не считать дни своих предшественников? Никто из них не прожил больше месяца.

Приближается день Единения. Осталось нацарапать еще две полоски. Поразительно, насколько быстро человек, которого скоро обезглавят, смиряется с участью. Страх сменило равнодушие. От злости на императора и чувства вины, что мятеж не удался, не осталось и следа.

Сальные волосы лезут в рот, в глаза. Запах сводит с ума, но иногда приходится их жевать. Представляешь солонину. Нельзя забывать прошлое, нельзя забывать самого себя, нельзя дать рассудку сломаться. Кожа под включенной черной бородой чешется. Невыносимый зуд. Кто вообще соглашается растить эту гадость на лице? О Создатель, если ты существуешь, подкинь лезвие к двери.

Оконце внизу двери открылось. Небольшой лучик света от факела попал на босую ногу. Молчаливый гвардеец втиснул в щель мягую жестяную тарелку и захлопнул окошко. Рука потянулась к еде. Скрежет металла по камню. В гнетущей тишине этот звук подобен музыке. Ложку не положили. Забыли, видимо.

М-м-м. Изумительные жирные комки из свиных потрохов. Есть их руками даже удобнее.

Жир стекает на бороду. Она уже обросла толстой коркой из блевотины, слюней и крови. Скоро ее можно будет отломать и использовать как оружие.

Надо подняться.

«Дерьмо! Ноги не ходят, а без новой метки рисунок не полный».

Черточка медленно появляется. Скоро тридцать первый ряд закончится.

— Двадцать девять, — шепчут сухие губы.

Таракан? Почему он смотрит на меня? И откуда он взялся?

Таракан побежал. В его движениях скрывается смысл — букашка говорила. Закончив, таракан снова оказался посередине стены.

— Во дела...

Стук в дверь.

— Ты еще жив, предатель? — грозно спрашивает знакомый голос.

— Конрад?

— Я пришел сказать, что завтра тебя казнят.

— А как же последний ужин? Да и парочка шлях лишними не будут.

— Ты сам виноват во всем...

Кулак со страшной силой врывается в дверь. Слабость как рукой смыло. Гнев вырвался наружу.

— Виноват? Виноват?! Ты разрушал чужие жизни, сжигал города, мучил и унижал людей, а сейчас ползаешь в ногах убийцы. — Ярость прошла; лоб утыкается в ржавую дверь. — Мы же были братьями, мечтали построить новый мир...

По сторону слышно прерывистое дыхание.

— Многое изменилось, — с тоской в голосе отвечает Конрад. — Мы мечтали нести свет людям, но континент наполнен дикарями, фэй с их интригами и заговорами, монстрами с чужих Планов. Как? Скажи, как можно строить мир, если не выжечь эту заразу?

— Я не верю тебе, брат. Неужели ты веришь в эту чушь?...

— Она умерла по твоей вине! — взорвался Конрад. — Я умолял тебя. Умолял, стоял на коленях, словно дворняга!

Сердце замерло. Огромный ком застрял в горле. Не проглотить. В голове звучат предсмертные крики, за дверью — бессильные всхлипы. Перед глазами тело, истыканное стрелами.

— Ты... ты отнял... отнял ее у меня...

Паршиво, страшно. В голову ничего не приходит.

— Ведьма...

— Она помогла мне, ты — нет! Хочешь мира? — Всхлип. — Да пошел ты со своим миром, с фантазиями и ложью! Теперь у меня свой путь, *предатель*.

Громкий топот сапог. Дверь с грохотом хлопывается.

— Закончил рыдать?

Что? Взгляд лихорадочно бежит по камере. Пусто.

— Я тут, плакса.

Таракан?! Таракан говорит! Время схватиться за голову. Все это неправда, наваждение, шутка истощенного разума!

— Возьми себя в руки, болван. Это я.

— Ты... — Глаза округлись. — Но как?

— Готов немного побегать?

Деревушка Аббет. Жалкое захолустье недалеко от Жемчужного моря. Тут не встретишь добрых лиц, приветливых взглядов, надежных людей, а также съедобной еды, дорогой выпивки и красивых женщин, что немаловажно для любого уважающего себя путника. Две дюжины домов, постоялый двор да конюшня — вот и вся деревня.

Солнце было уже в зените; изнуряющая жара кипятила кровь. Двое мужчин стояли на пыльной дороге перед двухэтажной корчмой. Ставни угрожающе скрипели, вместо двери — куча сколоченных досок, крыша провисала, а стены видели появление Создателя, это еще не говоря об угрюмых жителях, которые стороной обходили странную парочку и плевали через левое плечо. Посредник слышал об этих чудных суевериях, мол, незнакомцы беды приносят.

— Ну и дыра, — подбоченившись, сказал он.

Укаре кивнул. По его мнению, почти вся Иллария была одной большой дырой.

Между ними и корчмой прокатился огромный сухой шар из веток. Посредник провожал его взглядом, пока не уткнулся в одного из местных болезненного вида: высокий, сутулый, кожа на лице вот-вот разорвется. Он зловеще улыбнулся; в руке блестел нож.

Посредник поежился.

— Жуть какая...

Впрочем, долго терпеть «радушие» местных не входило в планы. Здесь прятался шпион и, по воле случая, бывалый контрабандист, работавший не только с Гванхвой, но и с его предшественником. А за мешок с монетами из него можно вытянуть сведения и слухи со всех концов континента. У Посредника имелись догадки, как старому хитрецу удастся проворачивать сделки, отчего лезть в дела торговой гильдии «Вендель и сыновья» себе дороже.

— Не велика потеря, — произнес Укаре. — В конце концов, в сундуке хранилось не все, так ведь?

Посредник угрюмо натянул край шляпы на глаза и пошел в корчму.

Эльф озадачено потер виски.

— Ох, господин...

Как и ожидалось, людей внутри почти и не было. Четверо похожих на пиратов оборванцев сидели за круглым столом и шумно играли в карты; на небольшой сцене готовился выступить менестрель — смуглолицая молодая девушка; несколько угрюмых посетителей пили пиво, а в углу хозяин разметил удобные перины, на которых полулежали девицы в откровенных нарядах. Возле них дежурили двое громил.

Посредник привлек всеобщее внимание, когда вошел в корчму, выбив дверь ногой. Он так делал всегда, но двери в Жемчужине были намного прочнее местных деревяшек. Дверь повисла на одной петле.

— Неловко вышло, — процедил он Укаре.

Эльф покачал головой и швырнул небольшой мешочек на ближайший стол. Все отвернулись и продолжили заниматься своими делами.

Следом в корчму зашел тот самый тип с ножом. Он кивнул Посреднику.

— Добро пожаловать в Аббет. — Сутулый кончиком ножа показал на стол. — Не хотите сыграть? Нам не достает одного игрока, да, парни?

Оборванцы согласно закивали, оценивая возможный выигрыш.

— Так. — Ферксиец подманил эльфа к себе и зашептал ему на ухо. — Давай поделимся. Так проще будет узнать о Заке. Я начну со стола.

Укаре беспокойно нахмурился.

— Господин, ваши игры плохо кончаются. Может я...

— Удачи-и-и! — Посредник и слушать не желал своего телохранителя.

Эльф вздохнул. «Прожил почти тысячу лет, сражался в бесчисленных войнах, а сейчас в сиделках у ребенка». Как бы то ни было, Укаре принялся за работу. Он петлял между столами и расспрашивал посетителей о загадочном Заке.

— Не, не слыхивал о таком, — отвечал один.

— Чай помер уже, — отозвался другой, залпом осушив кружку. — За евонные делишки-то.

— Говорят, — рядом полупшепотом просипел старик со стеклянным глазом, опасливо поглядывая по сторонам, — дорожку он перешел местным бандитам. Уж слишком алчен до наживы был.

Слухи и байки вокруг таинственного Зака если не веселили, то точно вызывали улыбку на лице эльфа. Укаре подозревал, что его обводят вокруг пальца. Имя контрабандиста тут не знал разве что ребенок, но никто не раскололся. Даже звон монет не смог развязать им языки.

Меж тем за игровым столом творилось нечто невообразимое. Посредник истерично ругался, обвинял всех в сговоре, однако продолжал играть под неумный хохот жуликов.

— Проклятье, да как так?! У меня же было два туза!

— Ах-ха-ха. — Сутулый хлопнул его по плечу. — Сегодня просто не твой день, приятель.

Укаре обречено сел за пустой столик. Повезет, если господина не обдерут до нитки. Эльфа поражало, как такой человек мог управлять целым городом, иметь связи во дворце, запугивать банды, мастерить оружие и вместе с тем быть азартным любителем упиться до беспамятства в окружении незнакомых женщин.

— Паскудство! — возмущался Посредник, сложив руки на груди. — Не игра, а обдираловка!

Уголки губ Укаре дрогнули. Было в этом ферксийце нечто такое, что эльфы называли Kila`na — искупление, сострадание. И все же, где искать этого Зака? Он поставил монетку ребром и крутанул. Имперский денарий вращался, пока напротив Укаре не уселась девушка-менестрель.

— Зака ищите, значит. — Она поставила локти на стол и положила подбородок на ладони. — Я бы могла помочь за малю-ю-юсинький такой, — девушка большим и указательным пальцами показала размер награды, — мешочек золотых монет.

Укаре молча бросил ей в руки кошель.

— Ой, — наигранно удивилась менестрель, — да тут малость не хватает.

— Р-р-р, — промычал эльф и пошел к Посреднику.

Тот уже сидел без сюртука, сапог и шляпы. Перед ним лежали его револьверы.

— Ставлю все, — заявил ферксиец. Он облизывал губы от волнения; босая нога постукивала по полу.

Укаре склонился над ухом Посредника.

— Кажется, я нашел языка. Нужны деньги.

— Не сейчас. — Посредник мягко оттолкнул телохранителя. — Я почти выиграл.

— Господин, боюсь, что вас обманывают...

Какой же докучливый этот эльф! Целая гора добра почти в кармане. Эти неудачники не догадываются о победной комбинации. Да, сейчас-то он им покажет.

— Выкуси! — Посредник кинул на стол карты. Пять последовательных карт одной масти.

Сутулый виновато открывает свои. Туз, Царь, Княжна, Страж и десятка.

— Эти чудесные револьверы мои. — Под пустой взгляд Посредника бандит сгреб выигрыш поближе.

— Ты что-то говорил про языка? — равнодушно спросил ферксиец.

— Да, он... — Укаре указал на столик, но он был пуст. — ...там.

— А наши деньги?

Эльф опустил голову, ругаясь на родном языке.

— Что ж, — ферксиец гордо поднялся и пошлепал в угол к местным куртизанкам. — Раз денег нет, то хотя бы расслаблюсь напоследок.

Укаре вывернул карманы куртки и достал пару серебряников. На выпивку хватит.

Посредник подошел к двум амбалам. Оба смотрели на чудного гостя с подозрением. Один из них вытянул ладонь.

— Герод, Мавр, — прозвучал девичьи голосок, — пропустите бедолагу. Его и так до нитки обобрали.

Громилы противно ухмыльнулись, жестом приглашая Посредника войти. Полуголый ферксиец обомлел от красоты здешних дам: молодые, горячие, в соблазнительных нарядах. Они хихикали, поглядывая на остолбеневшего мужчину.

— Может навверх? — предложила низенькая девушка с короткими волосами.

Точно асторийка! В Ликее женщины тоже нередко состригают волосы, но в неприветливом краю суровых вояк не жалуют шлюх. Мужчина предпочтет отрезать себе руку, чем ляжет с грязнокровкой в одну кровать.

— Всегда готов. — Посредник приобнял двух хихикающих куртизанок.

Женщины проводили его на второй этаж — в роскошную по меркам Илларию комнату. Двухспальная кровать с балдахином, удобные диванчики, фрукты в вазах, ароматный запах свечей и душистых трав.

— Садись, не стесняйся. — Юная девушка лет двадцати усадила ферксийца на диван. — Ангельского Мха? — Она достала колбу с дурманящей отравой. — Или хочешь выпить?

Красавицы обступили Посредника со всех сторон. Он тонул в женских объятиях. «Неужели день еще можно спасти?».

А пока Посредник развлекался, угрюмый эльф выпил уже вторую кружку деревенского пойла. Он не забывал

украдкой поглядывать по сторонам — чутье подсказывало глядеть в оба. Уж слишком все подозрительно: сначала отобрали оружие и одежду, затем последние деньги. В подобных случаях надлежит держать руку на рукояти меча.

Укаре коснулся бока, где обычно висит клинок, но его не было. «Что за чертовщина?». Он ощупал себя и с удивлением обнаружил пропажу не только фамильного оружия.

— Потерял что-то? — спросила девушка-менестрель. Рядом встали «игроки». Сутулый направил револьвер на эльфа.

— Не рыпайся, остроухий. Заказчик велел взять вас живыми. — Щелкнул затвор. — По возможности.

Укаре глянул в сторону амбалов. Те пожалы плечами. Сверху доносились довольные стоны.

«Чтоб тебя!».

— О да-а-а... — Ферксиец расслабился, прикрыл глаза, запрокинул шею. Три пары рук массировали его уставшее тело. — Вот, где настоящий рай.

— Самое интересное впереди, — шепнула одна из девушек, достав из складок наряда удавку. — А теперь... — Она накинула на шею Посредника тонкую леску и со всей силы натянула ее.

— А-р-к-х-х-х, — захрипел ферксиец, беспомощно скребя пальцами по рукам убийцы. — А-р-р-х-х!

— К-какой же он сильный! — запаниковала девушка, когда Посредник стал подниматься. — Помогите мне!

Девушки всем скопом набросились на жертву.

Как же ему повезло, что его пытаются прикончить очаровательные женщины, которые в своей жизни еще никого не задушили и не зарезали. Посредник собрался и перебросил через себя миниатюрную девчущку, случайно проломив ее телом гнилой пол. Перекрытия не выдержали, и она грохнулась прямо посреди зала. Растолкать остальных не составило труда: им хватило пары простых оплеух.

— Укаре-е-е! Ай, ой, уф-ф... — Голый Посредник кубарем скатился с лестницы, пока остальные с разинутыми ртами глядели на дыру в потолке. — Где... — Он поднялся, потирая ушибленный бок. — Где мои револьверы?

— Тут. — Сутулый оскалился.

Бах! Густой дымок показался из дула.

Эльф закатил глаза.

— Пресвятая Нилея...

Посредник медленно наклонил голову. В груди зияла дыра размером с кулак.

— Ох, — устало выдохнул он. — Опять...

2152 год Новой эры. Имение семьи фон Лимбургов.

— Ты как был неудачником, так и остался. — Статный мужчина в черном дублете с позолотой сидит во главе обеденного стола. По левую руку три его дочери и супруга — досточтимая герцогиня Матильда фон Лимбург, по правую, по традиции, — два сына. Он отпивает вина из бокала и продолжает:

— Столько сил в тебя вложено, а ты не удосужился выполнить простецкое поручение — отобрать книжку у старика.

— Кларенс, не будь так строг. Он смог остановить мятежников.

— И за это получил титул бумажного генерала, — с насмешкой вставляет Отис — старший брат. — А еще я слышал, что он учинил настоящую бойню в Фоусте.

— Чушь! — восклицает Гретта — любимая младшая сестра. — Она тыкает вилкой в сторону брата. — Он хотел остановить предателя.

— Ах-ха-ха, и снова сел в лужу!

За годы забываешь, насколько омерзительны семейные склоки. И насколько отвратителен суп. Куча ингредиентов, которые не сочетаются друг с другом. А Отис не изменился — все такой же тупица. Видите ли, командир Стражей Креста! Вот пусть бы и стоял истуканом у спальни императора. Гретта смотрит. Неужто лицо залилось краской от насмешек?

Натянутая улыбка появляется на губах. Ах, Гретта. Доблестная защитница в этой гнилой семье.

— Ты вообще слушаешь? — Отец с презрением окидывает взглядом. Ни крупички любви, ни признания. — Уже дважды тебе преподали урок, а ты... — Герцог вытирает губы тканевой салфеткой и бросает ее на стол. Тотчас подбегает слуга и быстро все убирает. — Третьего раза не будет. Закон общий для всех.

Выживает сильнейший. Превосходный предлог убивать! Хочется стукнуть кулаком по столу, высказать отцу правду в лицо, плюнуть и уйти подальше от этой пещеры с гадюками. После стольких усилий вновь в дураках.

Ирония судьбы или бездарность? Да к черту все!

— Спасибо за обед. — Ножки стула закричали по каменным плиткам.

— Мы еще не закончили! — Отец угрожающе сжимает кулак.

— Да, братец, ты еще не рассказал о том, как тебя чуть не изрубил дикарь, — говорит Отис, ковыряя кусок мяса.

Две сестрицы-близняшки захихикали.

Недоумки!

— Иди на хер, Отис, продолжать охранять выгребные ямы.

Новоиспеченный командир стражей поперхнулся.

— Кха-кха, ах ты, кха-кха. Воды, кха-кха, быстрее!

Пусть и дальше играют в свои интриги и лизжут друг другу зады.

Дверь за спиной захлопывается; впереди балкон, который всегда закрыт. Никто из семьи на него не выходит.

Суровый северный ветер сбивает с ног. Опасный, холодный и жестокий, как сама империя, как знатные семейства, как люди в этой стране.

Стремления стать таким же не увенчались успехом. Сначала ты беспрекословно веришь в идею, с пылом отстаиваешь истину, рубишь врагов, а потом замечаешь, что люди похожи. Поставь ферксийца рядом с иллариецем — разница лишь в цвете волос и кожи.

«Все прогноло, Курт. Пора взять все в свои руки, и спасти родину, спасти возлюбленную. Я могу унять твою боль. Отринь сомнения».

Кольцо на пальце стало одним целым с ним. Оно причиняет страдания, но разрушительная мощь, коей мечтает обладать каждый, постепенно наполняет тело. Скоро он станет совсем другим. Так сказала Видящая.

«Не слушай...», — шепчет мелодичный голос на задворках сознания.

Надо подумать.

Приятная прохлада. С закрытыми глазами представляешь себя птицей. Ветер раздувает волосы, обмерзшие хлопья снега режут лицо, как стекло, Северное море бушует, волны разбиваются о скалы, брызги оседают на камнях и превращаются в наледь.

— Надеюсь, ты не собираешься прыгать? — Гретта стоит за спиной. Сестрица любит неожиданно появляться, привалившись плечом к стене.

Теперь радость вышла искренней.

— Уверен, я и тут оплошаю.

— Знаешь, почему у тебя не выходит? — Она кладет тонкую ручку на плечо. Оборачиваться не хочется; ощущение тепла приятно обволакивает. Частичка любви.

— Не хватает веры?

— Обернись.

Смешная просьба, но нельзя ее не исполнить. Гретта в мехах; серьезный взгляд немного пугает. Раньше с таким видом она засыпала всех нравоучениями. Но Гретта ничего не сказала, просто крепко обняла. Остается обнять в ответ. Теперь ясно, почему его так и тянет домой, несмотря на злобного папашу и тупоголового братца.

— Потому что это не ты.

— Не я?

Гретта трется щекой о теплый дублет.

— Когда ты вернулся, в твоих глазах была тревога, печаль, отрешенность. Снова вляпался в неприятности! — подумала я. Меня не воспринимают всерьез, считают меня вздорной. Я не глупа, если хочешь знать.

Добродушный смешок вырвался против воли.

— Хех, я никогда так не считал.

Они оба притихли. Ветер потихоньку усиливался.

— Ты хотел, чтобы в тебе увидели истинного ферксийца, да, Конрад? Старался изо-всех сил, творил гнусности, от которых не заснуть по ночам.

Внутри все съеживается, будто родитель обличил маленького ребенка во лжи.

— Но ради чего? Что тебе обещали? Я не хочу, чтобы ты уходил, не хочу! — Она заплакала.

Колени опустились на хрустящий снег; Гретта проводит ладонью по волосам. Ее теплое прикосновение дает сил.

— Я должен. Ради Елены, ради тебя.

— Мертвых не вернуть. А вот друга надо простить и выслушать. — Гретта помогает встать.

Жгучий приступ ярости выплескивается наружу.

— Нет!

Сестра в страхе отступает.

— Для меня он мертв! Ясно? Предателя завтра ждет казнь, — руки оперлись о перила; сердце гроыхает, — а я закончу то, что начал, Гретта. Ни ты, ни Оттон, ни кто-либо еще меня не остановит. Но так и быть — я его проведаю.

— Ты погубишь себя...

— Я уже это сделал.

Кольцо вспыхнуло и угасло.

Эрик внимательно изучал пещерку на пригорке, пока Конрад предавался воспоминаниям в тени деревьев. После страшного ливня пришла дьявольская жара. Хоть он и не чувствовал тепла, солнечный свет причинял неудобства — яркие лучи попадали в глаза.

Посредник с его дружкой уже доставили немало хлопот. Теперь еще появился третий игрок. Вряд ли он подчищал хвосты за беглецами. Конрад вышел из-под кроны и поднялся на пригорок к Эрику. Медитация уже не помогала успокоить разум; воспоминания становились все болезненнее. Чем ближе он к Посреднику, тем отчетливее проявляются забытые чувства.

Конрад застал Мясника на вершине. Тот вглядывался вдаль — на Жемчужное море, над которым высилось сияющее солнце. Издалека море казалось огромным зеркалом мира, где внутри прячется его лучшая копия. Недалеко от побережья виднелась деревушка.

— Они пошли туда. — Равнодушие сквозило в голосе Эрика. — Деревня Аббет.

— Откуда ты знаешь? — Конрад встал рядом.

— В отличие от тебя, — Эрик обернулся, — они еще люди. Им нужен кров и еда.

— Раньше ты любил вести охоту. Кровожадность угасла?

— Смысл.

— Смысл?

— Ты счастлив, Конрад? Исполнил мечту?

— Я служу Видящей. Мечты оставь дуракам.

Эрик развернулся. У него на шее блеснул амулет — неказистый перламутровый камушек на цепочке.

— Зря ты тогда согласился на сделку, — осуждающе произнес он. — Гретта предупредила.

— Мне нет до этого дела.

Эрик с отвращением сплюнул.

— Ты вообще слушаешь?

Слушаю? Перед глазами образ отца. Кларенс пьет вино и прожигает взглядом. Вместе с Отисом они поочередно насмеваются над ним. Рядом поддакивает мать и сестрицы-подстилки.

— Не тебе меня судить, *Мясник*.

Эрик схватил Конрада за глотку и притянул к себе.

— Не забывай — я тоже кое-что умею, щенок. Или думаешь, учитель не завалит ученика?

Конрад призвал пламя; рука пылала в оранжевом свете. Он вмазал Эрику по лицу — тот не шелохнулся. От тела Мясника пошел пар, глаза налились кровью.

— Ты ничтожество, эгоистичная свинья, лишившая меня покоя, — рычал он в лицо Конраду. — А теперь еще и бесчувственная. Голем с человеческим лицом. Даже ненавижу тебя противно, — процедил Эрик.

Через мгновение хватка ослабла. Эрик глубоко вдохнул, сжав амулет.

— Мы оба глупцы, но я хотя бы нашел в себе силы остаться человеком, несмотря на проклятие. Я пытаюсь сражаться, а ты просто слабак.

Мясник спустился вниз сворачивать лагерь, а Конрад глядел ему вслед.

«Лишил покоя?».

В груди что-то кольнуло. Совесть? Он же не виноват, так ведь? Его план был превосходен, никто не должен был пострадать.

«Клекот?».

Конрад поднял голову.

В небе парил белоснежный сокол. Он кружил над пещерой, словно выслеживал врага. «Зверюшка мальчишки». Глаза сами по себе закрылись. Снежинки опускаются на лицо; брызги замирают на скалах; ветер раздувает меха. Конрад парил подобно соколу. Сестра касается плеча, обнимает. Крепко-крепко. Тепло.

— Гретта, — прошептал Конрад.

Из кустов вылетела стрела. Глашатай Видящей поймал ее перед носом. Нечеловеческие глаза раскрылись. Потустороннее черно-зеленое пламя вырвалось из них.

— Кто? — прошипело существо, выхватив клинок. — Кто посмел?

Ватага наемников налетела на ферксийцев с трех сторон. Стрела за стрелой летели в Конрада. Он и не думал

уклоняться — демонический меч принял на себя первую атаку. Конрад крутился волчком, отражая снаряды и накапливая силу для ответа.

Тем временем Эрика утыкали как ежа. Гигант шатался из стороны в сторону, но явно был жив. Снова от его тела повалил пар. Мышцы Мясника раздувались, становились огромными, покрывались кровавыми рунами.

— А-а-а! — Заорал он во всю глотку, когда спину и грудь покрыли костяные наросты; глаза пылали тем же черно-зеленым огнем. Стрелы сожгло в мгновение ока, а раны затянулись. Монстр размером с голиафа припал на колено.

Наемники попятились; некоторые бросился наутек.

— Даже сме-е-ертть тре-е-ещет передо мной, — утробным басом произнесла тварь. — Я сделаю гору из ваших тру-у-упов! — Эрик тяжело поднялся. Он возвышался, словно Дракониий Пик над лесами Иллариин.

Один воин решился ткнуть монстра копьём. Наконечник сломался, едва коснувшись кожи Мясника.

— Р-р-р, во-о-ошь. — Огромный кулак раздавил голову смельчака, как перезрелый помидор. — Р-р-р, кро-о-о-вь. — Эрик со всей силы погрузил руку в землю и через секунду вырвал из ее недр топор. — Время умирать, а-а-а!

Чудище из самых жутких кошмаров ринулась в сокрушительную атаку, сминая, топча и разрубая пополам нерасторопных наемников. Одного Эрик ударом ноги впечатал в землю и бил до тех пор, пока не осталось кровавая каша, в другого он швырнул топор. Оружие с силой тарана врезалось бедолаге в голову и снесло ее вместе с половиной тела. Кровавая вакханалия продолжалась недолго — все умерли слишком быстро. Но Эрику было мало. Он заметил кучку трусов, уносящих ноги с поля боя.

— А-а-а! — Вопящая тварь разгонялась; деревья ломались, камни раскалывались, куски дерна летели в разные стороны. — Я хочу услышать хруст ваших костей!

— Стой-стой! — перед смертью закричал наемник, который не додумался уйти с пути чудища. Его разорвало на куски; внутренности и кожа повисли на лице Мясника. Погоня продолжалась.

Конрад взметнулся ввысь и плавно опустился за спинами врагов. Те и опомниться не успели — пять голов покатались по земле. Клинок засиял с новой силой, обрушив на живых гнилоостную волну. Она медленно и мучительно разъедала наемников. Конрад огляделся. Холм превратился в братскую могилу. Везде лежали трупы; многие разорваны голыми руками.

Раздался топот со стороны моря. Глашатай обернулся; ладонь крепче сжала рукоять. Мясник смотрел на Конрада с пугающей ненавистью; с топора стекали ошметки. Он заревел:

— Я хочу еще-е-е! А-а-а!

2146 год Новой эры. Юго-западная граница Ферксии и Ликеи.

Цигельдорф — город-крепость на границе владений семьи Конрада и Ликеи. Как одному из самых знатнейших домов, фон Лимбургам принадлежит огромный кусок земли, тянущийся вдоль всей западной Ферксии. Поистине, Кларенс — не просто могущественный герцог, но и умелый полководец, который долгие годы удерживает силы царя Леоса. Благодаря победам, глава семейства удостоился стать членом совета и вошел в личную гвардию императора.

«Переговоры. — Слово неприятно обжигает язык. — Что бы Ферксия...да договор о мире? Святой трон император что-то замышляет. Черт, уже зад затек в этом седле. Скорее бы слезть с треклятой лошади».

Позади плетется Конрад на захарийском жеребце. Рядом с ним капитан Эрик — правая рука Кларенса. Жизнерадостный грекалиец с улыбкой до ушей; его лысина блестит, как алмаз при свете яркого солнца, а на могучих плечах массивные пластинчатые наплечники, к которым прикрепили плащ с гербом дома фон Лимбургов. Всю дорогу от Хоэнтвиля они с Конрадом чешут языками, напрочь позабыв, куда направляются. Надо бы им напомнить.

— Может уже хватит?

«Проклятие; как-то обиженно прозвучало».

Эрик тотчас сделал серьезную мину.

— Так точно, доблестный Страж Креста!

— Не будь занудой. — Конрад беспечно махнул рукой. — Ферксия победила. Леос не посмеет напасть на нас. К тому же люди капитана готовы к любым неожиданностям, да Эрик?

«Ну что за безответственность!».

— Я бы не хотел, чтобы ликейцы увидели за столом переговоров шутов.

«Эрик с Конрадом просто невыносимы!»

Капитан почесал лысину.

— Тильда точно так же сказала.

— Получается, дочка умнее отца.

— Прикуси-ка язык, мальчик! — нарочито возмущенным тоном ответил Эрик. — Тильда умнее нас троих вместе взятых. «Этот зануда еще больше будет важничать. На сей раз с генеральским видом», — так она сказала. Вроде. — Добавил он с задумчивым видом.

Конрад прыснул со смеха.

Уголки рта еле заметно поднялись. «Не смейся, дурак, не смейся!»

Эрик расхохотался:

— Ах-ха-ха, — он зарядил кулаком по плечу Конрада, — смотри, как он покраснел. Сейчас лопнет от смеха!

— А ну молчать!

Они слишком хорошо его знают. Друзья...Ближе Эрика и Конрада у него некого не было. Быть может, отец знал его лучше, но он никогда не проявлял особой заботы.

— Ах-ха-ха, а-а-а...Расслабься, приятель. — Конрад взглянул на небо. — Сегодня наш день. День, когда Ферксия может праздновать победу.

...Цигельдорф почти разрушен. Многолетняя осада оставила на нем сотни незаживающих шрамов, из-за чего восстанавливать город придется не один десяток лет. Тем не менее улицы заполнили гвардейцы и жители, которые чудом уцелели в кровопролитной войне. Многие разгребали завалы, нашлись и те, кто организовал полевую кухню, солдаты укутывали ребятню в теплые плащи.

Едва представители империи въехали в город, за ним увязался хвост. Не мудрено, ведь помимо отряда воинов, в Цигельдорф приехали и повозки с припасами, одеждой и чистой водой. Прежде всего — люди.

Новоприбывшие, в том числе Эрик с Конрадом принялись раздавать груз.

«Уму непостижимо, Конрад и вояка. Эта парочка не разлей вода. Два несовместимых человека трудятся вместе».

Люди благодарно кивают, когда берут в руки мешочек с едой, женщины плачут, мужчины возносят хвалу Оттону и его мудрости. Сколько же сделал великий император. С ним Ферксия вновь познает величие, вернется в золотой век просвещения.

Из головы не выходят мысли о новых изобретениях. Теперь-то не нужно собирать пушки да пыточные механизмы. Жаль, что новые обязанности не оставят много времени на увлечение.

Жители все идут да идут. Их так много, будто разгромлен не один город, а целый регион. Вечереет. Лоб уже

покрылся испариной, во рту пересохло. При взгляде на Конрада и Эрика, кажется, что этим двоим усталость не введена. Пока остается хоть один голодный, об отдыхе и речи быть не может.

Вскоре все закончилось. Повозки пусты; на сердце тепло; лица светятся от восторга. В особенности у Конрада. Друг всегда считал своим призванием помогать людям. В военную академию его отправил отец. Как же глупо. Ему и чучело не побороть, не порезав руки. Теперь сидим втроем возле развалин, привалившись к остаткам стены. Эрик разглядывает камешек на цепочке. Подарок от Тильды. Интересно, как она там?...Из груди вырывается смешок.

— Что смешного? — спрашивает Эрик.

— Небось, снова о Тильде мечтает, — с хитрой ухмылкой отвечает Конрад.

«Вот же...!»

— Мечтай-мечтай, — Эрик потянулся, — другого тебе не светит.

— У-у-у... — Конрад негодуя качает головой. — Ты слишком жесток к *генералу*.

— Да заткнитесь вы оба.

Придет день, и он осмелится, но есть дела поважнее. Завтра переговоры. Нужно все подготовить.

— Надеюсь, все получится.

...Переговоры проходили в зале дворца наместника. Тот уже давно на том свете, а вот дворец почти не пострадал, не считая снесенных башен, выбитых ворот и разбитых окон с поломанными лестницами. Владыка Ликеи со своими людьми уже ждали прибытия посланцев.

Царь выглядит грозным. Нет, он огромен! Руки, как стволы могучих вековых дубов, ноги — две толстые колонны, борода заплетена в аккуратную косу и украшена золоченой скобой. Он исподлобья смотрит на кучку ферксийских солдат. Столкнуться с ним на поле боя — подписать себе смертный приговор. Конрад рассказывал, что его отец однажды столкнулся с Леосом. Необузданная ярость вкупе с силой быка и острым умом ученого чуть было не отправила в могилу герцога. Тогда-то Кларенс фон Лимбург и обзавелся страшным шрамом на груди.

Рядом с царем стоит его сестра. Поговаривают, что именно она уговорила Леоса заключить мир. Как же... Елена, вроде. Смуглолицая красавица. Прекрасна, как зимний рассвет, когда просыпается солнце, и снежные курганы блестят в его ослепительных лучах. Но и опасна, как морозная вьюга. Оступишься — тебе конец. Меч на ее боку красноречиво об этом напоминает.

«А возле Елены... Кто это? Бродяга? Не больно он похож на ликейца».

— Великий царь. — Конрад подобострастно склоняет голову. — Приветствую тебя от лица империи.

— Да хватит этого лизоблюдства. — Рычит Леос. — Говори, зачем пришел, и разойдемся уже.

«Конрад в замешательстве, он растерян. Эрик с трудом держит себя в руках. Это ненадолго, если царь продолжит проявлять неуважение».

— Мирный договор, владыка. Наши народы обескровлены, жители страдают. Весь запад в огне и руинах.

— А-а-а... — Леос скалится. — Ты тот дохляк, который должен был привезти бумаги? Что ж ты сразу не сказал?

«Да что ты, животное в доспехе. Знал ты все».

— Брат, позволь мне. — Рука Елены касается Леоса. Царь недовольно ворчит, но уступает ей место.

Бродяга внимательно следит за происходящим. Откуда он? Цвет глаз и кожи выдают в нем южанина. Напряжение возрастает. Ликейцы нервно озираются, Леос что-то шепчет бродяге. Тот кивает.

Елена, наконец, дочитывает предложение Оттона и одобрительно хмыкает.

— Хм-м, Оттон великодушен. Мы договаривались о прекращении войны на северных и восточных рубежах, а тут возвращение прежних границ, вплоть до Ущелья Мертвеца. Подозрительно. Я считала императора более... жестким.

«Хотела сказать тираном?».

Эрик тоже понял, что хотела сказать Елена. Капитан крепко стискивает челюсти.

— И что взамен? — нетерпеливо спрашивает Леос.

— Мы должны помочь отстроить разрушенные города и войска должны незамедлительно отступить от границ, иначе...

— Иначе что? — Леос выпятил грудь.

— Вы понимаете, что если Ферксия нападет, если осадит столицу, если выведет против вас новую армию...

— Если, — прерывает царь. — Если ты не перестанешь мне угрожать, я отрежу тебе голову, *посол*.

— Осторожнее, — Эрик наполовину вытаскивает меч, — может вы и царь, но нас больше.

Солдаты с обеих сторон приготовились выхватить оружие.

— Стоять! — Елена сурово смотрит сначала на Эрика, а затем на брата. — Ферксия и Ликея истощены. Нет смысла драться и дальше. — Она протягивает свиток Леосу. — Скрепи договор.

Царь какает воском на бумагу и вдавликает его печаткой. Ликейский лев красовался рядом с зажатым в когтях

сердцем. Все облегченно выдыхают.

«Конрад улыбался. Он может собой гордиться. Первые успешные переговоры. Может, в этом его призвание — мир?».

— Тогда расходимся, — велит Леос. — Вэл, готовь коней.

Бродяга кивает, с подозрением посмотрев на ферксийское представительство, и поспешно выходит из зала.

— Елена, мы с Вэлом поедem вперед. Завтра я буду ждать тебя в Лакоридисе.

Елена сдержанно кивает и покидает дворец в сопровождении Конрада. Остальные войны последовали за ними.

«Странно все это. Война же была практически выиграна».

Эрик хмурится.

— Все слишком легко.

— Согласен, друг.

Холодок пробегает по спине. Зловещее предзнаменование.

От выстрела у Посредника зазвенело в ушах; взгляд слегка затуманился. Особая руническая пуля проделала в груди дыру, из которой валил дым. Ферксиец засунул указательный палец в рану, а затем вытащил. Он повторил движение несколько раз.

— Хм-м, — деловито начал Посредник, — ты убил меня. И что дальше? — спросил он, стряхивая рунную пыль.

Вытянутая рука с револьвером задрожала. Сутулый попятился. Вся банда последовала его примеру.

— О-о-отойди! — Уродливое лицо Сутулого потело. Он стер капли, но они появились вновь. — Я-я выстрелю!

— Валий. — Посредник раздвинул руки. — У тебя есть еще целых шесть попыток. — Ферксиец шагнул.

Бах! Пуля попала в плечо. Шаг.

— Пять.

Бах! Новая дыра в груди. Еще один.

— Четы-ы-ыре.

Бах! Снаряд прошел навывлет и врезался в стену. Девушки наверху завизжали.

— Три-и-и.

Бах! Ухо оторвалось.

— Два. — Посредник лбом уткнулся в перегретое дуло. Он чувствовал жар, гнев и сожаление верного оружия. — Давай! Жми уже!

Дрожащий палец Сутулого надавил на спусковой крючок. Бах! Голова Посредника откинулась назад и сию секунду встала на место. Из дырки вытекала черная жижа.

— Похоже, остался один патрон, — подвел черту ферксиец. — Так, что ты говорил насчет Зака? Не расслышал. Видишь ли, у меня уха нет.

Громкий хриплый смех раздался на всю таверну:

— Ах-ха-ха-ха!

Щуплый старикашка с жидкой бородашкой и гнилыми зубами, которого раньше никто не замечал, сидел за столом в углу и безудержно хохотал, ударяя кулаком о столешницу.

— М-м-монстр! — завопили все в корчме и бросились наутек. Все, кроме девушки-менестреля и дружков Сутулого, которые выхватили оружие и окружили Укаре.

Эльф понуро опустил плечи.

«Ну вот, опять».

Запасной короткий клинок выскользнул из-под плаща; Укаре в два счета перерубил руку Сутулого по локоть.

— А-а-а! — Истошный крик вывел бандитов из оцепенения.

Укаре схватил со стойки пустую бутылку и врезал ей по голове одному из головорезов, едва тот успел занести дубину. Осколок эльф вогнал в глотку второму бандиту. Тот схватился за горло; кровь брызнула на лицо Укаре, сделав его еще более жутким. На крик Сутулого сбежалась все остальная банда — те, кто караулили на улице. Они ворвались в корчму и бросились на эльфа (вид голого мужика их не шибко напугал). Самый здоровый громила врезался в Укаре, отчего тот перелетел через стойку и ударился о полки с выпивкой. Бутылки посыпались ему на голову.

— Kren`уano! (Дерьмо!) — успел выругаться Укаре, прежде чем могучие ручища схватили его за шкуру и швырнули в дальний конец корчмы. Эльф приземлился на стол, за которым сидел хохочущий старик. Стол разлетелся на куски, но старик успел спасти свою кружку с пивом. Он поднял ее и подмигнул Укаре.

— Твое здоровье!

— У-у-у... — простонал эльф.

— Давай! Поднимайся, остроухий! — орала толпа.

— Да-а! Убей их уже! — закричал Посредник, отобрав револьвер у отрезанной руки. — У нас и так дел по горло.

Бандиты недоуменно посмотрели на ферксийца.

— Что? Думайте, ему нужна моя помощь? Пф-ф, — Посредник махнул рукой, — вы так — разминка.

Укаре свирепо зарычал и кувыркков вскочил на ноги.

— Р-р-р, как же меня это злит!

Эльф взял стул и с размаху разбил его об голову головореза. С выбитыми зубами бандит без чувств рухнул на пол. Укаре поднял меч.

— Сейчас вы все сдохните!

— Ату его, парни!

Меж тем голый Посредник второпях собирал одежду и оружие. «Сапоги есть, сюртук, портупее...О, шляпа!».

Он нагнулся за ней; на ладонь тотчас опустился изящный женский сапожок.

— Далеко собрался? — грозно спросила менестрель. В руке она сжимала лютню.

— Вообще-то да... — Инструмент пронесся в дюйме от лица. — А-а-а! Что ты делаешь?!

Посреднику пришлось подняться, чтобы лютня не раскроила ему голову. Может он и не мог умереть, но когда у тебя в черепе трещина или дыра — это крайне неприятно. Об эстетичности и говорить не стоит.

Вот же угораздило! Во всем этот чертов эльф виноват. Знал же, чем игры кончаются. Ух-х, останется без денег!

Лютня прошла над головой и разбилась о бандита, который пытался обратно затолкать свои кишки.

— Твою... — успевает прокричать девушка, поскользнувшись на луже крови. Менестрель ударилась головой об пол и замолкла.

Кровавая баня в тихой деревушке Аббет надолго останется в памяти жителей на долгие десятилетия.

Все утихло, когда последний из бандитов грохнулся на пол с отрезанной головой. Укаре, с ног до головы залитый кровью, тяжело дышал. Его взгляд метался по корчме, выискивая недобитых головорезов.

— Как мы их...Да, Укаре? Непревзойденный дуэт! — восклицал Посредник, застегивая пуговицы на рубашке.

— Да, господин. — Эльф подобрал плащ и набросил на плечи. — Вы нашли второй револьвер?

— Без понятия, куда он подевался...

— Стоять! — Раздался визг Сутулого. Вожак бандитов целил вторым револьвером в девушку. — Еще шаг, и я...и я убью ее!

Посредник пожал плечами.

— И что? Я вообще ее не знаю.

Менестрель пришла в себя и испуганно таращилась на дуло.

— Я не хочу умирать, не хочу! Пожалуйста, помогите. Он, — девушка ткнула пальцем в Сутулого, — о заставил меня, угрожал!

Посредник закатил глаза.

— Да плевать мне на тебя, девчонка. Эй, — Ферксиец протянул руку. — Дай мне револьвер и вали отсюда, кретин, а то отчекрыжу вторую руку.

— Нет!

— Господин, может, допросим его? — шепнул Укаре.

— Да он же ни черта не знает. Только глянть: ни мозгов, ни руки, да и урод к тому же.

— Я пристрелю ее! — продолжал гнуть свое Сутулый. — Слышите!

— Пожалуйста-а-а, — ревела менестрель. — Умоляю!

— Да, но он может хотя бы сказать, кто наниматель.

— Укаре, друг мой, какая разница?

— Всех убью! Я...

— Да заглохни ты уже! — Посредник выстрелил. Пуля снесла Сутулому половину черепа. Язык свесился с нижней челюсти, и тело завалилось на бок.

Менестрель вся в крови отползла от чокнутой парочки. Губы ее дрожали от страха; зрачки расширились от того неопишемого ужаса, который она испытала.

— Осталось найти Зака. — Ферксиец пристегнул второй револьвер к портупее.

— Нет нужды, — ответил старик и плотнул из кружки. — Браво, Посредник, браво! Теперь я редко могу лицезреть такое представление. Визги, кровь, стоны умирающих...Эх, — Зак мечтательно качает головой, — скучаю я по молодости.

— Избавь меня от этой чепухи, — со злостью ответил Посредник. — Во-первых, почему не вмешался? Во-вторых, мне нужна твоя помощь.

Зак изобразил удивление.

— Не вмешался? Да за такие деньги, которые мне предлагали, я бы сам всадил тебе пулю в голову, но в отличие от этих, — он кивнул в сторону мертвых головорезов, — я знаю твой секрет. И мне было интересно, чем дело кончится. Что касается второго вопроса: чем может помочь простой контрабандист?

— Вот как... — Посредник поставил ногу на еще целый стул. — Однако не одной контрабандой ты промышляешь, старая развалина. Мне нужно кое-кого найти.

— А я что получу?

Ферксиец достал револьвер и почесал дулом лоб.

— М-м-м, дай-ка подумать. Мешок денег?

— У тебя их нет, — огрызнулся Зак.

Посредник оглядел искореженный зал с трупами.

— Думаю, что есть. Такие ребята за спасибо не работают. Так как, договорились?

Зак насупился.

— По рукам. Кто вам нужен?

— Уродливый, мрачный тип без глаза. С ним еще должен быть мальчишка, дворф и злоющая девка, смекаешь?

— А-а-а... — Зак потер бороденку. — Захаживал сюда такой отрядец. С ними был еще один — старик моих лет. Я их быстро спровадил, а то больно подозрительно выглядели. Не доверяю я таким.

Посредник подошел к стойке и облокотился.

— И чего хотели?

— Искали кое-что.

— У-у-у, с этого места поподробнее.

Зак перешел на шепот.

— Есть в лесу у самых гор древний эльфийский храм. Они туда дорогу искали. Моя прелестная помощница поможет вам.

Посредник озадачено взглянул на испуганную девушку, сидевшую на полу. Менестрель тряслась как осиновый лист; чужая кровь засохла на левой половине ее лица.

— Она? Ты шутишь?

— Девочка знает намного больше, чем ты думаешь. Лоуренс ценит ее, и ни за что бы не отправил в эту дыру, если бы сомневался в ее полезности. — Глаза Зака сверкнули. — Береги ее, иначе гильдия придет за тобой.

— Да понял я, понял! — Посредник обернулся. — Укаре? — обеспокоенно спросил он.

Укаре резко встрепенулся, прислушался. В его глазах ферксиец заметил тревогу.

— Вы слышите?

Посредник притих. Вдалеке раздался жуткий нечеловеческий вопль:

— А-а-р-р!

Громоподобный топот последовал за воплем. Обломки столов и стульев подпрыгнули; с полок посыпалась посуда и бутылки. Звучало лишь одно слово.

— См-е-е-рть!

2146 год Новой эры. Дворец наместника.

— Я так долго ждал встречи!

Пылкость в голосе забавляет Елену. Она проводит внешней стороной ладони по щеке. Возбуждение накрывает с головой; жар внутри не унять. Правая рука кое-как нащупывает засов на двери, левая прикасается к лицу царицы.

— Да-а-а? А что ты будешь делать потом, когда я уеду?

Дыхание перехватывает.

— Я...я поеду с тобой.

— Во-о-от как...А как же долг? Тебя повесят.

— Да плевать!

Елена отстраняется, качает головой.

— Так не пойдет. Если не Отгон, так Леос казнит тебя.

Возбуждение сменяет злость.

— Я что, не имею право любить того, кого хочу? Я не заслуживаю свободы и счастья? Уверю тебя: я буду

сражаться за наше будущее и погибну за него, если такова воля Создателя!

Слишком смелые слова от человека, который еще ни разу лицом к лицу не сталкивался со смертью.

Царица тяжело вздыхает.

— Мы поговорим об этом, когда улягутся дрязги между нашими народами. А пока иди ко мне.

Елена крепко обнимает, прижимает к себе. Она плачет, но ни за что не покажет слез. Даже тем, кого любит.

Тишина. Впервые за пять лет на улицах Цигельдорфа не слышны крики жителей, призывы командиров, грохот ломающихся стен от попаданий огненных снарядов. Через открытое окно серебристый лучик осветил дальний угол комнаты. Меч на стойке, доспех с гербом Ликеи, помятый и с пятнами грязи, боевой лук. Лежа в одной кровати с Еленой забываешь, что все женщины Ликеи бьются не хуже мужчин. А многие их даже и превосходят. Интересно, насколько быстро она сможет свернуть ему шею? Тихий смешок. Какой отпор? Какая битва? Девушка на его плече с пеленок училась убивать и вести за собой легионы. И что она в нем нашла? Младший сын герцога, который еще ни разу в жизни не убивал. Кровь в жилах стынет от одной мысли причинить боль другому. Не создан он для войны.

— М-м-м... — Елена перевернулась на другой бок.

Да уж, второе лицо страны безмятежно спит со злейшим врагом. Еще вчера рубила головы с плеч. Неужели удалось принести мир, открыть новую главу ферксийской истории, где культуру и науку ставят в один ряд с военными академиями? Император и правда велик, раз сумел положить конец многовековой вражде. Эх, хотелось бы все бросить, уехать в Ликею, изучать мир. Друзья бы поддержали. Эрик уж точно.

Обдало приятной прохладой. Сам ветер зовет исполнить мечту. К черту отца, к черту службу! Хочу обнять ее. Елена прижимает ладонь к груди.

Вот бы ночь не кончалась...

Громкий стук в дверь.

— Царица! — Еще пара ударов. — Царица, просыпайтесь!

Елена жмурится, гневно рычит.

— Что?! — недовольно выкрикивает она. — Ночь на дворе!

— Прибыл Вэл с посланием от Леоса.

— Подождет до завтра...

— Моя царица, Локоридис пал.

Фантазии о счастливой жизни испарились. Елена вскочила и бросилась к двери, на ходу накинув на себя сорочку. В этой женщине нет и намека на страх — одна решимость. С воинственным видом она отпирает засов и открывает дверь. На пороге стоит один из людей царя и бродяга со встречи. Вэл.

Вэл окидывает кровать быстрым, но цепким взглядом. Он встревожен, однако не позволяет себе ничего лишнего. Корить Елену — пустая трата времени. Бродяга протягивает ей сверток. Она пробегает по нему глазами и хмурится.

— Грекалийцы? Ты уверен?

— Напали ни с того ни с сего. Западная граница потеряна.

Стоп! Грекалийцы? Они-то каким боком тут?

— Елена...

Царица обернулась. Лицо красное от гнева. Лучше промолчать.

— Моя царица, — Вэл смотрит на кровать, — Это опасно. Он враг.

— Это не твое дело, бродяга, — сквозь зубы рычит Елена. — Скажи лучше, что предпримет Леос. В этой бумажке, — она тычет ей в лицо Вэлу, — ничего не сказано о моей роли.

— Царь велит вам с остатками войска отправиться в обход сражений...по землям империи. А затем ударит в тыл Грекалийцам.

— Что?!

Что?! Руки дрожат. Проклятье!

— Капитан Эрик убедил меня, что обеспечит безопасность. Стражи Креста помогут. И ваш...друг, — прищуренный взгляд снова падает на кровать, — думаю, тоже.

Дверь закрылась. Елена, скрипя зубами, падает в кресло. Ее ноздри раздуваются, глаза горят, кулак сжимает записку от брата и трясется — царица пышет яростью, как горный дракон. И ее можно понять: идти по землям вчерашнего врага, где еще не все готовы принять мир, за каждым поворотом может ожидать засада.

— Конрад, ты знал? — в итоге спрашивает она.

— Нет, клянусь тебе!

— Либо ты лжешь, — Елена берет со стойки меч, — либо нас просто используют.

Тревога. Растерянность. Как так? Оттон бы не сделал такого!

Ноги сами несут к возлюбленной. Руки сжимают в объятиях.

— Ты решил, кого выберешь?

— Тебя. Всегда.

Конрад пришел в себя. Он приподнял голову и увидел, что лежит в грязи, болотистая жижа налипла на доспех и плащ. Нагрудная пластина смята, будто на нее валун упал. Будь он человеком, его бы размозжило от удара ногой той твари. Да, теперь он вспомнил.

Эрик, или то, что от него осталось, нетерпеливо сжимал древко топорика. Он ходил взад-вперед, жаждая продолжения боя. Алым туманом волны необузданной мощи и неукротимой кровожадности исходили от искалеченной сущности, слюна стекала с острых клыков, падая на непробиваемую кожаную броню. И теперь Конраду нужно как-то привести в чувство разъяренную скалу.

Ферксиец попытался подняться; захрустели сломанные ребра. «Сильный ублюдок». Может Конраду и даровали силу крушить армии, но бесцельным он отнюдь не был. Разве что, малость покрепче обычного человека. Он приложил руку к груди и прошептал слова исцеления. Кости срослись за доли секунд. Конрад, не без помощи меча, встал на ноги. Эрик довольно зарычал, удобнее перехватив страшное оружие:

— Убив-а-а-ть.

— Успокойся, — Конрад утер ладонью лицо, — мы же союзники...

— Дру-у-г...вра-а-г...какая разница? Тебя не смогу собрать по кускам.

А вот в этом он прав.

Конрад с опущенным мечом подошел к Эрику. Мясник на три или даже четыре головы превосходил его. Безумный оскал ни на миг не сходил с жуткого лица. Он ждал ответного удара, хотел прочувствовать отпор, тщетность усилий жалкой букашки.

— Я не хочу калечить тебя, Эрик, поэтому просто успокойся и пойдем дальше...

Кулак размером с колесо от повозки с хрустом врезался в лицо Конрада. Сила удара оказалась столь велика, что Конрад полетел к пещере на холме. Перекувырнувшись в воздухе несколько раз, он врезался в толщу камня и пробил его насквозь. Пещерка обрушилась; земля содрогнулась. Конрад проделал длинную и глубокую борозду, прежде чем уткнуться спиной в дерево. Ноги не шевелились, нижняя челюсть свернута, зубы выбиты, глаз вытек. Беспомощная грудка мяса ожидала расправы.

«А вот и первые неприятности. Надо поднять руку. — Кончики пальцев дернулись. — Ну же».

Эрик заревел:

— Ми-и-ир будет гореть! — Он высоко прыгнул и дугой выгнулся в полете, занося топор.

Конрад второпях читал заклинание исцеления, чтобы успеть отразить сокрушительный удар.

— А-а-а-р! — вопил Мясник.

Чудище приземлилось, словно комета, одновременно опуская чудовищное оружие. Конрад едва успел поставить на пути топора свой меч. Ферксиец обхватил острие клинка и рукоять, будто посох; плоская сторона зачарованной стали встретилась с первобытной силой демонической реликвии. Меч выдержал, а руки нет: кости раздробило на мелкие осколки. Эрик взревел от восторга:

— Еще-е-е! Еще-е-е!

Мясник схватил Конрада за ногу, и стал перебрасывать из стороны в сторону, пока лицо соратника не превратилось в кашу, затем он отшвырнул противника подальше. Тело закатилось в кусты.

— Немоощный челове-е-ечек...

Сознание Конрада затуманилось, в ушах звенело, образы прошлого проносились перед глазами: лица бывших друзей и врагов, тех, кого он любил, кого предал, кого не простил. «Гретта...Елена...». Глаз широко раскрылся, пальцы на руках захрустели. Невообразимыми усилиями Конрад молча произнес слова исцеления. Смерть заберет его, но не сегодня.

Эрик с любопытством наблюдал за зеленоватым сиянием, а потом радостно помчался добивать врага.

— Ха-ха-ха, кро-о-о-вь!

С поднятым топором Мясник вбежал в кусты. Шмяк! Огромная туша полетела обратно и с грохотом снесла остатки пещеры. Из кустов в поломанных доспехах, взъерошенный, с кровоподтеками выбрался Конрад. Кулак дымился.

— Да, кровь, тупое ты неблагодарное животное.

Насколько еще хватит той силы, которую дала Видящая? Ферксиец посмотрел на торчащую кость из ноги. Исцеление слабело.

Эрик вылез из-под завала с ревом тысячи демонов:

— А-а-а-а! Я сломаю тебя-я-я!

Он с голыми руками побежал рвать на куски дерзкого противника. Алый туман вокруг Мясника стал виднее, мышцы разбухли; от поступи гиганта содрогалась земля. С необычайной скоростью Эрик налетел на Конрада. Ферксиец и не собирался отступать. Он пригнулся и всем дарованным могуществом ударил в живот чудищу. Пластины треснули; Эрик ухнул от боли.

— У-у-у...

«Все же боль он чувствует».

Конрад ударил что есть сил. Эрик отвел кулак в сторону, зарядив коленом в грудь ферксийцу.

— Ты будешь молить о пощаде, — произнес он, перед тем, как сковать противника в смертельных объятиях.

Остатки доспехов скрежетали, лопались и сминались. Конрад напряг остатки сил, чтобы высвободиться — бесполезно. Он мотал головой, искал решение. И вот — перед глазами, на бычьей шее Эрика, болтается амулет. Стальная цепочка уже рвется. Спасение.

Конрад зубами схватил цепочку и рванул. Амулет упал на землю.

Взгляд Эрика опустился вслед за ним. Потусторонний свет в глазах потух.

— Тильда-а-а...

— Отпусти...меня... — Конрад находился в шаге от смерти.

Эрик зарычал, лбом ударил глашатая Видящей по лицу.

— Ненави-и-ижу!

Конрад задыхался; позвоночник хрустнул; глаза и уши сочились кровью. Снова удар. Полет. Половина лица погрузилась в склизкую воду. Все гаснет, темнота, словно чернила, окутывает взор. Вдалеке слышится крик — крик боли, отчаяния, тоски. И одно единственное слово, отдающее эхом в меркнушем сознании. Оно будоражит умы смертных, пугает богов, смешит мертвецов.

— Сме-е-е-ерьть!

2146 год Новой эры. Земли фон Лимбургов.

Эрдервест — земля герцога Кларенса. Вдоль границ стоят самые оснащенные, самые укрепленные крепости Ферксии. Сюда на службу отправляют молодых офицеров академии, новобранцев Черного Креста и тех, кто готов рискнуть жизнью ради империи. На границе непреодолимой стеной стоят лучшие из лучших, авангард армии, ветераны войны. Было время, когда крепости переходили из рук в руки, но сегодня на флагштоках реют флаги победителей. Но победителей ли?

Несмотря на близость к свирепым битвам, города в Эрденвесте процветали. Их немного, в основном там живут семьи гвардейцев и офицеров, которые еще не удостоились звания, позволяющих им купить дом в Хоэнтвиле или в другом более безопасном городе. Оттон всегда благосклонно относился к армии и всем, кто имел смелость жить рядом с врагом. В один из таких городов направлялась длинная вереница повозок, колонна ликейских солдат и внушительные силы Ферксии под предводительство капитана Эрика.

Здоровяк расцвел, прямо сиял и беззаботно болтал с Еленой и Конрадом. Он махал руками, смеялся, постоянно упоминал Тильду и хвастался подаренным амулетом. Стоит признать, побрякушка вышла неплохой. Берилл редко встречается в империи. Уму непостижимо, как Тильда отыскала его.

В нос бьет тошнотворный запах паленого мяса. Равнина на западе утыкана огромными погребальными кострами. Союзники, враги — все одно. Сотни трупов. И ради чего? Позорный договор.

Взгляд снова цепляется за троицу. Конрад не отрывает глаз от Елены; она подмигивает в ответ. Что-то не так. Они давно знакомы? Нет-нет, это просто невозможно. Или друг утаивает нечто важное? Как бы то ни было, родной городок Эрика уже показался из-за горизонта, скоро можно будет обо всем расспросить вдали от посторонних глаз. Да и Тильду увидеть было бы неплохо.

Губы сами собой растянулись в мечтательной улыбке. Стражам Креста не разрешалось заводить семью, пока они служат трону, но любить не воспретит даже Оттон.

Ликейские солдаты маршируют с понурыми лицами. Их можно понять: царь велел пройти по землям вчерашнего врага для демонстрации мира. Что у Леоса на уме? Мало того что телохранители не удержат беснующуюся толпу жителей, так еще и царица едет во главе. Она даже не скрывает присутствия! Чертов Конрад с его идиотскими идеями...

— Эй! — Конрад машет рукой. — Ты чего плетешься в хвосте? Давай к нам.

Тоже верно. Хватит уже подозрительно таращиться на все вокруг.

— Не хотел мешать. Да и кто-то то же должен приглядывать за припасами, а то ребята Эрика спят и видят, как бы стащить пару ящиков крепкого ферксийского.

Эрик расхохотался:

— Ах-ха-ха, да-а, они такие. Будь уверен, одну бутылку они нам оставят! Я верю в своих парней.

Елена тоже хохотнула.

— Не знала, что ферксийской армии разрешено пить во время походов. В следующий раз обязательно воспользуюсь этим.

Недоумение отразилось на лице Эрика:

— Разве ликейцы не пьют?

— Только во время праздничных пиров либо после большой победы. Ликейская военная подготовка учит смирению, сдержанности и взаимопомощи братьям. Поэтому наша армия действует как единое целое.

— О-о-о, — Эрик уважительно кивает, — это здорово. Воевали много лет, а знать не знали о таком. Признаться, Ферксия вообще мало интересуется врагами, кроме того, как действеннее их убивать. — Капитан мечтательно глядит вверх. — Устроить бы показательный бой. Ну такой, без крови, без...

— Нет! — горячо восклицает Конрад. Взгляд его серьезен, лицо напряжено. — Больше никакой войны.

— Господин фон Лимбург, — Елена нежно кладет руку на плечо Конрада, — разумеется, нет. Капитан просто шутит.

— Шутит, ага... — бурчит в ответ он.

— Я вот подумываю о пире, — продолжила Елена. — Как вам идея?

— Точно! — Конрад неожиданно воодушевляется. — Устроим пир! Что скажешь, Эрик? На твоём захудалом постоялом дворе найдется место для пары десятков офицеров и царицы?

Эрик насупился.

— Захудалом? Скажу Бригитте, чтобы и на порог тебя не впускала.

«Все смеются, но на душе не спокойно. Царица, младший сын герцога и воевода фон Лимбургов. Что-то

обязательно пойдет не так».

Витиеватая дорога привела на вершину холма, с которого видно мост через реку Бриль — самую длинную на всем континенте, и родной город Эрика.

Глирч — самый старый из военных городов Ферксии. Ходили слухи, будто ему под силу сдерживать целый год непрерывной осады, хотя размерами похвастаться и не мог. Охраняется Глирч силами гарнизона ветеранов из-за того, что в нем живут семьи офицеров.

Сердце забилось чаще.

«Тильда...».

— Ах... — Эрик вздохнул. — Дом, милый дом. — Эй, что у тебя лицом? Конрад, дружище, — он продолжает смеяться, — наш доблестный Страж уже мечтает о женских объятиях.

«Черт, лицо краснеет!».

Конрад тыкает Эрика локтем и хитро подмигивает.

— Все о Тильде думает.

Капитан грозно свел брови.

— Тронешь ее хоть пальцем!..

— Да все-все, ворчун ты старый. — Конрад хлопает Эрика по спине, и они едут дальше. Конрад болтает с Еленой. Царица кивает, разворачивает лошадь и скачет назад. Она подмигнула, проносясь мимо.

«Проклятье, выгляжу как мальчишка. Надо уже перестать краснеть по любому неловкому поводу».

Ликейские войны останавливаются; слышны обрывки приказов. Похоже, лагерь они разобьют на востоке от города. Мудро. Как раз лес под боком, да и запах гари не побеспокоит.

— Снова витаешь в облаках, дружище? — Конрад поравнялся лошадьми. — Не слушай Эрика. Он просто беспокоится за семью, а ты неблагоразумен. Думаешь, с тобой Тильда будет в безопасности?

— Неблагоразумен?

— Ну да, — Конрад задумчиво смотрит вперед. — Порой ты не видишь последствий своих решений. Тебе кажется, что ты делаешь все правильно, но в тебе слишком много слепой веры в Оттона.

«Это извинения или угроза?».

— Тебе ли говорить о последствиях? Елена... — Взгляд метнулся на кучку ликейских солдат, разгружающих повозку с припасами. Царица стоит неподалеку и отдает поручения. — Она наш враг.

— Одумайся уже. — Конрад сделался серьезным. Он хмурится, гнев овладевает им. — Война окончена, а я, признаться, устал от империи. Хочу уехать.

«Уехать?!».

Чувство, словно иглой сердце проткнули. Лошадь останавливается. Конрад оборачивается; он с надеждой и страхом ждет ответа.

— А теперь ты одумайся, дружище. От Ферксии не сбежать. Ты погубишь не только себя, а еще и меня с Эриком. А узнай об этом Леос, — кулаки сжимаются, — тебя просто казнят на месте. Если ты так привязался к Елене...

— Я люблю ее! — вспыхнул Конрад.

Проходящие мимо солдаты с опаской косятся. Нельзя привлекать внимания.

— Тогда отпусти. — Голос понижается почти до шепота. — Мы же хотели создать мир без войн, Конрад, хотели возвеличить империю, стать первыми, кто сделает механизмы, не уступающие дворфийским. Ты не простолудин, ты чертов сын герцога!

Конрад сглотнул, его лицо белеет еще больше. Он не произносит ни слова, но продолжает смотреть в глаза. Неверие. Испуг. Обида.

Слышится крик Эрика:

— Вы там скоро?

Конрад резко пришпорил лошадь и помчался вперед. Он сделал свой выбор.

— Что?...Где я?... — Посредник разлепил покрытые кровью веки. Небо двигалось; в ушах звенело, как от удара кувалдой по шлему; руки почему-то волочатся позади. Ферксиец повернул голову — лес тоже двигался, и камни, и трава. Стоп, это не лес движется, это его тащат. За ноги!

Девчонка-менестрель пыхтела и ругалась, волоча бесчувственное тело.

— Р-р-р, какой же ты...тяжелый!

Лицо измазано сажей, один рукав ободран, волосы растрепаны и вид такой, словно ее несколько раз швырнули в стену.

Посредник зашевелился.

— Укаре... Укаре...

— Он найдет нас! Просто молчи-и-и... — Девушка споткнулась и упала лицом в грязь. — Сука! И зачем ты спас меня, тупица? Бежал бы себе спокойно и бежал. Ну нет же. — Она снова обхватила сапоги Посредника.

— Пада-а-аль! — заревел поблизости чудовищный голос. — Разорву-у-у!

— Черт, черт, черт! — испугалась менестрель, удвоив усилия. — Только не снова.

Ум Посредника уже всю работал, однако тело еще не восстановилось. Ферксиец вспомнил, как в корчму ворвалось чудовище. Оно пылало от ярости и боли. Первым погиб Зак. Контрабандист успел крикнуть перед смертью, чтобы девчонка бежала. Глупец с одним ножом против такой злобы. Убежище Зака развалилось за считанные секунды. Жители побежали к побережью — небольшие рыбацкие суденышки виделись спасением, но монстр с воплем разбросал обломки дома и прыгнул прямо к лодкам. Те, кто уже успел забраться на них, оказались раздавлены гигантом. А потом... потом смерть. Кровавый дождь оросил землю; никто не уцелел. Укаре достал меч, когда монстр закончил с жителями. Великан в костяной броне пронзал взглядом; рот измазан ошметками; топор пылал магией Царства Теней. Да, тогда-то Посредник и понял, кто перед ним. И револьверы не помогут, даже не поцарапают панцирь.

Тварь бросилась в наступление, разрушая преграды на пути. Девочка не успевала уйти. Пришлось оттолкнуть ее. Крик Укаре, падение. Тело онемело. Порождение тьмы нависло над ним; топор занесен. Колдовское оружие, если не убьет, то покалечит точно. В самый последний миг появился эльф. Он отвел в сторону удар. А затем все стемнело.

— Ты... будешь... вставать?! — надрываясь от тяжести, вскрикнула девушка. — Ты же... бессмертный!

Ага, бессмертный, мать ее. Хотелось бы им быть.

— Отпусти!

Менестрель отступила на шаг и плюхнулась задом на камни. Капельки пота со лба падали ей под ноги.

— Больше... и шагу... не сделаю.

— Уничтожу-у-у! — продолжал вопить монстр.

Посредник поднялся и отряхнулся. Немного взгрустнув о потерянной шляпе, он подошел к менестрелю.

— Вставай, иначе умрешь.

— От него не уйти, тупица! — ответила девушка со слезами на глазах. — Он... он убьет меня, убьет! Ты слышишь вообще?!

Посредник поморщился. За свою долгую жизнь он так и не научился ладить с детьми. Да и с женщинами тоже. Одни проблемы от них. Говоришь им, что делать, а в ответ истерика. Чтоб им пусто было!

— Либо ты встаешь и идешь, либо будет больно. — Ферксиец скрестил руки на груди.

— Да пошел ты.

«Как же тебе повезло, глупый ребенок, что я ненавижу быть в долгу!».

Тихо ругаясь себе под нос, Посредник обошел девушку сзади и ударил ее по затылку. Она тотчас рухнула в беспамятстве.

— Че-е-ерт... — процедил Посредник. Кости в руке еще не до конца срослись. — Сама виновата. — Ферксиец закинул менестреля на плечи и побежал в лес что есть сил.

Тяжелые шаги приближались. Громоподобная поступь сминала землю, крушила камень в пыль.

— Трупы-ы-ы! Мне нужны трупы-ы-ы!

Ни толстые деревья, ни колючие кусты не могли остановить средоточие кровожадности, несущееся по пятам.

Посредник хоть и пережил выстрел в голову, он вряд ли воскреснет, если его разорвут на клочки и съедят.

Топор просвистел над головой и с хрустом вошел в дерево; ствол накренился в бок и стал заваливаться. Ферксиец успел проскочить, но тварь дышала в затылок. Запах смерти пропитал лесную чащу. Посредник понимал, что на сей раз выкрутиться будет крайне сложно. Он лихорадочно соображал, как избавиться от этой груды мяса за спиной.

«Эх, сейчас бы Укаре что-нибудь придумал...».

— А-а-а-р! — проревело чудовище, выдернув топор и снова метнув его в жертву.

Оружие пролетело мимо, едва не задев ногу. Там, куда врезался проклятый артефакт, образовалась небольшая воронка. Черно-зеленые всполохи потусторонней энергии взметнулись вверх, заражая деревья гнилым колдовством. Посредник уже видел подобное — видел мощь Видящей и трех сестер. Неужто они решились покончить с давним врагом, пускай и слишком варварским способом?

«Нет, больше походит на случайность».

— Иди сюда-а-а, мелочь!

«И когда ты успел превратиться в эту погань?»

Монстр со стекающей слюной бежал на Посредника. В его нечеловеческих глазах ферксиец увидел

всепоглощающую злобу. Он повторял одно и то же:

— Умри, умри, умри-и-и!

Справа мелькнула тень. Быстрая, грациозная. С рассеченным лицом и в рваном кожаном доспехе Укаре устремился вперед к двум толстым деревьям. Он снял с плеча длинный моток веревки.

— Укаре! — радостно воскликнул Посредник, пробегая мимо.

— Бегите, господин! — прокричал в ответ эльф и обвязал веревку между стволами. Для более сильного натяжения Укаре крепко обхватил один из ее краев.

Пелена ярости не позволила чудищу разглядеть ловушку. Нога задевает веревку.

— А-а-а! — заорал Укаре, уперев ноги в дерево.

Эрик кубарем покатился по земле. Глубокая борозда, грохот и крики сопровождали сокрушительное падение.

Посредник в последнюю секунду бросился в сторону, а Эрик пролетел мимо и угодил в болото.

— А-а-р-гх! Ничтожества-а-а! Убью! — Оно пыталось встать, но ноги уже по колени погрязли в смердящей жиже. — Твари-и-и!

— На что же ты стал похож? — прошептал Посредник.

— Уходим! — Укаре стремительно подскочил к девушке и взвалил ее на плечо. — Господин?

Посредник медленно подошел в упор к монстру. Их глаза встретились. Вместо гнева теперь отчаяние. На ферксийца смотрел старый друг из далекого прошлого.

— Тильда-а-а...

В груди тяжело, но сердце не бьется. Глубокий болезненный шрам вновь напомнил о себе. Посредник опустил на колено, протянул руку, чтобы коснуться лица Эрика. Тот не сопротивлялся, повторяя имя дочери.

— Господин, — эльф опасно огляделся, — надо уходить. Конрад может быть рядом, а до храма еще очень далеко.

Посредник последний раз взглянул на павшего товарища.

«Вот тебе и заслуженный покой».

2146 год Новой эры. Глирч. Постоялый двор Бригитты и Эрика.

— Выпьем за мир! — Кубок с пряным вином поднялся на голову. — Сегодня наши народы объединятся, а завтра — мы возведем города, поделимся знаниями, обнимемся как братья!

— Да-а! — Ликейские офицеры со смехом стукнулись кружками и осушили их быстрее, чем закончилась речь.

— Союз Ферксии и Ликеи станет нерушимым! За Леоса, за Оттона!

— За мир! — подхватили офицеры, а затем набросились на еду.

Бригитта волчком вертится вокруг гостей. Пухленькая женщина с обаятельной улыбкой подливает старым воякам выпивку. Тильда помогает разносить еду. Она красивее матери, да и в мудрости ей не откажешь.

«А у него глаз наметан...».

Взгляд блуждает по залу. Кажется, войны и не бывало. Всюду смех, разговоры о мирной жизни, Елена рассказывает Эрику основы ликейского боя.

— Это называется фаланга. — Она расставляет кусочки хлеба в несколько линий. — Если хоть один дрогнет, — ладонь разрезает «фаланги» пополам, — всем конец.

— О-о-о... — Капитан кивает, делает глоток из кружки. — И как у вас это получается? Ну в смысле, вряд ли воины умеют мысли читать. — Он напряжено смотрит на Елену. Та хохочет в ответ.

— Ах-ха-ха, у-у-у... — царица красная, как помидор, в уголках глаз скопились слезы. — Все гораздо проще...

Из-за шума ничего не слышно. Бригитта наливает вина в кубок.

— А где твой друг? — Она говорит громко, чтобы перекричать весь этот балаган. — Тильда хотела бы с ним поговорить.

— Как всегда — прячется.

...Поиски длились недолго. Под кроной волшебного дерева, которое никому так и не удалось срубить или сжечь, глядел на звезды молодой ферксиец. Много лет назад двое друзей сидели там же, мечтая прославиться.

На губах играет полуулыбка.

«Нам все-таки удалось».

Неясное чувство. Нога замирает в полушаге. Слова, сказанные утром, до сих пор вызывают обиду, разочарование. Стоит лишь шепнуть кому-то о разговоре — всему конец. Будущее стало таким размытым.

— Даже медведь прячется лучше. — Он продолжает смотреть на ночной небосвод. Звезды, словно ангельские очи, наблюдают за смертными, слушают их сплетни, прислушиваются к мольбам Создателю, решают, кто достоин

вознестись, а кто нет. Сейчас все взоры направлены сюда; звуки веселья почти не слышны; есть только крохотный островок, где друзьям предстоит решить, по какой тропе они последуют.

Кулак сжимается. Страшно. Нет ничего ужаснее, чем потерять доверие человека, с которым связана жизнь. С чего начать: с шутки или с обвинений? Как объяснить другу, что он не прав?

Тихий вздох.

— Я не люблю прятаться.

В ответ короткий смешок.

— И за словом в карман тоже не лезешь.

В словах сквозила издевка; они задевают. В душе зреет обида. Глупое, отвратительное чувство, не достойное зрелого мужчины, и все же...

— Я не понимаю.

— Твоя речь. — Он оборачивается. Хмурый и чересчур серьезный. — Наивная и напыщенная. Ты правда веришь в мир? Думаешь, жалкая бумажка с печатью что-то изменит? — Его слова полны желчи. Злость, непонимание, неверие. — Не мы развязали войну, Конрад, а почему-то именно *мы* ползаем на коленях. Это все Елена, да? Скажи, что *царица* шепчет тебе холодными ночами?

Зубы скрипят от гнева. Он заключил мир. Мир! А все равно его поливают дерьмом, как слабака! Никто и слова благодарности не сказал. Одни обвинения. Не справедливо!

— Я хочу мира, хочу, чтобы наши дети не боялись. — Глаза пристально смотрят на лучшего друга. — Хочу любить.

— И я хочу! — Он вскакивает, бьет кулаком по стволу. — Но без крови, без войны, без...

— С тираном во главе?!

Напряженное молчание. Мы с ужасом глядим друг на друга. Слова не должны были прозвучать, но сами собой вырвались. Сердце неистово колотится. Страшно.

— Конрад... — Он ошеломлен. — Оттон дал нам все. Без него мы бы так и прозябали. Разобщенные озлобленные, дикие. Пойми. — Он подошел, обхватил плечи и крепко сжал. — Мы не готовы. Как, по-твоему, ферксийцы воспримут ваш союз? Знак мира? О-о-о, нет-нет, они посчитают это слабостью, продуманным ходом Леоса, чтобы ослабить империю. Если ты пойдешь до конца, прольется еще больше крови. Я с тобой хоть на край света, но дальше — не проси. Я не хочу умирать за царицу, и уж тем более не позволю развязать новую войну по твоей глупости!

Все понятно...

— Ты же любишь Тильду?

— Не сравнивай это, Конрад.

— Нет? — Рука стискивает кисть друга так, что костяшки белеют. — А как иначе? Ты не можешь, я не могу. Что нам вообще можно? Мы как звери послушно выполняем команды. Безвольные слабаки. — Сквозь зубы звучит яростный шепот:

— Могучая *империя* трусов и лизоблюдов!

Сильная пощечина. Лицо горит.

— Приди в себя! Я трус, а? Трус?! — Он остервенело трясет. — Я устал от войны. Сотни лет одни убийства да разорения. Пожалуйста, Конрад, давай завтра уедем и все закончим.

Глаза стыдливо опускаются. Оскорбил друга. Проклятая обида! А может зависть? Зависть, что ему хотя бы дозволено разговаривать с Тильдой? Но он прав: жить с клеймом шпиона или союзника Ликеи означает изгнание. Примет ли Елена бродягу? Все равно. К черту этот мир без ее света.

— Я уеду...

Он облегчено выдыхает.

— ... с ней.

— Что?...

Голос наполняется уверенностью.

— Я стану ликейцем. Отец будет рад от меня избавиться.

— Тебя убьют!

— Пуская, зато я умру свободным. И счастливым.

Несколько звезд померкли.

Летняя гроза. Всполохи молний озарили черное небо; ледяной дождь под рокот грома обрушился на Илларию; ураганный ветер разметал листья, гнул деревья, гнал потоки воды вниз по склону и дальше, туда, где потихоньку

гасло пламя, охватившее деревушку Аббет. Но природа не могла породить подобный хаос.

Конрад уже не лежал на земле, он плыл. Разбитый. Обессиленный. Сломленный. Лицо спокойно, ни один мускул не шевелится. Тяжелые веки медленно распахиваются, на мгновение открывают серые, лишенные блеска, глаза. Затем так же медленно захлопываются, словно не желают, чтобы Конрад возвращался из снов, которых почти не видел. Растрепанные волосы как черное пламя на воде. Верный клинок плывет рядом, он покрыт копотью и сколами. Ферксиец попытался подвигать пальцами. Шевелился лишь один.

«Я проиграл...».

Поток воды понес Конрада вниз. С каждой секундой он набирал скорость. Конрад врезался в обломки деревьев, торчащие из воды, бился головой о камни, резал руки и ноги. Кровавый шлейф тянулся позади. Как бы то ни было, для ферксийца это было сравни укусу комара, впрочем, быстрый спуск мешал сосредоточиться на исцелении ран. Стоило одному порезу исчезнуть, на его месте появлялось два новых. Конрад чувствовал себя корабликом, с которым играл в детстве. Он спускал игрушку на воду и наблюдал, как буйствующие волны швыряют ее из стороны в сторону, а в конце бросают на острые скалы, где она вдребезги разбивалась.

Конрад хотел вновь закрыть глаза и уснуть вечным сном, погрузится в прошлое, ощутить вкус жизни. Стать человеком.

Его резко подбросило вверх, да так, что он перекувырнулся в воздухе и плюхнулся обратно. Чья-то злая воля подбрасывала Конрада до тех пор, пока он не врезался в стенку амбара у подножия склона. Поток воды прижал его. Доски трещали, прогибаясь под тяжестью стихии. Конрад мысленно произносил заклинание за заклинанием. Одно из немногих достоинств проклятия — могильный покой даже на грани смерти.

Ферксиец поднял руку. Фаланги пальцев выпрямлялись, порезы заживали, сломанные кости втягивались обратно и срастались. Под искореженным нагрудником снова забилося сердце, а ребра встали на место. Конрад потихоньку оживал, хотя кто-то очень этого не желал.

«Где мой меч?».

Клинок в прежнем виде прибило к стенке. И не удивительно — они связаны тонкой нитью древнего волшебства, о которой забываешь спустя годы. Меч всегда будет рядом. Вечно прекрасный. Вечно сияющий. Вечно алчущий крови и страданий.

Доски не выдержали, и Конрада вдавило внутрь. Стена потрескалась; амбар начал рассыпаться. В следующий миг крыша обрушилась на ферксийца. Тот успел закрыть лицо руками.

Бух!

Конрада похоронило под обломками. Поток тотчас подхватил их. Грязная вода просачивалась в рот ферксийца, наполняя легкие. Вот-вот, и он захлебнется.

«Ничего не скажешь — достойная смерть».

Тем не менее Конрад и при жизни не любил сдаваться. Исцеление почти завершилось, поэтому он собрал всю мощь в кулаке. Удар — обломки взмыли вверх; второй рукой Конрад схватил рукоять меча и воткнул острие в землю. Его больше не уносило в море. Как-никак, стихия не соперник проклятому клинку.

Вскоре ярость природы иссякла: ливень прекратился, ветер утих, могучий поток стал не больше ручья. Конрад перекатился на спину; ладони касались мокрого песка. Он сжал горсть в кулаке. В голове пронеслось воспоминание — берег озера близ Коринфуса. Рядом босиком идет Елена. От воды, ласкающей ноги царицы, веет свежестью и прохладой. Покой.

В ответ на мысли ферксийца в небесах проревел раскат грома.

— Да понял, понял, — тихо произнес он. — Можно было просто сказать.

Конрад поднялся, вложил меч в ножны, стряхнул налипший песок, издали глядя на разрушенную деревню. Эрик разнес ее до основания. В воде плавали уже разбухшие трупы, острые носы разломанных рыбацких лодок торчали как айсберги в Северном море.

Вблизи все было гораздо хуже: те, кому не посчастливилось утонуть, растерзанные и наполовину съеденные валялись по всей округе. Тела покрывал ил с грязью, полосы кишок тянулись на десятки футов в стороны.

«Вот тебе и человечность, — подумал Конрад, вспомнив слова Эрика перед бойней. — Куда ты подевался? ...».

Конрад опустил на колено и провел ладонью по песку. Паутинка темных линий побежала вперед — к северной дороге. Ферксиец склонил голову набок. «Посредник». Если Эрик до сих пор не объявился, то старый друг нашел способ избавиться от монстра за спиной. Конраду оставалось лишь идти по ярким отголоскам ярости Эрика.

Даже без магического дара, отыскать чудище не составило бы труда — глубокие следы тяжелых сапог не в силах размыть и ливень. Они вели вглубь леса. Сломанные деревья, растоптанные кусты, топор на дне неглубокой воронки, сожженная земля — закономерный исход, когда в дело вступает грубая сила. Конрад уже позабыл, каким Эрик был капитаном, но он точно не поступал опрометчиво.

— Ну ты и дурак, — сказал он Мяснику.

Эрик по грудь увяз в болоте. Глазеть на Конрада — все, что он мог. Слюна стекала по костяным наростам на подбородке, руки прижаты к телу. Конрад заметил в глазах товарища сожаление. Он еще помнил это неприятное чувство.

— Ты можешь выбраться?

Эрик дернул руками, из-за чего еще глубже погрузился вниз.

— Стой. — Конрад вытянул руку и приставил ладонь ко лбу Мясника. — Не шевелись. — Он вторгся в измученный разум Эрика, подавляя его животную сторону. Видящая научила его этому трюку на случай беды.

Темные дорожки вен вздулись на теле Конрада, лицо иссохло, щеки впали, синяки под глазами сделали ферксийца похожим на воплощенную смерть, однако он продолжал усмирять чудище.

Не прошло и нескольких минут, а Эрик снова стал человеком. Он убрал ладонь Конрада от своего лица и с горем пополам выбрался из жижи.

— Спасибо, — выдохнул он, бессильно упав на землю.

Конрад кивнул и привалился спиной к дереву. Яд проклятия съедал изнутри. Вечная молодость имела свою цену.

— Со мной связалась Видящая, — сиплым голосом сказал он. — Она недовольна.

— А чего она хочет от нас? — Эрик стер слезу с лица. — Нас двое, а кроме Посредника есть еще Никс.

— Ей плевать. У нас есть пара дней в запасе... Сейчас я должен... — Конрад упал. — Должен отдохнуть. Тело не выдерживает.

Эрик привстал.

— Я знаю, куда они пошли.

— Вот как... — Конрад прикрыл глаза. — Тогда у нас еще есть шанс спастись.

2146 год Новой эры. Постоялый двор Бригитты и Эрика.

— И долго ты так будешь сидеть? — Тильда бесшумно входит в небольшую гостевую комнатку, где он часто любил останавливаться. Кроме кровати и столика — ничего. Как в казарме. Такое ему по душе — простота и практичность.

Намного красивее, чем ее мать. Длинные черные локоны слегка прикрывают маленькое аккуратное личико; душистый запах сирени щекочет нос. Она такая маленькая и хрупкая. Едва ли макушка достанет до груди, но разве что глупец посчитает Тильду слабой и беспомощной. Прозорливая и умная, как Бригитта, стойкая и смелая, как ее отец. Лучше советника при дворе императора не найти. За ней будущее Ферксии. Она умеет расположить к себе, ей под силу обыденную фразу превратить в сакральную истину. Сколько же раз она выручала неосторожных болванов из передраг. Сейчас за озорным взглядом скрывается тревога, ее голос — обычно мягкий и теплый — напряжен. Незаметно для многих, но беспокойство и переживания не скрыть от близких людей. Она что-то знает?

— Я только зашел. — Ложь легко сорвалась с языка. Тильда надула губки; поднос в руках слегка дрогнул.

«От нее ничего не утаишь».

— Только зашел? — Тильда прищурилась. — А почему сапоги такие чистые?

— Ходил осторожно.

— Да-а? А еще я вижу недоеденный ужин, а он закончился с час назад. Что скажешь в свое оправдание?

— Мне Конрад оставил.

— Ну да, ну да. Поэтому он надутый весь вечер ходил? Отобрал у бедолаги еду?

«Черт, сейчас засмеюсь».

— Ага! — Тильда поставила поднос на столик и прыгнула на кровать. — По лицу вижу, что врешь! Держи. — Она протянула булочку. — Мама пекла.

«Эх, Бригитта, я же так растолстею. М-м-м, а булочка и правда хороша».

— Надо же, ты больше не угрюмый. — Тильда прильнула к плечу. — Делай лицо попроще, а то похож на папу, когда он серьезничает. Будто с орком говоришь. Бр-р-р, в дрожь бросает!

«Да, с Эриком такое часто. Если вдруг ему приспичит завести заунывную тираду о долге и чести — проще с утеса шагнуть. Как вообще уживаться с таким? Хм-м, съесть бы еще одну...».

— Хочешь еще?

«Вот чертовка!».

— Как ты все узнаешь?

Тильда звонко хохотнула:

— Хе, все дело в этом, — она пальчиком указала на свои глаза, — они выдают тебя. А если ты лжешь, взгляд опускается. Не умеешь ты врать.

Тильда касается щеки, тянется губами. Нет!

— В чем дело? — Она в замешательстве, но не отстраняется. — Я думала, ты...и я...ну ты понял.

— Я не могу. Прости.

Приходится отвернуться. Лицо горит ярким румянцем.

— Твой отец ясно дал понять...

Тильда махнула ладошкой.

— Да брось. — Она садится на колени и пристально смотрит. Хоть подол простого платья прикрывает их, сердце сейчас разорвется. — Дело не в нем. Это все из-за правил?

«Треклятые правила! Не познаешь ты женщины, не найдешь ты дома, отречешься от богатств и славы, братья — семья твоя. Лишь достойным положено имя, лишь достойные обретут жизнь. Правда, нет уверенности, что каждый Страж их соблюдает. Да кого я обманываю? Дело не в этом».

— Я... — Слова застревают в глотке. — Боюсь сделать неверный шаг. Боюсь потерять друга.

Тильда мягко гладит по спине. Она всегда так успокаивает. Мысли все равно пугаются. О Святой трон, как решиться?

Она замечает сомнения, видит страх. Сейчас Тильда похожа на свою мать: серьезная, немного суровая.

— Ты всю жизнь, — голос ее тверд, — делал все возможное во благо нашего дома. Ты образец для подражания. В тебе так много хорошего, а ты считаешь это слабостью...

— Тогда почему я сомневаюсь? — едва ли не крик вырывается из груди. — Солдат не должен сомневаться. Тем более Страж Креста!

Ладонь Тильды ложится в мою, а затем сжимает. Внутри все замирает. В простом жесте так много тепла и

заботы. Она улыбается.

— Потому что долг велит подумать. Пойми, — Тильда шепчет, — солдата солдатом делает не исполнение приказов, не отречение от радостей жизни, а его ум и чувства. Может ли он отличить добро от зла? Может ли он сопереживать, милосерден ли он? Готов ли рискнуть собой не по прихоти командира, а по зову сердца?

— Зову сердца?...

— Да, этим ты отличаешься от других. — Тильда совсем близко. Аромат ее тела манит, горячее дыхание будоражит. Она видит меня насквозь, оттого лицо ее сияет. — Если ты чувствуешь и сомневаешься, ты еще человек.

«Эрик точно ее отец?».

— Ты...

— Мудра как хек. А теперь закрой рот и поцелуй меня.

...Руки трясутся. То ли от холода, то ли от нерешительности. Уже не один час жду на чертовой поляне! Не надо было уходить от Тильды. Тупица, идиот, болван! Что тут вообще делать?

Шорох из кустов. Меч в мгновение ока покинул ножны.

— Кто здесь?

— Это я, пацан. — Из темноты показался Маркус — первый разведчик и помощник капитана Адельмара. — Капитан Блэйк ждет отчет. Батальон вот-вот выдвинется, и ему нужен ответ.

«Черт, и что ему сказать? Знаешь, катись к дьяволу со своими отчетами или ликейцы передумали? А-а-а, Конрад! Чтоб тебя, сукин сын!».

— Думаю, Елена что-то подозревает. Она не собирается продвигаться на север.

Маркус почесал подбородок.

— Прискорбно, но так даже лучше. — Опасный огонек мелькнул в глазах разведчика. — Грекалицы ударили туда, куда мы планировали. А Конрад?

— Он...

Оставайся человеком...

— Он вернется со мной в Хоэнтвиль.

Маркус хищно ухмыльнулся.

— Уверен?

«Не опускай взгляд, не опускай!».

— Да, задание выполнено. Царица отбудет из города и присоединится к ликейским войскам у восточной границы. Батальон не успеет ударить. Скажите капитану Адельмару, что нужен новый план.

— Хм-м, — Маркус задумчиво пригладил бородку. — А я слышал, что сынок герцога без ума от царицы. — Он грустно вздохнул и покачал головой. — Эх-х, жаль. Славный был повод. Не спускай с него глаз, Посредник.

Маркус спиной зашел во тьму и исчез.

«Вот подонок. Назвал Посредником. Унизительное прозвище. Да и черт с ним! Но что же делать? Стоило ли вообще выгораживать этого идиота? Так, успокойся. Нужно сесть. Бр-р-р, камень холодный как воды Северного моря. Первое — предупредить царицу, второе — вытащить Конрада из задницы. А-а-а, долбаный Конрад! «Хочу стать ликейцем». Все мы станем трупами, если батальон ударит. Никакие братства не спасут. О Святой трон, Тильда, куда мы все вляпались? Чтобы ни случилось, Адельмар не должен узнать о предательстве. Никто не должен узнать. Тильда...».

...Острие холодного ножа касается шеи; руки заломлены. Первый разведчик молчит. Это страшнее всего.

Как же глупо он попался! Бежал со всех ног к Конраду и даже не заметил слежки. Чертов Маркус. Верный пес капитана дышит в ухо. Жуткий смрад.

— Капитан все знает.

«Как?!».

— Он не хочет тебя убивать, — продолжил Маркус, — и смотреть, как тебя ведут на плаху, тоже не хочет. Однако, — сталь легонько процарапала кожу. Струйка крови побежала вниз — под доспех, — ты должен кое-что сделать.

— Говори.

— Царица должна умереть, а глупый сын герцога остаться в живых. Он будет умолять тебя, просить помощи.

Зубы сжимаются. Слышен треск.

«О Святой трон, Конрад, чтоб тебя Асмодей забрал! Черт, черт, черт!».

— Конрад тебя возненавидит, зато ты останешься жив. Предательское пятно позора будет стерто. Идет?

«А-а-а! Какой это выбор?! Тильда! Тильда, помоги мне!».

Это чувство. Когда земля уходит из-под ног. Ты говорил о своем бесстрашии, чести, долге. Пустое бахвальство! Трус, который не хочет умирать, который снова ждет объятий возлюбленной.

«Нет, нет, нет, я хочу решать! Не хочу!».

Смех друзей, болтовня после тяжелой работы, обещания, слава и почет — все смешалось. Воображение рисует ненависть в глазах Конрада, Эрик осуждающе пронзает взглядом, Тильда отворачивается.

Оставайся человеком...

«Я не могу, — слезы текут по щекам, — не могу».

— Через боль мы становимся сильнее, — шепчет Маркус. — Лишения закаляют нас. Сталь снаружи — стали внутри. Нам не ведомы сомнения, Страж Креста. Либо так, либо девчонка умрет.

Оставайся человеком...

Тяжелый ком в горле.

«Тильда...».

— ...прости меня.

Менестрель настороженно посмотрела на спавшего рядом Посредника и потерла ушибленную шею. Уже давно расцвело; последнее, что девушка помнила — как Посредник обошел ее сзади. Вспышка боли, а затем она проснулась в глухой чаще. Рядом бормочет во сне чокнутый ферксиец, его спутник — темный эльф — с головы до пят покрыт кровью. Он перевязывает рану на ноге и тихо шипит на родном наречие. Слова не разобрать. Видимо, проклинает тот день, когда повстречал тупицу в шляпе.

— У-у-у... — простонала менестрель от боли в груди и спине. Она приподняла рубаху. — Мать твою! — выругалась девушка, заметив на ребрах огромные синяки. — Что произошло? И почему я насквозь мокрая?!

— Господин спас тебе жизнь, — коротко бросил эльф. Он посыпал тряпку зеленым порошком и приложил к ране. — Агх-х! — Страшные муки отразились на лице, но он продолжал давить. — Иди сюда, девочка.

Менестрель приподняла бровь.

— Девочка? У меня имя есть... эльф.

Укаре скрипнул зубами.

— Ну? — нетерпеливо спросил он.

— Зови меня Жазель. — Менестрель поднялась и стряхнула со штанов налипшую траву. — Что надо делать?

Жазель пришлось стянуть с Укаре верхнюю одежду, чтобы обработать раны. Ее удивила неестественная стойкость эльфа. Он терпел, обливаясь потом. Шипел, ругался про себя, кусал губы. Многие раны были столь глубоки, и, казалось, эльф вот-вот упадет без чувств.

После обеззараживания эльф протянул Жазель раскаленную иглу. Девушка смекнула, что ее предстоит сделать, хотя прежде не зашивала раны.

— А-а! — Укаре резко дернулся, когда игла вошла слишком глубоко. — Осторожнее.

— Это игла, а не крючок! — рассерженно отозвалась Жазель. — Может, расскажешь о случившемся?

Укаре долго молча смотрел вперед, пока менестрель, прикусив язык, собирала его спину по кусочкам. Не успела она закончить, как он заговорил. Медленно, словно пребывал в своих мыслях:

— Призраки прошлого. Они все бегут и бегут за нами, словно забытые воспоминания, которые хотят вернуться, но не выходит. Смертные сходят с ума при виде этого кошмара. — Эльф опустил взгляд на промокшие сапоги. — Не обошлось и без урагана.

— Вот оно что. — Жазель стянула последний шовчик. — А меня-то зачем было бить?

Укаре грустно вздохнул.

— Господину так проще. Ты бы не убежала от Эрика.

Менестрель надулась.

— А мне кажется дело в храме. Лишь я и Зак знаем, где он скрыт. Не по доброте душевной твой «господин» меня спасал.

Эльф не ответил.

— Слушай, — девушка накинула на Укаре плащ и присела рядом, вытянув ноги, — а почему ты зовешь его господином? Вечно таскаешь за ним эту дрянную штуку, — она посмотрела на мокрую поношенную шляпу, сохнущую на камне. — Не похож он на лорда.

Уголок рта Укаре чуть приподнялся; взгляд устремился вверх. Южный ветер гнал отрывистые облака по голубым сводам, верхушки деревьев тихонько покачивались взад и вперед, а листва приятно шумела, словно небольшой водопад. Стайки перелетных птиц возвращались в Илларию из Асторийской империи. И успокаивающая тишина на многие мили вокруг.

— Однажды он угодил в лапы моих братьев.

Жазель закатила глазки.

— Да-да, а ты его спас. Какая скука...

— Вообще-то, — Укаре с усмешкой взглянул на девушку, — я должен был содрать с него кожу и повесить

изувеченный труп над дверью дома.

Менестрель побледнела. Сказки о зверствах темных эльфов все же правда.

— О-о-о...И как он выкрутился?

— Слово за слово, мы сдружились. Он был просто кладезем знаний, рассказывал об удивительных вещах, обещал приключения, о которых и нельзя и мечтать, сидя под землей. — Укаре замолчал, а потом покачал головой. — Само собой, все оказалось не так просто.

— Он использовал тебя?

— Да, чтобы выкрасть королевский рубин из короны верховной жрицы. — Эльф хохотнул. — Ха, вот же кретин. Меня поймали, а он сбежал.

Жазель нахмурилась.

— Я совсем запуталась. Он же кинул тебя!

— Но вернулся. О-о-о, — Укаре потянулся за сапогом, — вот это представление было. Обычный человек против толпы эльфов.

— Серьезно? Он всех завалил?! — Глаза менестреля загорелись. — Не тяни!

Укаре отмахнулся:

— Пф, да куда там! Кинул парочку дымовых бомбочек, срезал с меня путы, и мы бросились наутек. Но, — эльф почесал затылок, — он не видел в темноте, поэтому врезался в первую же стену за поворотом. Пришлось мне тащить его наружу. Эх, славная погоня была...

— Он еще больший дурак, чем я думала, — заключила Жазель. — Так почему господин?

Укаре натянул на ноги сапоги, кое-как надел смятый доспех. Его лицо стало серьезным.

— Он научил меня выживать. Обучил письму, языкам, человеческим традициям. Мы обошли половину мира. Господин порой жесток, беспечен, смешон. И все же, — Укаре протянул менестрелю рук, — в нем еще осталось благородство. Хотя он лучше прыгнет со скалы, чем признает это.

Жазель обхватила ладонь эльфа.

— А...бессмертие?

— Девочкам знать не положено! — раздался строгий голос Посредника. Ферксиец нахлобучил вымокшую до нитки шляпу на голову. Ледяные капли посыпались вниз. — Укаре, почему ты не разбудил меня?

— Вы спали как младенец, господин. Не хотел вас будить.

Непроницаемая мина эльф рассмешила Жазель. Девушка не смогла сдержать смешок.

— Хах, кхе-кхе. — Она прижала ладонь ко рту.

— Очень смешно, — буркнул Посредник. — Пора отрабатывать долг, девочка. Веди нас к храму. — Ферксиец похлопал португею. — Укаре, где револьверы?

Эльф протянул оружие.

— Сухие и невредимые, господин. Я заменил порох.

— Хоть какой-то толк от тебя.

— Я спас вам жизнь. — Укаре скрестил руки на груди. — В четырнадцатый раз.

— Так-так, стоп, — Посредник повертел головой, — деревня кобольдов не в счет! Я почти договорился с вождем.

— А-а-а, быть привязанным к палке над костром — «почти договорился»?

Перебранка двух друзей рассмешила Жазель. На девушку ни тот, ни другой и внимания не обращали, с пылом доказывая, кто сколько раз и кого спасал. Сначала Посредник показался ей напыщенным простофилей с проблемами в голове, и вдобавок жестоким убийцей, который без зазрения совести пристрелил наемника. Сейчас он походит на хитрого авантюриста, скрывающего некую тайну. А Укаре...Укаре даже еще больший добряк. Отважный и честный. И как судьба сводит таких вместе? «Да, — подумала она, — хозяин будет доволен». В конце концов, нужно хорошо узнать человека, прежде чем решить: убивать его или нет.

2146 год Новой эры. Неподалеку от Глирча.

Звездная ночь властвует в Ферксии. Одинокое сизое облако окутывает блестящий серп луны, а водная гладь переливается в серебряном свете. Верный конь несется галопом по песчаному берегу, старается обогнать соперника. Северный ветер бьет в лицо.

Елена быстро оборачивается; полы ее длинного плаща с гербом Ликеи развеваются и трепыхаются. Она хитро подмигивает и бьет лошадь в бока. Погоня продолжается.

— Живее! — Горло жгло от холодного воздуха. — Мы почти настигли ее!

Елена как стрела устремилась вперед. Песок летит в лицо, попадает в глаза. Ничего не видно, рот полон мелкими камушками.

«Твою!...».

Конь спотыкается. Мир кружится, цвета смешиваются как в палитре художника. Болезненное падение и тихий стон.

— О-о-ох...

По спине будто огрели дубиной; в глазах троица. Теперь в небе мириады звезд. Вдалеке слышен громкий женский смех. В Хоэнтвиле такой смех вызвал бы негодование или даже осуждение. Манерные куклы...

Как же приятно лежать на песке. Без доспехов, без оружия.

«Что ж, гонка проиграна».

В памяти всплывают давние уроки истории. Каким же он был глупцом и плохо слушал учителей. Так бы вспомнил, что лучших всадников, чем ликейцы не сыщешь на всем континенте.

Гонки — неотъемлемая часть культуры Ликеи. Каждые пять лет в Коринфусе проводятся состязания лучших всадников страны. Дюжина мужчин и женщин бьются за право быть первым. Не только ликейцы, но и грекалийцы, и илларийцы, и асторийцы принимают участие в турнире. Награда велика, однако и смерть поджидает на каждом повороте. Это не просто гонка — это борьба за выживание. Убийство не редкость на турнире.

«Точно, примерно так сказал Мердок. Эх, хороший был учитель, хоть и гном».

Морда боевого коня неожиданно загоразивает небосвод. Конь нагибается и шершавым языком проходится по лицу.

— Фу, Пери! — Попытка оттолкнуть мордашу не увенчалась успехом. — Елена!

— Ах-ха-ха! — Царица уже тут как тут кружит вокруг и смеется раскатистым смехом. — Какая прелесть. Похоже, Пери к тебе не равнодушен.

— Тьфу! Отстань!

Пери наконец сдается.

Елена спрыгивает с лошади и садится рядом.

«Царица и распластавшиеся ферксиец, измазанный слюнями. Превосходно!».

— Я слышал о гонках в Ликее. Уверен — ты бы победила.

Елена опирается руками о песок, мечтательно смотрит на небо.

— Я побеждала.

— О-о-о...

— Три последних раза.

«Она ненормальная».

— Скверный из тебя всадник, — спокойно произносит она. — Но через пару лет под моим присмотром будешь равен Поллуксу или Кастору.

— Ты меня еще в бою не видела!

— Страшно представить. — Она смеется. — Ах-ха-ха, Конрад Покоритель соломенных чучел!

И правда. Пятнадцать лет обучения, а все на что он способен — вытащить меч из ножен. Да и то без пореза не всегда обходится. К чему такой бесполезный мужчина ликейской царице?

— Знаешь, а зачем я тебе? В империи достойных мужчин куда больше, чем ты думаешь.

— Дурак ты, Конрад. — Елена хмурится. — Из всех мужчин ты один не пытаешься впечатлить меня горой трупов. Твоя сила, — она мягко прикасается ко лбу, — тут. Если мужчина полагается лишь на оружие, то он слаб. Кстати. — Она ложится на бок, придерживая голову ладонью. — Вы помирились?

Неприятное жжение в горле. Обида и разочарование. Что еще можно испытывать к человеку, который отказывается видеть мир без единоличной власти Оттона?

— Он думает людей нельзя сплотить. И якобы нужен «пастух». Чушь!

Кулак сжимает горсть песка. Он просачивается сквозь пальцы, исчезает, словно надежда на будущее.

— Не злись. Его можно понять, ведь Оттон вдохнул жизнь в Ферксию, объединил ее, пускай и жестко. Люди верят в него, хотя я считаю императора убийцей...

Елена замирает, затем медленно оборачивается.

— Беги!

Стрела вгрызается в песок, где секундой раньше сидела царица. Из темноты летит еще больше стрел. В голове хаос, ноги сами несут к Пери. Елена уже в седле; она кричит. Кричит скакать к городу.

Северный ветер бьет в лицо. Царица прикрывает отход. Она, не он. Во мраке видны силуэты; до ушей доносятся приказы. На ферксийском.

«Подонки! Ублюдки! Только троньте ее!».

— Давай!

— Залп по готовности!

Свирипые возгласы пугают. Противник действует слишком слаженно, гонит вперед, как собака овец.

«Стражи Креста!».

Сердце замирает от понимания. Весь этот прием в городе, все это напускное радушие — обман. Наглый, жестокий, вероломный обман! Вот почему его просили быстрее уехать.

«Предатель!».

С громким ржанием лошадь Елены падает. Ферксийские болты с разрывающими плоть наконечниками за несколько ударов сердца превращают гордое животное в истерзанный кусок плоти.

— Елена!

Пери слышит отчаянный выкрик. Он чувствует боль всадника и резко останавливается, дает возможность спасти возлюбленную. Ни оружия, ни доспехов. Одна решимость. Непоколебимая, свирепая, неукротимая.

Несколько Стражей бросаются добивать Елену. Она придавлена лошадью, но даже так не готова сдаться. Один из убийц приветливо поднимают руку. Его последняя ошибка в жизни.

Кулак врезается в скулу. Разведчик падает, роняя арбалет. Внутри все полыхает от гнева. Руки поднимают смертоносное оружие. Выстрел — первый враг падает с пробитым черепом. Выстрел — второй с воплем рухнул на землю. Бедро пробито.

— А-а-а!...

Третий болт заставляет его замолкнуть. Теперь нет ничего, кроме жажды пролить кровь собратьев. Нет, уже не собратьев. Кучка убийц.

Новый снаряд появляется в ложе. Превосходная работа друга. Бывшего друга.

— Сдохни! — Вырывается из груди вместе со слюной.

Стражи не успели опомниться. Они не ждали удара в спину. Арбалет собирает богатую жатву. Рот скривился в оскале.

Тупая боль на затылке. Все меркнет.

— Конрад! Конрад! — Елена кричит, ногтями царапая землю. Она плачет. — Я всех вас уничтожу! Всех! Слышите меня, мрази предательские? Не я, так мой брат!

«Не плач. Прошу, не плач...»

...Веки такие тяжелые. Что происходит?

«Елена!».

Встать не получается. Руки крепко связаны за спиной.

«Твари!».

Взгляд ищет *ее*, но натывается на *него*. В дюжине шагов стоит Страж, которого он называл своим другом. На безучастном лице и намек на раскаяние.

— Помоги... — шепчут губы. — Спаси *ее*.

— Конрад! — Елена в разодранном доспехе привязана к дереву. Лицо усеивали ссадины и синяки. Ее били.

— Елена!

Пытаюсь ползти, а Стражи молча наблюдают. Бездушные големы, отбросы! А *он* так и пялится. Стал как они. Нет-нет, не может быть! Они вместе прошли через академию, спасли тысячи жизней, они вместе хотели изменить этот чертов мир!

— Умоляю!

«Ублюдок, да я на колени встану. Ты этого хочешь, да?».

И бровью не повел...

— Ты вообще слышишь меня, трус?!

«Он отворачивается? Отворачивается от меня?!».

— Смотри на меня, бесхребетная подстилка! Я тебе говорю!

«Зачем ему дают арбалет?»

Взгляд мигом устремляется на Елену. Затем на оружие.

— Не делай этого! — Губы дрожат, пот заливает глаза. — Стой, прошу! Нет, нет, нет!

Арбалет поднимается. Так медленно, так неуклонно. Лицо друга не меняется. Наконечник блестит.

— Конрад. — Елена не проронила ни слезинки. Изумительная, прекрасная, воинственная, гордая, доблестная. — Не забывай...

Щелчок. Болт вонзается в сердце. Елена замирает.

«О Святой трон, нет...».

— А-а-а-а, мразь! Ненавижу! Ненавижу тебя!

Кто-то подошел. Тело дрожит.

— Конрад, — произнес незнакомец, присев на корточки, — меня зовут Маркус. Я первый разведчик капитана

Блэйка.

— Пошел ты!

Плевок угодил в лицо Маркуса.

— Храбрый. Империи такие нужны. — Он смотрит на Елену. — Жаль, что так обернулось. Это было неминуемо. Ферксии не нужен мир, пока континент не будет отчищен от падали и тех, кто не разделяет наши...идеалы.

«Монстр. Самому же противно!».

— Лейтенант! — На опушку выбежал один из Стражей. — Глирч горит!

— Тильда! — кричит подлый убийца Елены.

Арбалет стучается о землю.

— Стой! — приказывает Маркус.

Поздно: бывший друг и соратник рванул к городу.

«Теперь и ты почувствуешь боль, предатель».

Конрад очнулся на плече Эрика. Гигант нес его без особых трудностей, как ребенка. Эрик шел по тракту и напевал детскую песенку себе под нос. Магия Видящей развеялась, капитан вновь обрел разум, но он не сможет вечно сдерживать чудище внутри себя. Таково проклятие — мертвец никогда не обретет покой.

«Он такой из-за тебя»

В слякоти под ногами отразилось лицо Конрада с ехидной ухмылкой.

«Исчезни. Тебя нет».

«Я всегда рядом, Конрад, покуда проклятый меч висит у тебя на боку. Как тебе — вспомнить? Уже чувствуешь? Сладкий нектар ненависти, боли и отчаяния по капле падает на язык».

«Ты лишь плод воображения. Проваливай».

Эхо издевательского смеха отразилось в сознании и голос умолк.

«Я — это ты...».

Размытая дорога была пуста, на многие мили вокруг ни души. Да и кто в здравом уме пойдет по тракту, ведущему к восточной границе Захарии? Стрела эльфа пробьет голову навывлет еще на подходе к Лесному Королевству. Неужто Посредник решил поиграть с судьбой?

— И долго я еще буду трястись у тебя на плече?

Конрад едва узнал свой голос. Хриплый и слабый, словно он не разговаривал сотни лет.

Эрик поставил Конрада на ноги. Тот чудом устоял.

— Долго мы идем?

— С самого рассвета, — отозвался Эрик, напряженно вглядываясь в горизонт.

Вдали виднелись заснеженные пики гор. Восточные Хребты Иллари. За ними начиналась земля нелюдей. Брови Мясника сдвинулись. Его можно понять: эльфийские разведчики стерегут даже проходы через горы. Обладая невообразимой силой, все равно есть риск погибнуть. Тракт тоже не внушал доверия. За долгие годы в окружающих лесах вполне могли затаиться остроухие убийцы. Конрад слышал о Захарийских нелюдах достаточно, чтобы осознавать всю опасность путешествия. Эльфы тех краев отличаются особой жестокостью, не щадят никого, с ними нельзя договориться, от них нельзя уйти. Озлобленные дикие твари.

— Посредник опережает нас на день, — продолжил он, — но непроходимая чаша его задержит, а если повезет, то эльфы прикончат.

— А нам потом бегать за этими дикарями. Нет, мы достанем предателя сами. Какой план?

Эрик ненадолго задумался, выстраивая в голове путь.

— Перехватим их у подножия вон той горы. — Он пальцем указал на самый высокий пик, которой пронзал облака своей снежной шапкой. — Храм там.

— Что за храм и зачем ему туда идти? — Конрад уже обрел прежнюю силу. Лицо вновь помолодело, глаза блестели, а тело окрепло. — Он никогда не был религиозным.

— Без понятия. Идем, пока светло.

По задумке Эрике они должны до заката идти по большаку, а затем укрыться в лесу. Желательно там, где их никто не увидит. Конрад шел следом за Мясником, внимательно оглядываясь по сторонам. С каждым днем Конрад все больше чувствовал, что заклятие разрушается. Сейчас отголоски человеческого страха поселились в нем. Ладонь все время покоилась на рукояти меча. Успеют ли они исполнить клятву?

«Дрожь?».

Ферксиец попытался унять пробивающуюся наружу тревогу. Ощущение опасности нарастало. Вторая сторона

одерживала вверх. Почему сейчас? Почему он ждал столько лет?

Сердце забилось чаще.

«Что это? Радость? Возбуждение?». — Вопросы не давали Конраду покоя, но он понимал, что власть Видящей слабеет. Быть может, свобода перестанет быть недостижимой.

День близился к закату. Мошкара выползала из сырой листвы, собираясь в небольшие черные тучки, солнце отдавало остатки тепла, погружаясь в ночную дрему, тут и там Конрад замечал светлячков, а над головой, на невообразимой высоте, где живут боги, звезды готовились украсить небосклон ослепительным сиянием. Лес тоже наполнялся жизнью: писк лисицы, радостный вой стай волков, хруст веток под тяжелой поступью кого-то большого и неповоротливого. Конрад вспомнил яркий миг блаженства из той далекой жизни, когда гулял по тропкам Восточного леса в Фоусте. А потом все помутнело, невидимые когти вонзились в грудь. Безразличие.

— Мясник, откуда ты знаешь про храм?

Эрик не сразу ответил, лишь, когда последний луч скрылся за хребтами, он обернулся.

— Культисты часто пользовались услугами банды. Эльфы их не трогали. Не знаю почему.

— Видимо, боялись.

Эрик усмехнулся.

— Пха, эльфы-то? Ты сам их видел?

До Конрада только сейчас дошло, что он ни разу не встречал дикого эльфа.

— Слышал.

Гигант остановился, прислушался. Он махнул рукой в сторону леса.

— Спрячемся. — Эрик вдохнул побольше воздуха. — Эльфы проснулись.

Ферксийцы углубились в чащу, после чего, Эрик быстро соорудил шалаш из сломанных веток. Он плотно накрыл все листвой и вылил на нее склянку жидкости с дурным запахом.

— Живее, полезай внутрь, — велел Эрик.

Они затаились. Никто не издавал ни звука.

— Не шевелись, — прошептал Мясник. — И даже не смей доставать клинок.

Конрад не успел задать вопрос «почему?». Недалеко послышался шорох, словно ветерок щекочет листву. По напряженному лицу Эрика стало понятно, что рядом враг. Интересно, как нагромождение веток и травы обдурит остроухих?

— Uno`me! (Они здесь) — прорычал один из них. — Kill`to! (Убить!)

— Ledo`neer (Старейшина), — отвечал другой. — Me`tekko...(Велел к ним не подходить...)

— Shat`ki! (Заткнись!)

О чем говорят эти дикари? И почему никто не видит укрытие? Они же, как на ладони.

Эрик изрядно вспотел, он почти не дышит. Одна его рука на поясе рядом с ножом, вторая удерживает Конрада.

— Твари знают, что мы рядом. — Шепот Эрика еле слышен. — Не вздумай использовать силу.

Вскоре эльфы ушли. Также бесшумно, как и появились. Эрик облегчено выдохнул, прикрыв глаза.

— Еще чуть-чуть...

— Ну все, хватит. — Конрад откинул ветки в сторону. Эрик не успел его остановить.

— Стой! — Вырвалось у него.

Конрад выпрямился. Тишина вокруг. И тут — во тьме начали загораться багровые огоньки с вертикальным зрачком. Все больше и больше.

— Человеки. — В голосе слышалась усмешка. — Nido`Kom.

— Что они говорят? — спросил Конрад, наполовину вытащив меч.

Эрик глухо зарычал.

— Твой череп принадлежит богине.

Высокая тень спрыгнула с ветки. Глаза горели от предвкушения славной охоты. Эльф вышел навстречу ферксийцам. На две головы выше самого рослого человека! Если бы Конрад чувствовал, он бы испытал омерзение вперемешку с испугом. А так — простой наклон головы набок. Эрик же напротив, напрягся еще больше при виде изуродованного татуировками вытянутого лица. Уши дикого эльфа были намного длиннее, чем у их благородных собратьев из Иллари или Астории. Они сплошь усеяны блестящими кольцами. Легкая зеленая накидка, едва прикрывающая тело; наручи и сапоги в амулетах и оберегах. Конрад сразу посчитал, что защита им и не нужна. Огромный лук за спиной покрыт перьями. Вряд ли кому-то из смертных под силу натянуть это страшное оружие. Однако опаснее всего были стрелы.

«Как у Стражей», — подумал Конрад.

Крючковатые наконечники, которые превращают внутренности в кашу. Одного попадания хватит, чтобы причинить жертве страшные страдания. Конрад взглянул на Эрика. Тот уже приготовился бежать.

«Да, он тоже это понял».

Эльф поднял руку.

— Пристрелить! — на искаженном всеобщим выкрикнул он, и дикари все как один натянули луки.

2146 год Новой эры. Тронный зал.

— Его Высочество император Оттон — владыка Ферксии, завоеватель Ликеи, покоритель Грекалии, освободитель Илларики, создатель...

Оттон восседает на троне. В черно-золотом плаще с прорезями с рук, с большим отложенным квадратным воротником из соболиного меха. Он ждет, пока герольд до конца пропоет всю эту церемониальную песню. Император устал, но показать слабость перед герцогами значит открыться для удара в спину.

Торжественная музыка продолжает играть.

Зал наполнен людьми высших чинов: вон герцог Кларенс вместе со старшим сыном старается быть как можно ближе к трону, временный заместитель Стражей Маркус встал по правую руку от Оттона, казначей, несколько взволнованных послов из соседних стран почтительно склонили головы, пять генералов, суровые как зима в Ферксии, стоят в первых рядах. Небывалое столпотворение со времен начала великого похода. За всем следят Стражи.

Взгляд переходит от одного рыцаря к другому. Равнодушные истуканы, лишённые сердец. Убийцы, марионетки, фанатики.

Еле заметный смешок. Никто не слышит — все заворуженно смотрят на Оттона. Бедняга Маркус. Он растерян, даже напуган. Пытается унять дрожь в руках. Он один из немногих Стражей, которые не падают на колени перед императором.

Оттон небрежно махнул ладонью; музыка тотчас стихает. Генералы напряглись. У императора есть два повода собрать всех в зале: наградить за службу или, как часто бывает, наказать слабых в назидание остальным.

Высокая женщина в капюшоне и длинным посохом появляется слева от трона. На миг дыхание перехватывает. «Вот чего испугался Маркус».

Незнакомка наклоняется к Оттону. Что она шепчет императору?

«Кто она такая?».

Оттон оперся о подлокотники и поднялся. Он источает могущество. Император плавно сходит по ступенькам вниз, буравит взглядом главу семейства фон Лимбургов. За ним по пятам следует Маркус и странная женщина. Знать в благоговении.

«Будто Создателя встречают».

Снова смешок.

Женщина резко оборачивается. Из-под капюшона видна лишь улыбка. Нет — оскал. Как же плохо. Голова кружится, хочется пить.

«Занятно...», — слышится голос в голове.

Хек!

Хек снова подошла к Оттону. Тот прислушивается, а затем вглядывается в толпу позади.

«Хоть бы не заметил...»

Император хитро прищуривается, а потом выпрямляется, расправив плечи. Он готовится сказать речь.

Его властный громкий голос разносится по залу:

— Герцоги и герцогини, мои славные генералы, — Оттон мимолетным взглядом окидывает ферксийских воинов, — послы из союзных стран. — Посланцы и голов не подняли.

— Сегодня знаменательный день для всей империи, но, — добавляет он скорбным тоном, — Ферксия заплатила великую жертву. Капитан Блэйк — верный воин и предводитель — погиб, защищая Глирч от вероломного нападения Ликеи, славный капитан Эрик и младший сын великого герцога Кларенса фон Лимбурга нашли свою смерть на поле брани...

«Ложь. Наглое вранье!».

Внутри разгорается ярость.

— ...благодаря их жертве, империя смогла подавить восстание, сломить жалкое сопротивление Леоса! — Оттон потрясает кулаками. — Однако, — голос становится тише, — появилась новая угроза.

Испуганный ропот проходит по толпе, люди шепчутся.

— Мы же все захватили...

— Откуда?

— Нелюди готовят удар! Я же предупреждала!

«Тупицы, вас используют».

Хек вновь оборачивается. Ее взгляд пронзает. Холодно. Руки немеют, мысли путаются...

«Что... что происходит?».

«Тц-с-с»

— Арип — бывший друг, наставник и главный советник Ферксии замыслил отобрать у империи свободу! Якобы *боги* могут нам навредить. — Отгон развел руки.

Люди засмеялись.

— Великая жрица, — император представил знати незнакомку, — показала мне, как сделать Ферксию недостижимой даже для этих ложных идолов. Я милосерден, но Арип пренебрег моим советом, поэтому он понесет заслуженное наказание. Генерал Реймонд!

Реймонд вышел вперед и опустил на колено перед Оттоном.

— Приказывайте, владыка!

«Реймонд, какое же бессердечное чудовище. Конрад же твой племянник! Сделай что-нибудь! Отвратительно. Мерзко. Подло... Р-р-р, голова раскалывается. Все эта чертова хек».

Взгляд падает на Маркуса. Он тоже не уверен в намерениях Оттона. Ферксия разлагается; клятвы воинов ничего не стоят; империя по горло в крови. Не хватает Конрада.

Кларенс не сводит глаз. Он знает правду о судьбе сына? Знает, кто погубил его? Нет, герцог плевать хотел на Конрада, на империю. Самодовольного, завистливого и двуличного ублюдка заботит лишь собственное положение. Он в ярости, что весь его идеальный план рассыпался.

Реймонд покорно склоняет голову, бьет себя в грудь. Герцоги клянутся перебросить силы домов на юг Иллари. Собираются большие силы. Толпа ликует. Вот так и умирает свобода. Так умирают идеалы.

Отгон приказывает Маркусу разобраться с делами Стражей. О, Трон, никто не сможет заменить Блэйка. Самоотверженный и храбрый был воин.

Ладонь сжала рукоять меча.

«Как же так все обернулось?».

Сердце колет грусть. Сожаления терзают душу. Нельзя проявлять слабость! Нельзя давать поводов сомневаться в себе!

Хек касается плеча Оттона. В холодном взгляде императора раскрывается его сущность. Притворная забота, обманчивая теплота, лживая улыбка тают. Жестокость, коварство, жажда власти выползают наружу, когда серые глаза смотрят на тебя.

— О! — Он поднимает руку, подзывает к себе. — Подойди.

«Давай, малыш, сделай, как он просит».

Вот он — миг, когда решится судьба.

— Тс-с, — прошептал Посредник, зажимая рот Жазель. — Эльфы слышат каждый шорох.

Вместе с товарищами ферксиец укрылся в узком овражке, где они едва поместились. Девушка дрожала как осиновый лист, и Посредник опасался, что у нее начнется истерика, поэтому прижал к себе.

Клинки Укаре медленно и беззвучно покинули ножны. Темный эльф готовился напасть, если вдруг дикари заметят безумцев, решивших поиграть со смертью.

Скользкий шорох в густой траве над головой; южный ветерок несет запахи масел и краски. Жители леса, будто духи — неуловимые и тихие. Эльфы сливаются с природой; она становится их глазами и ушами. Любой писк, любой шаг, пусть самый незначительный, станут последними, если кто-то дернется.

Пускай сердце Посредника и не бьется, он все равно боялся. Благородство давно истлело в дикарях, сейчас осколок древнего народа не гнушается есть даже человеческую плоть. Но страшнее то, что эльфы делают перед тем, как закинуть изувеченную и еще живую жертву в огромный кипящий чан. А их стрелы... Они и бессмертного с ума сведут. Кустистые заросли да нагромождение ветвей укрывают от кровожадных созданий.

— Un`fuli, Kalotus (Я чую их запах, Калотус), — раздалось зловещее шипение.

— Mon`kii som`into (Глупые люди), — отозвался другой эльф.

Бух!

Волна магической энергии сотрясла землю. Песок посыпался на Посредника и Укаре. Мелкие песчинки угодили за воротник ферксийца, отчего тот заерзал и стиснул зубы от непреодолимого желания скинуть с себя одежду. А вот Жезель повезло меньше: по ее лицу ползла жирная многоножка.

— М-м-м! — замычала менестрель.

— Тихо! — прошептал Посредник, крепче прижав девушку к груди.

— Мо`ne? (Что это?) — насторожено спросил голос сверху.

Укаре приготовился нанести удар.

Бух!

Вторая волна от взрыва напрочь сдула ветви с убежища.

«Твою-то мать...», — подумал Посредник и облизал сухие губы.

Эльфы закричали и бросились в сторону взрывов. Они уже не скрывались. Посредник понял это по топоту босых ног и встревоженным голосам. Тем не менее рисковать в подобном месте — последнее дело. Троица выжидала, пока ветер не унесет с собой запахи хны и древесной коры.

Бух...Бух... Бух...

Взрывы гремели такие, словно к границам Лесного Королевства подошел авангард дворфов-инженеров. Посредник слышал о новых чудных изобретениях бородатого народа, которые мигнов сносили толстые каменные укрепления.

— Да что там происходит? — Укаре осторожно высунул голову. Недалеко на западе он увидел, как в небо взметнулись десятки деревьев вместе с высокими и сухощавыми телами эльфов. — Что за?...

Посредник отпустил девушку и тоже рискнул высунуться из укрытия. Вид разлетающихся деревьев и трупов поразил его, однако он сразу догадался, чьих это рук дело.

— О Создатель... — ферксиец стряхнул песок со шляпы, — Конрад ближе, чем я думал. Надо спешить.

— То чудище?! — испугано спросила Жезель. — Нет-нет, — она замахала руками, — я не соглашалась на такое!

— Уж поверь, — Посредник грубо схватил девушку за руку и потянул наверх, — то чудище просто ангел во плоти по сравнению с Конрадом.

Пока дикари пытались убить Конрада с Эриком, Посредник со всех ног понесся к горной гряде, до которой оставалось рукой подать. Укаре с побелевшей со страху Жезель бежали следом.

Ожесточенная битва позади разгорелась не на шутку: Посредник замечал мелькающие тени меж листвы на деревьях. Эльфы стягивали все силы на Конрада и Эрика. То, что Эрик в эпицентре схватки, ферксиец не сомневался. Ни болоту, ни зыбучим пескам не под силу убить порождение Царства Теней и проклятия Эгона.

— Надо свернуть! — закричала Жезель. — Впереди деревня!

Укаре недоуменно посмотрел на девушку.

— Откуда ты знаешь?

— Карта. — Менестрель на бегу достала из сумки кусок бумаги. — Зак отметил тут все.

— Господин! — Эльф ускорился. — Господин!

Посредник слишком глубоко погрузился в свои мысли, чтобы услышать телохранителя. Воспоминания былой жизни бежали с ним бок о бок. Он видел себя. Видел семью. Мертвую. Огонь поглотил одних, а стальной меч погубил других. Из-за него. Из-за беспечности и слепой веры. «Господин!», — услышал он отчаянный крик Укаре, но было поздно.

Посредник на полном ходу зацепился ногой о натянутую веревку; сеть сомкнулась над головой ферксийца, и он очутился в воздухе. Беспомощный и ошарашенный. Посредник висел на высоте не меньше пятнадцати футов.

«Асмодей тебя раздери!».

— Укаре, сделай что-нибудь!

Эльф озадачено смотрел на толстую сеть, прикидывая возможности своих клинков. Через пару минут до него добежала Жезель. Она едва дышала и оперлась рукой о дерево, на котором висела сеть.

— У нас...нет...времени, — сказала она. Девушка взглянула на карту. — Обойдем деревню.

— Нет! — Укаре закатал рукава. — Без господина мы никуда не пойдём. Я заберусь на дерево, а ты спрячься.

— Стой. — Посредник протянул руку. — Кинь мне нож, живее!

Укаре недовольно поморщился, но исполнил просьбу.

— А теперь бегите к храму. Там мы встретимся.

— Но...

— Даже дикарям меня не убить, — с ухмылкой ответил Посредник. — К тому же я слишком жилистый для их знаменитого супа. Бегом! — рывкнул он.

Укаре кивнул и вместе с Жезель устремился вперед.

— Замечательно, — бормотал Посредник. — Сначала чокнутые наемники, потом чертов Эрик, а сейчас гребаная сеть! Да в задницу эти путешествия! Разберусь с проклятием и осяду в тихой глуши, где буду доить коров и варить сыр.

— Uno`me! Mon`kii near`ra! (Он здесь! Человек попался!) — Послышалось неподалеку.

«Какой же ты крикливый!», — думал Посредник, наполовину разрезав веревку. — «Вот почему нельзя было деградировать в другом лесу?!».

— Mon`kii! Mon`kii! — восторженно загудели эльфы. Кошачьи глаза сверкали повсюду. Кто-то опустился на ветвь, к которой крепились ловушки. Посредник увидел худое татуированное лицо и острые клыки. Дикарь уже

тянул руки, чтобы схватить ферксийца, но тот последний раз провел лезвием по веревке, и с грохотом плюхнулся на землю.

— У-у-у... — Посредник вылез из-под сети, потирая зад. — Кто-нибудь знает Лисанадру?

— Р-р-р, mon`kii... (р-р-р, человек...) — донеслось сердитое рычание с ветки.

— Ясненько. — Ферксиец рванул за Укаре. Так ему казалось.

Ветки били по лицу, сапоги вязли в грязи, несчастный сюртук изодрали колючки, а в спину летели стрелы. Толстые, словно копья, и зазубренные, как края льда у берегов Северного моря, они с треском врезались в деревья, оставляя глубокие раны в многовековых великанах. Посредника спасало лишь то, что дикари не столь искусны в стрельбе, однако недостаток мастерства с лихвой окупался смертоносностью каждого выстрела.

Вжих!

Одна из стрел настигла ферксийца. Она вошла в плечо и чуть ли не прошла навывлет.

— Эгон тебя подери! — озлобленно выкрикнул Посредник. Боль он не чувствовал, и все же повисшая рука заметно усложняла побег. Ферксиец на секунду остановился, чтобы вытащить стрелу. В него тотчас полетел еще десяток. — Ненавижу этот чертов лес!

«Где ты, Укаре? Чертов ты эльф, где ты?».

В кромешной тьме Посредник мало что видел, впрочем, когда свет луны мельком осветил путь, его взгляд успел зацепиться за невысокую стену, обвитую плющом. Вот оно! Ферксиец устремился к спасительному щиту от стрел.

Вблизи стена оказалась выше, но Посредник не растерялся: он крепко схватил лозу, пару раз дернул и стал карабкаться наверх.

Вжих!

Стрела просвистела у самого уха и угодила в стену в паре дюймов от лица. Ферксиец замер.

«Вот дерьмо!».

Посредник упрямо взбирался, пока эльфы без устали поливали его убийственным градом из нечеловечески огромных луков. То ли удача, то ли божественное проведение сыграли роль — ни одна стрела не попала в цель. Посредник неуклюже перевалился через стену и грохнулся на кучку соломы.

— Уф! — Он довольно раскинул руки. — А мне везет...

— Mon`kii? (Человек?) — В шаге от себя Посредник услышал детский голосок. — Ma, et`a mon`kii? (Мама, это человек?)

«Укаре, я тебя ненавижу!».

Посредник поднял голову. Вокруг него стопились эльфы. Женщины и дети. Оружия ни у кого не было, ненавистных взглядов тоже, скорее, любопытство и удивление. Ферксиец осторожно поднялся и выставил ладони вперед. Неторопливо он пошел вперед, его руки были на виду, как и оружие. Хотя вряд ли дикари знали, что такое револьвер. Толпа расходилась перед ним; матери укрывали детей, молодые эльфы с интересом разглядывали иноземца, не решаясь подойти близко.

«Где выход? Где чертов выход?!» — Посредник вертел головой, но замечал только домики на земле и на деревьях, откуда тоже глядели множество пар изумленных глаз.

— Kill`to! (Убить его!) — Войны за стенкой добежали да поселения.

Посредник подумал, что эльфы не будут лезть через стену, а просто обойдут ее, а значит времени в обрез.

Деревня дикарей оказалась намного больше, чем можно было предположить. Уже не десяток, а чуть ли не сотня жителей вышла поглазеть на необычного гостя. Воинственный клич воинов становился громче.

— Kill`to mon`kii! Kill`to mon`kii! (Смерть человеку! Смерть человеку!)

Один из детей — еще без боевой раскраски — засмеялся и радостно захлопал в ладоши.

— Iga! No`va iga! (Жертва! Новая жертва!)

Посредник закивал.

— Да-да, no`va iga! No`va iga, — громче повторил он, чтобы это ни значило.

Толпа эльфов облегчено выдохнула. Многие женщины заулыбались, отпуская молодняк поглазеть на «no`va iga». Счастливый ребенок указал пальцем в сторону гор, затем на тропку, выложенную сухими бревнышками.

«Он показывает дорогу из деревни?» — Посредник недоверчиво покосился на эльфов. Все продолжали на него таращиться. Из домиков на деревьях раздавалась музыка.

— Iga, iga! — Эльфы замахали руками.

— No`va iga! — напоследок прокричал Посредник.

Эльфы не обманули: путь привел к открытым воротам, где на страже стояли два рослых воина, с головы до ног увешанные трофеями. Вид радостного человека их несколько не смутил. Они выставили копья.

— Iga!

Войны переглянулись.

«Пусть бы сработало, пусть бы сработало».

А потом кивнули друг другу и сняли со спин луки. Они одновременно натянули тетиву.

— Iga! — разом проревели дикари, выпуская стрелы в незадачливого ферксийца.

Посредник тотчас выхватил оба пистолета.

Бабах!

Головы эльфов разлетелись на мириады кровавых ошметков.

«Укаре, где ты, дьяволы тебя деря?».

— Откроешь? — Укаре ощупал каменную дверь с изображением рогатого черепа. — И желательно побыстрее.

Менестрель и эльф стояли подле выдолбленных в скале ворот. К ним вела длинная лестница из сотен и сотен ступеней, которые тянулись от самой границы леса.

Жезель скривила носик и задумчиво потерла подбородок. Открыть-то она могла, но нужно придерживаться плана, а без сигнала с противоположного входа, открывать дверь в храм не имеет смысла.

— А как же твой господин?

— Он появится, — отозвался Укаре. — Всегда появляется.

Жезель услышала обеспокоенность в голосе эльфа.

— А что кричали эти эльфы? — неожиданно для себя спросила она. — Я знаю много наречий и языков, а это что-то непонятное.

Укаре перевел взгляд от двери к девушке.

— Ваши кости принадлежат богине. Во имя кровавой госпожи, смерть людям и отступникам. Так ты будешь открывать?

Резкая боль в голове на мгновение пронзила Жезель. Она прикоснулась ко лбу.

— Все хорошо?

— Да-да, сейчас начну открывать. Только погляжу в записи Зака. — Девушка быстро перелистывала страницу за страницей. — Так, — полусшепотом заговорила она, — поверните это так, затем, — ее ладонь нажимала на крохотные камешки в двери, — нажмите здесь. Та-а-к, а сейчас, — рогатый череп прокрутился; раздался щелчок, и дверь начала медленно отворяться, — готово!

— Ука-а-а-р-е-е! — Посредник вылетел из леса. Сюртук разодран, в шляпе две дырки, от сапога отвалилась подошва, в руках он держал револьверы. Ферксиец заметил эльфа и помчался вверх по ступеням.

Укаре скрестил руки на груди и с усмешкой поглядел на Жезель.

— Ха, я же говорил — торопиться некуда.

После слов эльфа из леса вслед за Посредником выскочила орава улюлюкающих дикарей. Яростной волной она устремилась к порогу храма.

— Так, — глаза эльфы расширились, — план меняется! — Укаре вручную стал раздвигать каменные дверцы. — А-а-а, черт...помоги...Жезель!

Менестрель обескуражено смотрела на толпу разрисованных эльфов.

— Укаре, этот кретин привел их сюда!

— Ука-а-а-р-е-е! — орал Посредник, отстреливаясь от преследователей. — Открыва-а-ай!

— Укаре, Укаре, — про себя причитал эльф. — Да вы хоть что-то можете сделать без меня?! — В щель между створками уже могла протиснуться Жезель, но не он с господином.

— А-а-а! — натужно заревел Укаре. Двери распахнулись. — Фуф. — Он оперся руками о бедра. — Внутрь.

Жезель забежала в проход. Скрип. Второй. Каменная дверь вновь закрывалась.

— Господин, быстрее!

Бах! Бах!

— Твою ма-а-ать! — Посредник уклонился от летящей в спину стрелы и нырнул во тьму храма. Укаре последовал за ним.

Дверь захлопнулась.

2147 год Новой эры. Темница в Хознтвиле.

Кап-кап. Кап-кап. Кап-кап.

— Один, два, три... — Сухие губы почти не разомкнуть. Но надо говорить, чтобы не сойти с ума. День за днем

смолянистые капли падают с потолка. Одно и то же число. Каждый раз. — ...четыре, пять, шесть...

Так темно и сыро. Святой...

— Пф-ф, Святой трон.

Гнилой — как и сама империя. Такой долгий путь, столько стараний, столько глупых потерь. Никому не нужен мир. Одно золото да власть. Леос был прав: Ферксия успокоится с последним покоренным народом.

Вместо смеха из груди вырывается кашель:

— Кха-кха, мир, кха-кха.

«Почему бы не плюнуть на все?»

Испуг? Нет, легкое удивление.

— Пятнадцать, шестнадцать, семнадцать...

«Твое сердце разрывается от тоски, душа мечется, трескаясь в потоке безумия в голове»

Ну и пускай. Какой смысл пытаться что-то исправить. Проклятие, неужели так выглядит сумасшествие? Говорю сам с собой.

— Кхе-кхе, безумие, кхе-кхе...

«Можно просто избавиться от нелепых чувств. Зачем травить себя, если все уже кончено? Эмоции — слабость. Не это ли говорят в военной академии Ферксии?»

— Двадцать пять, двадцать шесть, двадцать семь...

Голос в голове мой собственный? Невыносимо слушать это ехидство!

Ладони прижимаются к ушам; глаза жмурятся. Чужой смех доносится из темных уголков тесной камеры.

— ...тридцать, тридцать один, тридцать два...

«Почти год. Бедный, бедный Конрад. Каково это — сидеть в одиночестве, забыв о дневном свете, вспоминать обиды и медленно сходит с ума?»

Год? О, Трон! Целая вечность прошла. Про него забыли. Оставили гнить в наказание. В наказание? За что? За желание остаться человеком? За веру в свет? За любовь?!

Голова трещит.

— Р-р-р, хватит... — Руки сминают череп от боли. — Елена!

«Она мертва. Все мертвы. Лучший друг предал, променял на империю. Он ложь!».

— ...сорок пять, сорок шесть, сорок семь...

Слезы обжигают лицо. Холод.

Что ты такое? Отстать от меня!

«Ах-ха-ха. — Смех отражается от стен многоголосым эхом. — Я — это ты, Конрад».

Заткнись, заткнись, заткнись...

— Заткнись!

Тяжелые шаги за дверью. Звон ключей. Замок со скрипом открывается. Забытый свет факела из проема ударяет в глаза.

— Конрад?

Знакомый голос. Ненавистный голос.

— Пришел поглумиться? Кха-кха.

— Оттон хочет тебя видеть. Вставай.

Что это? Жалость? Лицемерный ублюдок!

— Да пошел он. Кха-кха. К Асмодею. Кха-кха.

Тяжкий вздох. Звучит приказ. Жесткий, беспрекословный. Двое гвардейцев берут под руки и выволакивают из камеры. Словно дикаря из Захарии, а не сына герцога.

Шестьдесят семь, шестьдесят восемь, шестьдесят девять...

Ноги не двигаются; пол царапает стопы. Злость, презрение, неповиновение. Только не боль. Ее нет. Оттон может казнить его, может измываться, но не сломит волю. Елена...

Запутанные коридоры, винтовая лестница, косые взгляды гвардейцев. Знакомые лица. Те, кто клялись в верности, теперь ненавидят. Отряды Стражей патрулируют дворец; за равнодушными масками проглядывает удивление. Еще бы, сын Кларенса воскрес.

Поворот. Голова приподнимается; глаза уже привыкли к свету. Впереди двустворчатые двери — огромные, черные, с гербом Ферксии посередине. Тронный зал.

— Открывайте! — звучит приказ.

О, какой важный стал. Мерзавец!

Теперь его волочат по мрамору. Две кровавые полосы остаются позади. Зал пуст. Кроме Оттона, рядом с тронном стоит женщина. Высокая, в капюшоне и с посохом. Колдунья. Хек.

Как же низко пала империя, если проклятым разрешено стоять возле трона. Омерзительно.

— Оставьте его. — Оттон вальяжно сидит, положив ногу на ногу. — И вон отсюда. Все.

Напряженное молчание; немигающий взгляд императора; треск чародейской силы от посоха. Оттон обращается к колдунье:

— И он сможет?

— Мой император, — мягкий голос хек успокаивает, усыпляет, обволакивает, — человеку нужна правильная мотивация. Например, — она смотрит вниз, но на ее глазах повязка. На тонких губах застыла улыбка, — прощение. Семья фон Лимбургов сейчас не в фаворе из-за, кхе-кхе, *маленькой* неудачи. В империи суровые законы.

«Я знаю, чего ты хочешь».

Разум встрепенулся. Хек копается в его голове! Коварная змея вздумала шантажировать.

Оттон откидывается на спинку трона. Он задумчив.

— Он ненавидит меня, ненавидит империю. Ты видишь его взгляд? В нем теперь больше от животного, чем от человека.

«Елену можно вернуть»

Лгунья! Убирайся из моей головы!

Зубы скрипят от усилий. Мощь заклятия нарастает.

— Да, владыка, но, — хек спускается по ступенькам, — чего не сделает брат для любимой сестры, которую ждет забвение. Гретта заложница в собственном доме, ее нигде не ждут, как и остальных сестер и глуповатого Отиса. Фон Лимбурги обречены. — Она встает рядом; искорки от посоха сыплются на голову, оседают на плечах.

— Ведьма! — Попытка встать оборачивается ударом по спине. — А-а!

«Сколько боли. Я могу ее унять, просто сделай кое-что для меня».

— Еще слово, и ты отправишься на плаху, ничтожество. — Рот Оттона скривился в презрении. Он вновь обращается к хек. — Он и в подметки не годится Арипу. Да и с таким же успехом я могу отправить в Фоуст кого угодно. Почему Конрад?

— Потому что, — хек склоняется, изящная рука касается заросшего подбородка. Кожа горит после прикосновения, — ему есть что терять.

«Ты заслуживаешь иной жизни».

Оттон сложил руки на груди; бровь удивленно приподнялась.

— Как и другим. Имя, титул...

Хек останавливает его, качая головой.

— Нет, мой повелитель. Имя, титулы и богатства не идут ни в какое сравнения с чувствами. — Она чуть ли не шепчет. — С любовью.

— Отпусти, дрянь!

Снова удар. Кровь неровным узором брызнула на первую ступеньку. Колдунья поправила полы плаща.

— Тебе слова не давали.

«Я могу прекратить это. Скажи да».

— Любовь, — громко оглашает она, — дает небывалое рвение, владыка. Как и дружба.

Что? Дружба?

«Помнишь Эрика? Он еще жив. Ты можешь его спасти».

— Намекаешь на Эрика? — Оттон заерзал. — Этот мясник голыми руками убил капитана Стражей и всех, кто был рядом. Он неуправляем.

Эрик жив? Невозможно...

Сердце забило быстрее.

«Ему больно. Он сломлен потерей семьи».

Тварь! Бригитта и Тильда не могли умереть. Ликейцы не убивают женщин и детей!

— Он безумен, зато хорош в бою. Цепной пес под надзором Стражей, — хек ухмыльнулась, — и пленник. Так что выбирай, Конрад: либо доблестный капитан Ферксии сбежал из плена и самоотверженно вызвался исполнить волю императора, чтобы вернуть доброе имя семьи, либо как отброс и изменник сгниешь вместе с другом в убогих казематах.

«Никто и не говорил про ликейцев».

Подлое бессердечное чудовище. Кровь бурлит от злости. Его лишили всего, а теперь дают выбор без выбора. Проклятье!

Кап-кап. Как-кап.

Несколько капель скатываются по впалым щекам и разбиваются о пол. Семьдесят, семьдесят один, семьдесят два...

Ненавижу. Ненавижу этот чертов мир!

«Елена ждет, Конрад. Скажи да».

Взгляд упирается в Оттона.

— Да, я сделаю это.

— Умри! — Конрад рванул к противнику. Он будто мираж, будто призрак, то появлялся в материальном мире, то исчезал в иссиня-черной дымке. Эльф успел несколько раз выстрелить, прежде чем его обезглавленный труп рухнул во влажную траву.

Два дикаря спрыгнули с дерева и с размаху рубанули мечами. Один по груди, другой по спине. Вспышка; Конрад уже появился позади одного из эльфов, всаживая зачарованное оружие между лопаток. Вспышка; второй эльф без ног корчится в агонии.

— А-а-а!

— Заткнись, — сказал Конрад, перерезая врагу шею. Затем он поднял руку над собой.

Воздух пропитался энергией Царства Теней; вихри магии собирались над эльфийским лесом. Огромные черные тучи сливались друг с другом, образуя титанический смерч с разрядами молний. Он, словно копьё, вонзился в землю, разметая все и вся на пути: деревья вырывало с корнями, эльфы в страхе отступали, но стихия настигала их и подбрасывала высоко в небо, ломала кости, скручивала, разрывала. Молнии испепеляли тех, кого вихрь не вобрал в себя.

Конрад ничего не чувствовал, кроме зова Видящей. Она была повсюду. Наблюдала, помогала. И наказывала за неудачи. Сейчас в голове голос навязчиво велит одно — вырезать всех. Конрад бросился вперед на отступающих эльфов. Колдовское пламя в глазах ферксийца нарастало, клинок сиял тлетворной силой, прорубая себе путь через ряды дикарей. Не убежит никто: будь то враг или друг.

Вспышка. Тело Конрада распалось на миллионы частичек. Сознание плыло в потоке времени и пространства, выбирая место, где вновь воплотится. Для него проходили секунды, а в реальности — не больше мига.

Вспышка. В Конрада чуть не врезался эльф в короне из перьев. Ритуальные татуировки покрывали не только тело, а лицо украшали письмена непонятного Конраду диалекта. Дикарь опешил, но не развернулся и не побежал. В руках у него был короткий клинок. Эльф застыл в нерешительности. Собратья окрикивали его, однако тот прокричал:

— Neno`kuta! (Я разберусь!)

Конрад равнодушно пожал плечами и исчез. Он появился за спиной противника и уже собирался вонзить клинок в сердце, как вдруг эльф пригнулся, а потом сделал подсечку. Ферксиец грохнулся на спину; клинок отлетел в сторону.

Исчезнуть Конрад не успел — нога эльфа оказалась быстрее. Огромная ступня чуть не размозжила лицо, но Конрад вовремя перекатился.

— P-p-p, mon`kii!

В ответ из руки ферксийца показались черные змеи; они впились дикарю в лицо. Эльф истошно завопил, пытаясь отодрать тварей.

— А-а-а!

Пламя в глазах Конрада разрасталось. Он поднялся и воздел руки надо головой.

Три столба ослепительного света обрушились на древний лес. Он исчезал под тяжестью титанической мощи Царства Теней. Перстень Эгона подпитывал и без того убийственное заклинание.

— Умрите, — прошептал ферксиец. — Животные.

Вспышка.

Бум! Бум! Бум!

За несколько ударов сердца поле боя превратилось в голую пустошь. Потусторонняя энергия выжгла все живое чуть ли не на лигу вокруг.

Гнетущая тишина.

Конрад воплотился у самой границы оскверненной земли. Еще тысячу лет ни одно семя не прорастет посреди жуткого кладбища. Тяжелый запах горелой плоти наполнял грудь; изуродованные тела свисали с многочисленных почерневших деревьев позади Конрада. Сотни искалеченных жизнью.

Ни стыда, ни сожаления. Воля Видящей исполнится, и не важно, сколько эльфов или людей умрет.

«Это не ты».

Молчи, воспоминание. Ты сделал выбор много лет назад, поэтому сиди и не рыпайся.

«Трус».

Убирайся.

«Слабак».

— И кто из нас монстр? — Эрик встал рядом, рассматривая пустырь. — Иногда мне кажется, что тот мальчишка, засыпающий с книгой в руках, просто сон. Его никогда не существовало.

Конрад не ответил.

— Нашел поселение?

Эрик кивнул.

— Да, но там нет воинов. Женщины и дети. Напуганные.

— Веди, — коротко бросил Конрад.

...Эльфийка даже не вскрикнула, когда клинок пробил ее грудь. Она рухнула на землю — к остальным мертвецам.

— Еще раз повторю: вы видели здесь человека в шляпе? — Конрад вытер лезвие о край плаща. — Переводи.

Эрик слово в слово повторил вопрос. Никто из местных все равно не понимал, о чем идет речь. Конрад терял терпение. А еще он замечал в поведении Эрика недовольство. Бывший капитан заставлял себя разговаривать с эльфами. Ферксиец склонил голову набок. Со времен Фоуста Мясник сильно изменился. Почему Сестры и Видящая закрывают на это глаза? Его выходы с Ангельским мхом докучали не меньше, чем шпионские сети по всему континенту. Связь с Посредником — последняя капля. Что задумал этот безумец?

«Но ты спас его».

Конрад небрежно взмахнул рукой — эльф с рассеченным лицом упал навзничь, прямо на руки завопившим собратям. Хватит марать клинок о невежественных дикарей.

— Iga! — закричал мальчишка, выбежавший из толпы. Мать тотчас схватила его за руку и прижала к себе. — Iga! — хныкал он. — No`va Iga.

— Что это значит?

— Забава, мишень, охотничьи уголья, — угрюмо ответил Эрик. — У слова много значений. Предположу, что Посредник тут был. Его посчитали чем-то вроде ритуальной жертвы для богини.

— Asha murda`yo (Аша пожрет ваши души), — злобно прошипела эльфийка. — Muni`amo, mon`kii (Ее оружие испепелит человечество).

— О чем бормочет эта тварь?

— Пойдем, Конрад. — Эрик положил ему на плечо руку. — Незачем лишать жизни и их.

Конрад повел плечом и оттолкнул товарища в сторону.

— Нет, я хочу знать. Я слышу угрозу.

Эрик вздохнул.

— Аша заберет наши души. Ее древнее оружие истребит всех людей.

— Оружие?

— Дикаие эльфы обычно кладут его на алтарь богов. В храмах.

— Вот как. Стало быть, Посредника идет за этим самым оружием. Расспроси про него.

— Я...

— Давай, — громко произнес Конрад. — Иначе в лесу станет на одно кладбище больше.

Эрик почтительно склонил голову, извиняясь за убийство. Он не закончил говорить, как его прервал старец. Эльф вышел вперед. Сухой, без ноги, с толстой веткой для опоры. Дикарь заговорил — на ферксийском.

— Вы убили всех мужчин. Убили будущее племени. Зачем нам говорить про оружие богини?

— Чтобы спасти жизни женщин и детей! — не выдержав, выкрикнул Эрик. — Прошу вас.

Эльф прищурился.

— Я помню армию. Помню империю, стершую с лица земли Леадор. И вот что с нами стало. — Он горестно усмехнулся. — Поклоняемся тьме, потому что свет нас оставил. Оружие проклятого бога неподвластно ни одному смертному. Оно пожрет ваши души, подчинит себе, но вы и так прокляты. Да и души ваши давно прогнили.

Конрад резко вытащил меч и приставил кончик к лицу старца.

— Кто ты такой?

Эльф бесстрашно взглянул смерти в глаза.

— Я глас богов, я их око, я их чувства. Я знаю, что сейчас произойдет.

Ядовитое пламя окутало клинок; тьма сгустилась над эльфийской деревней.

— Стой, — зашептал Эрик. — Не делай этого. — Он попытался оттащить Конрада, но невидимая сила обожгла руки. — Ар-р-р, черт! Конрад, хватит!

— Давай, — с вызовом бросил эльф; ветер раздувал его седые пряди, — высвободи демона. Эгон ждет.

— Сто-о-ой!

Отчаянный крик Эрика поглотила буря. Два смертоносных смерча стерли с лица земли еще один реликт прошлого.

2151 год Новой эры. Императорский дворец.

Перо скользит по пергаменту, выводит ферксийские символы. Кривые каракули, где нет ни капли изящества. Рука болит, пальцы не разгибаются от целого дня бессмысленной проволоочки с приказами. Маркус с командирами слишком затягивают с назначением нового капитана. Адельмар Блэйк.

— Как же так вышло?... — шепчут губы. Хорошо, что рядом никого нет. Пустая комната в восточном крыле дворца. Проявление чувств, тем более от Стража, — непростительная слабость. Но как эти подонки осмелились замарать имя капитана? Неблагодарные сволочи! Блэйк был символом благородства, примером для других. Адельмара уважали даже генералы. А теперь его имя смешали с грязью, сделали крайним во всех прегрешениях. За что?

Перо разломилось пополам. Грязная клякса растеклась по бумаге.

Для чего все это заполнять? Лучше сразу казнить, чем заставлять гнить в одиночестве.

Через круглое и пыльное решетчатое оконце пробился лучик. Кружок света пестрит невзрачный серый жилет Стража с крестом на груди, золотит стол, падает на кипу книг, указывая на название одной из них.

«Imperial Venitus». Имперская истина. В академии приходилось зачитывать ее до дыр. Святой трон, даже детям читают ее вместо сказок перед сном. Мир сошел с ума.

Новое перо. Новый приказ. Луч тускнеет от безысходности, свет ускользает.

— Как и будущее...

Конрад.

Сложно писать. Мысли о друге не просто печалют, они ужасают. Дважды предать... Чтобы сказал отец? Может быть, назвал бы трусом?

Горький смешок.

Конечно. Весь из себя правильный, преданный, а на деле слабак. Теперь его ненавидят. Все отвернулись, кроме Маркуса.

Град посыпался на Хоэнтвиль, забарабанил по окну; холодный ветер просачивается через узкие щели, продувает до костей, зловеще завывает.

— Да что с этой погодой не так?

Перо замирает. Только сейчас до сознания добирается суть приказов, которые вскоре окажутся в руках генералов. Истребление. Ликея обречена. Леоса загнали в Ущелье Мертвеца. Все за что бился Конрад, превратилось в прах. Мира больше никогда не будет.

Святой трон...

Яростный стук в дверь. Кто-то молотит по ней как умалишенный.

— Открыто.

На пороге стоит разодетый во все черное посланник императора.

— Владыка Оттон требует вас к себе.

— Я скоро прибуду в зал.

Посланник качает головой.

— Не в зал, в сады.

...Императорские сады — святая святых Оттона. Под громоздким стеклянным куполом растут цветы и деревья из разных стран. На ферксийском языке некоторым и названия не нашлось. Впрочем, один император разбирался в тонкостях ухода за ярким цветником.

Оттон стоял над круглой клумбой, задумчиво рассматривая кроваво-красный цветок; стебель покрывали маленькие иглы.

— Вот и ты, — не оборачиваясь, говорит он. — Надеюсь, работа не притупила твоих навыков? Как-никак, два года прошло.

— Я доволен своим положением. — Ложь легко слетела с губ. Раньше даже во сне невозможно было и помыслить о таком.

Император оборачивается. На его лице удивление.

— Признаю, лгать ты научился. Хм-м, — веселая искорка блеснула в глазах Оттона, — ни один мускул не дрогнул. Мне нравится. Так вот, — он манит ладонью к себе, — тебе интересно, зачем я вызвал тебя?

«Будто у меня был выбор».

— Я удивлен.

— Пройдемся. Заодно покажу тебе сад.

К чему показывать цветы простому солдату, пускай и Стражу? Ни черта не понятно. Очередная ловушка?

Оттон все говорит и говорит. Указывает на невысокое дерево, произносит странное слово «Микус» — захарийское деревце. Да и хрен бы с ним. Но как он увлечен. Пожалуй, даже больше, чем напыщенной речью перед герцогами и генералами.

Взгляд бегаёт по саду: по цветам, по душистым кустам с крупными ягодами, по деревьям с листвой в виде крыльев и с колючками. Сад как сад. В душе возникает чувство неловкости.

— Вижу, — Оттон тыльной стороной ладони проводит по широкому зеленому листу, который тотчас свернулся в трубочку, — ты не особо впечатлен. Оно и понятно: воины редко находят красоту в природе. Я хочу это изменить, хочу увидеть, как расцветет империя, подобно этому саду.

«Это невозможно».

— Пока это невозможно, но начало положено. Ты знал, что твой отец собрал этот купол?

— Отец? Я думал, он создавал оружие.

— Отнюдь. Он был превосходным инженером-механиком...

«Поэтому его предали и убили?».

— ...и ты тоже можешь стать таким. Твои механизмы пользуется успехом.

Император надавливает пальцем на запястье. С тихим щелчком из-под рукава Оттона выскальзывает короткий клинок.

— Как видишь, и я им не брезгую. Красота и изящество скрывают смертоносность. В этом саду все такое — ядовитое. Одно неверное прикосновение, один неверный шаг и ты мертвец. Никогда не узнаешь, что тебя убило.

Яснее некуда. Император угрожает, потому что что-то знает. Он любит играть в такие игры, чтобы человек боялся, ощущал себя беспомощным.

— Одно меня смущает, — клинок встает на место; мягкая ладонь опускается на плечо; страх шевелится внутри, — преданность. Ты уже много лет Страж, однако я вижу неуверенность, сомнения, боль в твоих глазах.

Оттон будто видит насквозь. Это пугает. Пугает всех при дворе. Слабости не скрыть от пристального, холодного и хищного взгляда. Его ладонь скользит к лицу; наконечник клинка в дюйме от шеи.

— Конрад был твоим другом, а Эрик чуть ли не наставником. Сейчас сын Кларенса в Фоусте. Слышал о таком городе? Он в Иллари.

Короткий кивок.

— Да.

— Отыщи для меня кое-что. — Император шепчет. — Книгу. Арип держит ее у себя.

— И зачем она вам, мой повелитель?

Улыбка Оттона похожа на жуткий шрам на лице.

— Ферксия *должна* расцвести, чтобы каждый человек в империи жил также, как и люди в других странах. Водопады, густые леса, живописные озера, теплое солнце, дарящее радость.

«Водопады? Озера? Что за вздор. Простой книжке такое не под силу».

— Я не доверяю Конраду. — Оттон морщится. — Вернее, его талантам. Я поступал опрометчиво...

«Разоряя страны?».

— ...убил много людей, разрушил десятки городов, но, — император шагнул назад, — это все ради Ферксии. Книга найдена, и теперь настанет мир. Ты, Конрад, Эрик — вы же этого хотели!

«Мир? Он не настанет никогда, лицемерный ты ублюдок».

— Ты очень долго трудился, доказывая преданность общему делу. Скоро в Фоуст отправятся Стражи с их новым капитаном. Все Стражи.

— Значит, вы уже его выбрали?

Оттон кивает.

— Он тебе понравится. Маркус умеет убеждать.

«Очередной фанатик у власти. Лучше быть не может».

— Провал, — продолжает император, — недопустим. Иди, и помни: от ферксийского правосудия не уйдет никто. Ядовитые шипы повсюду. Любого, кто захочет отринуть наши идеалы, — на ближайший куст опустилась птица, и он мигом оцетинился сотней острых игл. Тушка исчезла в листве, — ждет смерть.

— Что там произошло? — Жезель изможденно привалилась спиной к торчащему из земли осколку колонны. Бегство от дикарей далось ей нелегко: помимо усталости, девушка умудрилась изодрать одежду, рассечь плечо и заработать кучу ссадин и синяков. К тому же Посредник понимал, что для простого менестреля из захудалой деревушки увидеть силу Царства Теней — чересчур. Бедняжка еле-еле в себя-то пришла. — Я, — она слотнула, —

простой музыкант, а не гребаный искатель приключений!

Посредник распластался на земле, широко раскинув руки. Его грудь вздымалась, по лицу градом стекал пот, взгляд устремлен в потолок, где в густом, непроглядном мраке холодным синим светом горели глаза. Посредник моргнул; видение исчезло. Он попытался нащупать шляпу, но кроме комков сырой земли так ничего и не нашел.

— Укаре... — Посредник повернул голову и посмотрел на верного телохранителя. Тот сидел рядом, прислонившись к стене. Голос господина вывел его из размышлений. Свет от волшебных факелов с ярким камнем вместо огня коснулся левой половины лица Укаре: рваная рана на щеке, глаз заплыл, на черной коже запеклась кровь. Эльф нашел силы улыбнуться.

— Господин, я знал, что вы успеете.

— Ага... — Посредник поводит ладонью по воздуху. — Конрад совсем из ума выжил. Этот тупица разнес половину леса.

Укаре лег.

— Выходит, те эльфы не пытались вас убить?

— Разумеется, хотели. Я же пристрелил двоих из них...

— Эй! — возмутилась девушка. — Я уже сыта по горло бездумным насилием. Избавь меня от очередной истории.

— Спокойствие, детка, только спокойствие. — Посредник, скрипя зубами, поднялся. — Весь этот ураган из дерьма учинили мои бывшие друзья. Мы сбежали, все хорошо. Вставай, болван! — Мужчина легонько пнул эльфа по сапогу. — Надеешься, что я больше буду тебе платить? А ты, — он пристально глядел на Жезель, — рассказывай, где мы очутились.

Как оказалась, девушка многое знала о таких храмах. Древняя постройка всего лишь одна из многих разбросанных по всему континенту. Подобные храмы застали времена первых богов, в них приносились жертвы, хранились реликвии, проклятые книги и проводились ритуалы.

— Хранилище, — себе под нос тихо пробурчал Посредник.

— Что-то вроде того, — ответила Жезель. — Очень часто в них запирали злые сущности. — Она провела языком по зубам. — Время показало, что храм — не слишком надежная тюрьма, — буркнула она себе под нос.

Храм в Восточных горах издревле служил священным местом для эльфов, где они поклонялись своим покровителям. Великие ворота открывались лишь несколько раз в году — в праздники или во время обряда принятия мертвых. Посредник внимательно слушал рассказы Жезель, и чем дольше они длились, тем яснее ферксиец понимал, куда они все угодили. Это место не просто склеп, не обычный храм для поклонений, а древняя темница. И в глубине проклятых катакомб их ожидает нечто.

Кольцо на пальце заискрилось, зловещий шепот зазвучал в голове Посредника.

«Вперед...вперед...вперед...».

Знакомое ощущение присутствия артефакта. Посредник сжал кулак.

«Вот почему Никс направился сюда».

— Нам срочно нужно попасть к алтарю, — сурово произнес ферксиец. — Укаре!

Эльф резво вскочил. Он редко видел господина таким серьезным. На сей раз Укаре быстро догадался, в чем тут дело.

— Артефакт Эгона?

Посредник кивнул.

Жезель недоуменно посмотрела на спутников.

— Эм-м, я попробую довести, но ничего не обещаю.

Так они и вышли. Каждый взял по факелу, свет которых разрезал густую тьму мрачных и узких коридоров храма. Стены вдоль и поперек украшали рисунки, забытые руны пересказывали истории далеких времен, везде Посредник узнавал работу бессмертных строителей. Он ясно помнил каждую деталь, каждую фреску и картину из предыдущего Хранилища. Все такие же неизменные они были и тут. С одним лишь отличием — камень и тьма вместо зачарованного стеклянного коридора. Посредник вспомнил отчаянные крики, звон стали, уродливых чудовищ и гротескные статуи богов, охранявших вход. Во рту пересохло, ладони вспотели от тяжести тех воспоминаний. Едва ли его товарищи переживут такую битву.

Посредник прикоснулся к груди. Тишина. Пока он не исполнит свой долг, сердце так и останется куском камня, в котором нет ни страха, ни любви. Каким же глупцом он был, променяв человечность на мнимое бессмертие.

Тем временем Жезель вывела всех в небольшой круглый зал. Древние колонны удерживали своды. На каждой из них строители установили металлические гнезда, внутри которых Посредник разглядел овалы силуэты.

— Укаре, что это?

Эльф отдал факел ферксийцу и пригляделся.

— Хм-м, похоже на кристаллы...

— Они освещали тут все, — ответила Жезель. — Видите? — Девушка указала на заваленное камнями окошко. — Раньше через него сюда попадал свет, а затем отражался от кристаллов и...

Укаре недоверчиво посмотрел на девушку.

— Как ты его увидела? Я родился под землей, но не разглядел окно.

Жезель замялась.

— Говорила же, я давно изучаю храмы. Знаю, где что лежит.

Эльф нахмурился, однако ничего не сказал.

Посредник достал револьвер и вставил в барабан светящийся патрон.

— Где, говоришь это оконце?

— Э-э, там... — Жезель показала пальцем в скопление камней под потолком.

Бах!

Рунический патрон врезался в толщу камня, с треском ломая его на куски. Обломки посыпались вниз и с грохотом рухнули на алтарь между колоннами. Оглушительное эхо обвала прошло по коридорам.

— Мать твою! — Девушка подпрыгнула от неожиданности. — С ума сошел?! Тут и так все на честном слове держится!

Через дыру в мрачный зал устремился яркий утренний свет. Золотистый луч ударился в первый кристалл на пути, от него в следующий. И так по кругу. Благодаря свету стало понятно, что круглый зал — притвор, где ждали своей очереди те, кто хотел войти. Кроме тоннеля, по которому пришел Посредник с соратниками, из зала вели еще три, но они были перекрыты круглыми каменными дверьми. Посреди зала располагался постамент. На нем лежала серебряная сфера.

Ферксиец довольно кивнул, убирая оружие обратно. Уголок рта Укаре приподнялся; эльф покачал головой. Жезель напротив скорчила недовольную мину.

— Делов-то. — Посредник подошел к сфере. — А это что за штуковина? — с любопытством спросил он. — Жезель?

— Похоже на ключ. — Девушка закусила губу. — Но я бы не рискнула его трогать.

— Почему?

— В таких храмах полно ловушек. Эльфы просто так не оставляют на виду важные артефакты. — Она хмуро окинула взглядом ферксийца, тянущего руку к сфере. — Тем более, ключи. Не смей трогать его, пока мы не поймем, как тут все работает!

Втроем они бродили по залу, выискивая подсказки к решению головоломки. Меж тем Посредник разглядывал потолок, на котором кто-то искусно изобразил небосвод с сотнями звезд. Под одной из таких стоял эльф и протягивал луне сферу. Рядом с ним стоял еще один; в руках он тоже сживал круглый артефакт. Всего Посредник насчитал три. Ферксиец подошел ближе, прищурился. На каждой сфере виднелась руна.

«Хитро, хитро...».

— Эй, Жезель, приглядиись к сферам на стенах.

Девушка внимательно изучила каждую. Тень любопытства скользнула по ее личику. Она подбежала к постаменту и принялась искать ответ.

— Ага, вот оно! Укаре, осмотри двери. На них должна быть руна.

Эльф кивнул.

— И что ты поняла? — спросил Посредник.

— Каждую дверь открывает свой ключ. На этой сфере руна «Iu» — свет. Значит, нам нужна дверь такой же отметкой.

— Есть такая! — крикнул Укаре, подзывая Жезель к себе. — Она же, да?

Посредник присел на корточки. Его цепкий взгляд бродил по гладкому камню. Кому, как ни ему, знать все о механизмах и ловушках. Возможно, тут их и вовсе нет. Эльфы просто хотели напугать не прошеных гостей таким вот хитрым трюком. Или нет? Все указывало на отсутствие западни.

У основания все чисто, вокруг тоже. Посредник осторожно провел пальцами по плоской верхушке постамента, где лежала сфера. Чисто.

«Если только под сферой нет механизма».

— Я все проверил, — произнес он, взяв с пола увесистый камешек.

— И? — одновременно спросили Укаре и Жезель.

— Подойдите.

Троица склонились над ключом.

— Я разбираюсь в таких вещах. Думаю, сфера на выдвижной пластине.

— Выдвижной пластине? — недоверчиво спросила Жезель. — И что предлагаешь?

Посредник облизнул губы. Одной рукой он прикоснулся к ключу, а во второй держал камень.

— Надо быстро поменять местами эту штуку с камнем. Я такое уже видел. Один мой друг такое провернул.

— Умно, — прошептал Укаре.

Все затаили дыхание.

Посредник молниеносно схватил сферу и положил на ее место камешек. Жезель вздохнула с облегчением,

Укаре смахнул пот.

— Говорил же — плевое дело. — Ферксиец подбросил сферу и поймал ее.

Треск. Еще один. Камень на постаменте вдавил пластину внутрь. Послышался гул; потолок медленно опускался вниз, ломая колонны и закрывая окно.

— К двери, быстро! — завопила Жезель.

С потолка посыпался камень, куски колонн с грохотом разбивались у ног Посредника, который еле-еле уклонялся от губительного града. Двое спутников уже ждали его.

«Да как так-то?! Чертов... — Кристалл вместе с металлическим гнездом миллионом осколков разлетелся перед самым носом ферксийца. — Мать твою!».

— Ну же! — кричала девушка, протягивая руку. — Кидай!

«Нет уж, девчонка».

Посредник ловко перескочил через упавшую колонну и прыгнул к двери. Укаре указал на углубление под руной; сфера тотчас вошла внутрь. Ничего не произошло.

— Асмодей тебя раздери! — Ферксиец досадливо пнул по двери. — Не подходит.

Жезель суетливо прощупывала каждый дюйм, пока последний лучик света не исчез в крошечной тьме проклятого храма. Посредник хоть и мог уцелеть под завалом, но становится мокрой лужей — такое себе будущее.

Когда надежды не осталось, когда Укаре, прикрыв глаза, молился эльфийской богине, руны над выемкой, как и сфера, засветились, затем скрип, после которого открылся проход. Троица проскочила внутрь.

Бум...

Потолок опустился.

— И где мы? Я ничего не вижу. Укаре!

Эльф коснулся руки Посредника.

— Я тут, господин. Мы в тоннеле, и тут крутой спуск, — ответил Укаре. — Странно, пол гладкий. Как тут вообще ходили?

Чутье намекало Посреднику на опасность. Беспокойство охватило разум. Что за строитель будет делать коридоры с крутым спуском? Тут и ноги переломать можно. Может эльфы ходят по-особенному? А может это какой-то сток... Сомнения вгрызлись в мысли ферксийца. Истории о неудачных разграблениях смешнее, когда ты не их участник.

Неуверенный голос Жезель прервал его размышления:

— А как твой знакомый сбежал?

Понапрасну пугать девушку Посредник не хотел, но умалчивать о некоторых не слишком приятных мелочах в нелегкой работе мародеров и контрабандистов в таком положении не лучше обмана.

— Эм-м, его, — замылся он, — раздавило. Вот и вся история...

— Раздавило?! — почти взвизгнула Жезель. — И ты только сейчас об этом сказал?

— Да брось, он просто не увидел... — Посредник замер. — Укаре, над нами есть отверстие?

— Ну да, — спокойно ответил эльф. Посредник ощутил мимолетный страх, когда Укаре понял, к чему тот клонит. — Чтоб меня...

— Здесь никто не спускался, — себе под нос прошептала Жезель.

Дум! Дум! Дум!

— Какая ирония, — выдавил из себя Посредник. — Бежи-и-им!

Огромный валун упал за спинами героев и покатился вслед за ними. Укаре бежал впереди, предупреждая о препятствиях на пути.

— Яма! — выкрикнул эльф. — Прыгайте!

Все трое перелетели через расселину и приземлились на гладкий пол. Посредник поднялся первым.

— Уф-ф, все целы?

— Ага, — отозвался Укаре.

— Жезель?

Никто не ответил.

— Ее тут нет, — испуганно сказал эльф. — Что за чертовщина?

Тихий женский смех рассеялся во мраке коридора.

Посредник не успел удивиться: за его спиной раздали потрескивания. Кто-то за стеной иступлено бил по камню. Кольцо обожгло палец.

— Вот дерьмо...

2147–1251 год Новой эры. Фоуст.

Тот самый Арип. Какой же он огромный. Да он человека пополам сломает, если захочет. Зачем дядя с ним говорит? Лепечет о старой дружбе. Какая же глупость! В глазах колдуна одна ненависть. Еще бы, страна горит, а город как тюрьма.

«Семья его слабость. Давай, скажи...»

«Да пошла ты! Это ребенок!».

Резкая боль пронзает тело. О, Трон, будто сотни игл впиваются в мозг! Р-р-р, ненавижу...

— Мы торчим в этой дыре из-за тебя, старик, ты...

Дядя бьет молниеносно. Хлипкая ножка кресла ломается; падение.

«Мрак! А, черт... больно. Не одно, так другое. Ты довольна, да?».

— Реймонд, какого дьявола?!

От презрительного взгляда дяди хочется вжаться в пол. Он пугает, превращает тебя в ничто. Реймонд — демон в человеческом облики. Под стать ненормальной семейке.

— Ты безмозглый мальчишка, Конрад. Перед тобой сидит не старик. Благодаря ему империя существует. Еще одна вольность, и я устрою для тебя коридор позора!

Коридор позора. Ишь чем пугать вздумал. С годом в имперских казематах не сравнится и десяток таких коридоров, ублюдок. Арип, чтоб ты сдох вместе с чертовой книгой и этим паршивым городом!

«Он должен тебя ненавидеть, должен поверить...».

Пылающий злобой взгляд не сходит с лица колдуна.

— Но он прав, — продолжает дядя, — мы тут из-за тебя. Память о былой дружбе удерживала меня от необдуманных действий.

— Я отдал все...

Реймонд рычит, выдергивает кинжал из ножен и втыкает в стол.

Какой жалкий в своих потугах. Делает грозный вид, а на деле — простой трус. Он боится даже пальцем его тронуть. Слабак.

— Два года! — кричит он. — Два года мы разоряем Илларию за твой отказ подчиниться. Оттон развязал войну из-за тебя, Арип. У тебя в голове скрыта правда.

«Говори!»

— Он просто забыл, что случилось с Хельгой...

«Ненавижу, ненавижу тебя, тварь!»

Гнусная ухмылка на лице. Гретта бы влепила пощечину за такую низость. Порочить имя Хельги... Как же больно, как же паршиво.

— Возможно, Неас что-нибудь знает.

Комната наполняется холодом, клубы горячего пара вырываются изо рта. Вот он — гнев. Снова на волоске от смерти. Не забывай, не забывай, зачем это все!

— Еще слово, — сквозь зубы шипит Арип, — и я снесу тебе башку, сопляк. Посмеешь тронуть моего сына и узнаешь, что бывает с теми, кто поднял руку на мою семью.

Охотно верится. Вряд ли ограничится одной башкой.

— Стой, Арип, а ты, — глаза дяди полны злобы, — выметайся.

Вот оно как. Главное — сохранять спокойствие. Пускай все идет своим чередом.

— Я капитан!

— Ты бельмо на глазу и заноза в моей заднице! Вон!

Но что будет дальше?

...Реймонд уехал. План хек работает. Остается наведаться к Арипу и забрать Неаса. Создатель, прости меня!

Стол завален мусором; в окне виден свет от ферксийских фонарей. Целый гарнизон следит за колдуном и издевается над жителями. Вот вам и мир. Имперский, мать его, мир.

Глоток из бутылки.

Иллариюское красное... Великолепное вино. Главное не спиться.

Холод от чародейского камня в руке пропитывает кожу. Царство Теней. Ниже падать уже некуда. Чем чаще

держу его в руке, тем меньше хочу отпускать. Это как Ангельский мох, только опаснее. Лисандра говорит, что он защитит от магии Арипа. Хочется верить, иначе все впустую. Неас вместе с Вэлом скоро вернутся.

— Вэл...

Следопыт, выигравший ликейские гонки. Единственный иллариец, кому это удалось. Опасный боец.

Неприятная дрожь в теле. Страх вливается в рассудок.

«Создатель, почему так тяжело?».

— Черт, черт, черт! — Бутылка разбивается о стену. — Ненавижу!

Внезапный раскат грома. Капли барабанят по крыше.

...Неас. Высокий мальчишка. Совсем ребенок, но какой решительный взгляд, сколько отваги, сколько храбрости и благородства. Мы так похожи... были. Я не могу, просто не могу!

«Елена ждет, Конрад. Либо ты делаешь, что тебе велят, либо отправишься вслед за ней. Хватит быть жалким неудачником!».

Перчатка соскальзывает с потной ладони. Слабый удар по груди Арипа.

«Надо разозлить его. Черт, да он просто убьет меня!».

Арип хватает за кисть; зубы скрипят от боли. Невыносимо. Сколько же силы в этом монстре?

— Ты ничего мне не сделаешь. Сломаешь руку — отправишься на плаху. Хотя нет, твой сын отправится, а ты будешь смотреть, как он в муках корчится от боли.

Плохо. Нельзя бояться, нельзя! Стражники готовы влезть в драку, но им нельзя вмешиваться. Кисть уже онемела. Проклятье!

Арип отталкивает от себя.

— Вот так теперь относятся к жителям империи? — плюет в лицо Арип. — Чего бы ты ни хотел, убирайся из моего дома. — И издевательски добавляет: — Возвращайся, когда подрастешь.

«Пора».

Хельга, прости. Прости меня, пожалуйста! Создатель...

«Нет никакого Создателя, ничтожество!».

— Вы не часть империи, вы — животные, исполняющие наши прихоти. Вы — скот, вы — мусор, а ты, Арип, — слова наполняются желчью и обидой, — жалкое посмешище, променявшее власть на дворовую шлюху...

На глазах слезы. Отчаяние, горе, разочарование и омерзение. Гретта, что же я натворил...

Удар. Сильный, поставленный, яростный. Заслуженный. Гвардейцы успевают поймать. Повезло, боль скроет чувства. Арип что-то кричит. Не важно, осталось отдать приказ.

— Теперь он преступник, а преступники должны быть наказаны. Свяжите мальчишку и поместите в клетку. Завтра мы проверим, как много он унаследовал от тебя, предатель.

Предатель. И кто тут настоящий предатель?

«Я, ты, они».

«Убирайся, ведьма!»

«Я молчала, малыш. Уже умом тронулся?».

«Что за...».

Воздух наполняется магической энергией. Глаза Арипа превратились в два сияющих шара.

— Не тронь его, щенок!

Пальцы нащупывают камень Лисандры.

«Не подведи меня».

Атака Арипа сваливает с ног стражей. Защита выдержала.

— И не подумаю. Ударить меня — умрут все. А вы что расселись?! — Вставайте и делайте, что я велю!

«Неас, я правда не хотел. Не кричи, не кричи, умоляю!».

...Кусок в горло не лезет. Почему все смеются? Вам весело смотреть на ребенка в цепях? Выродки. Виноград такой же отвратный, как и ваши рожи.

Взгляд утыкается в толпу жителей, которых согнали смотреть на порку. Вэл наблюдает.

Вот бы он спас мальчика. Выбежал на арену, обезглавил палача и вырвал из лап Ферксии.

Виноград кислит. Все это неправильно...

«Правильно, неправильно. Ты сделал выбор, Конрад. Перестань себя оправдывать. Ты такой же ублюдок, просто прикрываешься Еленой».

«Заткнись!»

Вспышка боли.

— У-у-ум... треклятая голова.

— Что-то болит? — Лисандра стоит за спиной. — Могу помочь.

Еще одна хек на побегушках у Видящей. Злобная старая сука в облике девушки.

— Нет, просто будь готова. И сделай так, чтобы он не умер во время наказания.

Удар кнутом — дрожь в теле; еще удар — дергается глаз; третий взмах — ладонь сжимает гроздь, превращает в липкое месиво. Нельзя на это смотреть, не за это все сражались. Прекратить, надо прекратить это безумие!

«Подумаешь, мальчишка из убогого городка. Неужто, он важнее царицы — твоей возлюбленной? Докажи свою любовь, Конрад. Покажи, насколько сильно ты верен ей?».

«Ты не Видящая. Что ты такое?».

«Я — это ты, парень. Поверь, ты достоин счастья».

Выбор без выбора.

...Звон бутылок. Все воняет забродившим вином. Четыре года пьянства и угрызений совести. Голос сводит с ума. Он требует подчиниться, оставить сожаления, перестать бороться с судьбой.

Дьявольщина! Что значит «ждать сигнала»? Когда, когда уж произойдет хоть что-нибудь?!

Бокал летит в стену.

«Будь ты проклят, Реймонд!».

Десятки размазанных пятен, битое стекло под ногами и стол с горой мусора. Вместо приказов — недоеденный, покрытый плесенью цыпленок, вместо статуэток из дерева — пустые бутылки. Через окно видны огоньки. Гвардейцы рыщут в поисках жертвы. Озверевшие садисты. Истинное лицо империи.

Кровать. Нужен сон. Крепкий и долгий.

Шорох. Рука ползет под подушку — к кинжалу.

— Кто здесь?

Из темноты показывается силуэт.

— О Мать природа, на кого ты стал похож?

— Лисандра? Во имя проклятых богов, что ты тут делаешь?

Колдунья проходит к креслу у окна и садится, вытянув ноги.

Она пришла поиздеваться?

«Само собой, ведь ты ничтожество, Конрад».

«Уймись!».

Клинок прячется в ножны.

— Так что ты тут забыла, девчонка?

— А сам-то как думаешь, болван обрюзгший? Все еще мечтаешь искупаться в лучах славы и доказать императору, что ты не пустое место из знатной семьи?

— Неужели....

Да, да, да, наконец-то.

— Пора?

Лисандра лукаво улыбается, кидает в руки небольшую светящуюся сферу. Зеленые лучи рисуют в воздухе лицо, вернее маску шута, за которой скрывается Отгон.

Ублюдок оглядывает комнату, а затем его.

«Какой самодовольный...».

— Теперь ты больше походишь на илларийца, — громко произносит император. — Такой же грязный, — Отгон глубоко вдыхает, — и вонючий. — Надеюсь, ты еще помнишь, зачем ты в этом городе?

«Надо сбить с него спесь, Конрад...».

Стук кулака по груди.

— Да, мой повелитель!

— Сколько солдат в городе?

«Разве он заслуживает твоей преданности? Это он ее убил...».

— Две сотни бойцов!

— Прикажи им окружить город. Никто не должен покинуть Фоуст, это ясно?

«Кретин. Он думает, что все знает...».

— Да, владыка!

Маска поворачивается к Лисандре.

— Твоя хозяйка попросила о помощи, ведьма. Два отряда Стражей Креста придут в город завтра. Помните, — император угрожающе повышает голос, — провал — смерть для вас обоих.

«Видящая играет с ним, так же как и с тобой. Мы можем переиграть их обоих...».

Сфера затухает.

— Слушаюсь и повинуюсь.

Лисандра ухмыляется.

— Раз уж ты закончил лизать зад своему драгоценному императору, — она кладет ногу на ногу, — то пора

выбираться из этой выгребной ямы.

«Пора победить смерть».

— Согласен.

...Все в огне. Мертвецы свисают с дерева на площади, жители сгорают в домах, женщин насилюют, жрецов пытаются. В сердце уже ничего не откликается. Безразличие, отстраненность, усталость. Эрик стоит рядом. Он упивается кровопролитием. Старый друг превратился в чудище.

«А я?».

«Мы больше, чем ты думаешь».

Внутренний голос все настойчивее. Может, он прав, и все это не зря? Елена простит его. Да, простит, ведь все ради нее. Гретта тоже. Кто, как не она, поймет брата, успокоит. Он станет героем, его сделают генералом. Нет-нет, советником! А потом он всех спасет от гнета империи.

«Мы спасем всех, Конрад. Ты да я».

Вот его судьба! Точно, он получит власть, которая и не снилась отцу. Елена вернется и станет императрицей. Они будут любить друг друга...

«Ты не чудовище. Это все любовь».

«Ты прав, она будет благодарна мне».

«Призрак тут...».

— А, это ты. — Тоже любишь подышать воздухом после резни?

— Кто это? — громко спрашивает Эрик, выхватывая меч.

— *Шепот*, — прошелестел призрак.

— Дело сделано?

— Мальчишка мертв, — раздаётся шипение.

Неас, ты не виноват. Твоя жертва не будет забыта.

— Видящая будет довольна. Когда с Арипом будет покончено, убей Гидеона. — Мощь голоса растет. —

Грядут перемены...

«Сзади!».

— А-а-а-а-а!

Эрик выходит вперед и сокрушительным ударом сбивает с ног противника.

— Тоже мне, герой нашелся, — рычит гигант, обхватив лапищей шею врага. Он легко поднимает его над землей. — Эй, Конрад, это ж Вэл.

Вэл жив. От того воина на совете не осталось и следа. Избитый, изнуренный. Он скоро умрет.

— Я вырву твое сердце... ничтожество... — хрипит Вэл.

Ничтожество? Так всегда говорит отец. Это слово вгоняет в тоску, навеивает воспоминания.

«Так хватит это терпеть, Конрад. Просто снеси ему голову».

— Эрик, будь добр, отпусти это безобразное чудовище.

Эрик неохотно подчиняется. Вэл падает землю. Жалкий отброс, почему ты не встаешь?

— Вставай! Вставай, кусок ты дерьма! Это я ничтожество?!

Пора бы преподать дикарю урок.

— Дай ему меч!

Эрик ухмыляется.

— Уверен?

— Ты тупой? Меч!

Гигант пожимает плечами и снимает с пояса клинок.

— Лови. — Оружие падает у ног Вэла.

Иллариец поднимается; глубокая рана кровоточит.

— Посмотрим, что ты можешь, бродяга.

Вэл делает выпад. Удар за ударом, удар за ударом. Вэл, казалось, не чувствует боли, в глазах отражается решимость. Он непременно убьет его, если ничего не придумать. Зачем вообще надо было вступать в схватку? Проклятые чувства, проклятая гордость! Вот бы вас не было.

Парирование. Контратака. Блок. И все заново. Мышцы напряжены, они уже не выдерживают. Сколько длится их бой?

«Дерьмо! Получай, чертов дикарь, получай!».

«Так его, так!».

Вэл неожиданно уклоняется, он за спиной!

— Аргх!

Лезвие разрезает доспех как нож масло. Колени подгибаются. Иллариец поднимает меч над головой.

Это конец.

Копье входит в спину Вэлу. Эрик поднимает древко вместе с телом и отшвыривает подальше.

— Ну ты и ничтожество, — презрительно проговаривает он.

Наверное, так и есть...

...Маркус бьется с какими-то тварями. Это хорошо. Все Стражи почти передохли, а гарнизон уже окружил дом Арипа. Один приказ — и лучшие воины империи станут историей. Все идет так, как и планировала Видящая. Черт, этот грязный старик его заметил.

— Конрад, помогай!

Эрик вопросительно смотрит. Ну да, ему плевать, кого убивать: хоть друг, хоть враг.

— Мальчишка, давай уже! Или ты яйца дома забыл?

Почему все его оскорбляют? Он же никому не желал зла. Маркус такой же надменный ублюдок, как и остальные. Пусть горит в преисподней.

Рука устремляется вверх; арбалетчики готовятся стрелять по команде.

«Видишь страх в его глазах? Пора возвыситься, будущий генерал».

— Залп!

Рой болтов накрывает выживших Стражей и чудищ. Воины корчатся в муках, монстры рассыпаются в прах, земля пропитывается свежей кровью. Вот он — настоящий триумф. Камень в кулаке пульсирует, наполняет чудесной энергией, от которой тело трепещет.

«Чувствую себя несильным».

В голове слышен ответ Видящей:

«Многое еще предстоит сделать, Конрад. Убедись, что все мертвы, сожги город и возвращайся. Лисандра доделает начатое».

«А Елена?».

«Скоро, очень скоро».

Эрик недоуменно таращится. Что за болван.

— С тобой все в порядке? У Гретты будут вопросы.

Гретта, Гретта. Сестра поймет, а впрочем, к чему ей знать такое?

— Сожги здесь все.

Фоуст запыхал.

По ступенькам стекала кровь; мертвые эльфы устилали каждый шаг Конрада и Эрика. Вожака ферксиен насадил на острые камни, торчащие над дверью в храм. Еще живой он боролся со смертью, пытался стащить себя вниз. Конрад безразлично наблюдал за гибелью последнего эльфа. Почему дикарь противится року? Зачем так упорно сопротивляется смерти?

Ферксиец взглянул на заляпанные кровью ладони. Из-за силы, которую он применил, кожа сморщилась, появились темно-коричневые пятна, как у старика, синие вены набухли. Плата за могущество.

Эрик стоял рядом. Хмурый, недовольный. Нерешительный слабак. Так просто отказываться от мечты — удел неудачника. Поэтому *он* вернет Елену, а Тильда с Бригиттой так и останутся лишь воспоминанием.

Камень надломился; эльф рухнул вниз, разбив голову. Конрад перешагнул через мертвеца и коснулся двери. Эрик опустил на колени перед дикарем; прошептал слова на древнем наречии:

— *Od on abra.* Пусть путь твой будет легок.

Бум!

Конрад ногой вышиб дверь. Облако густой пыли накрыло ферксийцев. Эрик закашлял:

— Кха-кха, мог просто надавить на череп.

Конрад обернулся, его глаза сияли гниlostным светом Царства Теней.

— Да плевать мне. Ты закончил?

Эрик бросил на товарища тревожный взгляд.

— Хватит, Конрад. Ты похож на сморщенный труп.

Конрад фыркнул, пожал плечами и вошел в храм. Эрик последовал за ним.

Внутри темнота, но сила даров от Видящей не ограничивалась одной боевой мощью. Оба ферксийца мысленно обратились к источнику и тьма рассеялась. Конрад пошел вперед, а Эрик с интересом рассматривал рисунки и замысловатые руны на стенах. Двадцать лет он противостоял демону внутри себя, двадцать лет горевал по семье и вынашивал планы мести. Все оказалось бессмысленным. В погоне за возмездием душа утратила человечность. Уже не так важно, кто учинил резню двадцать лет назад. Тильда бы отвесила ему такой

подзатыльник, от которого даже мертвец восстанет. Печаль на миг замерла на мрачном лице. Столько страданий он принес, столько боли.

«Надо было дать себя убить», — подумал он, вспомнив схватку с Никсом.

Неужели Конрад не понимает, что мертвых не вернуть? Все они обычные игрушки в руках безумной ведьмы. Поддались чувствам, поверили в свое превосходство. Какие же они дураки.

— Ты идешь? — Конрад держал руку на рубине в рукояти меча.

Проклятый клинок. Он забрал все хорошее, что было во владельце. Но Эрик все еще верил в друга. Да, он хотел бы снова всей компаний напиться до беспамятства, а потом целый день лежать под сенью деревьев, страдая от похмелья, хотел бы скрестить клинки с настоящим врагом, хотел бы защищать дорогой сердцу дом. Страдания привели Конрада на путь распада, но в нем еще жил свет. Эрик это чувствовал, ведь он не умер тогда в болоте. Милосердие спасло его, милосердие того неугомонного юнца, втравившего всю империю в неприятности. Он может стать прежним. Посредник поможет. Обязан.

— Эльф не соврал, Конрад. Видишь, — Эрик провел пальцем по рунам, — дикари принесли сюда нечто страшное. Древний артефакт из забытой эпохи.

— С каких пор ты стал знатоком в этих корявых бреднях? — Конрад подошел и посмотрел на рисунок эльфа, тянущего к небу копьё.

Эрик задумался.

— Посредник пришел сюда не один.

Конрад прикрыл глаза. Сосредоточился.

— Я слышу зов, — прошептал он. — Неразборчивый, но настойчивый. Эгон...

— Никс рядом?

— Да. И Посредник тоже. — Конрад уставился на копьё в руке эльфа. — Нужно спешить к сердцу храма.

Вскоре ферксийцы вышли из тоннеля и оказались в круглом зале. Везде были видны следы разрушений. Эрик предположил, что раньше тут встречали гостей, которых потом провожали к главному алтарю. На это намекали рисунки на сводах.

«И судя по всему, Посредник не заметил предостережений».

— Ключ получит лишь достойный, — перевел Эрик фразу над каждым проходом, ведущих вглубь храма.

— И куда он пошел? — спросил Конрад, стоя на перепутье.

Эрик осмотрел пол и обнаружил нечеткие следы. Много следов. Они петляли, разделялись и все были разные. Широкая ступня, короткий шаг. Дворф точно тут проходил. Посредник не водил дружбу с ними, а значит, Никс прошел здесь. Совсем немного разминулись. Следы вели к самому правому проходу. Другие — более старые — уходили к левому.

— Скорее всего, Никс с его новой компанией прошли здесь не больше получаса назад.

— Почему мы их не видели?

— Видимо, зашли с другой стороны. В этот зал ведут несколько проходов. А вот Посредник пошел в левую сторону. Он пришел самый первый.

— Тогда идем по центральному. Меньше шансов наткнуться на кого-то из них. Мы должны опередить всех.

Эрик пожал плечами.

— Возможно, этот путь самый короткий, а может и самый длинный.

— Идем уже. Время поджимает.

Эрик слышал о ловушках, о монстрах, обитающих в таких местах, но путь оказался прост. Мясник погрузился в размышления. Что ему делать, когда все они встретятся? На чью сторону встать? И самое важное: почему их тут собрали? Эрик не верил в совпадения, а в судьбу и подавно. В лесу около Жемчужины их пытались убить. И потерпели неудачу. Некто очень могущественный захотел, чтобы Посредник и Никс нашли этот храм. Да не просто нашли, а добрались до самого сердца. Сами они ни за что бы не нашли эти развалины. Их кто-то вел.

«Мы не должны были дойти, — думал Эрик. — Взрыв в доме, нападение наемников, превращение, драка с Конрадом».

Эрик шел вперед настороженно, ожидая засады. Конрад все равно не пожелает слушать его. Он давно перестал слышать, перестал видеть.

«Снова драться с Никсом. После моих слов он просто так не отвяжется. Проклятые боги, не дайте мне убить этого болвана».

Ферксийцы долго бродили по запутанным коридорам. Они то поднимались, то опускались в самый мрак. Ни ловушек, ни разъяренных стражей. Чутье не подвело Эрика, указывая на центральный проход, однако время шло, а выхода не было видно.

«Проклятье, где хоть какая-нибудь дверь?».

Конрад повернул за угол и внезапно остановился.

— Тупик?

Эрик поглядел на стенку. И правда — тупик.

— Думаю, тут должен быть проход. Надо бы найти рычаг...

— Отойди, — велел ферксиец.

— Не лучшая мысль, — нахмутив брови, ответил Эрик. — Ты можешь устроить обрушение.

— Отойди, — с нажимом повторил Конрад. Он занес кулак. Воздух заискрился зеленоватыми всполохами от прилива темной энергии.

Эрик отошел на несколько шагов назад.

Бум!

По стене побежала трещина.

Бум!

Рисунки с рунами осыпались.

Бум!

Появилась щель.

Бум!

Камень разлетелся вдребезги. Послышались голоса.

Из пролома показались две фигуры.

— Чтоб меня... — выдохнул Эрик.

Конрад молниеносно выхватил меч и ударил. Оружие столкнулось с двумя короткими клинками. Темный эльф со звериным оскалом оттолкнул ферксийца назад.

— Укаре! — выкрикнул Посредник и выхватил револьвер.

2132 год Новой эры. Земли империи.

Лето. Пора новых открытий, долгожданных праздников и беззаботного веселья, когда учителя в академиях не столь строги и на занятиях разрешают не выкладываться до изнеможения. Послабление в канун Дня Единения. Ты бежишь вдоль дороги, встречая на пути ворчливых фермеров с ящиками для фруктов, задумчивых купцов, которые всеми силами придумывают интересные игры для ребятни, жителей небольших селений с вырезанными фигурками лесных духов, и внутри все восторженно кричит. В голове зреет хитрый план, как сбежать из-под присмотра магистров вместе с друзьями и отправиться в незабываемое путешествие по ближайшим деревенькам в поисках веселья и... проблем. Но кого это волнует? В десять лет никому дела нет до скучных учебников. Почему учителя этого не понимают?

Как же хорошо не чувствовать кожаные ремешки доспехов на плечах и боках. Тело больше не ноет, не зудит. Улыбка до ушей. Ее не скрыть. Взрослым нравится, когда дети радуются.

Босые ноги сворачивают на тропу к высокому холму, с которого видно Глирч. Ах, Тильда... Вот бы пригласить и ее, но ее отец скорее в одиночку пойдет на шгурм Ликеи, чем отпустит Тильду гулять вдали от дома. Эрик просто зануда. Неужели все взрослые становятся такими скучными?

Вид с холма прекрасен. Впереди зеленая полоса леса, а за ней равнина с золотыми полями, изобилие пастбищ со скотом; табун диких лошадей толпится у реки, бегущей вдоль Ферксии — до самых южных границ. Никто не сравнится по богатству с империей. С ее красотой. Отдать жизнь за великое будущее — небывалая честь для каждого воина. Отец часто так говорит. Потому он герой, защитник этих земель и самого императора!

«Когда-нибудь и я стану примером для всех. Мама и папа будут мной гордиться».

Но мысли возвращаются к Тильде. Почему-то так неловко об этом думать. Она же девчонка! С ней из лука не пострелять, на охоту не сходить. А еще она постоянно смеется. Думает, будто я хвостун.

Краска заливает лицо.

«Я ей еще покажу».

Спуск вниз. Нужно быстро перебирать ногами, чтобы не споткнуться. Ветер развеивает волосы, глаза слезятся от сильных порывов. Приятная прохлада. Так проще представить, как пробиваешься через грозную стихию навстречу врагу. Опасный переход через горы двести лет назад под предводительством генерала Офелия. Вот оно — достойное испытание для воина империи!

«Но прежде надо доставить послание».

Успех. Высоченный холм остался за спиной, а на коленях и локтях не появилось новых ссадин. Эх, видел бы отец.

Глухие удары деревянных мечей слышатся неподалеку.

— Давай, бей! Еще! Это что такое? Руку выше.

«Дядя Эрик?».

— Меч слишком тяжелый, — ноет незнакомый мальчишка.

Любопытство берет вверх. Всего лишь одним глазком взглянуть на хныкающего слабака. В академии уже с десяти лет бьются уже на стальных мечах. Правда, на затупленных, но все же.

Заросли репейника непроходимы. Дрянные колючки! Одежда теперь вся в этой липучей гадости. И волосы тоже. Фу!

На окраине леса стоит лагерем отряд гвардейцев. Статные, суровые воины даже на отдыхе довольно устрашающи. Каждый занят своим делом: один жарит мясо на костре, двое других ходят вокруг лагеря, остальные ставят палатки. Никто не веселился, будто вот-вот грянет война. Язык облизывает сухие губы, кулаки сжимаются от возбуждения и восторга.

«Невероятно. Я тоже хочу быть таким! Ух, невозмутимые и сильные».

В паре десятков шагов от палаток с гладкой и длинной палкой стоит дядя Эрик. Его лысина блестит от пота, уголок рта слегка приподнят. Возле него, опираясь о бедра, тяжело дышит мальчишка. Черные, спутанные волосы закрывают лицо; в руках смятый по бокам деревянный меч.

— Еще разок. — Дядя Эрик принял стойку. Стойка «Плуг» — основа основ в академии. Один шаг ногой вперед, острие смотрит вверх.

Мальчишка убирает волосы со лба. Сразу видно — аристократ. Слишком изнеженное лицо, ни одной царапины, да и руки слабоваты. Он использует «Железную дверь».

«Простак. Она не годится для контратак. И нельзя так напрягать руки!».

Нога неудачно наступает на сухие ветки. Хруст. Сердце замирает.

«Фуф, вроде, никто не услышал...».

— Шпион!

Сильная рука хватается за шкуру и вышвыривает из кустов — прямо лицом в землю. Трава забивает рот. Отец учил, что нужно всегда вставать. Быстро и резко, тогда противник не успеет ничего предпринять.

— Тьфу, гадость какая! — Зеленая слюна летит в сторону, но на языке еще остается тошнотворная горечь.

— И кто это у нас тут, — Эрик откидывает палку, — весь в репейнике, чумазый и с набитым травой ртом?

— Никто, — бурчит мальчишка.

— Ах-ха-ха, точно! — Эрик бьет себя по лбу. — Ты же тот негодник, который околачивается под окнами моего дома.

«Черт, снова краснею. Соберись!».

— У меня послание для господина Арипа.

Брови Эрика взметнулись вверх.

— О, вот как. Эй, Арип! — Кричит он. — Тут тебе послание принесли.

Из палатки выходит огромный, словно медведь, мужчина. Мальчик еще ни разу не видел Арипа вживую. Говорили, что мощь Арипа равна силе чародей древности, а они-то могли горы двигать.

Чародей невозмутимо подходит; его тень закрывает солнце. Арип щурится.

— Знакомое лицо. — Он улыбается. — В столь раннем возрасте помогаешь отцу. — Арип протягивает руку. — Похвально. Так что там для меня?

Арип разворачивает свиток. Его глаза быстро пробегают по тексту. С лица сходит радость; он озадачен и расстроен.

— Хельга! — зовет он, не отрывая взгляда от послания. — Тут работа для нас.

Из той же палатки, из которой вышел Арип, показалась женщина. Ее нельзя не узнать. Первая ферксийка-полководец! Ни одной женщине еще не удавалось достигнуть таких высот.

Благоговение охватило тело, рот открыт — из палатки явилась богиня. Она совсем близко!

Генерал Брейнер берет из рук Арипа послание.

— Иллария? — удивленно спрашивает она. — Снова? Никогда не понимала, что на уме у императора. Уверена: это все твое влияние.

— Мое? — притворно возмущает чародей. — Я учил его быть открытым.

Эрик смеется.

— Ах-ха-ха, отпустите вы уже бедолагу. Он уже позеленел весь!

Генерал опускается на колени. Аромат ее волос, как у мамы — смолянистый запах хвои. Так спокойно на душе. Она с теплотой кладет руку на голову, поглаживает. В изумрудных глазах отражается забота и любовь. Почему? Хельга даже не знает мальчишку перед ней.

— И почему вы называете его посредником?

Эрик чешет затылок, не может придумать ничего толкового.

— Э-э-э, ну он доставляет письма всем.

— Тогда уж посылный, — отвечает Арип. — А имя-то у него есть?

Громкий детский плач раздается из палатки.

— Уа-а-а! Уа-а-а!

Хельга устало прикрывает глаза.

— Он снова проснулся. Дети когда-нибудь спят? Арип, иди успокой его.

— Это ты додумалась взять Неаса с собой! Мол, хорошо ему будет на природе. Ну да, ну да...

— Так как тебя зовут? — спрашивает мальчик-аристократ. — Я Конрад. — Он протягивает руку.

— А я...я посред...ой!

«Вот же гадство! Позорище...».

— Я Гидеон. — Воинское рукопожатие скрепляет знакомство. — Гидеон Блэйк!

Бах! Бах! Бах! Бах! Бах! Бах! Бах!

Гидеон в упор разрядил барабан в Конрада. Громогласное эхо выстрелов разнеслось по древним коридорам храма. Смертоносные рунические пули пронесли мимо, превратив стену в решето.

— Бежим, Укаре! — крикнул он и прыгнул в разлом. Эльф нырнул следом, когда Конрад воплотился, кинув вдогонку заряд тлетворной энергии. Магия не попала в беглецов, зато полностью разъела камень.

— Эрик, надо поймать его. Эльфа убей.

Гидеон на бегу перезаряжал оружие и одновременно наполнял механизм волшебством. Сталь быстро

остывала, на ней проявлялись символы, формируя слова. Старые, как мир, опасные, как стихийные Планы, руны настраивались на нового врага. Еще ни разу револьверы Блэйка не сталкивались с угрозой Царства Теней вкупе с темным колдовством Эгона. И он не знал, справятся ли пули с новой напастью.

Гидеон украдкой бросил взгляд на Укаре. Удары проклятым оружием не проходят бесследно даже для перворожденных. Недуг коснулся плоти, убивая изнутри. Медленно и болезненно. Только помощь старшего чародея или друида остановить заразу. А пока надо верить в друга, верить в его стойкость.

Вправо-влево, вправо-влево. В запутанной паутине ходов не встретилось ни одной подсказки, ни одного указателя направления. Укаре вел наугад, рассчитывая на умения следопыта и невероятное чутье. Гидеон же заподозрил неладное: они уже в пятый раз пробегают мимо полуразрушенной фрески на перекрестке.

— Стой!

Укаре остановился, обернулся. Длинные пряди облепили лицо тяжело дышащего эльфа. Он хмуро посмотрел на Гидеона.

— В чем дело?

— Мы кругами бегаем.

— Но ветер...

Гидеон покачал головой.

— Не работают тут твои таланты. — Ферксиец опустил на колени, прикоснулся ладонью к полу. — Если тут и правда оружие Эгона, частичка его силы во мне приведет нас к сердцу храма.

— Не забывайте про Жезель, господин. Кем бы она не была, ее цели совпадают с нашими. Р-р-р, — Укаре стукнул кулаком по стене, — лживая девчонка!

— С ней мы еще поговорим, а сейчас тихо. — Гидеон закрыл глаза и сосредоточился. Он крайне редко применял поиск, потому что всякий раз, когда разум соприкасается с проклятым артефактом, в человеческой душе появляется новая трещина, в которую просачивается Эгон. Но выбора нет.

Дух отделился от тела Гидеона и устремился навстречу тьме. Размытая нить, сотканная из мрака, извилистым путем вела к источнику бед. Хор голосов потерянных душ призывал слиться с их повелителем, отказаться от борьбы. Сотни падших, сотни глупцов и храбрецов, посчитавшие, что могут одурачить бога. Никто не ускользнет из его цепких лап. Но никогда нельзя отчаиваться. Арип однажды сказал: поражение — отказ от борьбы. Пока ты сражаешься, надежда не потускнеет. На пути появился образ спящей девушки со шкатулкой в руках.

Тильда!

Зловещие нашептывания разом стихли. Соблазн покориться судьбе испарился, а воля окрепла. Дух Гидеона с новыми силами прорвался сквозь завесу отчаяния и очутился в просторном зале с тремя выходами — на перекрестке. Мягкий оранжевый свет исходил от сотен крохотных кристаллов вдоль стен; потолок столь высок, что, как ни старайся, все равно его не разглядишь. В самом конце зала — у стены — каменный алтарь, исписанный эльфийскими глифами. На нем лежало копьё. Оружие окутывала черная дымка, а от наконечника исходила мощь, подобная той, что Гидеон ощутил в Хранилище. Копье Эгона дожидалось хозяина.

Зов Укаре вернул Блэйка обратно. Ферксиец упал на четвереньки; густая слюна стекла по подбородку и упала на пыльный пол.

— Господин, Конрад идет!

Бум! Приглушенный звук ломающегося камня все громче. Бум!

— Помоги... — Гидеон протянул руку. — А, черт! Меня как будто всю ночь пинали.

Укаре помог своему господину подняться, и они поспешили в нужный коридор. Благодаря указаниям Гидеона друзья вскоре добрались до алтаря, но тотчас замерли.

Давящая сила удерживала на месте, не давая приблизиться к сокровищу храма. Гидеон вытянул руку и попытался найти лазейку в барьере, но частичка Эгона в Блэйке не настолько мощна, чтобы пробиться внутрь.

Гидеон зарычал.

— Р-р-р, ну...нет...так не пойдет, чертов...ублюдок!

Понемногу барьер искажался под решимостью Блэйка завладеть артефактом. Гидеон шаг за шагом с вытянутой рукой продвигался ближе и ближе к заветной награде. Укаре обнажил клинки, встав между выходом и господином.

Натиск Гидеона нарастал. Воля ферксийца так ярко сияла, что тьма вокруг копья испуганно съеживалась, пока не истлела с тихим воем. Гидеон оперся руками об алтарь. Его ноги подкашивались, в груди все горело, будто легкие пронзили когти.

— Наконец-то... — Ладонь легла на древко. — Осталось вернуть артефакты из ларца...

Бах!

Гидеон резко отскочил в сторону; пуля врезалась в алтарь. Ферксиец обернулся. В него из мушкета целился дворф.

— Ты бы не трогал эту дрянь, дружище, — угрожающим басом сказал он. — Эй, Никс, тут твою палку умыкнуть хотят.

Из мрака тоннеля показался следопыт. Грязный, измотанный, в изодранном плаще и до ужаса злой. Никс наставил на Гидеона арбалет.

— Посредник. — Следопыт оскалился. — Это. Мое.

Вслед за ним вышла девушка. Гидеон понял, что это дикарка с Пламенных островов. Страшно представить, сколько костей она может ему переломать.

Укаре преградил путь, выставив вперед клинки.

— Даже не думайте.

Бум!

Пол задрожал.

Бум!

Несколько кристалликов упали вниз.

Бум!

Внутри у Гидеона все сжалось. Он попятился.

«Дерьмо!».

Из третьего прохода навстречу Блэйку неслось ревящее чудовище.

— Р-р-разорву! — заорал Эрик, занося над головой огромный топор.

— Надо поймать его. Эльфа убей.

— Ты с ума сошел? Из-за тебя храм развалится! — Эрик толкнул Конрада в грудь. — Хочешь угробить себя? Валяй, только вот подышать по твоей прихоти я не хочу.

Конрад схватил Эрика за руку и притянул к себе. Мясник ударил Конрада по лицу, однако тот просто прижал ладонь ко лбу гиганта. Запретные слова вновь высвобождали монстра.

— Стой! — Эрик что есть мочи отбивался от Конрада. — Не надо, не делай этого-о-о... А-а-р-р!

Тело Эрика разрасталось, наполнялось темной магией, пропитывалось волей Видящей. Жесткое чудовище вырвалось наружу. Рука погрузилась в камень, вырывая из недр Царства Теней топор. Кровопускатель запел песнь смерти в голове Эрика. Гигант сорвался с места и бросился вдогонку за долгожданными жертвами. Во имя Видящей, во имя великой резни!

Эрик сидел за столом, мастеря фигурку для дочки. Он тщательно вырезал каждый изгиб, каждую деталь, чтобы Тильда радовалась каждый раз, когда брала бы игрушку в руки. Кто бы мог подумать: покинув родную страну, он обрел счастье в Ферксии, где ненавидят иноземцев. А теперь он еще и капитан в знатном доме. Причуды судьбы.

В дверь постучались.

— Эрик?

Бригитта вошла в комнату. Мало кто назвал бы ее красавицей: низкорослая, полноватая, руки в мозолях, грубоватый голос с хрипотцой. Но не Эрик. Он души в жене не чаял. Стойкая и храбрая она сопровождала его во многих странствиях, пока Эрик добывал себе славу в битвах. Немногие знали, что Бригитта отнюдь не беспомощная женщина, которой нужна защита. Меч в ее руках пел, собирая жатву из черепов, доспех блестел от крови врагов, пугающее хладнокровье вселяло ужас даже в сердца союзников. При всем при том было в ней кое-что, чего не доставало воителям севера — смирение, терпение, покой в пылкой душе. Кроткая и покорная, когда не льются реки крови, свирепая и отчаянная в час сражения, рассудительная и мудрая, когда того требует судьба. Ее взгляд — немного задумчивый и усталый — пленял. Очаровывающая сила голубых глаз ставила на колени величайших из воителей севера — таких, как Эрик. И она не оставила его, не оставила, когда «великого героя» изгнали, позорно унизили перед войском и оплевали. «Трус и предатель» летело в спину, пока он покидал родной город. Нет женщины преданнее, чем Бригитта, и Эрик умрет за нее.

Бригитта поправила толстую косу и присела рядом. Она поглядела на новую игрушку и улыбнулась.

— Ты сам себя превзошел.

Эрик отмахнулся.

— Сосед наш, Лихт, дочке кукол из Ликеи привез. Говорит, мол, лучше на свете не сыщешь. — Эрик выдвинул ящичек под столом. — Я покажу этому засранцу, у кого тут лучшие куклы. — В ящичке он отрыл набор кистей.

Бригитта погладила мужа по голове.

— Ты слишком стараешься.

— Разве? — Эрик повернулся к жене. — Меня ненавидят, Бригитта. Насмешки, угрозы, грязные сплетни. Я достоин жить здесь! — Кисть в руке надломилась. — А теперь еще и вы. Не позволю, чтобы над моей семьей насмеялись!

Бригитта покачала головой.

— Глупый ты.

Эрик обиженно надул губы.

— Подумаешь, ну не умею читать и писать. Зато защитить могу.

— Я не об этом, дурачок. Я и Тильда любим тебя, тебя уважает Арип, и Хельга говорит о тебе только хорошее. Может, — она закусилась губу, — оставишь службу? Обустроим тут все, наладим торговлю. А Тильда вон уже научилась письму. Мы научим тебя...

— Ах-ха-ха. — Эрик запрокинул голову. — Любовь моя, какой из меня фермер или купец? Когда мне исполнилось пять, отец подарил мне топор. — Он взмахнул руками. — Топор, Бригитта!

Бригитта разочаровано вздохнула.

— Тильда волнуется. А я не хочу однажды увидеть твой труп на пороге.

Эрик прижал жену к себе и поцеловал в лоб.

— Проще мир захватить, чем прикончить меня, — прошептал он. — Но я обещаю, что когда война с Ликеей закончится, я... подумаю над твоими словами.

— Правда? — с надеждой спросила Бригитта.

— Конечно. Правда, вряд ли это будет быстро.

Женщина обняла мужа.

— Ты добряк. Знаешь?

— Да брось. Тильда — вот, кто настоящая добрячка. И она моя дочь... до сих пор не верю.

— Ну да, она-то не пыталась пробить стену головой, — съехидничала Бригитта. — Она вырастет красавицей. Вон уже какой-то мальчишка под окнами околачивается. Может, уже впустим?

— Да не в жизни! — вспыхнул Эрик. — Пока этот сопляк не докажет, что достоин, ноги его в нашем доме не будет!

Бригитта укоризненно покачала головой.

— Ну какой ты упертый.

— Таков воин. — Эрик снова выдвинул ящик и достал новую кисточку. Макнув ее в баночку с краской, он осторожно начал закрасивать одежду куклы. — Он должен понимать не только врага, но и себя. — Эрик вытер тряпкой несколько капель. — Он должен уважать тех, с кем бьется, и тех, против кого. — Фигурка царицы Ликеей словно оживала в руках мастера. — Душа воина должна быть уравновешена, чтобы он не стал зверем даже в сражении. Воин — милосердие и ярость, долг и решимость, отвага и неотвратимость. И мы должны оставаться людьми. — Эрик сурово посмотрел на жену.

— Лишь тогда парнишка переступит порог моего дома.

Бригитта по-доброму усмехнулась, а за ней и Эрик.

— А еще, — добавил он громко, заметив в окне пару любопытных глаз. — Воин должен быть терпелив.

...Эрик вжал Посредника в стену и по крупницам выдавливал из него жизнь.

— Хва...тит, — хрипел он.

Бах!

Орн выстрелил из мушкета. Пуля попала в плечо чудища, не причинив вреда.

— Ударим все разом! — закричал Никс.

— Не нужно, — сказала Кейла, оттолкнув следопыта в сторону. Орн тоже решил не вставать на пути у свирепой бестии, кулаки которой заискрились, а татуировки засияли голубым пламенем. — Эй, кретин, смахнемся? — дерзко выкрикнула она.

— С ума сошла?! — вмешался Орн. — Он тебя размажет!

— Лучше заберите копьё, — прошипела девушка в ответ.

Кейла прыгнула к монстру. Тот отпустил Посредника, резко развернулся, одновременно метнув топор в противника. Кейла легко уклонилась и кулаком с размаха вмазала Эрику по лицу, отчего он едва устоял на ногах. Костяной нарост на челюсти болтался вместе с куском плоти.

— Др-р-рянь! — рыкнул монстр и ударил в ответ.

Кейла обхватила мясистую руку и под удивленные взгляды раскрутила врага, а потом швырнула обратно во тьму прохода, из которого тот выбежал.

— Ах-ха-ха! — захохотал Мясник. — Бука-а-ашка, я оторву тебе го-о-олову.

Валун стремительно полетел в Кейлу. Девушка ухмыльнулась; ее ладонь раздробила камень на части.

— И это все?

Она поманила Эрика к себе.

— А-а-а-р-р-р! — Мясник ринулся в наступление. Туша гиганта становилась больше и больше. Потусторонняя сила непрерывным потоком вливалась в слугу Царства Теней, наполняя его живительной силой и неугасимой яростью. Под его поступью крошился пол, дрожали своды храма, осыпался потолок, а от кровавого крика Никс вместе с друзьями застыли на месте. Посредник беспомощно наблюдал, как звериная мощь несется сокрушить грациозность и красоту. — Разорву-у-у-у! — Эрик замахнулся.

Девушка ответила ударом на удар. Коса нашла на камень. Кулаки встретились, вызвав разрушительную волну, которая разошлась по храму, вызвав обрушение. Раздробленная рука Эрика висела кнутом; белые кости торчали из нее.

— А-а-а! — Второй замах.

Кейла без труда отвела удар, затем подпрыгнула, обхватила руками голову монстра и опустила его лицо на свое колено. Треск. Костяная броня разлеталась в щепки.

— У-у-у... — выдохнул Эрик, бессильно рухнув на пол.

— Сдохни, — прошептала девушка и подняла ногу.

Внезапно глаза Эрика распахнулись. Он пнул Кейлу в грудь, отчего девушка спиной врезалась в дальнюю стену, и неуклюже поднялся. Едкая слюна вперемешку с кровью лилась по подбородку.

— Надменная сука.

— Ублю-ю-юдо-о-ок! — Орн без передышки поливал гиганта рунными пулями, но они беспомощно отскакивали от прочной брони. — Чтоб тебя, дерьмоглот бронированный! Иди сюда!

— Па-а-а-даль, — пророкотал Эрик и прыгнул. — А-а-а-р-р! — В неистовом реве он сомкнул ладони в замке, собравшись прихлопнуть назойливого дворфа одним ударом.

Кейла подросла вовремя, оттолкнув Орна. Она едва успела закрыть лицо. Удар пришелся сверху-вниз — в макушку. Девушка в беспомыслии рухнула на пол.

— Кейла! — одновременно выкрикнули Орн и Никс. Следопыт шагнул навстречу гиганту.

— Забери копье, живее! — велел дворф. — Я задержу его.

Стремительная тень выскользнула из-за спины монстра и кинулась к алтарю. Никс помчался тени наперерез. Он не успевал опередить врага, и тут — темный эльф встал на пути новой угрозы.

Они столкнулись. Сталь против стали. Противники сошлись в удивительном боевом танце. Песнь битвы зазвучала в сердце храма. Темный эльф крутился, как демон, парируя выпады тени. Следопыт, перепрыгивая через падающие с потолка камни, пробежал мимо них — к артефакту. Никс уже протягивал руку, но Посредник оказался быстрее. Ферксиец навел на него оружие.

— Не глупи, мы на одной стороне, — произнес он, взводя курок.

— *Не дай этому глупцу завладеть моим оружием!*

«Да заткнись ты уже».

— Нет никакой стороны, — прорычал в ответ Никс.

Бах! Бах!

Пули разбили пол у ног следопыта. Посредник покачал головой.

— Не вынуждай меня, парень.

— *В сторону!*

— Ни-и-икс! — во всю глотку завопил Орн, вцепившись в шею чудовища. Дворф вел его прямо на Посредника, словно злобную гончую, учуявшую кровь.

«Черт, черт, черт!».

Гидеон ничего не мог поделать с ревушей громадиной, которая неслась на него. Он выстрелил пару раз, прежде чем Эрик с грохотом впечатал его в стену. Обоих засыпало обломками. Густое пыльное облако накрыло алтарь, артефакт и Никса с Орном. Дворф успел спрыгнуть.

— Кха-кха, Никс, — застонал он, — забирай, и валим отсюда.

Следопыт взялся за древко, но тонкое лезвие оцарапало шею. Владелец клинка протянул руку.

— Дай сюда.

Глаз Никса изумлено раскрылся. Конрад! Подлая тварь, палач, убийца стоял в одном шаге от него.

— *Не смей отдавать копье, слышишь?!*

Долго он скитался по миру, чтобы отыскать эту мразь, перерезать глотку подонку и бросить изуродованный труп в канаву. Ради этого он жил, ради этого согласился стать вместилищем для полоумного божка. Злость взяла вверх.

— *Стой!*

Следопыт резко отвел клинок Конрада и плечом врезался в его грудь, однако словно в стену уперся. Ферксиец пренебрежительно махнул рукой. Никс отлетел и грохнулся в кучу разбитых кристаллов.

— Ничтожество, — произнес Конрад, коснувшись древнего оружия. — Это принадлежит Видящей.

— Передавай ей привет. — Орн бросил к ногам ферксийца серебристую сферу и отпрыгнул подальше. Сферка раскрылась, как бутон.

— Жалкое... — начал Конрад, но ослепительный взрыв поглотил его слова. Алтарь разлетелся на куски, а копье отшвырнуло к выходу.

2153 год Новой эры. Неизвестно.

Пещера в полной горе. Перекресток Планов. В ее недрах таится невиданная мощь, которая вернет Елену в мир живых. Таинственный шепот вел сюда. Голос в голове неустанно твердил о спасении. Да, вот что поможет изменить ход истории, а не глупый мир. Его никогда не было и не будет! Люди глупы, безнадежны, они вечно грызутся за власть и деньги. Человечеству нужно очищение. На руинах старого мира возвысится новая империя. Непорочная. Сильная. Непоколебимая. В ней восторжествует закон, равенство и сплоченность. Никаких болезней, никаких страданий, никаких предрассудков.

Ступеньки уводят вглубь. Мороз продирает по коже, сомнения не отпускают. В глубине души Гретта призывает отступить, отринуть гибельный путь. А разве он гибельный? Хек обещала перемены, обещала исполнить просьбу. Хотеть любить — плохо?

«Ты заслуживаешь большего, Конрад».

Да, я заслужил. Надо ускорить шаг.

Стены исписаны зловещими предупреждениями. И к черту их! Надо перестать быть ничтожеством.

«Твои желания восхитительны, твои страсти бесподобны. Ты воплотишь совершенство. Твоя судьба в глубине горы».

Не делай этого...

Поздно, Гретта. Меня вынудили стать убийцей. Я же просто хотел дарить людям радость, хотел, чтобы свет снова озолотил Хоэнтвиль, чтобы тучи рассеялись, чтобы дети смеялись, а не с ужасом наблюдали, как их отцы возвращаются калеками с войны.

Соленые капли обжигают лицо.

Почему? Разве я этого хотел? Я же не убийца и не сумасшедший.

Ты потеряешь себя...

Я уже себя потерял.

Голова раскалывается от сомнений. Голоса смешались.

«Иди, Конрад. Елена ждет».

Мертвых не вернуть...

«Ты же хотел силы, хотел быть лучшим из лучших».

Ты хотел покоя и мира...

О, Трон! Голова взрывается от несмолкающего гвалта. А-а-а! Как же больно!

Взгляд плывет, ноги едва держат. Впереди свет. Холодно-голубое сияние. Внутрь. Голос призывает войти внутрь.

Озеро?

Прозрачная гладь отражает свет сталагмитов. Неведомым чудом слышен звук умиротворяющего прибоя, крик чаек, женский смех. Елена...

Нет...

«Да...».

Крохотный островок виден посреди подземного озера. Голос исходит от него.

Из воды появляется дорожка, покрытая илом. Она ведет прямо туда. Сердце колотится. Смех все ближе и ближе.

«Сюда-а-а...».

Не иди, брат...

«Теперь ты выбираешь судьбу, Конрад. Ты много страдал, а теперь насладись плодами своих усилий».

Обман...

Уловка...

Слабость...

Что это? Меч в камне?

Рукоять с алым рубином. Перламутровые переливы на клинке, витиеватые узоры сплетаются в единую картину. Они манят. Рука тянется к рубину.

— *Конрад*, — перед клинком восстает образ Гидеона, — *брат*, — *хватит*. *Одумайся, пока не поздно*. *Уйми свое горе, успокой разум*. *Страсти ведут к гибели, не дай душе пасть*.

— Поздно, предатель! Мне уже нет дела до глупых детских фантазий. Если моя душа сгорит, то пусть и мир тоже полыхает!

Ладонь сжимает рукоять; клинок высвобождается.

«Ну привет, Конрад».

Рубин вспыхивает.

Ничего не видно. Где пещера? Где озеро?

Руки натываются на что-то острое; загорается алый свет.

Где я?!

Вокруг красные стены. В груди холодеет.

«Не переживай. — Глаза, которые невозможно не узнать, лицо, которое невозможно забыть. — Теперь ты в безопасности».

— Ты...

— Я уже говорил: ты — это я, а я, — двойник Конрада взгляделся в рубин на рукояти, — это ты.

— Нет, нет, нет, мы так не договаривались! Не-е-ет!

Алый свет померк.

Горка камней позади уничтоженного алтаря зашевелилась. Ободранная рука показалась из-под завалов; послышалось недовольное кряхтение. С глухим рыком Гидеон вырвался из каменной могилы. Лицо все пыльное от крошки, сюртук изорван в клочья. Гидеон оглядел место битвы.

«Все разваливается», — подумал он, выискивая глазами копье.

Храм разрушался из-за столкновения необузданных сил и безумных дворфийских устройств. Гидеон понял, что ему и Укаре пора выбираться отсюда. И желательно прихватить с собой Никса...

— Укаре! — Блэйк увидел друга, прильнувшего спиной к стене. Он сидел неподвижно, сжимая в руках артефакт. — Нет, нет, нет... — Он упал на колени перед эльфом. — Очнись, сукин ты сын! Я не разрешал тебе помирать, неблагодарный ты болван!

— Господин...я... — Укаре сглотнул, — я сберег его...для вас.

Плечи Гидеона поникли. В груди эльфа зияла дыра. Просто чудо, что Укаре еще жив. Он не верил в такой бесславный конец для воина. Еще столько нужно сделать, еще столько спасти. Горький ком застрял в горле Гидеона.

— Шляпа...господин. — Дрожащей рукой эльф вытащил из набедренной сумки дырявую шляпу. — Она ваша.

Гидеон благодарно принял последний подарок друга. Зубы скрипели от боли и сожалений.

— Прости, — прошептал Блэйк.

Глаза великого воина закрылись навеки.

— Увидимся на той стороне, Гидеон...

Гидеон надел шляпу, перезарядил волшебные револьверы.

— Ко-о-о-нра-а-ад! — заорал он, нацелив оружие на пелену дыма. — Выходи, свихнувшийся ублюдок!

Конрад словно ждал, когда его позовут. Он полетел навстречу Гидеону, выставив клинок вперед.

Бах!

Пуля, объятая синим пламенем, устремилась к врагу. Зачарованный меч разрубил ее пополам.

Бах! Бах!

Рунические снаряды оставили за собой дорожку из молний. Они тоже рассыпались, врезавшись в сталь колдовского клинка.

— Умри уже наконец! — Бах! — Умри, умри, умри! — Бах! Бах! Бах! — Отчаяние затопило мысли Гидеона. Он стрелял и стрелял. С жаром, с гневом, с отчаянием и криком. — А-а-а!

Конрад издевательски легко отбивал выстрелы. Глаза на равнодушной маске пристально следили за остервеневшим противником.

— Ты, — огласил он, — просто пустое место. — Осколки пули разлетелись разноцветным дождем. — Ты отнял мое будущее, будущее всей империи.

Конрад рванул вперед и одним взмахом отрубил Гидеону голову.

— Поэтому ты умрешь, — закончил он, нагнувшись за копьем.

Бах!

Конрад развоплотился за миг до встречи со смертью. Тело с отсеченной головой держало в руке дымящийся револьвер.

Конрад появился неподалеку. По его плечу стекала кровь.

— И это я чудовище?

— *Никс, вставай! Копье забрали!*

«Да хватит вопить».

Никс приподнялся, тряхнул головой. Перед глазами все плыло. Он почти сразу увидел Орна. Раненый дворф пытался подняться.

Никс подумал о Кридле. Хорошо, что они оставили мальчишку под присмотром проводника. Старик свое дело знает. А потом его взгляд наткнулся на женщину, обматывающую копье тканью. Она второпях привязала артефакт к себе, с усмешкой посмотрела на Никса и показала ему язык.

— *Вот дрянь! Догони ее.*

«Нет. Забираем Кейлу с Орном и выметаемся отсюда».

— *А как же уговор?* — угрожающе зашипел Эгон.

— Если сдохнем тут, — вслух ответил Никс, тяжело поднимаясь. — Никто ничего не сделает.

Следопыт побежал спасать друзей.

«Жезель!?».

Отрубленная голова Гидеона наблюдала за проводником. Хитроумная воровка воспользовалась неразберихой и умыкнула копье! Блэйк пылал от негодования. Он догадался, что всех их использовали, натравили друг на друга.

— Стой, мерзавка!

Жезель на секунду остановилась. Девушка обернулась; ее глаза сверкали от нечестивой силы.

Дьявол? Демон?

— Кто ты такая? — громко спросил Гидеон, стараясь перекрыть шум и грохот от осыпающихся стен.

— Хозяин просил передать привет, — ответила и побежала дальше.

Хозяин? Хозяин?! Чертова стерва служит этому лысому ублюдку? Будь он проклят вместе со своей гильдией. Лицо Гидеона покраснело от злости.

«Я найду и выбью все дерьмо из его гнилой душонки!».

А затем он увидел свое безголовое тело, которое Конрад уже изрезал вдоль и поперек. Бывший друг уже хотел было испепелить безголовый труп, но вызванный буйством Эрика обвал сыграл свою роль: огромный кусок потолка с грохотом упал прямо на Конрада, чем Гидеон не преминул воспользоваться.

«Пора заканчивать».

Гидеон собрался мыслями, направив тело к голове.

«Та-а-к, еще чуточку. Да!».

Руки нащупали голову и присоединили обратно. Мимо пробежал Никс с девушкой на руках. Следом семенил дворф. Гидеон решил испытать судьбу и присоединился к побегу. Если вершить месть, то лучше в компании так же безумцев и убийц.

— Твою мать! — Никс ударил ногой по дереву. — Этот старик нас надул! Мальчишка жив?

— Жив-жив, наш друг опоил его чем-то, судя по запаху, но вряд ли чем-то смертельным. — Орн накладывал повязку Кейле. — Вон, девочке нашей чуть башку не отчекрыжили. Так что срать на этого старика. Подумаешь, ушел...

— А что это за старик? — Гидеон сидел на пеньке, рассматривая спящего Кридла. — Тоже из той деревушки?

Никс хмуро посмотрел на Блэйка.

— А что если так?

Уголок рта Гидеона приподнялся, он поправил шляпу.

— Нас провели, приятель.

— Чего? — Орн озадачено взглянул на Никса. — В каком смысле провели?

— Одурачили, обманули, использовали. — Гидеон поднялся, стряхивая пыль с сюртука. — Называй, как хочешь. Они привели нас сюда, заставили драться, а сами стащили копье. Но они просчитались.

— В чем? — Следопыт скрестил руки.

Гидеон смотрел за спину Никсу. Он видел не просто тень, не просто образ древнего бога — он видел Эгона. Он насмешливо глядел на Блэйка, приглаживая белесые волосы.

— Они рассчитывали, что мы перебьем друг друга. Предлагаю сделку.

— Тебя бы убить на месте, Посредник, — прорычал Никс. — Из-за тебя весь сыр-бор.

Гидеон перевел задумчивый взгляд на Кридла.

— Я могу предложить нечто большее, чем месть и артефакты для божка.

— И?

— Лисандру.

Никс недоверчиво сощурился.

— А в обмен?

Гидеон опустил на глаза край шляпы.

— Наведаемся к одному очень старому и вредному козлу. А заодно вернем то, что принадлежит нам. Как тебе предложение? — Блэйк протянул руку.

— В Жемчужине ты сказал, что скорее убьешь меня, чем отдашь артефакты, — напомнил ему следопыт. — С чего бы мне тебе верить?

Никс заметил в глазах Посредника мимолетную печаль.

— Потому что это в наших общих интересах, приятель. Если мы не отыщем артефакты, то умрем. В лучшем случае. Так что ты решил?

Никс хмуро смотрел на вытянутую руку.

— Идет. Но если ты соврал...

— Да-да, ты убьешь меня. И еще кое-что. — Гидеон притянул следопыта ближе. — Кто был вашим проводником?

2171 год Новой эры. Северная Иллария. Цеведес.

Тяжелый ларец с грохотом опустился на стол. Вспотевший старик шагнул назад.

— Все здесь, — прохрипел он.

Лысый мужчина с аккуратной бородкой сидел в обитом мехами кресле и увлечено разглядывал узоры и руны на крышке. Он потирал ладони в предвкушении.

— Неплохо, Гарольд, неплохо. Бедняга Гидеон, наверное, пребывает в ярости. Теперь он будет знать, кого не стоит брать себе на службу.

Мужчина вытащил из ящика два ключа и одновременно вставил в замки.

Щелчок. Крышка со скрипом отворилась. Черный туман показался изнутри, обвил руку мужчины, переместился на стол. Эхо голосов послышалось в небольшой комнатке.

— Изуми-и-ительно, — протянул он, заглянув в ларец. — Коллекция почти собрана. Надеюсь, у тебя не возникло проблем, Гарольд?

Старик замялся.

— Конрада и Эрика я прикончить не смог. Уж слишком догадливые и живучие эти ублюдки. Да и затея с храмом провалилась. Сам видел, как из-под развалин выбрались эти два чудища. До сих пор мороз по коже.

— Провалилась? — вскричал мужчина, всплеснув руками, но тотчас взял себя в руки. Он расстроено зацокал, откинувшись в кресле. — Прискорбно. В будущем они еще сыграют свою роль. О, — он посмотрел в дальний угол, — ты вернулась, Джебел. Рад тебя видеть.

Из тени вышла суккуб*. Грациозная, изящная, с гладкой серой кожей, с глазами цвета свежей крови и с небольшими рожками на лбу.

Копытца застучали по половицам.

Дьяволица кинула на стол сверток.

— Копье, — холодно сказала она и присела на диван напротив стола. — В следующий раз сам отправляйся шастать по лесам.

— Ну-ну, — мужчина поводит пальцем. — Без резких слов, дорогуша. Если я скажу отрезать себе голову, ты ее отрежешь. Ладно, — он сложил ладони домиком, — и что у нас дальше по плану?

Джебел пожала плечами.

Мужчина разочарованно вздохнул.

— Какие же вы скучные, господа. — Он захлопнул ларец. — А вы что скажете, почтенный профессор?

— М-м-м! — замычал привязанный к стулу Мердок. Из его рта торчала тряпка. — М-м-м!

— О, — мужчина поднялся, взяв в руки трость из драконьей кости, — благодаря вашим усилиям, профессор, мы добились неплохих результатов. Не стоит так злиться.

— И зачем он нам? — Джебел пилила острые коготки. — Мы вытянули из него все, Лоуренс.

Лоуренс подошел к гному и вытащил тряпку. Мердок сглотнул.

— Он крайне умен и изобретателен. К чему растрачивать такой потенциал? Да, профессор?

Гном закивал.

Лоуренс концом трости поднял подбородок Мердока.

— Оттон забыл о долге, Поллукс решил, будто моя помощь безвозмездна, Асторийские князьки возомнили себя главными, разорив два дома гильдии в их захудалом королевстве. Все сильные мира сего обязаны мне. Даже эльфийские кочевники Захарийской пустыни, где лишь по моей милости они пьют воду, а не свою мочу. Вот она — разница, — в его глазах отразилась преисподняя, — между властью и контролем. Одни *думают*, что могут все, а другие *знают* это. Гильдия всегда возвращает долги. Как-никак, — позади Лоуренса появились тени. Рогатые, рычащие, алчущие крови, — мы — «Вендель и сыновья».

Ведьма — искаженная и порабощенная тьмой фэй. Давным-давно ведьм называли иначе, но слово затерялось во времени. В книгах и старых рукописях говорится, что они были независимой силой, судьями на Плана фэй. К их советам прислушивались, их наделяли властью, которая и не снилась даже королям Домов. Прекраснее женщин мир не видывал (вот бы сохранились описания до их падения), и однажды ведьмы возгордились растущим могуществом, отринув путь правосудия и справедливости. Они развязали войну, после чего их позорно изгнали. Без жизненной силы родного Плана ведьмы старели, преображались в омерзительных чудовищ. Тьма развратила их (и полубоги подвержены порче. Отсюда еще забавнее слышать лицемерные речи глашатаев фэй о непогрешимости владык).

Царство Теней — обитель скорби, кошмаров и порождений ужаса. Тысячи лет назад Царство Теней являлось частью материального мира, но один надменный король решил, будто способен побороть смерть (да-да, еще один болван из сотен других болванов. И откуда они все берутся?). В своем безумном стремлении стать бессмертным, он принес в жертву десять тысяч жителей (как-то слабо верится) и провел ритуал. То ли неверная формула, то ли предательство, то ли слова заклинания подвели, но вместо желаемого бессмертия король обрек страну на гибель. Густой черный морок накрыл часть суши, поглотив города и людей. А затем пустота. На месте королевства образовался лес (его, к слову, вырубил первые асторийцы).

Леший — древний монстр Царства Теней. Его иногда называют перевертышем по его умению превращаться в самый жуткий страх жертвы. Хочу отметить: леший хоть и жуткая огромная тварь, все же он не самый сильный и редкий предстатель темного Плана (я люблю сравнивать его с собакой. Многие люди держат дома псов, чтобы те помогали им в охоте или охраняли семью. С лешим то же самое).

План — измерения, где обитают чудные создания: от опасных элементарей до отважных искателей приключений, которые умудрились выжить в битве не только с чудовищами, но и с гравитацией. Профессор Мердок на занятиях уже объяснял устройство Планов и что это такое, однако следует добавить: Планов гораздо больше. Помимо общеизвестных (Огонь, Земля, Вода, Воздух) существует также ранее упомянутый План Теней или Царство Теней, План фэй, разные астральные планы, а еще План внутри Плана (не удивлюсь, если есть План внутри Плана внутри Плана). Главное придерживаться совета профессора и не совать нос в чужой дом (нет, ну если очень хочется, то можно. Пс-с, я этого не говорил!).

Братство — отряд из десяти — пятнадцати воинов. Боевое братство формируется еще на первых годах обучения мальчишек в боевых школах Коринфуса. Это не просто отряд солдат, а семья, с которой проживаешь до самой смерти. Со временем воины становятся единым целым, что наделяет их невероятной стойкостью и решимостью. Если погибает член братства, это сильно бьет по боевому духу (некоторые ошибочно считают, будто Поллукс ведет за собой то самое яростное войско, но это заблуждение. Сегодня от бывшей армии осталось мало. Остатки настоящих братств загнали в горы, где в мрачных тоннелях Драконьих шпилей они вместе с дворфами вынашивают планы по освобождению Ликеи и континента от власти Оттона. Откуда я это знаю? Я всегда любил совать нос в чужие дела, хе-хе).

Эфзон — элитный воин ликейской армии. При царе Леосе существовало три отборных отряда по сто человек в каждом. Один эфзон стоил десяти обычных солдат. Их всегда одевали в лучший доспех, дарили совершенное оружие и, ко всему прочему, они проходили обучение верховой езде и усердно изучали мореходство. Великие воины из легенд и сказаний. Едва ли наберется дюжина таких солдат, после того, как почти все они погибли вместе с царем в Ущелье Мертвеца (а от себя добавлю, что у них совсем нет чувства юмора. Однажды я рассказал одному из них шутку, так он до конца жизни боялся горных козлов).

Хек — ведьма или чародейка в ферксийской культуре. Столь занимательное слово редко встретишь даже в Ферксии, потому как связано оно с доимперскими ритуалами и религией. А мы знаем, что Оттон (нет, не нынешний император. Оттонов было немало за тысячелетие, но, как правило, такое имя даровали ребенку, если возлагали на него огромные надежды) искоренил веру, поэтому слово Хек известно лишь старым чародеям и крайне любознательным жителям.

Гильдия — ее называют таинственным братством шпионов и убийц. К сожалению, все свидетели их темных делишек заканчивали со стрелой между лопаток. Одно можно сказать наверняка: гильдия — грозный противник, который следит за каждым шагом правителей и частенько выступает силой, удерживающей одного властолюбивого самодура от попыток захватить город другим, не менее безнадежным тугодумом (в Драйдофе я слышал о некоем Олле. Якобы он держит в ежовых рукавицах всю Гильдию, но из надежного источника я знаю, что он простой глава северного региона. Источник, кстати, утверждает, будто видел настоящего Мастера Теней. Он сидит глубоко под землей в самом что ни на есть подземном городе в центре континента. Есть у меня сомнения в словах верткого хафлинга, но легкое преувеличение — яркая черта членов воровских гильдий).

Стражи Креста — личная гвардия императора. Многие сравнивают их с эфзонами, однако Стражи более самобытны, что особенно заметно в бою. Хотя они и обучаются в Академии все вместе, у Стражей есть некоторая свобода, позволяющая им развивать другие навыки, помимо военного дела. К примеру, всеми знакомый Посредник достиг мастерства в механике, а уважаемый (не всегда и не везде) Кларенс фон Лимбург известный художник в узких кругах. Таким образом появляются новые тактики, новое оружие, построения. Если эфзоны едины, Стражи часто могут действовать по одиночке.

Чтобы стать частью Стражей, молодые люди проходят жесточайший отбор, схожий с ликейскими традициями. Обучаются они тоже с семи лет вплоть до двадцати двух. Но это не освобождает учеников от сражений, а после пятнадцати лет муштры, их на восемь лет отправляют в распоряжение императора, где они несут службу пока не погибнут или пока не придет положенный час решить, какой путь избрать: продолжить быть телохранителем или стать частью постоянных войск в роли командира (бедных мальчишек лишают детства против их воли, насаждая им ложные идеи. Порой обучение в ферксийской академии еще жестче, чем в ликейских школах. Немногие доживают до тридцати, а когда приходит время выбирать, служить трону остаются либо самые стойкие идеалисты, либо самые беспринципные мерзавцы. Служба Оттону рано или поздно всех превращает в чудовищ...).

Целестиал — лишь немного уступают Новым богам по могуществу. Это создания, которым под силу менять реальность, вершить судьбы миров и разрушать их, если потребуются. Правители Домов фэй целестиалы, однако такой высокий титул и сила не распространяются на их отпрысков (а их у каждого короля довольно много, и только один удостоится сменить отца, поэтому они постоянно соперничают друг с другом).

Лига — клан, если по простому (сдается мне, гномы придумали Лиги, чтобы их хоть как-то отличали от дворфов). Хотя есть и явное отличие: названия кланов дворфов происходит из прозвища основателя (скажем, Брод Толстобород или Орн Огнежар), а название Лиг происходит из конкретного ремесла или науки (вот славный профессор Мердок принадлежал к Лиге Оружейников, Лиге Алхимиков, Лиге Механиков), и чем больше Лиг в личном списке, тем почетнее гном в обществе.

Илот — несчастный ликейский раб. Делают всю черную работу в стране, и время от времени подвергаются гонениям и истребляются хозяевами (уж очень пугливы эти *благородные* мужи).

Перворожденные — первые дети фэй. Эльфы наставляли молодые расы, помогали возводить города, делились силой, пока сами не стали жертвой темных желаний. И по сей день существуют Лесные Королевства, но эльфы давно утратили былое могущество, став затворниками своих маленьких мирков (их история падения — наглядный пример того, как важно держать в узде чувства и не пересекать тонкую грань между порочным наслаждением и радостью от жизни).

Преисподняя — дьявольское царство, где на троне из костей восседает Асмодей — владыка дьяволов и бич миров. Преисподняя состоит из девяти уровней, каждым из которых заправляет один из генералов Асмодее (еще ни разу в его чертог не ступала нога смертного. Лишь короли фэй по преданиям имели сомнительную честь пообщаться с повелителем Преисподней).

Асмодей — мифическая сущность, которая правит подземным миром (есть еще более глубокое и страшное место, но оставим это на другой раз). Никто не знает, как выглядит Асмодей. Кто-то описывает его краснокожим крылатым чудищем с рогами, кто-то обольстительным юношей, а еще встречаются упоминания громадного воина с желтыми глазами (после пятого жбанчика гномского пива и не такое услышишь). Одно известно наверняка: без его ведома не заключается ни один договор, и только Асмодей может разорвать его.

Суккуб — обворожительная дьяволица небесной красоты (я тот еще шутник). Принято считать, что это существо из преисподней высасывает жизненную силу из мужчин. Старая байка. На деле же, такой дьявол не просто кладезь знаний о Планах, а также прекрасный партнер в торговую гильдию. Во-первых, владеет письмом (десятки языков и диалектов), во-вторых, толковый казначей (знавал я владельцев банков, которые умышленно вызывали суккубов себе на службу), в-третьих, замечательная подруга и собеседник (любят они судачит по поводу и без) и, в-четвертых, суккуб может защитить (все же это дьявольская тварь с силой дюжины быков, которая не боится обычной стали и может перевоплощаться). А еще...кха-кха...впрочем, я все уже сказал.

Создатель — Отец всего сущего, Архитектор мира, Страж мироздания и еще бесчисленное множество титулов. В отличие от божественных пантеонов Создатель у всех рас один (некоторые отрицают существование богов, но верят в некую сущность, стоящую за ними. Я один из них. Объясню: боги — созданные человеческими верой и чувствами существа, поэтому тьмы в них чуть ли не больше, чем света. Я не сторонник возносить молитвы кровожадным убийцам. В одной из книг уже описывалось мое знакомство с приближенными Новых богов).

Ангельский мох — наркотические травы. От прочих смертельно опасных удовольствий их отличает зависимость, от которой практически невозможно избавиться. Даже люди со стальной волей не могут ничего противопоставить обманчивому сладковатому аромату. Бывали случаи, когда от этой отравы гибли небольшие поселения, потому что один фермер не заметил роковой сорняк вовремя (выращивать его крайне легко, а продать

еще проще. Как и вся остальная дрянь: сонный гриб, кровавый мак или фиттония — мох строго запрещен на всем континенте. При долгом употреблении у человека мозг превращается в кашу. Буквально. Годами мох может убивать человека, если он вдыхается в малых количествах. Ни в коем случае не пробуйте эту дрянь!).

Нелюди — пренебрежительное название эльфов, дворфов и прочих созданий, которые чем-то отличаются от человека (высшая степень невежества и неуважение. А в Ферксии и вовсе подобное поощряется и навязывается людям с самого детства).

— *Из заметок Йона Странника.*

Расы континента

Люди — самая многочисленная раса континента и вместе с этим самая молодая. Во всех мирах люди быстро растут, стареют и умирают (недальновидные эгоисты с непомерным самомнением считают своим долгом растянуть время пребывания в мире живых, но такие идеи оборачиваются боком. Всегда. Вот не шучу). За всю историю континента насчитывается едва ли не дюжина человеческих империй, которые разваливались по глупости правителей (вот возьмем Сатурнианскую Империю на заре времен. Думаете, она пала под натиском врага? Природа уничтожила ее? Нет, нет и еще раз нет. Просто одному умнику взгляд императора пришелся не по душе. Видите ли, уважения мало было. И вот глава почетного семейства подговорил магов устроить небольшой потоп в столице в отместку за такое «пренебрежение», но колдуны перестарались и случайно испарили дамбу. Столицу смело вместе со всем императорским родом! А потом все как обычно — грызня за власть и реки крови).

Несмотря на все невзгоды, люди крайне живучи. Они привыкают жить даже в условиях, когда тебя может съесть дикий куст, если ты был невнимателен. С годами единый народ начал потихоньку распадаться и расходиться по свету. Одно племя осело на севере, где впоследствии образовалась Ферксия (как раз после развала последней империи), другие отправились на запад и юг. Перенимая особенности земли, на которой племя очутилось, постепенно меняется и жизненный уклад, появляются новые традиции, правила, мировоззрения. Засушливая местность, где мало воды и еды, где смертельно опасен даже самый крохотный жучок, породила настоящих стойков. В таких условиях важно было уметь за себя постоять, быть сильным и выносливым, а также заботиться о других, потому что в единстве сила. Так появилась Ликея — страна воителей и легендарных героев (правда, потом появилось рабство, неуважение к чужим культурам и многое другое, будто один из царей так хотел соответствовать городам древности, что слегка перестарался). И такой путь проходили все. Под влиянием тех или иных взглядов великие страны получились самобытными и по-своему прекрасными (я как раз заканчиваю свой последний труд о странах континента, где подробно делюсь мыслями и впечатлениями о своих путешествиях).

Эльфы — перворожденный народ, который помогал делать первые шаги остальным. Эльфы изобрели музыку, живопись, они заложили основы строительства (дворфы через сотню лет ушли далеко вперед, но никогда не забывали уроков своих наставников), первыми усмирили ветра магии и научили смертных чародеев управлять ими. Первороденные были воплощением идеалов фэй, однако полубоги не учли, что не все творения Создателя чисты (фэй создали эльфов, а все остальное — дело рук Творца). Возможно, он что-то знал и изначально замыслил этакую пакость. В итоге эльфы, сами того не подозревая, попали под влияния человеческих страстей.

Хитроумные манипуляторы из числа смертных магов умело вбивали клинья между разными ветвями эльфов (знатных родов существовало немало. У Захарийского Императора имелось шесть детей, и каждый из них основал свою династию). Зависть и жажда силы заставили их пойти на такой шаг. Они настроили человечество против нелюдей, и начались войны. Одна, вторая, третья... Бесконечная череда жестоких завоеваний, после которых эльфы уподобились врагу. За что и поплатились. Самая могущественная и старая империя континента рухнула. Захария превратилась в безжизненную пустыню, где песчаный океан заменил собой цветущие сады, а жгучие магические вихри размели города.

Но эльфы не погибли. Уцелевшие сыновья и дочери императора основали свои королевства: Алекастис — Леадор, Орис — Ледрос, Милим — Город пустынников. Судьба остальных трех более трагична. Имен не помню, но один ушел под землю, второй решил вернуться к доимперским временам, а младшая дочь построила флот у уплыла на запад. Что первый, что второй из-за страха перед людьми еще больше искалечили души эльфийского народа.

В подземных глубинах родились темные эльфы. Со временем одичавшие, озлобленные, оскорбленные они стали нападать на собратьев с поверхности, занялись разбоем и нашли нового покровителя — Безликого бога (подробнее об этом народе читайте в моей новой книге «Сотни лет жизни в бесконечном кошмаре»).

А в южных лесах Илларики эльфы стали едины с природой, отринув развитие и свое прошлое. Варварские племена изуродованных созданий вкусили живой плоти, став каннибалами (поверьте: такой жути вы еще не видели. Я стал свидетелем, как вождь племени заживо разделал семью купца из Астории, а затем съел их сердца). Если с темными еще есть возможность договориться, то от дикарей вас уберегут только быстрые ноги.

Дворфы — коренастый и трудолюбивый народ живет глубоко под землей, прокладывая новые тоннели в разные части континента. Целая сеть таких дорог соединяет города — *камены*, каждый из которых принадлежит определенному Клану (центральный *камен* управляется королевской семьей, *камены* поменьше недалеко от центрального защищают аристократы, а в самых дальних, куда редко навещаются патрули, обитают изгнанники, убийцы, клятвопреступники и им подобные негодяи)

Дворфы отменные мастера ковать оружие и доспехи, обрабатывать драгоценные камни, добывать руду и строить укрепления. Они лучше других ведут осады, как под землей (вы даже не представляете, сколько опасных и

разумных тварей обитает в подземных глубинах), так и на поверхности. Гордые, принципиальные, злопамятные и чересчур жадные (они удушат за медяк!). Бородачи свирепеют, если их путают с гномами — теми еще пройдохами.

Гномы — самый маленький народец на всем континенте. Воины из них никакущие, управленцы тоже, но в отличии от дворфов гномы хитры, прозорливы и открыты новому. Если дворф что-то создает, он придерживается строгих правил, а гному лишь бы создать неведомую чертовщину, стреляющую из всех отверстий. Часто их изобретения приносят больше вреда, чем пользы, потому что даже сам конструктор иногда не догадывается, как сработают те или иные механизмы (как-то раз к воротом одного города прикатили скорострельную катапульту, снаряды которой не долетали до стен и испепеляли союзников. Любой скажет: да потяни за рычаг, болван! Нет-нет, машину это не остановило: она метала снаряды, пока не взорвалась к Асмодеевой матери. Тем не менее гномы придумали много новых алхимических формул, улучшили зелья, разработали технику ковки (хотя сами кузнецы из них еще хуже, чем воины. Дворфы, к слову, вовсю ей пользуются, но громче всех вопят, что это они придумали. Вот же упрямы).

Хафлинги — невысокие и верткие мохноногие создания давно зарекомендовали себя, как искусные воры и талантливые торговцы. Многие люди в глаза не видели ни одного хафлинга, но утверждают, будто это страшные коротышки, крадущие детей и кухонную утварь. Нет, среди них встречаются небывалой красоты особы, которые вертят мужчинами не хуже эльфийских красавиц (хафлинги заметно выше гномов, и порой даже дворфов. Высокую девушку хафлинга некоторые спутают с человеком. Только заостренные ушки и открытые стопы выдают в ней нелюдя).

Воры они отменные (убедился как-то раз лично: негодник срезал кошель в Цеведесе и был таков), поэтому гильдии их охотно нанимают, если предстоит очень щепетильное дельце. Все дело в невероятном умении заглушать свои шаги и пролезать в такие крохотные щели, что диву даешься, как еще богачи не разорились (но я то знаю: хафлинги по натуре добрые, и скорее помогут человеку, чем причинят вред живому существу). В торговле они тоже собаку съели. За спором хафлинга и гнома на рыночной площади из-за цены двух мотков веревки можно наблюдать полдня. Славные они ребята. Куда лучше людей.

Голиафы — существа десять футов высоту с четырьмя руками и обсидиановой кожей. Мускулистые, грозные и крайне суеверные голиафы обитают в горах и практически не показываются на глазах у людей (у голиафов нет городов, нет единой армии, нет писанных законов и правил, но при нападении на поселение они могут сплотиться, а руководствуются они заветами предков). В иерархии голиафов власть сосредоточена в руках вождей и круга шаманов, которые, как говорят свидетели чуда, умеют разговаривать с мертвыми и читать мысли.

Также нередко можно заметить голиафов-наемников в рядах крупных отрядов. Это незаменимые бойцы, использующие особые техники владения оружием, ценятся у богатых купцов, кто все же решился пересечь Захарийскую пустошь. Четыре острейших клинка в каждой руке превращают неповоротливого гиганта в смертоносный вихрь. Немногословные, честные и неподкупные существа делают работу на совесть. Какой бы она ни была (не путайте голиафов и великанов. Великаны ближе к людям, несмотря на рост; они умеют веселиться, знают всеобщий, подкованы в торговле и в военном ремесле).

Дьяволы и демоны — те и другие жестокие твари, коим интересен хаос. Они спят и видят как бы уничтожить друг друга и всех, кто попадет под руку. Однако дьяволы в отличие от диких собратьев чересчур разумны. Хитры, умны, коварны. Они частенько склоняют людей ко злу, заключают договоры и используют других для исполнения своих планов (пару раз в жизни я встречал дьявольских рабов, и они даже не осознавали, что их используют, твердо веря в свой контроль над монстром. Наивные простаки).

А вот демоны — те еще кровожадные твари. Им чужды подковерные интриги, им не интересны смертные (ну если только дело не касается отрывания голов), они не заключают союзов. Демоны — олицетворение хаоса, всепожирающий враг всего мироздания (и таковых я тоже однажды встретил. Чудом успел ноги унести).

Фэй — загадочная раса существ, которая появилась раньше других разумных обитателей миропорядка. Большинство людей по незнанию называют фэй эльфов, дворфов, гномов, хафлингов и прочих. Это пошло из древности, когда люди не знали, как именуется та или иная раса, поэтому простое и емкое слово помогло им найти общий язык с первыми обитателями материального плана (какое же безобразное обобщение. И к тому же ошибочное. Фэй породили эльфов, назвав их Перворожденными). Где-то между мирами, на неизвестном Плане десятки тысяч лет стоят неизменные Дома фэй — четыре Высших Дома: Летний, Зимний, Осенний и Весенний. Они внимательно наблюдают за мирами, чтобы в миг опасности вступить в битву (хотел бы я хоть разок взглянуть на эти волшебные дворы. Эх, быть может, найдется смертный, который рискнет проникнуть в дом полубогов, и найдет для старика парочку реликвий).

Иллари́я — вторая по величине страна континента, которая отличается невероятной плодородностью почвы. В Иллари́и множество озер и лесов, многие из которых заселены низшими фэй и являются вратами в их мир — великую обитель четырех сильнейших Домов (и это не шутка. Восточный лес настолько пропитался фэйской энергией, что любой человек прочувствует прикосновение целестиала, а это, между прочим, редчайшее явление, которое сулит удачу). Богатые урожаи, здоровый скот и удивительное сплетение науки и магии сделали Илларию независимым и самобытным зеленым краем, куда долгие годы не решался ступить ни один враг (как вам мушкет, выпускающий во врага рой ядовитых ос? А сфера, превращающая округу в лед? Даже дворфам есть, чему поучиться. Жаль только, что такой подход практикуют только в Цеведесе). Волею судьбы Илларию покорили бесчисленные легионы Ферксийской Империи (прискорбно, но такой мощи невозможно противостоять, однако ничего не вечно. Я верю, что Иллари́я вновь воспарит).

Захария́ — засушливая пустыня когда-то давно являла собой величайшую мощь континента. В Старую эру страна ничем не уступала Иллари́и, обладая еще большим влиянием и богатством. В отличии от других государств, Захария́ была полностью под властью Перворожденных. Первые дети Высших фэй столетиями развивали науку и культуру, налаживали торговлю с соседями, имели сильнейшее войско, а их умение управлять потоками магии вошло в легенды. Люди испытывали благоговейный трепет, всецело отдавая себя во власть эльфийских мудрецов.

Однако спустя годы Перворожденные перестали двигаться вперед. Соседство с людьми привело к падению: душами молодых правителей овладели пороки, коих боялись более зрелые и дальновидные жители. Все большее пренебрежение испытывали эльфы к примитивным, по их мнению, империям. Общество, которое раньше чтит чистоту тела и разума, вырождалось день ото дня. Бессмысленные войны за превосходство привели к расколу. Более мудрые и стойкие ушли на восток, где основали новое царство — Леадор, а остальные утонули в жестокости, удовольствии и ненависти не только к людям, другим нелюдям, но и друг другу.

Со временем леса истлели, реки и озера высохли, города превратились в руины. Песчаная пустошь и поныне властвует в некогда цветущем крае. Многие уцелевшие избрали путь кочевников, под предводительством Милим по крупицам собирая остатки знаний великих предков и торгуя с кем угодно, лишь бы протянуть еще пару дней под палящим солнцем.

Ликее́я — страна исключительных воинов. В Ликее нет ни мудрецов, ни умелых строителей, ни механиков, ни прочих ремесленников, без которых не может существовать ни одно общество. Тем не менее недостатки с лихвой окупаются успешными военными походами как на Грекалию, так и на Ферксию. В стране процветает культ силы, где вся власть сосредоточена в руках двух правителей и двенадцати знатных семейств, представители которых входят в совет Старейшин. Еще одной отличительной чертой является религиозность: ни один поход не начнется с одобрения оракулов (пускай Леос с Еленой и пытались отстраниться от влияния фанатичных жрецов, Ликее́я продолжает быть зависимой от решений потусторонних сил. Что ж, может быть у Поллукса и Кастора получится).

Не стоит забывать и о рабстве. Илоты — важнейшая часть в жизни каждого ликейца по очень простой причине: они кормят и поят армию, строят дома, куют оружие и доспехи. Великое царство живет благодаря жестокому подчинению слабых и суровым воинским правилам.

Грекали́я — степные равнины, по которым стрелой проносятся неудержимые всадники, загоняя несчастную жертву в ловушку. Так же, как и Ликее́я, Грекали́я живет набегами, но в рядах степняков нет места благородным и честным мужам. Всадники хитры и коварны; они предпочитают луки и копья вместо тяжелых мечей. Годами они истязают соседние страны, разоряя приграничные города и вырезая все население.

Главная особенность Грекали́и — почти полное отсутствие городов. И нет, никто не шутит. Лишь самым сильным кланам позволено занять один из городов-крепостей. Всего существует три таких города (по сведениям одного грекалица, попавшего в плен), но еще никто не отважился зайти так глубоко, чтобы вживую увидеть неприступные твердыни. Доподлинно известно, что у грекалицев имеется флот, который нередко заходит в южные воды для сбора кровавой жатвы. Закрытость и непринятие чуждых культур сделали степняков лакомым кусочком для ученых и чародеев-историков. Возможно, кто-нибудь когда-нибудь и доберется до сердца страны, чтобы узреть, как собирается Великая Орда.

Ферксия́ — мощная держава на крайнем севере континента. На заснеженных просторах правят холод и стужа. Лишь на приграничных землях фон Лимбургов путнику встретятся поля, реки, богатые пастбища.

Несмотря на суровость погоды, ферксийцы упрямо не хотели сдаваться на милость судьбы и построили, не без помощи дворфов, десятки укреплений и городов, размещенных по всему северу. Знания, полученные от низкорослых соседей, жители использовали во благо и через несколько лет сами сумели изобрести механизмы, которые помогли им лучше приспособиться к жизни в Ферксии. И по сей день в империи живут лучшие мастера инженеры среди людей, открывая все новые чудные устройства.

В стародавние времена Ферксия еще не называлась империей и водила дружбу с фэй. Они делились друг с другом мудростью и знаниями — до кровопролитной войны. Именно тогда первый император — простой кузнец по имени Оттон сплотил разрозненный народ и отразил напасть. Оттон поклялся, что больше никто не поставит Ферксию на колени: ни боги, ни нелюди, ни Высшие фэй. Религия исчезла, уступив место холодному расчету, науке и острому клинку. Маги постепенно стали изгоями, а люди нашли себе новый образ для поклонения — императора Оттона. И как только был разрушен последний храм, Ферксия — уже империя — начала первую войну против всего мира. Веками Ферксия укрепляла границы, не ведала поражений и была оплотом человеческой культуры. Но как это обычно бывает, успехи рано или поздно кончаются.

Спустя целое тысячелетие леадорский король пришел ко двору потомка Оттона и попросил руки и сердца дочери императора, на что получил жестокий отказ. Что произошло потом никто точно не знает. Одни говорят, что король пришел в ярость и развязал войну, другие — император сам использовал ссору, как предлог для нового похода на фэй. Однако все закончилось поражением империи и ее порабощением на долгие годы.

Ненависть к нелюдям крепла, а власть леадорских владык истончалась, что привело к восстанию и жестокому истреблению последних потомков Захарийской династии. Историю переписали, от городов и камня на камне не осталось. Никто не уцелел — так ответили военачальники своему повелителю, но они ошиблись. И не ровен час, такая небрежность приведет к страшной беде не только для империи, но и для остального мира.

Леадор — фэйское государство, образованное после распада Захарийской Империи. Небольшое, но сильное и независимое. Владыки воспользовались бережно укрытыми знаниями, чтобы создать процветающую страну. В отличии от Захарии Леадор принимал к себе не только Перворожденных, но и фэй с соседних Планов. Их крепкий союз породил невиданных прежде существ, в чьих венах текла кровь обеих ветвей. Поэтому в Леадоре рождались сильнейшие чародеи на всем белом свете. Лисандра принадлежит одному из таких Домов, но ни слова больше о ней, сейчас важно знать, что леадорцы всегда стремились быть лучше своих предков, и укрепление дружбы с соседями стало приоритетным делом.

Столетиями они дружили с людьми, охотно делясь знаниями и помогая неопытным магам обуздать ветра магии. И в один прекрасный день Алекастис — король Леадора (так гласят летописи) полюбил смертную женщину. Экая неслыханная наглость, — заявил брат короля — Алеканон. Он предрек беду и был прав. Война прошла по земле фэй, но имперцы пока не могли тягаться с мощью колдовства леадорцев. Алекастис, взбешенный подобной наглостью, приказал наказать Ферксию. И как всегда, что имел ввиду король — неизвестно. Все кончилось порабощением и унижением. Алеканон предупреждал брата об опасности, но все усилия оказались тщетными.

Со временем король отдалился от народа, забытые пороки вновь выползали наружу, выставляя напоказ все самое мерзкое в душах эльфов. Проклятие Захарии набирало силу. И стоило фэй проявить слабость, их тотчас покарали. Примерно в 1700 году Новой эры леадорцев стерли с лица земли. И поныне на месте некогда величайшей страны простирается кладбище, где ночью слышны тоскливые завывания призраков.

Астория — государство на востоке континента. О нем известно немного, однако ученые сходятся во мнении, что в Астории власть всецело принадлежит народу. Несмотря на наличие императора, он лишь голос страны, и не обладает большим влиянием. Тем не менее его очень уважают и зачастую прощают некоторые выходки. Нынешний правитель — Аппий — первый император, которого повторно избрал народ.

Астория очень сильно напоминает Илларию, за тем исключением, что Иллария — дикий край, а Астория — столица искусств, где многие жители выбирают путь созидания. Яркие артисты, музыканты, которых знает весь мир, лучшие художники и архитекторы приходят из Астории. Жемчужину, к слову, помогли воздвигнуть именно они. Даже несведущий глаз тотчас заметит отличия между Жемчужиной и Феретисом — главным городом Илларии. И та самая труппа «Джелози», упомянутая Никсом, так же зародилась на востоке.

Пару слов о природе. Она изумительна прекрасна. До тех пор, пока ты к ней не приблизишься. Нынешний император Ферксии большой поклонник смертоносной красоты Астории. Его можно понять, ведь только там путник встретит редкие виды цветов, животных и птиц, которые не водятся больше нигде на континенте. При условии, что бесстрашный путешественник сумеет пробиться через непроходимые джунгли и не потеряет по дороге ногу или руку. По неподтвержденным сведениям, Гильдия закупает яды у асторийских купцов, которые время от времени забредают к границам Срединных земель.

А кто справится с лесными чудищами и опасными живыми цветками, того ждет встреча с Легионом — несокрушимой стеной Астории. Хотя армия востока предпочитает мирные решения, в случае угрозы в бой с врагом отправятся когорты хладнокровных солдат, чьим умениям убивать позавидуют даже ферксийские гвардейцы. Нет более нигде таких целеустремленных и решительных полководцев. Страна еще никому не покорилась. Разумеется, не без помощи армии, однако это никак не помешало императорам заключить союз, что возмутило многих жителей. Верное ли это было решение — покажет время, а пока Астория остается последним свободным уголком на континенте. За исключением Пламенных Островов.

Пламенные Острова — неизведанные земли, куда попасть сложнее, чем в тронный зал Асмодея. Все дело в необычном колдовстве, основанном на ритуалах и соломенных куклах. Некоторые чародеи с трудом, но добирались до поселений дикарей. Изучение магии островов из раза в раз ставило их в тупик, так как они не могли понять, откуда шаманы черпают силы для проведения обрядов. Некоторые обвиняли жителей в черной магии, в некромантии и магии крови, но поспешные выводы приводили их к скорой смерти.

Также, как отмечают моряки, везущие товары, жители знать не знают ни о каких войнах, Ферксийской Империи, о богах и всем прочем. Простые, миролюбивые островитяне осознанно отгораживаются от мира, чтобы не нести в дом весь этот хаос, творящийся на континенте. Однако, поговаривают, что все же находятся смельчаки, которые частенько наведываются на материк. Вернее, их отправляют туда с умыслом, чтобы вожди знали, с какими опасностями может столкнуться их народ. Стоит сказать, это не обычные воины. Обученные с малых лет монахи-воители, обладающие разными необычными навыками. Как-то раз, в прибрежном городке заметили человека в татуировках, что смог вырастить себе новую руку на глазах удивленной толпы, а в Цеведесе встретили женщину, тело которой не мог пронзить ни один меч. В любом случае мы еще слишком мало знаем об этом удивительном народе.

Срединные Земли — двенадцать вольных городов. Много лет правители этих земель придерживаются нейтралитета. Каждый город по-своему уникален: в одном не встретишь ни одного жреца, в другом, наоборот, храмов едва ли не больше обычных домов. И это при том, что города разделяет не больше дня пути. Поистине, невероятно, как взгляды одного правителя преобразуют целый город. Вот, к примеру, возьмем город Боудвиг. Там заседает Матиас — тот еще ушлый торгош. Но благодаря его смекалистости и особому нюху на наживу, город стал самым богатым в Срединных Землях, а тамошние люди переняли повадки Матиаса, создав могущественные торговые гильдии, которые могут посоперничать даже с «Вендель и сыновья» (самому не верится, что такое говорю). Со временем Боудвиг сделался похожим на огромный рынок, где человека оберут до нитки, а его самого выгодно продадут на галеру жестокому грекалийскому капитану.

Если одного Боудвига мало, то стоит обратить внимание на Атрос — город чудных технологий (кажется, такое слово используют дворфы и гномы). В Атросе чуть ли не каждый мужчина носит бороду и имеет под рукой огнестрельное оружие (жуткая штукавина, которой не должно существовать!). Видимо, дело в том, что городом правит Лига. Да не просто Лига, а Лига Хазра (К слову, Лига Хазра стала именем нарицательным. Некоторые гномы использует выражение *Hazra Hatta*, что можно перевести, как...эм-м...умалишенный болван), которая создает самые смертоносные, опасные, бесчеловечные (ну еще бы, они же гномы!) устройства. Наш старый знакомый профессор Мердок имел честь быть главным инженером Лиги, но после некоторых разногласий покинул славный дом.

И поверьте: каждый город опасен. В них не работают законы соседних стран, и даже за малейший проступок ваша голова окажется насаженной на огромный деревянный кол прямо перед входом. И а еще говорят, что с наибольшей вероятностью произойдет второе сошествие богов, чем города объединятся. А если чудо и случится, то любой правитель при удачном раскладе вонзит нож в спину союзнику (и одним разом не обойдется).

Аргус — один из самых укрепленных ликейских фортов у границ с Грекалией. Да чего уж там — все ликейские крепости защищены настолько хорошо, что там и мышь не проскочит. Степняки не один раз бились головой о врата фортов, но в осадах они, мягко говоря, не так сильны (Ликейцы, впрочем, тоже, он об этом в следующие раз). Вэл вспомнил об Аргусе неспроста: следопыт принимал непосредственное участие в обороне форта. Дважды, если сведения правдивы. Грекалийцы за долгую историю войны так и не сумели пробить брешь в стене или сломать врата.

Феретис — столица Иллари и самый крупный ее город. Признаться, он крупнее любого города Ликей и даже Ферксии. Тысячи мирных жителей (назовем их мирными и не будем брать в расчет их любовь сносить головы неприятелям. Пускай и не частно, но на Илларию все же нападали) населяли столицу и область вокруг Феретиса. Сейчас в нем засели ферксийцы, однако, что-то подсказывает о скором мятеже и возобновлении власти короля (Да, у Иллари таковой имеется, представляете? Асмодей знает, как его зовут. Понимаете, власть частенько меняется: утром пьешь чай при одном короле, а ужинаешь уже при другом. Возможно, всему виной воинские турниры, которые заканчиваются для участников всегда одинаково — с топором в голове).

Цеведес — второй по размерам город Иллари. Считается одним из самых технологичных городов континента, где располагается главный дом крупнейшей торговой гильдии «Вендель и сыновья». Именно поэтому Цеведес технологичный город. Гильдия прибрала к рукам всю власть, у нее есть связи с правителями соседних стран. Уважаемый Лоуренс — глава гильдии — имеет столько денег, что с легкостью купит себе Вольный город. Многим интересно, какие тайны скрывает этот хитрец, но любые попытки из раза в раз проваливаются. Цеведес — его вотчина, где все происходит по указке торговой гильдии. Стоит отметить, что только тут стоят все шесть храмов Новых богов, поэтому нередко склоки приверженцев того или иного пути. А также в Цеведесе, не в Феретисе, живет вся знать (Мда, будем честны: Феретис является столицей, потому что его раньше построили).

Многие предпочитают верить, что Феретис просто большая деревня с дикарями, и будут по-своему правы, но, как ни крути, все важные решения принимаются там).

Жемчужина — город-порт, который по праву является не только ценнейшим и крупнейшим рынком во всей стране, но и важным военным укреплением с внушительным флотом. Так было до прихода ферксийцев. Оттон быстро смекнул, что Жемчужина — удобный плацдарм для наступления с моря. И все же город — украшения дикой Иллари. Он воздвигнут силами многих народов: Асторийцы построили театры, Академию, Королевский Квартал, Ликейцы помогли с укреплениями и созданием флота, а представители Вольных городов основали Дома своих гильдий. Жемчужина — символ сплоченности, красоты Иллари и место, где все были равны (Ну почти. Не по доброте душевной все помогали строить город. Неподалеку дворфы нашли месторождение газа, драгоценности, руду и еще кучу всего, что пользовалось успехом на любом рынке). Эх, так ли это важно, если от города и крепостных стен не осталось?

Ледрос — дремучий лес у границ с Цеведесом с одноименным эльфийским королевством (Эльфы не славятся изобретательностью, поэтому названия их городов часто похожи. Ну добавят одну букву там, уберут тут, а на деле пойдешь отличить Хаэль`Ферим от Хиль`Фурима). Лесное Королевство основал Орис после падения Захарии. В многом благодаря этому эльфы не перешли к первобытному образу жизни (Да-да, Посредник умудрился наткнуться как раз на одно из таких поселений. Повезло ему, что его не съели). Однако Ледрос во многом уступает как по военной мощи, так и по колдовскому искусству собратьям из Леадора. Это связывают с утраченными знаниями, но все гораздо проще: Орис не хотел как-либо мелькать перед смертными. Король просто хотел переждать весь ужас раскола и уберечь народ от болезненных воспоминаний. Во всяком случае говорил один хороший знакомый, который давно исследует мир, и он не успокоится пока не изучит все его тайны (Как же звалито? Вот же угораздило забыть...А! Тиль звали этого остроухого мерзавца, стащившего из библиотеки пару дорогих свитков).

Драйдоф — еще одна безвкусица от ферксийских строителей. Безобразное нагромождение камней без толики изысканности дворфийских умельцев. Практичность — да, вместительность — пожалуйста, но внешний вид...О, Создатель — хуже не придумать! Все грубое, резкое, отталкивающее и унылое. Ферксийцы вообще слышали о других цветах, кроме серого и черного? Фу, ужасное зрелище. Если вы видели один имперский город, вы видели все города Ферксии.

Цигельдорф — выжженный до основания город у юго-западной границы Ферксии и Ликеи. Особо много о нем не расскажешь, кроме нездоровой любви бывшего наместника к роскоши. Поговаривают, помер он придавленный собственной золотой статуей в тронном зале при попытке вынести из дворца мешок драгоценностей. Занимательно то, что многие правители до него кончали не лучшим образом: один вот свалился с балкона после праздничной попойки, другой оступился на винтовой лестнице и размозил голову о камень, третий так и вовсе утонул в болоте, охотясь на оленя. Станный этот город — Цигельдорф.

Глирч — островок безмятежности в океане безумия. В нем и сейчас живет простой люд, хотя после жуткой бойни, учиненной уже бывшим капитаном империи и ликейцами, никто не рвался восстанавливать городок (и все же до сих пор остаются вопросы, на которые никто не пожелал давать ответы. Слишком много недосказанности, небылиц и исковерканных воспоминаний. Быть может, все было иначе, но капитан унес правду с собой в могилу).

Хоэнтвиль — столица Ферксии. Непрístupный город северного предгорья не взял штурмом ни один полководец. Двойной ряд толстых черных стен опоясывают вотчину Оттона, на которых денно и ночью стоят на страже зоркие часовые, готовые в любую минуту броситься в бой. Одновременно ужасающая и величественная она внушает страх и трепет. Десятки флагов реют на шпилях Хоэнтвиля, обозначая непоколебимую власть императора надо всем севером.

За толстыми стенами живет суровый народ с лживыми масками на бледных лицах. Не слышно пение менестрелей, ни громкого смеха, ни болтовни. Подковерные интриги и борьба за власть заменили собой все веселье (мороз по коже от одного взгляда этих пустых серых глаз. Б-р-р!). Только железная воля Оттона удерживает знать от грызни за престол. Мало кто возвращается из «мертвого города». Единожды вступив за порог, человек навечно связывает душу с Хоэнтвилем (звучит зловеще, не правда ли? То-то же. Даже не вздумайте соваться в это Создателем проклятое место!).

Южный Предел — тихий город на севере Иллари, где лучшие товары появляются раньше, чем в Цеведесе (как раз поэтому молодые лорды и леди так спешат вырваться из безопасных домов. Все хотят быть первыми: первыми надеть на себя захарийскую шаль, первыми попробовать на вкус асторийские фрукты, пока они еще свежи, первыми купить оружие из Ликеи. Но мы-то с вами знаем, кто в действительности первым доберется до самых изысканных и неповторимых товаров).

Еще одним немаловажным фактом является необычное отношение путешественников друг к другу. Знаю, это довольно сложно объяснить, но Южный Предел чуть ли не единственное место, где дворф не пытается придушить

гнома, а человек не оскорбляет хафлинга. Уму непостижимое явление в наше-то время. Возможно, все дело в уюте местных гостиниц, а может, все гораздо таинственнее.

Деревня Аббет — рыбацкая деревенька у берегов Жемчужного моря. Ничем не примечательное место, за исключением того, что уродливое чудище разнесло его в щепки, попутно сожрав половину населения. Очевидцы тех событий (те, кто находились дальше всех) заявляют, будто чудищ было несколько. Мол, второе черное-пречерное с двумя мечами, а третье якобы изрыгало из металлических трубок синие пламя (видимо, никто не слышал о темных эльфах и пистоле. Правда, смущает синее пламя...Надо бы обновить познания в дворфийском оружейном искусстве).

Коринфус — главный город Ликеи. Если вы хотите увидеть шедевры архитектурной мысли, советую посетить Асторию, а тут...тут стройными рядами стоят казармы, тренировочные арены и огромный (больше нигде не встречал) стадион (странное слово, но мне пришлось по душе), где каждые пять лет проводятся конные гонки (однажды я удостоился чести стать почетным гостем царя Леоса. Зрелище, скажем так, — то еще зверство. Но кто я такой, чтобы осуждать чужую культуру).

С семи лет мальчиков столицы обучают воинскому искусству, и с годами они овладевают всеми видами оружия, заучивают наизусть все трактаты о тактике и стратегии и формируют нерушимое братство. Юноши убивают в себе частичку себя во благо своей страны (бесчеловечные традиции). Вплоть до тридцати лет они вынуждены постигать науку войны и закалять тело в горниле битвы. А затем им открывается дорога во власть и возможность возвыситься в армии. Каждый сам избирает путь, но в конечном счете он все равно приводит в могилу.

Локоридис — перевалочный пункт для ликейских войск. Заурядное и угрюмое место, где в крохотных хибарах живут илоты и частенько обслуживают прибывших солдат, чистя их оружие и доспехи. Недолгого пребывания вполне хватило для точной оценки действий армии по отношению к рабам. Чудовищная жестокость. И самое скверное — в глазах илотов отражалось лишь тоскливое равнодушие (слегка вычурно звучит, но иначе не скажешь. Люди потеряли желание биться за свободу, утратили чувства и лишились надежды).

Фоуст — одна из немногих жертв Ферксийской Империи в Иллари. Обычный город с обычными людьми в одночасье превратился в пепелище. Если верить слухам, в Фоусте жил старый и мудрый колдун, что помогал императорам (в том числе и Оттону) править страной. Должен сказать, странный повод сжигать город вместе с людьми (к тому же по миру ходят рассказы о жуткой фэйской ведьме, о мстящим сыне того самого чародея, о загадочной двери в иные Планы и, скажу по секрету, один пьяница как-то раз проговорился о некоем Хранилище, где боги упрятали своего собрата). Но вот что удивительно: старый дуб до сих пор стоит, и изнутри доносится чей-то голос, молящий выпустить его. Во всяком случае, так сказал пьянчуга, а верить ему или нет, пусть каждый решает сам.

— *Отрывок из книги Йона Странника «Причудливые и опасные места континента».*

Сведения из моей книги крайне опасны. То, что вы в ней прочтете — правда лишь отчасти. Никто из ныне живущих, за исключением парочки свихнувшихся отшельников, не застал те далекие дни, но я отыскал тех, кто готов был поделиться знаниями (вернее сказать, Тиль сам меня нашел), которые не сулят ничего хорошего.

Фервус — первый среди равных. В его честь проводят праздники, посвящают песни, его именем называют детей (вот же безумцы! В Астории ребенка и камнями забить могут за такую дерзость). В храмах ИллариИ Фервуса принято называть создателем всего сущего, но он просто вовремя подсуетился (да, я сказал подсуетился. Дело в том, что Фервус со своими братьями и сестрами — не эфемерные сущности, плод воображения или видение. Новые боги — существа, которые раньше были людьми, поэтому их сердца больны пороками). В умах верующих Фервус воплощает мудрость и наставляет человечество на путь истинный (хотите-верьте, хотите-нет, а я встречал его. Пузатый старик с белоснежной бородой и блестящей лысиной. Именно поэтому я не верю в богов: их не существует).

Дорос — правая рука Фервуса, его лучший друг и соратник. Дорос — бог света (забавно, что при жизни он терпеть не мог учиться и любил дожди. Видимо, Фервус решил так подшутить над товарищем. Шутки тот не оценил...). Дороса любят императоры и короли, поэтому у дворцовых ворот можно встретить парочку статуй этого угрюмого отщепенца. Дорос последним принял предложение Фервуса возвыситься, что намекает на его нерешительность и смутное понимание, в какую историю его втянули.

Агрелла — яростная воительница, на чьих руках крови больше, чем у всей Ферксии и Ликеи вместе взятых. Как можно предположить, сама она родом из Ликеи (не забывайте: самой страны еще не было в то время), где была предводителем одного известного племени (потомки которого построят Коринфус, а еще и предстоит основать царскую династию). В сказаниях писали, будто без лишних слов встала на сторону Фервуса не только во время вознесения, но и во время Войны за небеса. Агреллу почитают во всех воинских культах, а ее пятидесятифутовая статуя возвышается над стадионом в Коринфусе. Когда начинается война, молитва Деве Битвы первой срывается с губ полководцев.

Если Дорос был нелюдимым и отстраненным, то Агрелла, наоборот, всегда впереди. Горячий нрав часто втраивал ее в неприятности и приносил еще больше страданий. Нескончаемые войны — ее рук дело. После окончания кровавой бойни с неба слышится хохот (разумеется, это глупые рассказы. Делать ей нечего, как наблюдать за очередным никому не нужным сражением).

Гелия — в летописях упоминалось о ее доброте и любви ко всему живому. Но один хороший друг поведал мне историю о юной девушке, убивающей мужчин. В Старую эпоху куртизанки (назвать их иначе язык не поворачивается) тоже существовали. Их услугами охотно пользовались, особенно во время войн. Одна из таких познакомила Гелию с Агреллой. Дева Битвы как раз наткнулась на будущую богиню за очень деликатным занятием — уродованием тела портового раба (я склонен считать это вымыслом, но то, что у воплощения добра в шкафу скелетов хватит на всех, можно быть уверенным).

Лунорд — бог, которому все равно (если дело не касается новых знаний). Лунорд был и остается затворником, судьба которого (как он думает) собрать все знания мироздания. В стремлении собрать хоть крупицу неизвестного упрямый бог не остановится ни перед чем. При жизни Лунорд был главным библиотекарем в столице Первой Империи (первой она не являлась. Это так — к слову). Преисполнившись в своей величии, он пытался до смерти людей, чтобы добраться до сокровенных реликвий, крад редкие книги, манипулировал императором. Его мечта — попасть в хранилище Создателя.

Крипта — талантливый лекарь, написавший сотни трудов, что и по сей день используют в медицине. Она спасала жизни и радовалась работе, пока не решила травить и мучить больных (конечно, Крипта оправдывала это спасением тысяч, но никто не вправе использовать других людей, иначе, чем мы лучше зверья?). С помощью новых лекарств, микстур и отваров Крипта продлевала себе жизнь, отсрочивая старость и смерть (почему-то думается, бедняга Гарольд пошел тем же путем). Страшное сочетание ума и безумия в конечном итоге позволили ей воскрешать мертвых. Такой прорыв в науке и некромантии привлек внимание тогда еще юного Фервуса.

Эгон — изгой и белая ворона в обществе таких чудовищ...хотел бы я сказать. О нем ничего не известно, кроме его принадлежности к шаманскому культу, который основал Фервус, чтобы обмануть человечество (не обманывайтесь, друзья мои. Добрым он отнюдь не был, если Фервус принял его в семью).

Персонажи

Семья фон Лимбургов:

Кларенс фон Лимбург — глава знатной семьи. Уважаемый герцог Эрденвеста, великий военачальник и бывший Черный Крест. Суровый, но честный человек. Тайно пишет картины и занимается благотворительностью.

Матильда фон Лимбург — верная супруга Кларенса, помогавшая ему занять место отца. С виду глуповатая женщина, прошлое которой окутано тайной.

Отис фон Лимбург — старший сын Кларенса. Истинный сын Ферксии: жестокий, беспринципный, жадный до власти. Командир Черных Крестов. Унаследовал от родителей все самое худшее.

Конрад фон Лимбург — младший сын семьи. Миротворитель, самоотверженный и жизнерадостный молодой человек, которого съело проклятие. Сломленный потерей любимой и шантажом императора, поддался искушению неизвестной сущности.

Гретта фон Лимбург — младшая сестра Конрада и Отиса. Умна и дальновидна. Она давно заметила, что родители не те люди, за которых себя выдают. Любовь к Конраду не дает ей уйти из дома.

Реймонд фон Лимбург — младший брат Кларенса. Первый генерал империи и военный советник Оттона.

Эрик Великан — капитан фон Лимбургов. Он отвечает за безопасность семьи и командует большим гарнизоном отборной ферксийской армии. Воителя изгнали из родной страны и он присоединился к Кларенсу. Не известно, как произошло знакомство, но Эрик обязан жизнью герцогу. В молодость свою слыл бессердечным убийцей, однако был усмирен своей будущей женой.

Бригитта — жена Эрика и бесстрашная воительница севера. Возможно, погибла при разорении Глирча.

Тильда — дочь Эрика и Бригитты. Член совета Ферксийской Научной Академии и будущий советник императора. Возможно, погибла при разорении Глирча.

Герои Фоуста:

Неас/Никс Вентрис — сын Арипа и Хельги. Целеустремленный и вспыльчивый юноша, мечтающий стать следопытом. По глупости стал вместилищем для злобного божества.

Вэл — легендарный воин, бившийся плечом к плечу с Леосом, перешедший грекалийские степи, переплывший Западный океан, единственный иллариец, выигравший гонки в Ликее. Был известен даже среди нелюдей и фэй. Кем он приходится семейству Вентрисов — неизвестно. Он погиб, защищая родной город. Вроде...

Арип Вентрис — чародей небывалой мощи. Поговаривают, он застал время рассвета империи и стоял на истоках ее основания. Кто он и откуда — история умалчивает, но он наставлял многих ферксийских владык и большую часть жизни считал, что мир принадлежит только людям. После того, как он осознал ошибочность своих мыслей, осел вместе с женой и сыном в небольшом городке на юге Иллари и по велению богов стал хранителем древней тюрьмы.

Хельга Брейнер — первая женщина-полководец Ферксии. Не проиграла ни одного сражения, при этом она оставалась сочувствующим и милосердным человеком, который считал войну последним делом. Погибла от рук жителей Фоуста.

Лисандра — молодая по меркам фэй чародейка. Появилась на свет незадолго до падения Леадора. Видела гибель родителей и поклялась возродить потерянный край. Однако в ее жизни появился Неас, а затем и Лиам — сын, которого она оставила, чтобы уберечь от опасности.

Ферксийская Империя:

Император Оттон — первый император за долгие столетия, который сумел сплотить разрозненные земли севера. Убедил всех в превосходстве человека над миром. Начал очистительный крестовый поход, чтобы найти оружие, способное уничтожить даже богов.

Адельмар — капитан Стражей Креста, погибший по время резни Глирча.

Маркус — первый разведчик Стражей Креста и друг Адельмара. Принял на себя временное командование Стражами и участвовал в мятеже против Оттона. При загадочных обстоятельствах стал жрецом церкви и повредился рассудком.

Гидеон Блэйк — молодой капитан Стражей Креста. Не отличается ярким фанатизмом и чрезмерной преданностью трону. Здравомыслящий и храбрый капитан, осмелевший бросить вызов императору. Умелый механик, придумавший несколько новых видов оружия: скрытые клинки, скорострельные пистолы и многое другое.

Кридл — загадочный наемник, умеющий общаться с животными и птицами. Обладает силой, которую

всячески скрывает. Воспитан ферксийским генералом и ненавидит фэй и нелюдей.

Жители Жемчужины:

Мердок — гном-профессор Академии волшебства и член многих Лиг. Изобретал для человеческих стран оружие и штурмовые машины. Один из самых почетных гномов, наставлявших самых разных людей, в том числе Конрада фон Лимбурга.

Посредник — теневой правитель Жемчужины, который знает все обо всех.

Укаре — верный телохранитель и друг Посредника.

Рата — второй телохранитель. Убит Конрадом в Изумрудном лесу.

Гванхва — контрабандист и убийца из Захарии. Считал себя хозяином города, но жестоко поплатился за свою самоуверенность.

Гарольд — помощник Посредника. Серийный убийца, врач, писатель и шпион. Избавляется от ненужных людей по приказу господина.

Ликея:

Леос — один из двух повелителей Ликеи. Чересчур жесткий и резкий со всеми, кроме сестры. Доблестно погиб, защищая страну от империи.

Елена — сестра Леоса, прекрасный переговорщик и царица. Благодаря ее стараниям Ликея сумела заключить несколько выгодных мирных договоров. Она не столь вспыльчива, как Леос, но сражается едва ли не лучше него. За добродушной маской красноречивой смуглой красавицы скрывается решительная фурия, стремящейся быть на острие атаки.

Поллукс — старший сын Леоса. Безрассудство и отвага — его клич, напористость и стремление быть первым во всем — его проклятие. Он впитал в себя все, чему учил отец, но слепая любовь к родителю часто играет с ним злую шутку. Он стал первым царем, вступивший в битву с врагом бок о бок с грекалийцами. Его воины называют его полубогом, а верить ли в эти сказки — решайте сами.

Кастор — если Поллукс — это кулак Ликеи, то Кастор — разум. Благодаря его умению придумывать хитроумные тактические маневры, Поллукс смог победить во многих битвах. Кастор более сдержанный и уравновешенный — черты, который он перенял от тети. Он всегда на стороже, однако если семье грозит опасность, душевное равновесие теряется.

Агопайос — сын Кастора, которому пророчат великое будущее благодаря обучению у Поллукса и своего отца. Идеалист и приверженец жестких принципов и морали.

Гарпал — маг-оракул из подземного убежища ликейского сопротивления.

Лесное Королевство:

Галактион — древний эльф и советник всех королей Ледроса. Когда он был молодым, участвовал в войнах против Ферксии, видел гибель Захарийской Империи и Леадора. После гибели Рианоса принял на себя командование эльфийским воинством.

Орис — первый верховный король Ледроса. Один из сыновей Захарийского императора, который принес себя в жертву, чтобы спасти внуков.

Ариса — внучка Ориса и архимаг Ледроса. Была лучшей подругой Лисандры и ее наставницей. В результате предательства оказалась проклята и превращена в ламию.

Рианос — правитель Ледроса, схлестнувшийся с развращенной сестрой в попытке остановить ее. Превосходный мечник и уверенный командир с добрым сердцем.

Остальные герои:

Видящая — колдунья, втершаяся в доверие к Оттону. Неизвестно точно, чего она желает и какой мощью обладает, однако даже ведьмы склоняют перед ней голову.

Септика — одна из трех сестер распада. Предводительница гниющего войска. Раньше о ее красоте слагали легенды, а теперь снится людям и нелюдам в кошмарах.

Линор — одна из трех сестер распада. Имеет крепкую связь с природой и может в любую секунду обрушить всю ее ярость на голову врагу. В тайных убежищах она создает монстров, которые верой и правдой служат создательнице.

Жезель/Джезбел — менестрель и вместе с этим хитрая дьяволица, которая любит стравливать противников друг с другом.

Лоуренс — глава гильдии «Вендель и сыновья». Никто не знает прошлого загадочного главы, откуда у него

столько влияния и как он подчинят королей своей воле. Может статься, ответы на эти вопросы могут стоить жизни любознательному путнику.

Зак — очень давно занимал место Посредника, но был выкинут из города и теперь торгует сведениями из глухой деревни на окраине Иллари.

Кейла — девушка с Пламенных островов, обладающая невероятной силой. Она ломает кости врагам так же легко, как камень. Немногословный соратник Никса. Неизвестно, что ей движет, однако, вероятнее всего, с отрядом Кайлу связывает некое обещание следопыту.

Орн — противоположность Кайлы. Частно болтает без умолку, ввязывается в неприятности, имеет склонность все взрывать. Тем не менее дворф рискнет жизнью, чтобы спасти товарища. Самоотверженный и добрый бородач считает Никса своим другом, хотя знает его не больше недели. О его прошлом известно мало, кроме наличия у него большой семьи о которой он любит вспоминать.

Первый Призрак (Олл) — глава северного братства. Хитроумный и властолюбивый старик считает себя повелителем всей Гильдии, так как не воспринимает слухи о настоящем Мастере Гильдии всерьез. Да и что говорить — почти никто не верит в существование такой мифической особы! Сдается мне, мы еще услышим о предводителе убийц, когда он придет по душу Олла.

Алеканон — военачальник Леадора, брат короля Алекастиса. Он был настолько силен и могуч, что его побаивались на всем континенте. И если бы не маленькая армия Леадора, то Алеканон бы никогда не проиграл. В Захарии Милим возвела святилище в честь великого фэй.

— Из отрывков книги Йона Странника «Краткая генеалогия знатных родов и выдающихся личностей».